

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Два курса в мировой политике

Великая Победа советского народа и
национально-освободительное движение

Сотрудничество СССР и МНР
в годы второй мировой войны

КНДР: годы борьбы и созидания

К итогам III сессии ВСНП

Критика буржуазной синологии

3

1985

СО Д Е Р Ж А Н И Е

3 Два курса в мировой политике

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

14 Великая Победа советского народа и национально-освободительное движение
И. И. КОВАЛЕНКО

37 Сотрудничество СССР и МНР в годы второй мировой войны
Ч. ПУРЭВДОРЖ

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

47 КНДР: годы борьбы и созидания
*В. И. АНДРЕЕВ,
В. И. ОСИПОВ*

60 Япония: за ширмой «экономической помощи»
О. В. ВАСИЛЬЕВ

Экономическая реформа в КНР

71 Реформа в капитальном строительстве
Л. В. НОВОСЕЛОВА

82 Новые тенденции в развитии внутренней торговли
Б. К. ЧИЖОВ

КОММЕНТАРИИ

87 К итогам III сессии ВСНП шестого созыва
Г. А. АЛЕКСЕЕВ

ИДЕОЛОГИЯ

95 Критика буржуазной синологии
Что скрывают рассуждения о «конце изоляционизма» Китая?
Ю. М. РЯКИН

ИСТОРИЯ

100 Китайские ученые о проблемах истории КПК после образования КНР
*А. С. ИПАТОВА,
Ю. М. ОВЧИННИКОВ,
В. И. УСОВ,
К. В. ШЕВЕЛЕВ*

110 Военная школа Хуанпу и китайская революция
А. Г. ЮРКЕВИЧ

Развитие общественной мысли Китая

- 119 Становление общественно-политической платформы журнала «Синь цинянь»
М. А. АСЛАНОВА

Из истории отечественного востоковедения

- 129 Труды и дни Николая Спафария
В. С. МЯСНИКОВ,
В. Н. ТАРАСОВ

ПУБЛИЦИСТИКА

- 140 Токійские диалоги
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

КУЛЬТУРА

- 153 Вдохновляющий пример великого подвига
Е. А. СЕРЕБРЯКОВ
- 166 Проблемы национально-языкового строительства в КНР (1980—1984)
А. А. МОСКАЛЕВ
- 177 Ся Янь и китайское киноискусство
С. А. ТОРОПЦЕВ

ПУБЛИКАЦИИ. СООБЩЕНИЯ. ОБЗОРЫ

- 183 О моей жизни
АИ ЦИН
- 185 Сока гаккай: от религиозных акций к активной международной деятельности
А. Ю. СТОЛЕТОВ

По страницам печати КНР

- 189 Интересное исследование китайского ученого
С. А. ЖДАНОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 192 Важный фактор победы китайской революции
В. В. СЕМЕНОВ
- 196 Преобразования в хозяйственном механизме КНР
В. Я. ПОРТЯКОВ
- 199 Разоблачение мифа о «советской угрозе» Японии
И. В. РОМАНЕНКО
- 202 В плену противоречий
Д. Ю. БАНДУРА

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор), В. А. АР-ХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВЦОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), А. И. СЕНАТОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1985

Два курса в мировой политике

Советский Союз на протяжении всей истории нашего государства неизменно и последовательно проводит в жизнь курс мира и мирного сосуществования. Это определяется нашим общественным строем, нашей моралью и мировоззрением. Свое превосходство, указывал В. И. Ленин, социализм докажет не военной силой, а силой примера. Советское государство, писал он, «желает жить в мире со всеми народами и направлять все свои силы на внутреннее строительство». Неуклонно и постоянно следуя указаниям своего великого создателя, КПСС, Советское государство всегда стремились к тому, чтобы, как указывалось в ленинском Декрете о мире, добиться «освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий». Наша страна неустанно и настойчиво обращалась и обращается к правительствам и народам с предложениями сохранять и упрочивать мир, стараясь вовлечь в эту благородную борьбу все нации, все слои населения во всех странах, на всех континентах.

Высшей целью внешней политики Страны Советов всегда было и остается обеспечение мира, создание благоприятных международных условий для коммунистического строительства в нашей стране, всемерное содействие делу социального и национального освобождения, прогрессу всего человечества. Советский Союз будет делать все от него зависящее, чтобы обеспечить нынешнему и грядущему поколениям спокойное мирное будущее.

* * *

В крайне обострившейся и усложнившейся не по его вине международной обстановке СССР совместно с другими социалистическими странами продолжает нелегкую, но жизненно важную для судеб планеты борьбу, направленную на ее оздоровление, за продвижение вперед на решающих участках конструктивной дипломатии. Такова демонстрируемая на практике преемственность генерального курса миролюбивой внешней политики КПСС, Советского государства, сохраняемого, несмотря на повороты и зигзаги в политике тех или иных капиталистических стран, в первую очередь США.

История нашей страны наглядно показала глубокую жизненную силу принципов внешней политики социализма, раскрыла ее важнейшие характерные черты и особенности. Эта политика строится на незыблемых принципах марксизма-ленинизма, что дает возможность правильно, в соответствии с действительными потребностями жизни, вскрывать глубинные тенденции развития международных отношений, выявлять их важнейшие закономерности и согласно этому разрабатывать практический внешнеполитический курс. В нем — верность классовым задачам социализма, органическое сочетание с политическим реализмом, гибкость; он нацелен на твердый и решительный отпор любым проявлениям агрессивной политики империализма, на умение искать и находить реше-

ние назревших международных проблем на взаимоприемлемой основе. Обобщая опыт своей внешнеполитической деятельности, наша партия на каждом историческом этапе выдвигает научно обоснованную программу внешней политики, определяет пути и методы практического претворения ее в жизнь. Состоявшийся в апреле 1985 г. Пленум ЦК КПСС подтвердил преемственность стратегического курса, разработанного XXVI съездом партии и последующими Пленумами ЦК. При этом было подчеркнuto ленинское понимание преемственности, которое означает непрерывное движение вперед, выявление и разрешение новых проблем, устранение всего, что мешает развитию. Именно на это будет нацелена деятельность партии в период подготовки предстоящего XXVII съезда КПСС, который, несомненно, станет этапной вехой в развитии страны.

Апрельский (1985) Пленум ЦК КПСС убедительно подтвердил, что у нашей партии и Советского государства только созидательные планы. Все наши помыслы обращены на то, чтобы сделать жизнь нынешнего и грядущих поколений советских людей еще полнокровнее, более обеспеченной материально и богатой духовно. Для осуществления этих грандиозных планов нужен мир, нужна стабильность в международных отношениях.

Сорок лет прошло после Великой Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом. Но раны, оставленные самой страшной в истории человечества войной, до сих пор еще не зарубцевались. Самый разрушительный, кровавый след война оставила на советской земле. Большие жертвы принесли на алтарь Победы и народы других социалистических стран, всех государств антигитлеровской коалиции. Об этом надо помнить постоянно, чтобы не допустить повторения чего-либо подобного, тем более, что в век космоса, в ракетно-ядерный век это неминуемо означало бы всеобщую ядерную катастрофу. Предотвратить ее, отвести от людей столь чудовищную угрозу — вот в чем наша партия, Советское правительство видит главный смысл своей внешнеполитической деятельности. Советский Союз не преуменьшает и не преувеличивает серьезность факторов, вызывающих международную напряженность, мешающих прогрессу в направлении разоружения — центральной проблемы с точки зрения устранения опасности военной катастрофы, концентрации усилий для решения становящихся все более неотложными глобальных проблем как части общей кардинальной задачи обращения средств, ресурсов на цели мирного развития человечества.

Сейчас перед народами мира стоит задача разоружения в условиях, когда маховики военно-промышленных комплексов ведущих капиталистических стран раскручиваются как никогда прежде. Можно ли говорить о реальности в постановке такой задачи на современном этапе мирового развития при всей сложности современной международной обстановки. Нашей стране на протяжении всех лет ее существования не приходилось действовать на международной арене в обстановке, когда бы на пути ее мирных инициатив, деловых конструктивных предложений, продиктованных заботой о развитии линии мирного сосуществования государств с различным общественным строем, не стояли преграды, трудности. И в период международной разрядки, то есть в первой половине 70-х годов, дело не обходилось без возникновения кризисных ситуаций, без использования силы оружия империалистическими кругами. Достаточно вспомнить вооруженную интервенцию США в Индокитае. И тогда не прекращалась гонка вооружений, стимулируемая по экономическим и политическим мотивам государствами, задающими тон в НАТО. С этим приходилось считаться СССР и его союзникам, поддерживая необходимый уровень обороны ввиду отсутствия договоренностей. Тем не менее в результате настойчивых усилий социалистических стран в 70-х годах удалось сделать многое для уменьшения угрозы возникновения ядерного

конфликта, сдерживания гонки самых опасных видов вооружений. Подписанное в июне 1979 г. в Вене Советским Союзом и Соединенными Штатами соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений ОСВ-2 впервые создало прямые предпосылки для дальнейших шагов в направлении реального разоружения. Вот почему оно вызвало ожесточенное сопротивление реакционных кругов американской буржуазии, не желавших и слышать о договоренностях с СССР, особенно по вопросам разоружения. Они сумели воздействовать на значительные слои населения в США и добиться прихода к власти крайне милитаристски настроенной группировки. Что означают для проводимой СССР и другими социалистическими странами конструктивной линии в международных делах резкое закручивание спирали вооружений, провозглашение антикоммунистических «крестовых походов», использование силы на Ближнем Востоке, в Центральной Америке и другие агрессивные акции нынешней администрации США? Все это вынуждает нас уделять самое серьезное внимание укреплению обороны страны.

Братские социалистические государства хотят, чтобы их соревнование со странами капитализма велось не в области создания все новых и новых систем смертоносного оружия, а в области экономики, науки и техники, чтобы оно было направлено на достижение мирных целей. И сейчас, приступив к составлению проектов хозяйственного и социального развития на очередное пятилетие, они исходят из указаний состоявшегося в июне 1984 г. Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне. Оно наметило курс на дальнейшее расширение масштабов и повышение эффективности сотрудничества в развитии народного хозяйства, поставив во главу угла совместную работу по ускорению научно-технического прогресса. При этом особое значение придается разработке комплексной программы научно-технического прогресса до 2000 г.

В то время как разрабатываются крупномасштабные многосторонние соглашения по кооперации производства и совместному освоению природных ресурсов, уже согласованы первые двусторонние программы экономического и научно-технического сотрудничества социалистических стран на период до конца нынешнего века.

Следуя этим путем, страны социалистического содружества вновь и вновь демонстрируют приверженность идеям мирного сосуществования и сотрудничества с государствами другой социальной системы. Они выступают за проведение такой политики, при которой каждая из систем будет доказывать силой примера, а не силой оружия, какая из них лучше.

К сожалению, соревнованию в мирных областях мешает навязанная империализмом, прежде всего американским, народам мира политика блоков и ее прямое следствие — гонка вооружений. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на совещании по вопросам ускорения научно-технического прогресса в Москве 11 июня с. г. было подчеркнуто, что необходимость ускорения социально-экономического развития определяется не только нашими внутренними потребностями, но и внешними обстоятельствами. «Советский Союз, — сказал он, — будет и впредь прилагать максимум усилий, чтобы остановить гонку вооружений, но перед лицом агрессивной политики и угроз империализма нам нельзя допустить военного превосходства над собой. Такова воля советского народа».

Учитывая отказ западных держав пойти на одновременный роспуск противостоящих друг другу военно-политических группировок, социалистические государства были вынуждены продлить Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Варшавский Договор), заключенный в 1955 г. Протокол о продлении Договора на двадцать лет с последующей его пролонгацией еще на десять лет был подписан на встрече ру-

ководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии в апреле с. г. и вступил в силу после того, как все эти страны сдали польскому правительству соответствующие ратификационные документы.

Вынужденное решение социалистических государств Европы не изменило их общую принципиальную позицию в вопросах войны и мира. В распространенном в начале июня в качестве официального документа Генеральной Ассамблеи ООН совместном заявлении социалистические страны вновь подчеркнули, что сегодня наиболее актуальной задачей является осуществление реальных мер по обузданию гонки вооружений, высказались за всемерное развитие взаимовыгодного сотрудничества между всеми странами, независимо от их экономических и социальных систем.

Прошедшие три десятилетия со времени образования Организации Варшавского Договора (ОВД) с исключительной силой продемонстрировали плодотворность коллективных согласованных действий социалистических стран на международной арене. Так, целеустремленные совместные усилия социалистических стран — участниц ОВД сыграли важную роль в подготовке и успешном проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принявшего 1 августа 1975 г. в Хельсинки заключительный акт, зафиксировавший кодекс принципов, которыми должны руководствоваться государства — участники совещания во взаимных отношениях. Эффективность совместных внешнеполитических выступлений стран — участниц ОВД проявилась и в успешном завершении мадридской встречи.

И действительно: сколько мирных предложений — и радикальных, и частичного характера — выдвинули за этот период страны Варшавского Договора, выдвинули и продолжают выдвигать! Инициативы эти неизменно направлены на разрядку и ограничение гонки вооружений, на развитие общеевропейского сотрудничества.

Именно Организация Варшавского Договора еще в середине 50-х годов выступила с предложением о создании в Европе системы коллективной безопасности, которая заменила бы военные блоки. Именно она в 60-х годах провела борьбу за созыв Общеевропейского совещания. По инициативе стран Варшавского Договора в 70-х годах были заключены важные двусторонние и многосторонние соглашения, направленные на углубление разрядки и развитие широкого взаимовыгодного сотрудничества государств двух систем, в их числе хельсинкский Заключительный акт. В 80-х годах вновь же ОВД предложила странам НАТО заключить Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира. ОВД выдвинула, кроме того, предложение провести с НАТО переговоры об освобождении Европы от химического оружия, а также о неувеличении военных расходов и их сокращении.

А сколько других конструктивных идей и проектов, нацеленных на укрепление международной и региональной безопасности, предложили страны социализма — и в ООН, и на Женевской Конференции по разоружению, и на венских переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, и на Стокгольмской Конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе, да и на десятках других международных форумах!

Стержневым направлением конструктивной внешнеполитической деятельности стран Варшавского Договора является решительная борьба за прекращение гонки вооружений, за разоружение. «Государства — участницы Варшавского Договора, — отмечалось в Коммюнике заседания Комитета министров иностранных дел этих стран, состоявшегося 3—4 декабря 1984 г. в Берлине, — считают, что фундаментальным вопросом нашего времени является прекращение гонки вооружений и переход к разоружению, в первую очередь ядерному».

Энергичные и последовательные усилия Организации Варшавского Договора привели к тому, что в повестке дня международной жизни проблемы разоружения выдвинулись на одно из первых мест. Именно социалистическим государствам принадлежит ведущая роль в выдвижении и разработке инициатив, которые, несмотря на упорное сопротивление милитаристских и реакционных сил Запада, привели к заключению ряда важных договоров и соглашений, притормозивших в известной мере гонку вооружений на некоторых ее направлениях. Эти договоренности ярко продемонстрировали практическую возможность согласованных и целенаправленных действий государств с различным общественным строем в области разоружения.

Милитаристский же курс США, нацеленный на достижение военного превосходства над социализмом, привел к тому, что к началу 80-х годов на отдельных направлениях переговоры были сорваны, на других — почти замерли. Мало того, Пентагон начал подрывную работу против действующих соглашений, используя для этого самые неблагоприятные предлоги.

В который уже раз правящие круги США в погоне за химерой военного превосходства развернули беспрецедентную гонку вооружений. Она приобрела поистине тотальный характер, ибо военные разработки стали практически вестись по всем возможным направлениям, которые открываются благодаря высоким темпам научно-технического прогресса.

Естественно, это имело самые негативные политические последствия для развития международных отношений. Долгое время считалось, что наращивание вооружений являлось скорее следствием, чем причиной напряженности в мире. Современный же масштаб военных приготовлений таков, что они уже сами по себе становятся генератором напряженности, способствуя распространению гонки вооружений на все новые сферы и вовлекая в ее орбиту все новые государства.

Борьба за прекращение наращивания вооружений и их сокращение, за разоружение, которую ведут социалистические страны, по существу, вступает ныне в новый этап. Она развертывается в исключительно острой и сложной международной обстановке, при возросшем уровне напряженности, когда милитаризм делает попытки подорвать разрядку, отбросить человечество к временам «холодной войны», саботирует каждый шаг к нормализации и стабилизации сложившегося положения.

В этих условиях страны Варшавского Договора выдвинули реалистическую программу конструктивных действий по обузданию гонки вооружений и переходу к разоружению. Эта программа включает в себя такие важнейшие предложения, как достижение договоренности между мощными в военном отношении государствами о прекращении наращивания их вооруженных сил и вооружений, замораживание ядерных вооружений в количественном и качественном отношении, заключение Договора о полном и всеобщем прекращении испытаний ядерного оружия, недопущение милитаризации космического пространства, запрещение химического, нейтронного, радиологического оружия и т. п.

Выдвигая эту программу, страны Варшавского Договора исходят из того, что нет в настоящее время задачи более важной для народов, чем сохранение мира, прекращение гонки вооружений. Решить ее — долг всех правительств, всех государственных деятелей, определяющих политику своих стран.

В упорной политической и дипломатической борьбе, при возрастающей поддержке антивоенных движений, благодаря настойчивой, последовательной и конструктивной линии стран социалистического содружества в последнее время удалось активизировать диалог по целому ряду проблем разоружения. Начались советско-американские переговоры в Женеве по ядерным и космическим вооружениям. Впервые в истории переговоров по разоружению на повестку дня вынесен целый

комплекс важнейших проблем: запрещение милитаризации космоса, ограничение и сокращение ядерных вооружений — стратегических и средней дальности. Все эти проблемы рассматриваются не по отдельности, а во взаимосвязи. Важность женевского диалога невозможно переоценить: при благоприятном развитии, обоюдном проявлении реализма и доброй воли он может дать человечеству исторический шанс избавиться от ядерного оружия, не говоря уже о благотворном воздействии на всю обстановку в мире.

Советский Союз подходит к женевским переговорам со всей той высшей мерой ответственности, какой они по праву заслуживают. С советской стороны на самом авторитетном уровне было подчеркнуто твердое намерение вести их конструктивно, в духе доброй воли с целью достижения честной договоренности. «Подход СССР к этим переговорам, — подчеркивал М. С. Горбачев, — хорошо известен. Могу лишь еще раз подтвердить: мы не стремимся к достижению односторонних преимуществ перед Соединенными Штатами, перед странами НАТО, к военному превосходству над ними; мы хотим прекращения, а не продолжения гонки вооружений — и поэтому предлагаем заморозить ядерные арсеналы, прекратить дальнейшее развертывание ракет; мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле».

К сожалению, начальный этап переговоров проходит под аккомпанемент милитаристского психоза в США. Представители американской администрации самого высокого ранга заявляют о том, что осуществление гигантских программ наращивания вооружений будет продолжаться, иначе, мол, как говорил президент Р. Рейган, «мы выьем ножки у стола переговоров». В Вашингтоне не хотят и слышать о том, чтобы отказаться от планов милитаризации космоса, рассчитанных на обретение военного превосходства над социалистическими странами. Это самые опасные планы, в какой бы «оборонительной» оболочке они ни преподносились. Их реализация открыла бы шлюзы для дальнейшей гонки вооружений по всем ее направлениям, подорвала бы международную безопасность, опрокинула бы важнейшие соглашения, ограничивающие гонку вооружений.

Американские лидеры любят приводить слова, сказанные президентом Трумэнном в 1946 г.: «Мир придется всегда строить на силе. Справедливости, доброй воли и добрых дел недостаточно». Следуя подобным рецептам, правящие круги США, как видно, решили совсем выбросить из своего политического арсенала добрую волю и добрые дела, уповав исключительно на грубую силу. С этой целью они опутали мир, объявив, по существу, все его районы «сферой жизненных интересов США», густой сетью военных баз и опорных пунктов. Их насчитывается свыше двух тысяч. Все американские базы нацелены на страны социализма, а также на те государства, где установились режимы, политика которых по тем или иным причинам не устраивает США.

Вашингтон запускает в производство все более изощренные виды оружия массового уничтожения, полным ходом реализует новые и новые милитаристские программы. США и НАТО упорно отказываются последовать примеру СССР и взять обязательство не применять первым ядерное оружие. Это, безусловно, вызов всем народам, а не только странам Варшавского Договора, ибо действия Вашингтона и его союзников ведут к стремительному усилению угрозы глобального конфликта.

Самое циничное проявление такой политики — американские планы милитаризации космоса в расчете взять оттуда под прицел весь земной шар и диктовать свою волю. Допуская возможность ведения «ограниченной» ядерной войны в Европе и практически подготавливаясь к этому, Соединенные Штаты стремятся, однако, защитить себя от неизбеж-

ного ответного ядерного удара. С этой целью они собираются создать в космосе систему противоспутниковой и противоракетной обороны. Пентагон продолжает также наращивать свой ракетно-стратегический потенциал в виде ракет «МХ», атомных подводных лодок с ракетами «Трайдент-2», бомбардировщиков «В-1», производит нейтронное и химическое оружие. Все это лишний раз доказывает, что империализм США готов нанести по СССР первый ядерный удар во имя реализации планов установления своего мирового господства, пожертвовать народами Европы в надежде, что США сумеют укрыться за щитом противоспутниковой и противоракетной обороны. Не случайно планы подготовки к «звездной войне» вызвали серьезные опасения даже среди самых близких союзников Вашингтона по НАТО.

Таким образом, с точки зрения наиболее реакционных кругов США, политика создания очагов напряженности, начиная с Европы и кончая Центральной Америкой и Дальним Востоком, игра «военными мускулами» более всего отвечают «жизненным интересам» американского империализма. Правда, некоторые западные политики начинают задумываться о том, куда их может завести слепое подчинение опасным планам заокеанского «лидера». Сомнения отдельных членов блока усилились после провозглашения президентом США Р. Рейганом безрассудной идеи «звездных войн». Правительство Греции, Дании, Франции и Норвегии прямо отказались от участия в американских проектах, а правительство Италии и ряда других стран высказали оговорки относительно их целесообразности.

И все же в коммюнике, одобренном на состоявшейся в Эшториле, под Лиссабоном, 6—7 июня 1985 г. сессии совета НАТО на уровне министров иностранных дел, была вставлена фраза о «поддержке усилий США во всех трех областях переговоров» в Женеве. Как отмечает в этой связи газета «Вашингтон пост», тем самым участники сессии дали государственному секретарю США Дж. Шульцу возможность заявить, что они поддерживают все аспекты американской позиции в Женеве, в том числе и по вопросу о программе «звездных войн».

Действия западных держав ставят вопрос о том, можно ли вообще доверять им как серьезным партнерам на международных переговорах. В совместном заявлении, принятом А. А. Громыко и Дж. Шульцем 8 января с. г., было четко определено, что целью женевских переговоров должно стать предотвращение гонки вооружений в космосе и прекращение ее на Земле. Первый раунд переговоров оказался безрезультатным, так как американская сторона ведет себя таким образом, как если бы никакой договоренности о предмете и целях переговоров 8 января достигнуто не было, уклоняется от обсуждения вопроса о немилитаризации космоса.

Видимо, не случайно топтание на месте наблюдается и на проходящих в Вене переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Переговоры эти вступили уже в свой 36-й раунд, однако цель, ради которой они были начаты в 1973 г., столь же далека от осуществления, как и 12 лет назад. На столе участников дискуссии находятся предложения, внесенные делегацией СССР от имени всех социалистических стран. Они направлены на достижение хотя бы первого осязаемого результата и принимают во внимание многие элементы позиции стран НАТО. Государственный департамент США официально приветствовал внесение этих предложений, бывший глава делегации США в Вене Дж. Дин признал, что «сейчас настало время, когда ответный ход должен сделать Запад». Но дальше слов дело не пошло.

Словом, как сказал товарищ М. С. Горбачев, обстановка остается сложной, даже опасной, но мы верим, что есть вполне реальные возможности обуздать силы милитаризма. Мир без войн и оружия может

быть построен уже в наше время, ради него нужно действовать активно, бороться сейчас, сегодня!

* * *

В современной глобальной стратегии Вашингтона важное место отводится Азиатскому региону. США хотят создать военную угрозу социалистическим странам и, прежде всего, СССР и с азиатского направления. И как неотъемлемая часть этих замыслов ставится цель вбить клин в отношения СССР с азиатскими государствами, и прежде всего с влиятельной державой Азии, к голосу которой прислушиваются на всех континентах, — Индией. Военно-стратегическое «освоение» Азиатского региона позволило бы Вашингтону создать новый рубеж для продвижения своих имперских устремлений в зоне Персидского залива, дало бы ему возможность связать зону своих военно-стратегических интересов в районе Тихого океана с опорными пунктами на Среднем и Ближнем Востоке.

Опыт послевоенных десятилетий убедительно свидетельствует о том, что главным образом американское вмешательство мешало быстрому, справедливому и мирному урегулированию возникавших в Азии местных, локальных конфликтов. Народы континента никогда не забудут преступлений, совершенных американской военной силой на Индокитайском полуострове — во Вьетнаме, Кампучии и Лаосе. На Ближнем Востоке американская поддержка израильского агрессора стала одним из основных препятствий к восстановлению мира. Известна злобная роль США в необъявленной войне против Афганистана.

В этих условиях многие видные политические и государственные деятели Азии требуют оградить континент от иностранного вмешательства. В этом же направлении идет и еще одно конкретное предложение Советского Союза, выдвинутое в ходе советско-индийских переговоров.

Суть его проста. Советский Союз предлагает, чтобы каждый постоянный член Совета Безопасности ООН принял обязательство строго соблюдать в отношениях со странами Азии, Африки и Латинской Америки принципы невмешательства, неприменения силы или угрозы силой и не вовлекать их в военные блоки. Советский Союз, со своей стороны, готов взять на себя такое обязательство.

Новые советские инициативы идут в одном направлении. Органично дополняя друг друга, они призваны содействовать миру в самом густонаселенном районе земного шара — в Азии, а также и на других континентах. Их содержание отвечает коренным интересам народов мира.

СССР более 4-х лет тому назад предложил провести со всеми заинтересованными государствами конкретные переговоры по мерам доверия на Дальнем Востоке. Такие меры уже осуществляются на территории европейских государств, включая западные районы СССР, в соответствии с хельсинкскими договоренностями.

Разработка и применение мер доверия на Дальнем Востоке — с учетом его специфики — могли бы серьезно оздоровить политический климат в этом регионе. СССР выразил готовность начать переговоры о мерах доверия и на двусторонней основе, например, между Советским Союзом и Японией. Было бы целесообразным распространить меры доверия на акватории морей и океанов, особенно на те районы, где пролегают наиболее оживленные морские пути. Это в первую очередь относится к Индийскому и Тихому океанам. А ограничение и сокращение военно-морской деятельности в их водах отвечало бы жизненным интересам Японии.

Как известно, Советский Союз уже сделал важный конкретный шаг к укреплению взаимного доверия. Он со всей определенностью заявил, что никогда не применит ядерное оружие против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения этого оружия и не

имеют его на своей территории. Советский Союз готов начать обмен мнениями на сей счет с Японией. Однако эти позитивные факторы стали на пути тех, кто хочет видеть Азиатско-тихоокеанский регион как вторую по важности силу военно-политической конфронтации с СССР, а Японию — как основное звено антисоветского «восточного фронта». США объявили целью военной политики в регионе противоборство с СССР «от Персидского залива до Алеутских островов», намерены «натоизировать» Японию, то есть придать ей такие же военные обязательства, какие несут западноевропейские члены НАТО. Тем самым Вашингтон стремится замкнуть в треугольник двусторонние соглашения с Токио и Сеулом, подключить к планам Пентагона партнеров по блоку АНЗЮС — Австралию и Новую Зеландию и, наконец, проложить путь к созданию «Тихоокеанского сообщества», куда кроме США, Японии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Кореи предусмотрено вовлечь также членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Белый дом прилагает настойчивые усилия, направленные на вовлечение ряда стран Азии в орбиту новой американской термоядерной стратегии. Особое место в этой стратегии Вашингтон отводит Японии, подключая ее к реализации агрессивного курса американского империализма. Вашингтон настойчиво требует от Токио ускорить темпы наращивания экономической помощи американским союзникам в Азии, прежде всего Южной Корее. США рассматривают Южную Корею в качестве своего передового ядерного плацдарма против социалистических государств. Подобные планы в корне противоречат интересам стран Азии и Тихоокеанского региона, стремящихся к укреплению своей независимости и социальному обновлению. Страны этого региона не хотят быть объектом для выколачивания прибылей, для размещения на их территории военных баз и объектов.

СССР, другие социалистические страны выступают инициаторами укрепления безопасности в масштабах всего Азиатского континента. На это нацелены инициативы Корейской Народно-Демократической Республики о мирном объединении Кореи и ликвидации существующей на Корейском полуострове напряженности, Демократической Республики Афганистан — о политическом урегулировании положения вокруг Афганистана, инициативы Вьетнама, Лаоса, Кампучии о создании зоны мира, сотрудничества и стабильности в Юго-Восточной Азии.

Мы убеждены, подчеркнул М. С. Горбачев на встрече с партийно-правительственной делегацией СРВ 8 июня с. г., что Азия может и должна стать континентом мира и добрососедства. Только в условиях подлинного мира и стабильности страны этого региона могут успешно решать стоящие перед ними непростые задачи социально-экономического развития. На это и направлены конкретные предложения Советского Союза, стран Индокитая, других социалистических стран, в том числе предложение о разработке мер доверия на Дальнем Востоке, заключении конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана. В русле этих усилий находятся инициативы Индии, ряда других неприсоединившихся стран.

Укреплению основ мира в Азии и за ее пределами, сказал далее М. С. Горбачев, несомненно, способствовала бы нормализация отношений Советского Союза и Вьетнама с Китайской Народной Республикой. И советское, и вьетнамское правительства уже выступили с конструктивными предложениями на этот счет. Позитивный отклик на них помог бы сломать многие реально существующие препятствия на пути установления добрососедских и взаимовыгодных отношений в регионе.

Последовательно миролюбивая внешняя политика стран социалистического содружества выступает главным фактором, противодействующим агрессивным устремлениям империализма в Азии, играет решающую роль в отстаивании дела свободы и независимости народов. Стра-

ны социализма, как легко убедиться, исходят из принципа коллективной ответственности государств за судьбы международной безопасности, судьбы мира в Азии. Лейтмотивом практически всех предложений, направленных на оздоровление обстановки на Азиатском континенте и омывающих его морях и океанах, выдвинутых Советским Союзом, другими социалистическими странами, рядом миролюбивых азиатских государств, является тезис о том, что упрочение безопасности в Азии должно стать общей целью азиатских народов и государств.

Особую роль в упрочении безопасности в Азии играет миролюбивая внешняя политика Индии, базирующаяся на принципах мирного сосуществования и неприсоединения. Действенным инструментом мира в Азии остается советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве.

Существенную роль в борьбе за оздоровление международного климата играют и другие азиатские государства, выступающие против угрозы ядерной войны, за разоружение. Немало полезных и конструктивных идей выдвигает движение неприсоединения.

Существенное значение для улучшения международного климата оказало бы улучшение добрососедских отношений нашей страны с Китайской Народной Республикой. Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев 26 июня 1985 года на встрече с коллективом Днепропетровского металлургического завода, «...время показало обеим сторонам, что от разобщенности и тем более от недружелюбия, подозрительности не выигрывает ни одна из них, а добрососедское сотрудничество вполне возможно и желательно. Мы со своей стороны намерены активно способствовать тому, чтобы негативная полоса в советско-китайских отношениях, породившая немало искусственных наслоений, была полностью преодолена».

Укрепление безопасности в Азии — дело самих азиатских народов. Они должны сообща претворять эту идею в жизнь, прежде всего оградить континент от иностранного вмешательства. Советский Союз, ратуя за комплексный подход к проблеме безопасности в Азии, за объединение усилий азиатских государств в этом направлении, предложил, чтобы каждый постоянный член Совета Безопасности ООН обязался строго соблюдать в отношениях со странами Азии, Африки и Латинской Америки принципы невмешательства, неприменения силы или угрозы силой, не вовлекая их в военные блоки.

Политика Советского Союза отвечает стремлению народов к миру и сотрудничеству. Мы выступаем за ликвидацию очагов конфликтов, противодействуем империалистической политике, которая ведет к дальнейшей опасной дестабилизации обстановки.

Наша страна готова решительно разорвать затянутые не нами узлы. Например, мы за то, чтобы снизить уровень противостояния по ядерным средствам средней дальности. Мы неоднократно заявляли, что при достижении соответствующего соглашения в Европе ликвидируем то количество ракет средней дальности в европейской части страны, относительно которого будет достигнута договоренность. Говорилось также и о нашем согласии на замораживание численности ракет в азиатской части Советского Союза, конечно, при условии, что американская сторона не будет предпринимать действия, ведущие к изменению стратегической ситуации в регионе. Советский Союз был бы не против обсуждения этой проблемы с государствами Азии и Тихого океана, имеющими аналогичные средства, с целью ограничения и последующего сокращения этих средств, разумеется, на основе взаимности.

Мы выдвинули недавно идею в перспективе провести общеазиатский форум для обмена мнениями и совместных поисков конструктивных решений.

На прекращение опасного соперничества в наращивании ядерных арсеналов направлена новая мирная инициатива СССР — решение пре-

кратить в одностороннем порядке любые ядерные взрывы начиная с августа сего года — дня трагедии Хиросимы. «Наш мораторий, — подчеркнул М. С. Горбачев в ответе на обращение Японского совета организаций жертв атомных бомбардировок, — объявлен до 1 января 1986 г., однако будет действовать и дальше, если США со своей стороны будут воздерживаться от проведения ядерных взрывов». Советский Союз, сказал далее М. С. Горбачев, с пониманием относится к стремлению многих государств создать безъядерные зоны в разных районах земного шара. СССР за создание таких зон, например в Северной Европе, на Балканах, в Юго-Восточной Азии, в Африке. Заслуживают одобрения усилия государств южной части Тихого океана по созданию безъядерной зоны в этом регионе. Вместе с тем, как указывает М. С. Горбачев, — «мы не можем игнорировать усиливающиеся попытки превратить Японию в американскую ядерную базу, увеличить ее военную роль как в системе союза с США, так и в современном мире вообще. Такие попытки чреваты обострением напряженности на Дальнем Востоке и в азиатско-тихоокеанском регионе».

Зарубежные средства массовой информации называют решение о моратории историческим документом. Ведь запрещение испытаний — это не только действенная мера, способная служить одной из преград дальнейшей гонке ядерных вооружений, но и предпосылка для ликвидации уже накопленных ядерных арсеналов. Между тем реакция американской администрации на серию миролюбивых шагов СССР свидетельствует о том, что Вашингтон, выступая на словах за нормализацию международной обстановки, на деле проводит курс на подхлестывание гонки вооружений на земле, стремится перенести ее в космос.

В наше время судьбы мира и прогресса, судьбы человечества неразрывно связаны с реальным социализмом, с его поступательным движением. Он прокладывает путь к социальному и национальному освобождению, к мирному будущему всех народов. Правящие круги США, напяливая сейчас на себя мундир мирового жандарма, поставили во главу угла своей политики военную силу, безответственно бравлируя готовностью ввергнуть человечество в пучину ядерной войны. Они ничего не могут противопоставить ленинской доктрине мира, практическим действиям стран социализма в пользу мира и международного сотрудничества, кроме пропаганды ядерной войны, затасканных и обветшалых мифов антикоммунизма и антисоветизма.

Сама история возложила на СССР и другие социалистические страны благородную миссию — отвести от человечества угрозу термоядерной войны, спасти саму жизнь на нашей планете. И, отдавая все силы для ее выполнения, они неизменно получают поддержку всех миролюбивых государств и народов, всего прогрессивного человечества. Вот почему есть все основания с уверенностью и оптимизмом смотреть в будущее.

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Великая Победа советского народа и национально-освободительное движение

*И. И. КОВАЛЕНКО,
профессор, доктор исторических наук*

После разгрома гитлеровской Германии и фашистской Италии милитаристская Япония оставалась единственным государством оси «Рим — Берлин — Токно», которое продолжало войну против союзных держав, располагая значительными материальными и людскими ресурсами.

К окончанию войны в Европе Япония, по различным источникам, располагала вооруженными силами общей численностью 5—7 млн. человек¹. Япония обладала также значительными мобилизационными возможностями и могла поставить под ружье еще 1,5—2 млн. человек. Способность милитаристской Японии вести длительные оборонительные бои против англо-американских войск на Тихоокеанском фронте не вызывала сомнений. Наиболее крупной группировкой японских войск являлась Квантунская армия, дислоцировавшаяся в Маньчжурии. Ее численность достигала 1 млн. хорошо обученных солдат и офицеров.

Военное командование США считало, что боевые операции на Тихом океане затянутся до 1947 г. Президент США Г. Трумэн в своих мемуарах признавал, что вступление России в войну становилось все более необходимым. Оно означало спасение жизни сотен тысяч американцев². Аналогичные заявления делались генералом Д. Макартуром, адмиралом Ч. Нимецем, непосредственно руководившими операциями американско-английских войск на Тихом океане.

Премьер-министр Японии Судзуки, выступая 9 августа 1945 г. на заседании высшего военного совета, также признал, что «вступление в войну Советского Союза развеяло все надежды на продолжение войны»³.

В связи с этим смехотворно выглядят попытки различного рода фальсификаторов истории принизить огромную роль, которую сыграл Советский Союз и его Вооруженные Силы в разгроме милитаристской Японии и в то же время преувеличить роль Соединенных Штатов. Некоторые из них договариваются до того, что СССР внес лишь «символический» вклад в достижение победы над Японией.

Советский Союз вступил в войну с Японией 9 августа 1945 г., и в первый же день боев Квантунской армии был нанесен сокрушительный удар с суши, воздуха и моря, а 10 августа правительство Японии обратилось к СССР, США, Англии и Китаю с просьбой прекратить военные действия и заявило о готовности принять условия Потсдамской декларации, в которой были сформулированы общие политические принципы, которые следовало применить к побежденной Японии.

В этом важном документе подчеркивалось, что навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завое-

¹ См.: О. Е. Владимиров. Незабываемые страницы истории. М., 1970, с. 11.

² Н. Труман. Memoirs, vol. 1. Washington, 1955, p. 314.

³ История войны на Тихом океане, т. IV, М., 1958, с. 209.

ваний... Новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира... Японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку... Японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь... Все военные преступники должны понести суровое наказание. Японское правительство должно устранить все препятствия к возрождению демократических тенденций среди японского народа. Будут установлены свобода слова, религии и мышления, а также уважение к основным человеческим правам⁴.

14 августа японское правительство заявило о принятии условий безоговорочной капитуляции, однако «забыло» при этом отдать приказ о прекращении боевых действий. Особо упорное сопротивление японские войска продолжали оказывать на маньчжурском театре военных действий, поэтому Вооруженные Силы СССР на Дальнем Востоке усилили свои наступательные действия. Оказавшись в безвыходном положении, японское командование 18 августа отдало приказ о капитуляции.

В течение двухнедельных упорных боев японское воинство потеряло около 700 тыс. солдат и офицеров, из них 83 797 убитыми и 594 тыс. пленными. Только войсками двух фронтов — Забайкальского и 1-го Дальневосточного было захвачено 1565 орудий, 2139 минометов, 600 танков, 861 самолет, 11 988 тяжелых и легких пулеметов, свыше 2-х тыс. автомашин. Все корабли Сунгарийской военной флотилии стали трофеями 2-го Дальневосточного фронта и Амурской флотилии.

Генеральный штаб Советских Вооруженных Сил отмечал, что по размаху и мастерству осуществления, достигнутым результатам Маньчжурская стратегическая операция по разгрому японских войск относится к числу наиболее выдающихся в ходе Великой Отечественной войны.

Вместе с Советским Союзом в войну против империалистической Японии вступила Монгольская Народная Республика, которая неоднократно подвергалась агрессивным акциям японской военщины. Малый хурал и правительство МНР объявили священную войну японскому милитаризму. Дружба и боевое содружество советского и монгольского народов-братьев выдержали еще одно суровое испытание. Советский Союз, неоднократно оказывавший помощь МНР в защите своей свободы и независимости, на этот раз получил весьма ценную боевую поддержку монгольского народа. Вооруженные силы МНР сражались бок о бок с советскими войсками и внесли достойный вклад в разгром японских войск в Маньчжурии и во Внутренней Монголии.

Наголову разгромив в ходе двухнедельных ожесточенных боев Квантунскую армию, Советские Вооруженные Силы вписали еще одну славную страницу в героическую летопись своих побед. Это был выдающийся триумф Советской Армии над сильным, хорошо вооруженным и коварным врагом, державшим в рабстве сотни миллионов людей в оккупированных странах, расположенных на обширных пространствах Азии и Тихого океана.

Стремительными действиями на Дальнем Востоке Советский Союз и его доблестные Вооруженные Силы внесли решающий вклад в победоносное завершение второй мировой войны.

Разгром милитаристской Японии означал ликвидацию одного из наиболее сильных отрядов мировой реакции, в течение длительного времени выполнявшего роль жандарма азиатских народов. В гигантском поединке с черными силами фашизма советский народ защитил свою социалистическую Родину — оплот мира и безопасности народов, отвел страшный удар от мирового коммунистического движения, воодушевил

⁴ См.: Сборник документов МПД СССР. М., 1974, с. 24.

силы национального движения на борьбу за свободу и национальную независимость.

Военно-политические результаты разгрома милитаристской Японии, терзавшей сотни миллионов угнетенных людей, имели всемирно-историческое значение. Капитуляция японского империализма создала новую политическую обстановку в Азии и на Дальнем Востоке, привела в движение народы Азиатского континента, пробудила к активной демократической жизни почти два миллиарда людей, открыла перед ними новые исторические горизонты.

Вторая мировая война не была только военным поединком, столкнувшим вооруженные силы различных стран. Это был исторический поединок двух противоположных социальных систем, противоборство двух в корне отличных друг от друга идеологий.

Победа в Великой Отечественной войне показала всему миру неистребимую силу советского общественного и государственного строя, рожденного Октябрьской революцией, наглядно и ярко продемонстрировала неизбежность торжества идеологии марксизма-ленинизма, несокрушимое морально-политическое единство советского общества, нерасторжимость уз братской дружбы народов СССР.

Избавив народы Европы и Азии от фашистской тирании, советский народ и его Вооруженные Силы оказали им интернационалистскую помощь, выполнили свою историческую миссию. Все честные люди мира знают, что именно Советский Союз и его армия явились главной силой, преградившей германскому фашизму и японскому милитаризму путь к мировому господству, вынесли на себе основную тяжесть войны, сыграли решающую роль в разгромах гитлеровской Германии и милитаристской Японии, спасли мировую цивилизацию от фашистского варварства.

Великая Победа, одержанная над самыми черными силами реакции и фашизма, открыла новую историческую перспективу для поступательного развития человечества, подорвала устои империалистической реакции, вызвала к жизни могучие силы, поднявшиеся на борьбу за демократию и социализм, за социальное и национальное освобождение, привела к падению реакционных режимов в ряде стран, заложила необходимые предпосылки для образования мировой социалистической системы.

Если в Европе разгром германского фашизма открыл путь к победе национально-демократических революций, переросших затем в революции социалистические, то в Азии многие страны, сбросив колониальное и полуколониальное иго, стали независимыми, суверенными государствами, а некоторые из них, сделав следующий шаг, встали на путь социалистического развития.

Победа народно-демократических революций в Китае, Кореи и во Вьетнаме стала событием огромного международного значения. Империализму был нанесен тяжелый удар. Территория в 10 с лишним млн. км² и более четверти населения земного шара отпали от системы капитализма. Это означало, что империализм потерял более трети населения своего колониального тыла, одну из важнейших своих опор. Основательно была подорвана его способность держать в колониальной узде другие поработанные народы. Победа народно-демократических революций в Азии явилась важнейшей победой дела мира и безопасности народов, так как существенно сузились возможности империалистических держав для проведения различных внешнеполитических авантюр.

Крупным ударом по империализму в Азии явилось рождение Корейской Народно-Демократической Республики. Трудящийся народ Кореи вел длительную и упорную борьбу против японских колонизаторов, грабивших национальные богатства страны и беспощадно подавлявших всякое стремление к свободе и независимости. Более 40 лет корейский народ томился в японской неволе. И только разгром милитаристской Японии принес этому многострадальному народу освобождение от рабства, по-

мог ему обрести свободу и независимость. Давая высокую оценку великому подвигу советских воинов на Дальнем Востоке, Ким Ир Сен указывал: «Если бы Советская Армия не освободила Корею, то не могла бы существовать Корейская Народно-Демократическая Республика, а наше национально-демократическое движение не могло бы так победоносно продвигаться вперед. Поэтому победа Советского Союза во второй мировой войне открыла новую страницу в истории корейского народа»⁵.

Разгромив военные силы японского милитаризма, Советский Союз помог корейскому народу обрести свою государственность, обеспечил необходимые условия для проведения глубоких революционных преобразований, открыл ему путь к новой, свободной жизни.

С помощью СССР за короткий исторический срок на Севере страны под руководством коммунистов были проведены коренные социально-экономические преобразования, которые превратили некогда отсталую колониальную провинцию в передовую процветающую социалистическую страну, с быстро развивающейся экономикой и передовой социалистической культурой. Сейчас КНДР представляет собой индустриально-аграрное государство, находящееся на завершающем этапе создания материально-технической базы социализма.

Укрепляя братские связи с социалистическими странами, Корейская Народно-Демократическая Республика выступает за установление отношений дружбы и сотрудничества со всеми государствами на основе принципов мирного сосуществования, активно поддерживает силы национального освобождения на всех континентах, крепит связи с международным коммунистическим движением. Социалистическая Корея занимает сегодня прочное место в системе международных отношений, выступая как последовательный сторонник мира и сотрудничества народов.

Совершенно иную картину являет Южная Корея, попавшая в экономическую и политическую зависимость от американских и японских монополий, грабящих природные богатства Юга и нещадно эксплуатирующих южнокорейское население, которое не мирится со своим бедственным положением и все активнее включается в борьбу против военноплицейского режима и его зарубежных покровителей. Народ Южной Кореи все решительнее поднимается на борьбу за мир, демократию и социальный прогресс. Он активно поддерживает предложение КНДР о мирном объединении страны в единое демократическое государство. И нет сомнений в том, что рано или поздно эта историческая задача будет решена в соответствии с чаяниями всего корейского народа.

Огромное изменение в расстановку сил в мире внесла победа народной революции в Китае. Образование в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики явилось событием большой исторической важности. Появление народного Китая изменило всю обстановку в Азии, создало благоприятные условия для дальнейшего наступления национально-освободительных сил на позиции империализма в Азии, да и во всем мире.

Неоценимый вклад в победу китайской революции внес Советский Союз и его доблестные Вооруженные Силы. Разгром японской Квантунской армии, оккупировавшей Северо-Восток Китая, дал возможность китайскому народу победоносно закончить войну с японским империализмом и значительно укрепил весь лагерь китайской демократии. Огромное количество трофейного оружия, включая самолеты, танки, артиллерию, военные корабли, отобранные Советской Армией у японских захватчиков, было передано китайским патристическим силам, борющимся против гоминьдановской реакции.

⁵ Ким Ир Сен. Избр. произв., т. 3. Пхеньян, 1971, с. 349—350.

Китайское руководство признавало, что сокрушительный удар по японскому милитаризму имел огромное значение для победы китайской революции. «Красная Армия, — писал в то время Мао Цзэдун, — пришла помочь китайскому народу изгнать агрессоров. Такого примера еще не было в истории Китая. Влияние этого события не оценимо»⁶.

Чтобы оградить народный Китай от империалистических провокаций и создать там благоприятные условия для строительства нового общества, Советский Союз в феврале 1950 г. заключил с правительством КНР Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи сроком на 30 лет. Помимо военно-политических мер, направленных на обеспечение безопасности обеих стран, договор предусматривал осуществление широкого экономического и научно-технического сотрудничества. Правда, этот договор не был пролонгирован, но он не только сыграл свою положительную роль в обеспечении безопасности молодой Китайской Республики, но и явился важным фактором стабилизации обстановки на Дальнем Востоке и в Азии.

С помощью Советского Союза в Китае была создана основа современной промышленности, заложена прочная база индустриализации. Советский Союз помог китайскому народу построить свыше 250 крупных промышленных предприятий, создать такие отрасли промышленности, как авиационная, энергетическая, металлургическая, автомобильная, алюминиевая, инструментальная, горного оборудования и пр.

Советский Союз предоставил на выгодных условиях правительству КНР долгосрочные кредиты на сумму около 2 млрд. руб., командировал в Китай свыше 10 тыс. советских специалистов и принял для обучения и повышения квалификации почти 10 тыс. инженеров и техников и около 1 тыс. ученых. Более 11 тыс. китайских студентов и аспирантов окончили высшие учебные заведения СССР. Помощь и содействие СССР создали необходимые предпосылки для успешного социалистического строительства в Китае.

С первых дней рождения Китайской Народной Республики Советский Союз выступал за привлечение нового Китая к послевоенному урегулированию на Дальнем Востоке, за его участие во всех международных делах. Советский Союз и КНР активно сотрудничали в подготовке мирного договора с Японией, настаивая на таком урегулировании японского вопроса, которое исключало бы возможность возрождения японского милитаризма и гарантировало бы развитие страны по пути мира и добрососедства. В июле 1954 г. КНР вместе с Индией провозгласила известные пять принципов мирного сосуществования, а затем приняла участие в Бандунгской конференции.

Крупным вкладом в нормализацию обстановки на Дальнем Востоке явились солидарные действия СССР и КНР против вооруженной интервенции США в Корею, а также по вопросу о восстановлении национального единства Кореи. Поддержка и помощь, оказанная Советским Союзом и Китаем корейскому народу в его героической борьбе за свободу и независимость, вынудили американских агрессоров пойти на прекращение военных действий и приступить к поискам мирного решения корейского вопроса.

Всему миру известна роль, которую сыграли Советский Союз и народный Китай в деле прекращения французской агрессии против народов Индокитая. Оказанная ими решительная помощь и поддержка патриотическим силам Вьетнама содействовала образованию первого в Юго-Восточной Азии социалистического государства — Демократической Республики Вьетнам.

⁶ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 5. М., 1963, с. 596.

Все эти действия создавали благоприятные внешнеполитические условия для развертывания социалистического строительства в Китае, для выхода КНР на широкую международную арену.

Дальнейшее укрепление экономического и политического могущества СССР и КНР, а также других социалистических стран, их сотрудничество в решении острых международных вопросов открывали новые возможности для ускорения мирового революционного процесса, упрочения сил мира, демократии и социализма.

Однако это поступательное движение в развитии советско-китайских отношений было нарушено группой Мао Цзэдуна, чем воспользовался мировой империализм для укрепления своих позиций в Азии и во всем мире. Новое китайское руководство стало постепенно выправлять эту линию. Это не могло не сказаться и на некотором улучшении китайско-советских отношений. За последнее время по инициативе СССР осуществлен ряд мер по налаживанию сотрудничества в экономической, торговой и научно-технической областях. С обеих сторон были предприняты некоторые шаги и по возобновлению связей как на общественном, так и на государственном уровне. Крупной акцией в двусторонних отношениях явился визит первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова в Китай, который завершился достигнутым конкретным договоренностей в области экономического и научно-технического сотрудничества на взаимовыгодной основе. Обе стороны выразили также готовность к значительному расширению внешнеторгового оборота и налаживанию сотрудничества по другим вопросам, представляющим взаимный интерес.

Особо важное значение имела встреча заместителя председателя Госсовета КНР Ли Пэна с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, в ходе которой обе стороны высказались за дальнейшее расширение двусторонних связей в интересах обеих стран и дела мира во всем мире.

Принципиальная линия КПСС и Советского государства в отношении КНР была выражена в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на мартовском (1985) Пленуме ЦК КПСС. «Мы хотели бы, — подчеркнул он, — серьезного улучшения отношений с Китайской Народной Республикой и считаем, что при наличии взаимности это вполне возможно»⁷.

Разгром японского империализма как главного очага войны и агрессии на Дальнем Востоке оказал огромное влияние на развитие национально-освободительного движения народов Юго-Восточной и Южной Азии и бассейна Тихого океана, открыл широкие перспективы освобождения от колониального рабства европейских держав народам Индии, Индонезии, Бирмы, Малайзии, Индокитая, Филиппин, Шри Ланки и др.

Вождь вьетнамского народа Хо Ши Мин указывал в 1945 г., что разгром фашизма Советской Армией под руководством Коммунистической партии создал «исключительно благоприятные условия для развития мировой революции»⁸.

Важное значение для Азиатского региона имела победа августовской революции 1945 г. во Вьетнаме и образование Демократической Республики Вьетнам. Ожесточенная борьба между силами национального освобождения и империалистической реакцией, развернувшаяся во Вьетнаме, а затем и на Индокитайском полуострове, показала всему миру бессилие империализма подавить форпост социализма в Юго-Восточной Азии, закрыть народам этого района путь к свободе и социальному прогрессу.

⁷ «Правда», 12.III.1985.

⁸ Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, с. 4—5.

Позорным провалом закончилась предпринятая сразу же после провозглашения ДРВ в качестве независимого суверенного государства попытка французских колонизаторов повернуть вспять колесо истории. Большую помощь в отражении иностранной агрессии оказал Советский Союз. Газета «Нян зан» подчеркивала, что «признание Советским Союзом и другими социалистическими странами ДРВ высоко подняло международный авторитет нашей страны и всемерно воодушевило армию и народ нашей страны на усиление войны сопротивления за национальное спасение, для достижения все более доблестных побед»⁹.

Достигнутое на Женевской конференции 1954 г., после разгрома под Дьенбьенфу французского экспедиционного корпуса, соглашение было большой победой народов Индокитая. Оно предусматривало прекращение Францией военных действий против патриотов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, признание национальной независимости этих стран и вывод всех иностранных войск с их территории. Но народу Вьетнама пришлось пройти еще тяжелый путь ожесточенной борьбы против американского империализма, прежде чем он достиг своей национальной цели — создания единого вьетнамского государства.

Грубо нарушив свое обещание строго соблюдать Женевское соглашение 1954 г. и воздерживаться от угрозы силой или ее применения в отношении Демократической Республики Вьетнам, США активно включились в разгоревшуюся внутреннюю борьбу на стороне южно-вьетнамского реакционного режима. Нарастивая свою военную мощь в Южном Вьетнаме, США довели в 1968 г. численный состав своего экспедиционного корпуса до 550 тыс. человек и переправили туда огромное количество новейшей военной техники.

В борьбе против героического вьетнамского народа администрация США использовала самые варварские средства борьбы, включая химическое оружие. В США были созданы и применены на больших площадях во Вьетнаме сильно действующие гербициды и дефолианты для уничтожения всех видов растительности. С помощью токсичного вещества «эйджент ориндж» американские войска уничтожили миллионы гектаров лесов, плантаций гевеи, кокосовых пальм и рисовых полей. 57 тыс. тонн диоксина, крайне опасного для здоровья людей, было вылито на землю Вьетнама, что еще долго будет сказываться не только на здоровье людей, но и на всей флоре и фауне, на всей природе Социалистической Республики Вьетнам.

Как свидетельствует американская пресса, американская авиация сбросила на Вьетнам 7,85 млн. т бомб, что в пересчете на население составляло 4000 кг бомб на каждого жителя Северного Вьетнама.

На жертвенный алтарь безрассудной войны против маленького народа были брошены жизни и судьбы сотен тысяч американских солдат и офицеров, 57 тыс. из которых были убиты, а 300 тыс. получили ранения. Около 350 млрд. долл. были истрачены на вьетнамскую авантюру, которая глубоко потрясла всю Америку, вызвав в ней раскол и негодование к тем, кто планировал и осуществлял эту грязную войну.

Американский империализм поставил перед собой задачу возвести серьезную преграду дальнейшему развитию национально-освободительного движения в Азии и «преподать урок» другим борющимся народам, запугать их американской «мощью» и решимостью администрации США защищать в случае необходимости своих «союзников» любой ценой, вплоть до прямого вооруженного вмешательства. Однако все усилия США поставить на колени вьетнамских патриотов окончились позорным провалом. США вынуждены были признать свое бессилие и перейти к поиску политического решения вьетнамской проблемы.

⁹ «Нян зан», 30.I.1970.

Вьетнамский народ одержал историческую победу, за которую он самоотверженно сражался на протяжении жизни целого поколения. Победа во Вьетнаме создала необходимые предпосылки для мирного урегулирования в Лаосе, вдохновила кампучийских патриотов на широкое развертывание борьбы против реакционного режима Лон Нола, а затем и против диктатуры Пол Пота, залившего кровью всю страну.

Победа народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии ознаменовала новый этап в истории освободительной борьбы народов — этап дальнейшего наступления сил национального освобождения на позиции империализма, старого и нового колониализма в Азии, Африке и в Латинской Америке.

Победы Вьетнама и других народов Индокитая как в годы вооруженной борьбы, так и в последующий период строительства нового общества неразрывно связаны с Советским Союзом, который всегда стоял и стоит на страже справедливого дела индокитайских народов, оказывал и оказывает им всевозможную поддержку.

Говоря о помощи СССР в разгроме иностранной интервенции и в строительстве нового единого Вьетнама, тов. Ле Зуан подчеркивал: «Все это является блестящим проявлением вьетнамо-советской дружбы. особых отношений, которые зиждутся на прочной базе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, были испытаны в горниле революционной борьбы двух стран на протяжении прошедшего полувека.

Следуя наказу товарища Хо Ши Мина, Партия трудящихся Вьетнама (ныне Коммунистическая партия Вьетнама. — Авт.) и наш народ не пожалеют сил для того, чтобы эта великая дружба с каждым днем расцветала и крепла и была вечной, как вечны наши горы и реки»¹⁰. Сегодня героический Вьетнам строит новое социалистическое общество, отдает все силы подъему материального благосостояния и культуры народа, повышению обороноспособности республики, проводит активную внешнеполитическую линию, направленную на обеспечение мира и безопасности в Юго-Восточной Азии.

Во внешнеполитической области руководство СРВ особое внимание уделяет укреплению дружбы и сотрудничества с ЛНДР и НРК, исходя из исторического опыта сотрудничества этих стран против общего врага. Единство внутренней и внешней политики этих стран, общность задач по созданию основ социализма, совпадение их целей в борьбе против старого и нового колониализма, империализма и гегемонизма, создают исторически объективную основу для их сплочения и взаимовыгодного сотрудничества.

Опираясь на поддержку и помощь Советского Союза и других социалистических стран, Вьетнам вместе со своими ближайшими соседями — Лаосом и Кампучией — разработал позитивную и реалистическую программу урегулирования спорных вопросов со странами АСЕАН, направленную на то, чтобы покончить с конфронтацией в регионе и превратить Юго-Восточную Азию в зону мира, стабильности и добрососедства.

Правительства Социалистической Республики Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республики и Народной Республики Кампучии призывают другие страны Юго-Восточной Азии к прекращению противоборства и к установлению нормальных отношений на основе взаимного уважения национальной независимости, суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга. Эта политика находит растущее понимание и поддержку ООН и всей прогрессивной мировой общественности.

¹⁰ Ле Зуан. Избр. статьи и речи. 1975—1981 гг. М., 1981, с. 25.

Страны Индокитая также полны решимости нормализовать свои отношения со своим северным соседом — Китайской Народной Республикой — в духе невмешательства во внутренние дела, взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства.

Развал колониальной системы империализма в Азии, начавшийся в результате разгрома японского милитаризма, захватил и Индию, борьба народа которой за свободу и независимость имеет длительную историю. Она была добыта ценой векового упорного сопротивления английским колонизаторам, которые грабили страну и иссушали душу ее народа. Разгром фашистских агрессоров на Западе и на Востоке в большой степени ускорил освобождение великого индийского народа от колониального рабства.

Освободившись от иностранного гнета, Индия сразу же включилась в активную борьбу за мир и международную безопасность, в защиту свободы и независимости азиатских народов. Индии принадлежит заслуга в выработке пяти принципов мирного сосуществования, известных в мире под названием «панча шила», ставших потом общепризнанной основой международных отношений.

Большой международный авторитет Индии придают ее успехи в проведении широких социально-экономических преобразований. За короткий исторический период Индия изменила колониальную структуру своей экономики. Важнейшие отрасли промышленности, финансовые учреждения, оптовая торговля пшеницей и ряд других сфер народного хозяйства поставлены под государственный контроль. Народное хозяйство Индии находится сейчас на большом подъеме. Индия становится индустриально-аграрной страной, производящей самолеты, суда, локомотивы, электротурбины и другие виды современного промышленного оборудования.

Индия стала шестой космической державой, запустив в июле 1980 г. с помощью собственной ракеты искусственный спутник Земли «Рохин РС-1». На уровне мировых стандартов Индия производит исследования в области ядерной энергетики, геофизики, океанологии, генетики.

Основу современной индустрии страны составляют предприятия государственного сектора. Ныне таких предприятий насчитывается свыше 300, они дают 40 % всего промышленного производства в стране. Советский Союз может гордиться, что он внес большой вклад в создание государственного сектора экономики Индии, который вопреки предсказаниям буржуазных экономистов выдержал испытание временем и доказал свою эффективность. С помощью и при техническом содействии Советского Союза в Индии построены металлургические гиганты в Бхилаи, в Бокаро, производительная мощность которых достигает 10 млн. т стали в год, заводы тяжелого машиностроения в Ранчи, Хардваре и Дургапуре, завод тяжелого электрооборудования в Харваре, несколько крупных электростанций, фармацевтические предприятия, нефтеперерабатывающие заводы в Барауне, Койяли, Матхуре и многие другие предприятия, составляющие основу государственного сектора Республики. Всего с помощью СССР построено свыше 80 объектов, имеющих важнейшее народнохозяйственное значение для Индии.

В годы независимости, которые составляют еще неполных 40 лет, Индия добилась столь крупных успехов во всех областях национального строительства, каких она не имела и не могла иметь за долгие годы английского колониального господства. Освобождение страны от иностранного гнета высвободило энергию народа, открыло перед ним перспективу построения новой, свободной, независимой Индии. Для того чтобы наглядно увидеть, каких результатов добилась Республика за короткий исторический срок, приведем некоторые цифры. Если до завоевания независимости в Индии выплавлялось 1 млн. т стали в год, то сейчас — около 15 млн. т. До 1947 г. в стране практически не было

сколько-нибудь развитой станкостроительной промышленности, теперь она есть. Сегодня Индия производит высокоточные станки и станочное оборудование на 20 предприятиях, продукция которых пользуется широким спросом не только в развивающихся странах, но и на рынках крупнейших индустриальных стран мира.

До 1947 г. Индия полностью зависела от импортной нефти, теперь она ежегодно добывает в своей стране свыше 20 млн. т и планирует увеличение ее добычи в ближайшие 10 лет до 65—70 млн. т. Суммарная мощность электростанций Индии составляет сегодня свыше 30 млн. кВт, в то время как до завоевания независимости она не превышала 2 млн. Нарращивание энергетических мощностей позволило индийскому правительству успешно решать задачу электрификации деревень. К концу 1985 г. предполагается обеспечить электрическим освещением до 60 % сельских населенных пунктов.

Индия успешно решила такую острую для нее проблему, как производство зерна. Сейчас Индия производит столько продовольствия, что она способна накормить быстро растущее население, составляющее в настоящее время около 700 млн. человек.

Бесспорны успехи Индии и в области образования. Сегодня почти 90 % детей охвачено школьным образованием. Число студентов за годы независимости увеличилось в 10 раз, что позволило создать в стране значительный отряд научно-технической интеллигенции, способной решать самые сложные проблемы развития страны на уровне мировых стандартов.

Проводимая Индией политика мира придает ей высокий авторитет на международной арене. Она стремится к созданию таких условий, при которых все страны Азии могли бы жить в обстановке мира и добрососедства. Азиатские народы приветствуют миролюбивую политику Индии, обращенную на достижение тех же целей, за которые они борются сами, — ликвидацию всех форм колониализма, пресечение агрессивных империалистических войн и конфликтов, укрепление национальной независимости освободившихся государств и оздоровление международной обстановки.

Сегодня, как никогда ранее, актуально звучат слова Дж. Неру, произнесенные им более 20 лет назад: Вопросы войны и мира касаются всех стран как больших, так и малых, а потому каждая страна должна взять на себя долю ответственности и способствовать достижению этой цели¹¹. Такая позиция Дели противодействует попыткам западных государств увести развивающиеся страны от самых злободневных проблем нашего времени и прежде всего от проблем войны и мира. Ведь империалистические круги постоянно внушают молодым национальным государствам, что вопросы разрядки и разоружения, милитаризации космоса не должны волновать их, так как это касается главным образом развитых государств, принадлежащих к двум противоборствующим системам.

Несмотря на все попытки империалистических кругов сбить Индию с избранного ею пути, она по-прежнему верна идеалам мира, считая, что само существование развивающихся государств и самой Индии на земле зависит от сохранения мира. Индия решительно высказывается за то, чтобы поставить надежный заслон ядерной войне, гонке вооружений, дальнейшему развертыванию американских ракет в Европе и в других районах мира, преградить путь милитаризации космоса и его использованию в военных целях. «Мир совершенно необходим, потому что нынешняя военная техника угрожает уничтожением всего человечества. Не будет мира сегодня — не станет жизни завтра», — говорила

¹¹ См.: Дж. Неру. Внешняя политика Индии. М., 1965.

И. Ганди с трибуны Организации Объединенных Наций¹². Индийское руководство и широкая общественность все более осознают, что курс США на нагнетание международной напряженности не только направлен на достижение военного превосходства над Советским Союзом и социалистическим сотрудничеством в целом, но и ставит целью блокировать продвижение развивающихся стран по пути независимости и прогресса и в конечном счете — вернуть их в прежнее состояние, то есть, вновь надеть на них ярмо капиталистического рабства.

Индия со всей решимостью противится американским планам милитаризации Индийского океана, понимая, что реализация этих опасных планов затрагивает интересы национальной безопасности страны, равно как и других развивающихся государств. Бронированный кулак США, занесенный над Индийским океаном, имеет свое реальное воплощение. Здесь расположены 30 военных баз США и крупнейшая из них — Диего-Гарсия со складами ядерного и химического оружия. Как писал журнал «Пэтриот», «ракеты с ядерными боеголовками, выпущенные с базы на Диего-Гарсия, могут достичь Нью-Дели в течение считанных секунд»¹³.

Индия пользуется заслуженным авторитетом как общепризнанный лидер Движения неприсоединения. Избрание Индии председателем Движения неприсоединения на VII конференции Движения неприсоединения является подтверждением той большой конструктивной роли, которую она играет в борьбе за мир, укрепление независимости и прогресса стран развивающегося мира. Индира Ганди, а затем и Раджив Ганди не раз подтверждали антиимпериалистические и антиколониалистские цели Движения неприсоединения, его верность идеалам мира и международной безопасности.

Индия как лидер движения решительно выступает против гонки ядерных вооружений, активно противостоит империалистическому диктату, решительно возвышает свой голос в защиту жертв империалистической агрессии, в поддержку национально-освободительных движений, принимает действенные меры для расширения международной солидарности с борьбой палестинского народа, в поддержку законных прав на самоопределение намибийского народа, осуждает вооруженные вылазки южноафриканских расистов против независимых африканских государств, твердо и последовательно осуждает американскую агрессию против Никарагуа и других стран в Центральной Америке и в Карибском бассейне.

Важное значение имеет тот факт, что правительственная программа нового премьер-министра Раджива Ганди зиждется на преемственности политической линии, выработанной и заещанной Джавахарлалом Неру и Индирой Ганди. Таким образом, надежды внутренней и внешней реакции на то, что молодой премьер-министр пустит под откос курс Дж. Неру — И. Ганди, не имеют под собой реального основания. «Я вижу прочную взаимосвязь между Индией и Советским Союзом, — заявил Р. Ганди в недавнем интервью американскому журналу «Тайм». — Мы — друзья на протяжении длительного времени... По множеству вопросов наши точки зрения совпадают»¹⁴. Эта позиция нового лидера Индии полностью поддерживается и разделяется и в Советском Союзе.

Сложный и трудный путь после освобождения от английского господства прошли народы Пакистана. Будучи искусственно отделен от Индии по религиозному принципу, Пакистан с первых дней своего существования в качестве самостоятельного государства столкнулся с многочисленными трудностями, как внутреннего, так и международного

¹² «Patriot», September 25, 1984.

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по: «Новое время», 1985, № 5, с. 7.

характера. Экономическая отсталость социальной структуры, национальные противоречия, возникшие на базе неравноправного положения национальных меньшинств, религиозный фанатизм правящих кругов и другие факторы усиливали центробежные силы, что в итоге привело к отделению Восточно-Пакистанской провинции от исламской республики Пакистан и образованию независимого государства Бангладеш.

После банкротства военной хунты, пытавшейся силой оружия подавить освободительное движение бангладешского народа, к власти в стране пришли реалистически мыслящие деятели, которые занялись пересмотром основных концепций, лежавших в основе внешней и внутренней политики прежнего военного режима.

Новые лидеры Пакистана приняли решение о выходе страны из военно-политического блока СЕАТО и о закрытии американской военной базы под Пешаваре, отказались поддерживать агрессивные действия США в Индокитае, заняли позицию оказания помощи арабским странам в борьбе против израильской агрессии.

Правительство Бхутто установило дипломатические отношения с ДРВ, КНДР и ГДР. Преодолевая наследие прошлого, сделало важный шаг — официально признало Народную Республику Бангладеш. В области внутренней политики новые руководители Пакистана провели ряд важных социально-экономических реформ, которые способствовали развитию страны в прогрессивном направлении. Вступила в действие новая конституция, которая предоставляла основные гражданские права населению и предусматривала парламентскую форму правления и федеральную систему государственного устройства.

Преодолевая вековую отсталость, Пакистан создавал основы собственной промышленности, провел некоторые социальные преобразования, ограничил деятельность в стране иностранных монополий.

Новое благоприятное развитие получили советско-пакистанские отношения, Советский Союз оказывал содействие Пакистану в строительстве ряда крупных народнохозяйственных объектов, в том числе металлургического завода. Такая линия СССР в отношении Пакистана оказывала положительное воздействие на обстановку в Южной Азии в интересах всех народов этого региона и дела мира на Азиатском континенте.

Однако такое развитие событий не удовлетворяло правящие круги Вашингтона. Там не могли смириться с тем, что Пакистан стал проводить самостоятельную и независимую политику. При активной поддержке ЦРУ пакистанская военщина свергла гражданское правительство и установила военную диктатуру во главе с генералом Зия-уль-Хаком. Новый режим отменил все прогрессивные начинания предыдущего правительства, действовавшую конституцию, лишил народ всех демократических прав и гражданских свобод, запретил деятельность политических партий, а главу правительства З. Бхутто по лживому обвинению предал смертной казни.

Расправившись с внутренней оппозицией, военно-полицейский режим занялся переустройством внешнеполитической ориентации страны. В качестве покровителя и активного партнера были избраны Соединенные Штаты Америки, которые в свою очередь проявили к новому режиму повышенный интерес. В Вашингтоне уже давно присматривались к Пакистану как стране, которая может быть использована в качестве орудия проведения американской политики в Южной и Юго-Восточной Азии, включая район Персидского залива. Процесс американо-пакистанского сближения в направлении стратегического партнерства ускорился с конца 70-х годов после известных событий в Афганистане и Иране. По замыслам пентагоновских генералов, пакистанская территория должна стать связующим центром в цепи опорных пунктов и баз США по всему периметру Азиатского региона — от Ближнего Востока до Тихого океана.

Пакистану отведена особая роль в необъявленной войне против аф-

ганского народа. Отсюда забрасываются основные бандитские формирования на территорию Демократической Республики Афганистан. Пакистан используется также американской администрацией как основной плацдарм для ведения подрывной деятельности против Индии, для обострения обстановки на всем Азиатском континенте, превращения его в очаг постоянной напряженности.

Такое развитие событий в Пакистане и вокруг него свидетельствует о том, что избавление его народа от иностранного ига в результате разгрома блока фашистских государств оказалось недостаточно прочным. Внутри страны не сложились активные политические силы прогрессивного направления, которые смогли бы навсегда покончить с остатками колониализма и вывести страну на путь самостоятельного и независимого развития. Но в этой стране, попавшей в кабалу американского империализма, зреют грозды гнева, накапливаются и сплываются народные силы, которые рано или поздно проявят себя и сметут со своего пути все, что мешает народу Пакистана жить в условиях мира и социальной справедливости.

В тяжелом положении оказалась и другая страна, расположенная в Южной Азии, — Республика Бангладеш, на долю которой выпало немало трудных испытаний. Возникшее в 1972 г. в результате упорной борьбы против пакистанской военной хунты молодое государство Бангладеш заявило о своей приверженности делу мира и социальному прогрессу. Голос основателя республики и ее первого президента М. Рахмана, весомо и авторитетно звучал на всех международных форумах, к его мнению прислушивались многие миролюбивые народы.

Завоевав свободу и независимость, народ Бангладеш с небывалым энтузиазмом взялся за построение национального государства, твердо веря в будущее своей страны, в то, что она непременно пойдет по пути мира, демократии и социального прогресса. В области внешней политики Бангладеш взяла твердый курс на укрепление мира и развитие дружеских отношений со всеми странами, на отказ от участия в агрессивных военных блоках, от антикоммунизма как во внутренней, так и во внешней политике.

Советские люди горячо приветствовали национальное освобождение народа Бангладеш и создание суверенного государства. С первых дней своего рождения республика в борьбе за утверждение своей политической и экономической независимости пользуется морально-политической поддержкой и экономической помощью Советского Союза и других стран социалистического содружества. Советский Союз оказал Республике Бангладеш большую помощь в строительстве ряда крупных экономических объектов, а также в восстановлении крупнейшего в стране порта Читтагонг, который был сильно разрушен во время боевых действий пакистанской военщины.

Убийство М. Рахмана и его соратников в августе 1975 г. вызвало резкое обострение внутривнутриполитической борьбы между сторонниками демократического курса и теми силами, которые пытаются столкнуть Бангладеш с мирного демократического пути развития и изменить внешнеполитическую ориентацию. Особый интерес к этой стране в последние годы проявляет американский империализм. Только с октября 1983 г. по апрель 1984 г. страну посетило более 50 высокопоставленных американских эмиссаров. В бангладешской печати неоднократно сообщалось, что целью США является стремление получить доступ к порту Читтагонг и к другим стратегически важным пунктам, с которыми в Пакистане связывают планы создания пунктов базирования кораблей 7-го флота США. Добиваясь военного присутствия в Бангладеш, США активно прибегают к политическому нажиму и посулам «помощи», спекулируя на экономических трудностях молодого государства.

Можно, однако, полагать, что демократические силы страны распо-

лагают достаточными возможностями, чтобы отбить действия внутренней и внешней реакции и восстановить высокий авторитет своей республики на международной арене, который она снискала своей приверженностью делу освобождения народов от колониального гнета, делу мира и социального прогресса.

Национально-освободительные революции, происшедшие в Индонезии, Бирме, на Филиппинах, в Малайзии и Сингапуре, также были связаны с разгромом японского милитаризма.

Трудной и сложной была борьба народов Индонезии за утверждение своей национальной независимости. К концу второй мировой войны в стране наметился мощный подъем национально-освободительного движения. В этой обстановке 17 августа 1945 г. было провозглашено создание независимой Индонезийской Республики. Началось строительство национального государства, были созданы национальное правительство, парламент, получили свободу деятельности левые политические партии и профсоюзы. Из подполья вышла Коммунистическая партия.

Индонезийскому народу принадлежит большая заслуга в сплочении народов Азии в интересах усиления борьбы против империализма и упрочения национальной независимости освободившихся стран. Индонезия была одним из участников созыва конференции стран Азии и Африки в апреле 1955 г. в городе Бандунге. Решения Бандунгской конференции имели историческое значение для сплочения афро-азиатских стран в борьбе против империализма, за упрочение их политической и экономической независимости, для дела мира и безопасности азиатских народов.

Последующее развитие событий в Индонезии временно прервало успешное развитие национально-демократической революции. Силы внутренней и внешней реакции при поддержке империалистических держав свергли революционно-демократическое правительство Сукарно и навязали индонезийскому народу диктаторский режим. Удар, нанесенный в 1965 г. реакцией по компартии и левым националистам, задержал поступательное развитие индонезийского общества, но не остановил его. Внутренняя и внешняя политика нынешних правящих кругов вступила в противоречие с объективными потребностями социального, экономического и политического развития страны. 20 лет правления нового режима показали, что методами военной диктатуры нельзя решить стоящих перед Индонезией крупных социально-экономических задач.

В стране происходит неуклонное обострение противоречий, требующих своего разрешения. Даже в высших кругах общества ведется борьба по вопросу о пути дальнейшего развития страны.

Несмотря на все давление со стороны США, Японии и других империалистических держав Индонезия проявляет готовность к расширению своих связей с Советским Союзом. Следует также отметить близость позиций СССР и Индонезии по наиболее важным международным проблемам, в том числе по вопросам мира и войны. Важно также указать на такой факт, что Индонезия занимает отличную от других стран АСЕАН позицию в отношении урегулирования индокитайской проблемы. Она считает, что необходимо начать диалог со странами Индокитая и решить существующие проблемы за столом переговоров. Индонезийские правящие круги исходят из того, что главная опасность независимому существованию стран, входящих в АСЕАН, исходит не от Вьетнама, а от его северного соседа, который не раз вмешивался во внутренние дела этих стран. Важное значение имеет и то, что индонезийское руководство всячески противится планам Вашингтона о трансформации АСЕАН в военный блок.

Нет сомнений, что зреющие в недрах индонезийского народа демократические силы неизбежно выйдут на арену политической борьбы и добьются окончательного освобождения страны от всех форм империа-

листического и феодального гнета, избавят страну от засилья иностранного капитала и поведут ее прямой дорогой мира, демократии и социального прогресса.

Со времени освобождения филиппинского народа от японской оккупации и достижения формальной независимости страны в 1948 г. здесь произошли большие перемены. Однако филиппинскому народу потребовалось еще 30 лет упорной борьбы, чтобы положить конец «особым отношениям» с Соединенными Штатами.

За последнее время на Филиппинах проведен ряд важных социально-экономических реформ, способствующих укреплению независимости и самостоятельности страны. Особое место среди них занимает преобразование аграрных отношений, в ходе которых ликвидируется помещичье землевладение и значительная часть земли передается безземельным и малоземельным крестьянам.

Большим событием в жизни страны явилась легализация Компартии Филиппин, ориентирующейся на принципы марксизма-ленинизма. Важно отметить, что именно интернационалистскому, а не догматическому крылу КПФ удалось добиться выхода на легальную политическую арену.

КПФ, оставаясь на классовых позициях, считает возможным проводить политику «критической поддержки» президента Ф. Маркоса и его правительства. Партия поддерживает прогрессивные мероприятия правительства в области внутренней и внешней политики и критикует его по тем пунктам, где оно смыкается с внутренней реакцией и империализмом США. Решив покончить с политикой самонзоляции, правительство Ф. Маркоса установило дипломатические отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами и развивает с ними торгово-экономические и культурные связи.

Вместе с тем нельзя не видеть и тех трудностей, которые стоят перед молодым филиппинским государством на пути к достижению полной политической и экономической независимости. Демократическим силам страны предстоит еще длительная и упорная борьба против американского засилья в стране. Американский капитал полностью или частично контролирует более 1400 предприятий, а 16 тыс. американских военнослужащих все еще размещаются на авиационных и морских базах на филиппинской территории. Филиппинский народ не может не сознавать новую угрозу, которая исходит от японских монополий, которые глубоко проникли в экономику страны и безжалостно грабят ее национальные богатства.

Передовые силы филиппинского общества видят свою задачу в том, чтобы сплотить широкие народные массы и мобилизовать их энергию на борьбу за укрепление национальной независимости, осуществление широких социально-экономических реформ, проведение независимого внешнеполитического курса в интересах дела мира и безопасности в Азии.

Здоровые позитивные процессы, происходящие на Азиатском континенте, затронули и Афганистан, где национально-демократические силы свергли в апреле 1979 г. реакционную феодально-помещичью и военно-бюрократическую верхушку и взяли власть в свои руки. Афганистан — одна из наиболее отсталых стран мира, которая занимает 108 место из 123 развивающихся стран по национальному доходу на душу населения и 112 место по уровню образования и здравоохранения, начал трудное восхождение к высотам социального и экономического прогресса. С первых дней существования нового Афганистана международная реакция объявила ему беспощадную войну, преследующую далеко идущие цели. Враги афганской революции, как указывал Бабрак Кармаль, вынашивали планы раздела этой древней страны. Восточную и южную часть Афганистана, где живут преимущественно пуштуны, намечалось отдать

Пакистану, северные территории — Китаю, а в самом Кабуле создать марионеточное правительство, которое бы подчинялось ЦРУ¹⁵. Но Апрельская революция сорвала этот заговор. Афганский народ вот уже в течение шести лет мужественно отражает атаки внутренних и внешних врагов и пробивает дорогу к своей заветной цели — построению единого независимого демократического и процветающего Афганистана.

Народно-демократическая партия Афганистана, вставшая во главе Апрельской революции, приступила к осуществлению радикальных социально-экономических преобразований, призванных ликвидировать вековую отсталость страны и вывести ее на путь мира и социального прогресса. В стране успешно проводится аграрная реформа, в результате которой свыше 350 тыс. крестьянских семей получили землю. Специальным правительственным указом ликвидирована система ростовщичества, что освободило народ от выплаты ростовщикам и спекулянтам 30 млрд. афгани. Женщины получили равные права с мужчинами. Началась и успешно проводится кампания по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, введено всеобщее начальное образование для детей. Принимаются энергичные меры по расширению социальной базы революции, укреплению народной власти, сплочению различных классов и слоев населения в рамках Национального Отечественного фронта.

Народно-демократическая партия, укрепляя и сплачивая свои собственные ряды, создала массовые организации трудящихся — Объединение афганских профсоюзов, Демократическую организацию женщин, Демократическую организацию молодежи и другие, объединяющие самые различные слои населения. Опираясь на эти организации, НДПА и правительство ДРА успешно руководят строительством национальной экономики, принимают меры к повышению жизненного уровня населения.

Все эти и другие меры народной власти находят поддержку среди самых широких масс трудящихся, которые принимают активное участие в построении нового общества, где не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, где каждый гражданин республики будет иметь равные права и равные обязанности.

Успехи в деле строительства нового Афганистана были бы еще более значительными, если бы правительству страны не приходилось отвлекать материальные и людские ресурсы на борьбу с контрреволюционными силами, за спиной которых стоят США, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и другие государства с реакционными режимами. В настоящее время только на территории Пакистана функционирует более 100 баз, лагерей и учебных центров, где с помощью иностранных инструкторов готовятся для подрывной деятельности против народной власти десятки тысяч бандитов и террористов и формируются целые диверсионные отряды, которые забрасываются на территорию ДРА.

Необъявленная война, развязанная внутренней и внешней реакцией нанесла стране огромный ущерб. В результате подрывных действий террористических банд на территории республики разрушено и выведено из строя 50 % школ, 50 % больниц, 14 % транспортных средств, три четверти всей линии связи, несколько электростанций и пр. Общая сумма ущерба превысила 24 млрд. афгани, что равно половине капиталовложений в экономику страны за 20 дореволюционных лет.

Однако, как бы ни свирепствовали черные силы реакции, им не остановить поступательного движения истории, не сломить дух и волю афганского народа, отстаивающего свою свободу и национальную независимость, свое право на социальный прогресс и на обеспеченную жизнь в условиях мира и свободы. Афганским патриотам щедрую помощь ока-

¹⁵ См.: «Проблемы мира и социализма», 1981, № 6, с. 24.

зывают Советский Союз и другие социалистические страны. На стороне борющегося народа Афганистана выступают все прогрессивные и миролюбивые силы планеты, афганский народ уверен в торжестве своего правого дела. «Мы испытываем, — писал лидер афганской революции Бабрак Кармаль, — чувство глубокой благодарности к народам стран социализма, к коммунистическим и рабочим партиям, национально-освободительным движениям за их последовательную солидарность. Она и впредь будет вдохновляющим стимулом в преобразовательной деятельности революционеров нового Афганистана»¹⁶.

Мощная волна национально-освободительного движения захватила и страны Западной Азии, народы Арабского Востока, затем перекинулась на Африканский континент, привела в движение народы Латинской Америки. «Под ударами антиимпериалистических, национально-освободительных революций распалась созданная капитализмом колониальная система народов»¹⁷.

К 1974 г. от иностранного ига освободилось 83 колонии и зависимые территории, которые образовали новые государства или вошли в состав ранее освободившихся стран. Если в 1939 г. колониальный мир занимал 38 млн. км² и насчитывал 700 млн. человек, или более трети населения земли, то в наши дни в колониях, главным образом на управляемых и подмандатных территориях живут, по данным ООН, около 6 млн. человек, или менее 0,25 % всех жителей планеты.

Великое национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран, приведшее к образованию десятков независимых национальных государств, оказало огромное влияние на судьбы человечества. Оно нанесло непоправимый удар по империализму, ослабив его политическое, экономическое и военное могущество, способствовало созданию новой системы международных отношений, основанной на принципах мирного сосуществования, равноправного сотрудничества и невмешательства во внутренние дела. Ликвидация колониальной системы империализма по праву названа Международным форумом коммунистов в 1969 г. вторым по своему историческому значению явлением после образования мировой системы социализма¹⁸.

Начиная с середины 50-х годов молодые национальные государства стали на путь активной борьбы за мир и предприняли ряд акций мирового значения. В то время были выработаны и провозглашены пять принципов мирного сосуществования, получившие всеобщее признание, проведена Бандунгская конференция, которая выразила волю молодых государств к миру и сотрудничеству и наметила пути достижения этих идеалов.

Огромные успехи национально-освободительного движения народов Азии неотделимы от политики Советского Союза и всей мировой социалистической системы. Советский Союз не раз вынуждал империалистов идти на уступки освободившимся народам, принуждал их воздерживаться от агрессивных действий против молодых азиатских государств.

Выступая за полную ликвидацию колониальной системы, Советский Союз добился проведения в ООН ряда крупных акций в поддержку национально-освободительной борьбы народов. Документом огромной международной важности является, например, Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятая в 1960 г. XV сессией Генеральной Ассамблеи по предложению СССР. В этом историческом документе выдвигались требования немедленного предоставления всем колониальным странам и другим самоуправляющимся

¹⁶ «Проблемы мира и социализма», 1981, № 6, с. 29.

¹⁷ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1969, с. 64.

¹⁸ Там же, с. 64.

территориям полной независимости и свободы в строительстве собственных национальных государств, согласно свободно выраженной воле и желанию их народов. Колониальный режим, колониальная администрация во всех ее видах должны быть упразднены полностью, с тем чтобы предоставить возможность народам этих территорий самим определять свою судьбу и формы государственного управления¹⁹.

Это требование органически связано с основным содержанием внешней политики Советского Союза, который исходит из ленинской посылки о том, что невозможно обеспечить мир и безопасность народов без предоставления полной свободы и национальной независимости колониальным и зависимым странам. «КПСС рассматривает братский союз с народами, сбросившими колониальное и полуколониальное ярмо, — говорится в Программе КПСС, — как один из краеугольных камней своей международной политики. Этот союз основан на общности жизненных интересов мирового социализма и мирового национально-освободительного движения. КПСС считает своим интернациональным долгом помогать народам, идущим по пути завоевания и укрепления национальной независимости, всем народам, борющимся за полное уничтожение колониальной системы»²⁰.

Советский Союз оказывает огромную помощь освободившимся странам в строительстве основ экономической независимости. В настоящее время с помощью СССР введены в строй около 1950 предприятий и других объектов в развивающихся странах²¹. Советские кредиты предоставляются на льготных условиях: 2,5 % годовых сроком на 12 лет и не связаны с какими-либо политическими требованиями, ущемляющими суверенитет получающей страны. СССР имеет межправительственные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве с почти 70 развивающимися странами. Наряду с экономической помощью некоторые развивающиеся страны получают от Советского Союза современную военную технику, что позволило им в короткие сроки создать боеспособные национальные армии, стоящие на страже суверенитета и прогрессивных завоеваний.

Освободившиеся страны в свою очередь оказывают помощь Советскому Союзу и другим социалистическим странам в борьбе против империализма и его агрессивной политики. Бывшие колониальные и зависимые страны из резерва империализма превращаются в союзника прогрессивных антиимпериалистических сил. В проведении своего внешнеполитического курса СССР получает неизменную поддержку развивающихся стран, видящих свое будущее в прочном союзе с мировым социализмом.

Можно без преувеличения сказать, что сотрудничество Советского Союза с развивающимися странами в самых различных областях становится все более прочным и разнообразным, ибо оно отвечает интересам антиимпериалистической борьбы, делу мира и безопасности народов.

К началу 70-х годов национально-освободительное движение, взятое в целом, претерпело глубокие изменения. Антиимпериалистические национально-освободительные революции во многих странах вплотную подошли к своему второму этапу — этапу экономических и социальных преобразований. В документах Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. отмечалось складывание новой расстановки классовых сил в национально-освободительном движении, которое в результате

¹⁹ См.: «Правда», 24.IX.1960.

²⁰ Материалы XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1961, с. 357.

²¹ В соответствии с классификацией, принятой в ООН, в группу развивающихся стран включены социалистические страны СРВ, КНДР, ЛНР, МНР. Подробнее см.: Народное хозяйство СССР в 1983 г. Статистический сборник, М., 1984.

усиления своей социальной заостренности становится все более глубоким.

Такое углубление социального содержания национально-освободительного движения сопровождается ростом политической активности народных масс, поисков новых, более эффективных путей развития, активизацией деятельности на международной арене, поисков новых форм обеспечения безопасности, неприятием блоковой политики, вступлением в Движение неприсоединения.

Усиление этих тенденций привело к краху основных империалистических блоков на Востоке — СЕАТО и СЕНТО, фактическому умиранию военно-политической группировки АЗПАК, а также развалу или ослаблению других закрытых союзов и объединений, в которых хозяйничали империалистические державы.

Обозревая путь, пройденный национально-освободительными революциями, можно сказать, что они завершились не только развалом всей колониальной системы империализма, но и превращением десятков молодых национальных государств в самостоятельный фактор мировой политики. На развалинах колониальной системы угнетения родилось и окрепло Движение неприсоединения, которое, объединяя свыше ста развивающихся стран, выступает в качестве важной политико-экономической и военной силы, стоящей на страже интересов освободившихся государств, их свободы и национальной независимости. Представляя большую часть населения планеты, Движение неприсоединения играет роль катализатора ломки колониального наследия, неравноправных грабительских отношений, перестройки их на новой, более справедливой основе. Можно сказать, что за последние годы основная линия противоборства в зоне национального освобождения происходит между империализмом и Движением неприсоединения, поднявшим национально-освободительную борьбу на новый, более высокий уровень развития. Если на первом этапе борьбы национально-освободительное движение ставило своей задачей ликвидацию позорной системы колониального угнетения и освобождения от иностранной зависимости, то в 70—80-е гг. перед ним встали более сложные проблемы, принимающие все более выжженный социальный характер.

Однако было бы неверно говорить о том, что национально-освободительное движение на новом этапе его развития не испытывает никаких трудностей и идет по непрерывно восходящей линии. Опыт показывает, что, чем успешнее борьба развивающихся стран за национальное и социальное освобождение, тем активнее сплачиваются силы, противодействующие этому историческому процессу. Говоря о положительных тенденциях в политическом развитии Азии, конечно, нельзя закрывать глаза и на негативные моменты, появившиеся в национально-освободительном движении в отдельных развивающихся странах. В некоторых странах эксплуататорская верхушка смогла помешать коренным революционно-демократическим переменам и сохранить свою классовую гегемонию. В результате недостаточной организованности прогрессивных сил или слепого следования порочным установкам лево-экстремистских элементов после провозглашения политической независимости, власть в ряде стран захватили реакционные круги, тесно связанные с империализмом. Они установили антидемократические порядки, обрушились с репрессиями на коммунистов и патриотов. Империалистические государства используют самые современные неоколониалистские методы, чтобы по-прежнему выжимать пот и кровь из бывших колоний, завоевавших свою независимость.

Важным каналом проникновения иностранного капитала в экономику развивающихся стран и эксплуатации является предоставление им «помощи» как самими империалистическими державами, так и через международные банки и финансовые центры (Всемирный банк, Управ-

ление международного развития, Международный валютный фонд и пр.). Через широкую сеть международных кредитно-финансовых органов транснациональные компании привязывают развивающиеся страны к мировой капиталистической системе, прибирают к своим рукам ключевые отрасли народного хозяйства. ТНК располагают широким набором средств для эксплуатации молодых национальных государств. Вначале предоставляют капитал, знания и технологию, затем постепенно захватывают внутренние рынки и устанавливают доминирующее положение в торговле. От доминирования в торговле ТНК переходит к установлению своего господства в промышленности, после чего остается один шаг к установлению экономического и политического доминирования или господства.

Международный валютный фонд (МВФ), например, предоставляет «помощь» развивающимся странам только при условии, если они согласны открыть свои двери для свободного проникновения ТНК, осуществить так называемую либерализацию экспорта, отказаться от национального планирования, ориентироваться на экспорт своей самой лучшей продукции, ограничить рост заработной платы и сократить социальные программы.

К концу 1984 г., внешний долг стран третьего мира достиг почти 900 млрд. долл., а к концу 1985 г., как предполагается, достигнет 1000 млрд. долл. Сейчас сложилась такая ситуация, когда развивающиеся государства отдают больше денег богатым странам, чем получают в виде займов²².

В течение последних 30 лет, отмечается в документах VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран (Дели, 1983), после краха колониальной системы промышленно развитые капиталистические страны выкачивали на правах «партнеров» из молодых государств больше реальных ценностей, чем бывшие метрополии за 300 предыдущих лет. Огромный отток капитала из развивающихся стран, достигавший, по данным ООН, суммы в 200 млрд. долл. ежегодно, обескровливает эти страны и тормозит их социально-экономическое развитие.

Одним из каналов выкачивания средств из развивающихся стран, воздействия на социально-экономические процессы, а также привязывания их к милитаристскому курсу Запада, является втягивание их в военные авантюры, в водоворот гонки вооружений, приносящий огромные прибыли международным монополиям, что приводит к губительным последствиям для молодых национальных государств. Из 650 млрд. долл., составляющих ежегодные мировые военные расходы, на эти страны приходится 100 млрд. долл.²³, что является непосильным бременем для их слабой экономики. Навязываемая империализмом гонка вооружений освободившимся странам истощает и без того их скудные материальные ресурсы. Подсчитано, например, что на содержание одного солдата в странах Ближнего Востока расходуется столько же средств, сколько расходуется на социальные цели для 346 человек гражданского населения.

Империалистические круги делают все возможное, чтобы сохранить молодые государства в системе капиталистического хозяйства, не допустить дальнейшего развития социально-экономических процессов в этих странах в направлении к социализму. Империализм вынужден менять и тактику воздействия на развивающиеся страны в социально-экономической сфере. Если раньше империалистические страны пытались законсервировать господство родоплеменных и феодальных элементов, то сейчас они пытаются проводить политику, расчищающую путь для форми-

²² In: «Patriot», April 3, 1985.

²³ In: World Armaments and Disarmament, L., 1980, p. 20—21.

рования капиталистических производственных отношений. На Западе изобретена даже теория «догоняющего развития», цель которой состоит в том, чтобы путем постепенного эволюционного развития подталкивать освободившиеся страны к внедрению капиталистического способа производства. Широкое распространение, например, получает практика вывоза в развивающиеся страны крупногабаритных «грязных» производств, потребляющих большое количество энергии и загрязняющих окружающую среду. Транснациональные компании оставляют за собой общее руководство такими предприятиями, а также распределение прибыли.

Все более широкий характер в освободившихся странах принимает такая форма борьбы против монополий, как национализация всей иностранной собственности или отдельных предприятий. Но и в этом случае неокolonизаторы пытаются приспособиться к обстановке. Они стремятся придать этой национализации формальный характер, когда национализированная собственность юридически принадлежит освободившейся стране, а фактически ею распоряжаются те же ТНК, в руках которых сохраняются финансы, технологическое руководство, сбыт продукции и пр. Изменение юридического собственника, как показывает опыт, еще не решает всех проблем, которые должна охватывать национализация в широком смысле слова, когда речь идет о глубоком процессе трансформации всех экономических, социальных и политических структур в национальные, когда народ данной страны должен стать полным хозяином своих национальных богатств.

В свое время на Западе была выдвинута концепция «взаимозависимости», согласно которой зависимость молодых национальных государств от Запада дополняется теперь зависимостью развитых капиталистических стран от сырья и рынков сбыта развивающихся стран. Авторы этой концепции пытаются убедить молодые национальные государства, что в современных условиях взаимное выживание возможно только на основе кооперации метрополий с бывшими колониями и полуколониями. Однако на практике такая «взаимозависимость» оборачивается неравноправной зависимостью, то есть консервацией старых взаимоотношений между метрополиями и освободившимися странами только на более высоком технологическом уровне.

Когда политико-экономические рычаги воздействия не дают достаточного эффекта, тогда империалистические державы прибегают к силовым приемам или к тайным операциям ЦРУ. Нередко под предлогом «защиты жизненных интересов» в ход пускаются грубая сила или прямая военная интервенция, как это было в Ливане, Чаде, Гренаде, на Юге Африки и как это делается в отношении других борющихся народов. Ярчайшим примером грубого военного вмешательства американского империализма во внутренние дела освободившихся стран, является положение в Никарагуа. Народ, завоевавший себе право на свободную и независимую жизнь в результате упорной и длительной борьбы против проамериканского режима Сомосы, вынужден вновь взяться за оружие, чтобы отбить военные атаки американского империализма и его наймитов. В нарушение элементарных норм международного права, Устава ООН американский империализм ведет необъявленную войну против героического никарагуанского народа только потому, что победившая там народная революция не вписывается в понятие американской «демократии», оказалась не по душе уолстритовским толстосумам. Была также развязана целая серия необъявленных войн в отношении Анголы, Афганистана, Кампучии, Сальвадора и других стран и народов.

Американский империализм вновь делает упор в своей внешней политике на создание новых и упрочение прежних военно-политических блоков и расширение сети военных баз и опорных пунктов для борьбы с национально-освободительным движением и странами, возглавляемыми прогрессивными силами.

В вашингтонских кабинетах власти давно вынашивается идея создания восточного варианта НАТО под благовидным названием «Тихоокеанское сообщество», которое пока рекламируется как сугубо культурно-экономическая организация, призванная якобы способствовать лучшему взаимопониманию стран Азиатско-тихоокеанского региона, налаживанию между ними взаимовыгодной торговли и экономического сотрудничества. На самом же деле речь идет о создании агрессивного военно-политического блока, который подобно НАТО в Европе выполнял бы роль сторожевого пса, защищающего имперские интересы США в этом стратегически важном районе мира.

На первом этапе в качестве основы будущего блока планируется сколотить альянс Вашингтон — Токио — Сеул, а затем на его базе возвести здание Тихоокеанского сообщества.

Как сообщает иностранная печать, американские стратеги решили более удобным, чтобы идю Тихоокеанского сообщества выдвинула Япония, которая находится как бы в геополитическом центре этого региона. Впервые эту идю выдвинул покойный премьер-министр Японии М. Охирра. Однако она повисла в воздухе, так как страны АСЕАН оказали ей весьма холодный прием из-за опасения, как писала газета «Дейли Эмиури», что развитые государства возьмут на себя инициативу ее реализации в собственных интересах.

Тогда за дело взялась сама американская администрация. Во время визита в Японию в ноябре 1983 г. президент Р. Рейган прямо заявил, что Азиатско-тихоокеанский регион является «новым мировым форпостом». В октябре 1984 г. государственный секретарь Шульц подчеркнул, что США рассматривают концепцию Тихоокеанского сообщества как «важнейшую дипломатическую задачу второй администрации Рейгана»²⁴. В связи с этим японская газета «Санкэй симбун» писала, что США хотели бы создать в зоне Тихого океана региональное сообщество наподобие НАТО и Общего рынка, куда бы вошли Япония, США, Китай, страны АСЕАН, а также Канада, Австралия и Новая Зеландия²⁵.

В сентябре 1984 г. президент Р. Рейган объявил о создании Национального комитета Тихоокеанского экономического сотрудничества (СРЕС) с целью оказания существенного воздействия на международные отношения в Азии, что стало первым организационным шагом на пути осуществления конкретного политического курса США в Азиатско-тихоокеанском регионе.

В настоящее время ведется широкая пропаганда идеи создания такого «сообщества», внедрение ее в сознание народов, населяющих данный регион. Проводятся разного рода дискуссии, семинары, симпозиумы и коллоквиумы как на двусторонней, так и на многосторонней основе, задача которых подготовить морально-политическую атмосферу для реализации этого зловещего плана. При этом не скупятся на всяческие посулы и обещаются всяческие выгоды и блага тем, кто станет участником этого «сообщества», которое-де будет твердо стоять на страже интересов всех стран и народов региона в борьбе против «советской угрозы».

Таким образом, американский империализм пытается создать новый агрессивный военно-политический блок Азии для борьбы против национально-освободительных движений, всех прогрессивных сил и миролюбивых народов, выступающих за упрочение мира и безопасности, за укрепление свободы и независимости народов Азиатского континента и бассейна Тихого океана.

Важно отметить в преддверии 40-летия разгрома японского милитаризма, что в предполагаемом военно-политическом блоке особая роль

²⁴ «Джэпэн тайме», 30.XI.1984.

²⁵ См.: «Санкэй симбун», 3.XI.1984.

отводится Японии, которая имеет опыт, правда, горький, создания «сферы взаимопроцветания в Азии» и располагает немалыми материальными и военными возможностями, чтобы наряду с США стать костяком этого блока. В Японии давно носятся с идеей создания какого либо военно-политического союза, в котором бы задавали тон японские монополии.

Теперь в Японии считают, что она получила реальный шанс совместно с США осуществить свой план и занять в нем если не роль хозяина, то место управляющего делами. Японские лидеры надеются в итоге переиграть своего старшего партнера и стать фактически хозяином положения в планируемом сообществе.

Нельзя не видеть, что обстановка в Японии быстро меняется в худшую сторону. Силы милитаризма и реванша поднимают голову и вновь пытаются возродить былое «величие» японской империи. Они развернули широкое наступление на внутреннем фронте против демократических сил и усиливают свою внешнеэкономическую экспансию. Правящие круги принимают широкие меры по наращиванию военной мощи страны, все теснее координируют внешнеполитические и военные планы с американским империализмом. Глубоко проникнув в экономику многих азиатских стран, японские монополии совместно со своими американскими партнерами пытаются создать в этих странах такие социально-экономические структуры, которые тормозили бы дальнейшее развитие национально-освободительного движения и удерживали эти страны в рамках капиталистических отношений.

В Японии все активнее начинают действовать многочисленные ультраправые и левацкие экстремистские группы, махрово-националистические организации, разжигающие среди японского народа антисоветские настроения, выдвигающие реваншистские притязания на советские земли. Крайне правые круги пытаются запугать японский народ мнимой «агрессивностью» Советского Союза, который якобы создает «угрозу» национальной безопасности страны. Они призывают народные массы активно поддерживать милитаристские планы в отношении СССР и других миролюбивых народов Азиатского континента.

Однако не вся Япония пассивно созерцает сползание страны на дорожку, ведущую к мрачным временам прошлого. В сознании японского народа все еще свежи ужасы второй мировой войны — трагедия Хиросимы и Нагасаки, разрушенные города и села, разбитые американской авиацией заводы и фабрики и миллионы солдат погибших на полях сражений ради интересов правящей верхушки. Японский народ имел возможность воочию убедиться в том, что его собственная свобода несовместима с угнетением других народов. Силы японской демократии, выросшие и окрепшие в послевоенное время, достаточно мощны, чтобы дать решительный отпор воинствующим реваншистам и наглеющим милитаристам. Сознание грозящей катастрофы вовлекает в антивоенное движение все более широкие слои населения, превращая демократический лагерь страны в реальную силу современной Японии.

Тем не менее обстановка, складывающаяся в Японии и вокруг нее, требует повышения бдительности и усиления отпора по всем направлениям японским экспансионистам, вынашивающим опасные планы создания нового очага войны и агрессии на Дальнем Востоке.

Сотрудничество СССР и МНР в годы второй мировой войны

Ч. ПУРЭВДОРЖ,

*генерал-лейтенант, первый заместитель министра обороны,
начальник Генерального штаба Вооруженных Сил МНР*

Трудящиеся Монголии вместе с народами Советского Союза, стран социалистического содружества, всем прогрессивным человечеством торжественно отмечают 40-летие исторической победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом.

В постановлении ЦК МНРП «О подготовке и проведении 40-летия победы над германским фашизмом и японским милитаризмом», принятом в октябре 1984 г., было подчеркнуто: «...Победа Советского Союза над фашизмом и милитаризмом явилась триумфом ленинского учения о защите социалистического Отечества, яркой демонстрацией жизненной силы социалистического общественного строя, непобедимости марксистско-ленинской идеологии, монолитности Коммунистической партии и советского народа, нерушимой дружбы и сплоченности всех народов Страны Советов, торжеством дела мира, свободы и социального прогресса...» ЦК МНРП принял решение «торжественно отметить по всей стране 40-летие победы... как всенародный праздник торжества дела социализма и мира, интернациональной дружбы монгольского и советского народов».

22 июня 1941 г. фашистская Германия разбойничьим нападением на советский народ совершила чудовищное преступление против свободлюбивых народов мира. Агрессия против СССР явилась выражением антикоммунистической и антисоветской политики, которая проводилась империалистами с первых дней после Великой Октябрьской социалистической революции. Развязывая войну, руководители фашистской Германии выражали политику самых реакционных сил империализма. Свою главную цель они видели в том, чтобы ликвидировать советский общественный строй, уничтожить первое в мире социалистическое государство, лишит советский народ национальной самостоятельности. Завоевание СССР, по мнению гитлеровской верхушки, открыло бы путь германскому империализму к мировому господству.

Навязанная Советскому Союзу фашизмом война была самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма. Она явилась бескомпромиссной вооруженной схваткой различных общественно-политических систем — социализма и капитализма, двух диаметрально противоположных государств — советского и фашистского, двух противоположных идеологий — коммунистической и буржуазной.

Монгольский народ был глубоко потрясен вестью о фашистской агрессии и воспринял ее как непосредственную военную акцию против МНР. 22 июня 1941 г. объединенное заседание Президиума ЦК МНРП, Совета Министров и Президиума Малого хурала МНР обсудило вопрос «О вероломном нападении фашистской Германии на СССР» и приняло декларацию, подтверждающую верность правительства МНР обязательствам, принятым на себя по договору о взаимопомощи между СССР и

МНР от 12 марта 1936 г. МНРП и правительство МНР твердо заявили, что монгольский народ, связанный узами кровной, нерушимой дружбы с советским народом, с глубочайшим гневом клеймит этот преступный акт со стороны фашистской Германии и ответит всемерным усилением интернациональной дружбы с советским народом. «Правительство МНР и Президиум ЦК МНРП, — подчеркивалось в постановлении, принятом на этом заседании, — заверяют правительство Советского Союза... что наш народ готов рука об руку с советским народом встать на защиту его свободы и независимости, на защиту его завоеваний».

В суровые годы Великой Отечественной войны советского народа МНРП видела свой интернациональный долг и священную обязанность в том, чтобы разделить с советским народом все тяготы войны, оказать ему посильную материальную и моральную помощь, обеспечить совместно с Красной Армией неприкосновенность восточных границ МНР и СССР.

Конкретные политические и экономические задачи партии и народа на этот период разработал состоявшийся в ноябре 1941 г. пленум ЦК МНРП. В решениях пленума отмечалось: «Самой важной и основной задачей МНР в настоящее время является задача всемерной помощи народам Советского Союза в их борьбе с гитлеризмом, ибо без победы над гитлеризмом, угрожающим порабощением всем народам мира, невозможно дальнейшее свободное и успешное развитие МНР». Пленум указал, что усиление непосредственной материальной помощи бойцам Красной Армии, всемерное развитие экономики МНР за счет широкого и максимального использования внутренних ресурсов страны и укрепление собственной обороноспособности являются основными направлениями помощи советскому народу.

На основе решений пленума началась перестройка народного хозяйства МНР на военный лад. Местные и первичные партийные организации стали проводить большую массово-агитационную работу среди трудящихся. Патриотическое движение за оказание помощи Красной Армии охватило все слои населения, стало поистине всенародным. Трудящиеся МНР работали, вдохновленные лозунгами «Все на помощь Красной Армии!», «Все для фронта, все для победы!». Правительство МНР осуществило ряд мероприятий по мобилизации материальных и трудовых ресурсов страны. Здесь решающая роль принадлежала сельскому хозяйству, прежде всего животноводству. Большое внимание было уделено увеличению поголовья и повышению продуктивности скота, целесообразному использованию продуктов животноводства и повышению его доходности. С 1940 по 1944 г. товарный выход молока возрос более чем в 5 раз, увеличились заготовки мяса, шерсти, кожи и других продуктов животноводства. Была успешно решена задача удовлетворения потребностей МНР основными видами пищевых продуктов за счет отечественного производства. Несмотря на неблагоприятные климатические и природные условия Монголии, были увеличены посевные площади под сельскохозяйственные культуры, земледелие страны стало давать значительную часть хлеба, необходимого для населения.

Борьба за освоение новых видов производства и расширение ассортимента выпускаемых товаров развернулась и в разных отраслях промышленности. В стране успешно осуществлялась выдвинутая МНРП задача максимального использования внутренних ресурсов, работы на местном сырье. Это привело к тому, что монгольская промышленность стала изготавливать многие виды товаров, которые раньше ввозились из СССР. В годы войны Монголия освоила производство почти всех видов обуви и другой продукции широкого потребления. Таким образом, за счет использования внутренних ресурсов в МНР был сокращен импорт из Советского Союза отдельных видов товаров, в которых нуждался в то время советский народ. Президиум Малого хурала МНР в 1941 г. ут-

вердил закон об обязательных перевозках государственных грузов гужевым транспортом. Увеличение грузоперевозок гужевым транспортом внутри страны сыграло важную роль в сокращении импорта автомобилей из СССР, которые использовались для нужд фронта.

Несмотря на огромные трудности военного времени, Советский Союз продолжал оказывать Монголии помощь. Он поставлял в МНР товары, которые не вырабатывала монгольская промышленность. С помощью СССР в строй вступили шерстоделательная фабрика, фабрика кожевенных изделий, угольная шахта в Дзун-Булаке, первое высшее учебное заведение — Монгольский государственный университет — и многие другие объекты. С 1941 по 1944 г. стоимость валовой продукции промышленности страны увеличилась более чем на 54 %, в том числе объем валовой продукции государственной промышленности в 1945 г. вырос в 2 раза по сравнению с 1940 г. и составил 30 % внутреннего товарооборота.

Для увеличения фонда помощи Красной Армии трудящиеся Монголии выявляли различные источники средств. На местах были организованы охотничьи бригады для заготовки мяса дзюренов (антилоп) и кабанов в подарок бойцам Красной Армии. По инициативе монгольских женщин были созданы сотни кружков по вязанию и изготовлению теплых вещей для советских воинов.

Для организации работы по созданию специального фонда и отправки подарков советским воинам на фронт в сентябре 1941 г. при Совете Министров МНР была образована Центральная комиссия по организации помощи Красной Армии. Были созданы также комиссии в каждом аймаке. В фонд помощи Красной Армии вносились деньги, золотые и серебряные изделия, другие ценности, теплая одежда, продукты питания. Многие медицинские работники и трудящиеся добровольно становились донорами. Молодежные и профсоюзные организации устраивали массовые субботники, а заработанные на них средства вносились в фонд помощи Красной Армии. Монгольские писатели и работники искусства переводили на монгольский язык и ставили на сценах театров и клубов пьесы советских авторов о беспримерном героизме советских людей, а поступающие средства направляли на фронт. Наряду с внесением денег и вещей в общий фонд тысячи трудящихся МНР посылали на фронт индивидуальные подарки.

В пунктах по приему индивидуальных подарков и магазинах, где продавались готовые посылки для советских воинов, дежурили специальные уполномоченные, писавшие по просьбе аратов письма фронтовикам на русском языке. Со всех концов страны рабочие, скотоводы, представители интеллигенции, учащиеся школ и бойцы Народно-революционной армии посылали тысячи коллективных и индивидуальных писем в адрес ЦК ВКП(б) и Советского правительства, бойцам и командирам частей и подразделений Красной Армии. В свою очередь монгольский народ получал массу писем от советских друзей, особенно с фронта. Эта переписка явилась одним из проявлений нерушимой братской дружбы двух народов, спаянных единой идеологией, общими целями и задачами.

В ноябре 1941 г. к XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции правительство МНР от имени монгольского народа отправило на фронт бойцам и командирам Красной Армии первый эшелон подарков и посылок монгольских трудящихся. До конца Великой Отечественной войны советского народа на Волховский, Калининский, Северо-Западный, Центральный, 1-й Украинский и Западный фронты было послано 8 таких эшелонов подарков на общую сумму 65 млн. тугриков.

Иногда подарки монгольских трудящихся отправлялись на фронт в сопровождении делегаций, в состав которых входили партийные и государственные деятели, передовики промышленного производства и сельского хозяйства, работники науки и культуры. Так, в ноябре 1942 г. на

фронт было одновременно отправлено 4 эшелона подарков (всего 237 вагонов). Эшелоны сопровождалась делегациями во главе с премьер-министром МНР маршалом Х. Чойбалсаном. Маршал Советского Союза П. Х. Баграмян, командовавший в 1942 г. 16-й армией, в своих воспоминаниях так рассказал о посещении этой армии монгольской делегацией в декабре того же года: «...Всего несколько дней мы провели вместе, а расставались с грустью, как самые большие и верные друзья... Было особенно дорого, что локоть друзей мы почувствовали в тяжкую для нас пору, когда враг стоял недалеко от столицы нашей Родины. Правильно говорится: истинные друзья познаются в беде».

Наряду с добровольным сбором средств МНРП считала, что одной из наиболее эффективных форм помощи является приобретение боевого оружия на средства монгольского народа и передача его Вооруженным Силам СССР. В связи с этим XXV сессия Малого хурала (январь 1942 г.), выразив волю всего монгольского народа, приняла решение создать танковую колонну «Революционная Монголия» и передать ее в качестве дара Красной Армии. На средства, собранные монгольскими трудящимися, колонна из 53 танков Т-34 была построена и 12 января 1943 г. торжественно передана 112-й ордена Красного Знамени танковой бригаде. Бригада прошла славный боевой путь до Берлина. За годы войны это прославленное соединение было награждено восемью советскими и монгольскими орденами, сотни его воинов были отмечены орденами и медалями, 16 человек удостоены звания Героя Советского Союза.

В 1943 г. по решению XXVI сессии Малого хурала МНР на средства, добровольно собранные предприятиями, учреждениями, общественными организациями и отдельными гражданами Монголии, была построена авиаэскадрилья «Монгольский арат» из 12 боевых самолетов Ла-3ФИ и передана Военно-Воздушным Силам СССР. Она внесла достойный вклад в дело разгрома гитлеровской Германии, проявив при этом беззаветную храбрость, мужество в боях. Так же, как и в отношении танкистов бригады «Революционная Монголия», МНР взяла на себя вещевое и продовольственное снабжение летчиков этой эскадрильи.

За годы войны монгольские скотоводы продали Красной Армии почти 0,5 млн. и подарили 30 тыс. лошадей. После того как Красная Армия начала освобождение временно захваченной фашистами советской территории, монгольский народ оказывал Советскому Союзу посильную помощь в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. Трудящиеся Монголии в последние годы войны и в первые годы послевоенного времени перевели в фонд помощи инвалидам Отечественной войны и сиротам-детям воинов Советских Вооруженных Сил более 5 млн. тугриков. Они собрали и отправили 50 тыс. голов племенного скота в помощь по восстановлению хозяйств освобожденных районов СССР.

Награждение Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 июля 1944 г. ряда партийных и государственных деятелей МНР орденами и медалями Советского Союза за заслуги в деле организации материальной помощи советскому народу в годы войны свидетельствовало о высокой оценке правительством СССР вклада монгольского народа в борьбу с фашистской Германией.

В годы войны первостепенное внимание уделялось правительством Монголии укреплению собственных вооруженных сил, усилению обороноспособности МНР. В 1941—1945 гг. более 50 % расходов государственного бюджета МНР шло на оборону, а численность Монгольской Народно-революционной армии увеличилась в 3—4 раза. Военная и политическая подготовка руководящих кадров армейских частей значительно улучшилась. Были приняты законы и постановления об обязательном обучении военному делу лиц призывного возраста, об удлинении сроков

военной службы, о явке призывников на действительную воинскую службу с собственными конями, с всеобщей воинской обязанности. ЦК МНРП направил на партийно-политическую работу в воинских частях лучшие партийные и государственные кадры. Для подготовки военных кадров, наряду с обучением многих монголов в военных учебных заведениях Советского Союза в 1943 г. была открыта офицерская школа имени Д. Сухэ-Батора. Велась большая работа по изучению и распространению богатого боевого опыта Красной Армии. Укрепление обороноспособности МНР, повышение уровня боеготовности МНРА являлись проявлением помощи и поддержки советскому народу со стороны монгольского народа. Советский Союз, со своей стороны, оказывал Монголии помощь в обеспечении ее безопасности. Несмотря на то что Вооруженные Силы Советского Союза вели напряженные военные действия на огромном фронте, он безвозмездно поставлял для нужд обороны МНР боевое оружие и технику. С его помощью в Монгольской Народно-революционной армии были значительно увеличены бронетанковые и моторизованные войска.

Находясь в МНР советские военные советники оказывали большую помощь в подготовке военных кадров и овладении монгольскими войсками новой техникой, в повышении их боевого мастерства. Советские войска находились на территории Монголии в соответствии с Протоколом о взаимопомощи от 12 марта 1936 г. и по просьбе правительства МНР, являясь надежной опорой в защите суверенитета и независимости республики от посягательств японских милитаристов.

Историческая победа советского народа над фашистской Германией была победой и монгольского народа, который жил одними думами с братским советским народом. Указом Президиума Малого хурала День Победы советского народа в МНР был объявлен праздничным днем. По всей стране проходили торжественные митинги, собрания, посвященные этому историческому дню.

Разгром и капитуляция гитлеровской Германии еще не завершили вторую мировую войну. На Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана продолжала вести военные действия милитаристская Япония. Состоя в фашистском блоке, японские милитаристы оказывали Германии помощь в течение всей войны, чем нарушили пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Генеральный штаб Японии систематически снабжал гитлеровское командование информацией о численности и дислокации частей и резервов Красной Армии, о ее вооружении, об экономическом положении Советского Союза, о состоянии военного производства и т. п. Японские правители в течение 1941—1943 гг. не только готовили оперативно-стратегические планы вторжения и включения в «великую восточно-азиатскую сферу» всей Сибири и Дальнего Востока, но и разрабатывали вопросы военного управления захваченной советской территорией. Весной 1944 г., когда Красная Армия стремительно продвигалась к западным границам СССР, они приступили к составлению оборонительного плана. Японская военщина фактически установила морскую блокаду СССР на Дальнем Востоке, незаконно задерживала в открытых водах и даже топила советские суда, часто осуществляла провокации на восточных границах МНР и СССР.

Япония сконцентрировала большие силы в непосредственной близости к границам СССР и МНР, выжидая благоприятный момент для вторжения на их территорию, что вынуждало Советский Союз в самый тяжелый период войны с фашистской Германией держать 40 дивизий на своих дальневосточных рубежах. Японский милитаризм на протяжении многих лет создавал угрозу суверенитету, безопасности, самому существованию Монгольской Народной Республики.

После разгрома фашистской Германии японские милитаристы не собирались складывать оружия и рассчитывали вести затяжную войну.

Война США и Англии против Японии носила затяжной характер. Военные стратеги Запада не рассчитывали на скорую победу над Японией, несмотря на крупные потери во флоте и авиации, японское командование располагало еще значительными силами. Учитывая реальную обстановку, Советский Союз не мог считать обеспеченной свою безопасность, пока на Дальнем Востоке существовал последний очаг войны. Требовалось как можно скорее его потушить. В этом были заинтересованы все народы Азии, в том числе и монгольский народ. К выступлению Советского Союза против милитаристской Японии обязывал также его союзнический долг как члена антифашистской коалиции.

Вопрос о вступлении Советского Союза в войну с Японией обсуждался еще на Тегеранской конференции. В соглашении, подписанном руководителями трех великих держав, советская делегация дала определенные обещания. Однако окончательно этот вопрос был решен на Крымской конференции руководителей трех союзных держав. В соглашении, подписанном на конференции, одним из условий вступления СССР в войну против Японии было сохранение статус-кво, то есть независимости МНР.

Советское правительство, руководствуясь желанием приблизить сроки окончания второй мировой войны, освободить народы, поработанные японскими милитаристами, от дальнейших жертв и страданий, содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира, стремлением обеспечить безопасность своих границ на Дальнем Востоке и в соответствии с просьбой союзных держав 8 августа 1945 г., объявило войну Японии. Решение Советского правительства встретило полное одобрение не только народов СССР, но и всех миролюбивых народов мира, в том числе и монгольского. Вслед за Советским Союзом войну против Японии объявило и правительство МНР. В декларации от 10 августа 1945 г. подчеркивалось, что Монголия приняла это решение в соответствии с советско-монгольским договором 1936 г. о взаимопомощи и руководствуясь стремлением «быстрее добиться всеобщего мира, а также внести свой вклад в дело объединенных наций». Участие монгольской Народно-революционной армии в войне против милитаристской Японии свидетельствовало о нерушимой дружбе народов МНР и СССР и общности их национальных интересов в борьбе против врага, не раз покушавшегося на государственную целостность и самостоятельность социалистических стран.

Советским и монгольским войскам противостояла Квантунская армия, являвшаяся основой сухопутных сил Японии. В ее составе вместе с войсками марионеточного государства Маньчжоу-го и японского ставленника князя Дэвана насчитывалось свыше 1,2 млн. человек, 1155 танков, 5360 орудий и 1,8 тыс. самолетов. Японские войска располагали мощными укреплениями на границе с СССР и МНР. Общая протяженность полосы укреплений, в которой насчитывалось свыше 4500 долговременных сооружений, составляла около 800 км. Воспитанная в духе фанатической преданности императору и ненависти к социализму, Квантунская армия представляла собой силу, способную вести упорную оборону.

Вскоре после окончания Крымской конференции ставка ВГК провела ряд подготовительных мероприятий с целью усиления Дальневосточной группировки и подготовки ее к боевым действиям. Для этого в период с мая по июль 1945 г. была проведена перегруппировка значительного количества сил и средств с западного театра военных действий на Дальний Восток по единственной Транссибирской магистрали на расстоянии до 9—11 тыс. км, что было беспрецедентным в истории войны и военного искусства. В результате боевой состав войск Дальневосточной группировки увеличился почти в полтора раза. В войсках трех фронтов: Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточного к началу боевых действий

насчитывалось свыше 1,5 млн. человек, 15,5 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, 26 тыс. орудий и минометов, 3,8 тыс. боевых самолетов. Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке был Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

В оперативном подчинении командованию Забайкальского фронта находилась конно-механизированная группа советско-монгольских войск, в состав которой от Монгольской Народно-революционной армии, насчитывавшей 80 тыс. солдат и офицеров, входили 4 кавалерийские дивизии, механизированная бронетанковая бригада, артиллерийские полки, полк связи, смешанная авиационная дивизия и другие части. Общее руководство конно-механизированной группой осуществлял Герой Советского Союза генерал-полковник И. А. Плиев (впоследствии генерал армии, дважды Герой Советского Союза, Герой МНР), монгольскими войсками командовал Маршал МНР Х. Чойбалсан.

Огромный боевой опыт, накопленный советскими войсками в годы войны с гитлеровской Германией, первоклассная боевая техника, высокие морально-политические качества советских и монгольских воинов и наличие талантливого и квалифицированного руководства во всех звеньях Вооруженных Сил СССР и МНР создавали необходимые предпосылки для ведения успешных боевых операций на Дальнем Востоке.

В ночь на 9 августа 1945 г. войска двух Дальневосточных и Забайкальского фронтов во взаимодействии с Тихоокеанским военно-морским флотом и Амурской речной флотилией начали боевые действия против японских войск на фронте протяженностью около 5 тыс. км. Советско-монгольские войска повсеместно пересекли государственную границу, разгромили японские войска прикрытия и вступили на территорию Маньчжурии одновременно с запада, севера и востока. Утром 9 августа советская авиация нанесла сильные удары по военно-промышленным объектам Гиррина, Харбина, Чанчуна, Мукдена и важным железнодорожным узлам. Тихоокеанский флот начал подготовку к десантным операциям, а его воздушные силы и соединения торпедных катеров нанесли удары по кораблям и военным объектам противника на северо-восточном побережье Кореи.

Командование Забайкальского фронта поставило перед конно-механизированной группой задачу обеспечить защиту фронта от ударов суйюаньской и пекинской группировок противника. Для выполнения этой задачи группа должна была провести стремительный рейд через пустыню Гоби и горы Большого Хингана на Калган-Пекинском и Долоннор-Жэхэйском направлениях с выходом к берегам Ляодунского залива. Советские и монгольские войска преодолели в условиях бездорожья и острого недостатка воды Чахарскую пустыню протяженностью 150 км, труднодоступные горы Большого Хингана, овладели городами Долоннор, Жэхэ, Джэнбэй, проходя с наступательными боями до 100 км в сутки. Они совершили героический рейд в 950 км, полностью перерезав коммуникации, связывавшие Маньчжурию с собственно Китаем. В кровопролитных боях 19—21 августа 1945 г. на Калганском перевале конно-механизированная группа прорвала мощный укрепленный район японцев, считавшийся неприступным. В результате 12-суточного стремительного наступления группа освободила много городов и населенных пунктов Внутренней Монголии и вышла к Великой китайской стене.

Советско-монгольская конно-механизированная группа за период с 9 по 23 августа взяла в плен 210 тыс. солдат и офицеров противника, захватила большое количество оружия и техники, которые были затем переданы командованию Народно-освободительной армии Китая.

Советские Вооруженные Силы в результате стремительных и высококомандежных боевых действий за 23 дня наголову разбили основные силы Квантунской армии и освободили Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Блестящая победа

Советских Вооруженных Сил лишила Японию возможности продолжать войну и вынудила ее 2 сентября 1945 г. безоговорочно капитулировать.

После капитуляции Японии Советское правительство, высоко оценив подвиг монгольских воинов, обратилось к правительству МНР со следующей телеграммой: «Советское правительство с чувством признательности отмечает, что Монгольская Народно-революционная армия, борющаяся плечом к плечу с Красной Армией, внесла свой ценный вклад в общее дело разгрома японского империализма». Свыше 2 тыс. монгольских и советских воинов было награждено орденами и медалями МНР. Пулеметчикам Л. Аюушу, С. Дампилу, минометчику Д. Данзанванчигу, связисту М. Жанчиву было присвоено звание Героя МНР.

Победа над японским милитаризмом означала конец второй мировой войны. Это было великое событие не только для советского и монгольского народов, но и для всех народов мира. Эта победа обеспечила безопасность двух социалистических стран. На восточных границах МНР и СССР, где более десяти лет было тревожно, воцарилось спокойствие.

Разгром японского милитаризма имел огромное международное значение, особенно для национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Советское командование сразу после разгрома Квантунской армии все ее вооружение и боеприпасы передало Народно-освободительной армии Китая. Территория Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии, освобожденная советско-монгольскими войсками, стала важным плацдармом китайской революции. Создание Маньчжурской революционной базы в освобожденной советскими и монгольскими войсками северо-восточной части Китая сыграло важнейшую роль в последующем развитии освободительного движения в масштабах всей страны. Все это в значительной мере способствовало ускорению победы народной революции в Китае, в результате которой в октябре 1949 г. была провозглашена КНР. Освободились от японского гнета и стали независимыми Корея, Вьетнам, другие страны Юго-Восточной Азии. С ликвидацией японского милитаризма благодаря разгрому его основной силы — Квантунской армии — был уничтожен главный очаг войны на Дальнем Востоке, укрепилось дело мира в этом важном районе.

Вторая мировая война не имела себе равных в истории по масштабам и количеству унесенных человеческих жизней, причиненным бедствиям и страданиям, разрушению материальных и духовных ценностей. Советский Союз явился основной, решающей силой, определившей ход и исход второй мировой войны. Он внес наиболее крупный вклад в дело разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии. Четыре военных года простые люди всего земного шара с надеждой взирали на Советскую страну как на силу, способную спасти мир от рабства двух могущественных хищников. Первое в мире социалистическое государство оправдало эти надежды и чаяния прогрессивного человечества.

Историческая победа Советского народа во второй мировой войне оказала глубокое революционное воздействие на весь ход мирового развития. В результате разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии, избавления многих стран Европы и Азии от господства реакции, были созданы благоприятные условия для победы в них социалистической революции. Образовалась мировая система социализма. Углубился общий кризис капитализма, ускорился мировой революционный процесс. Победа советского народа способствовала дальнейшему росту рабочего движения в капиталистических странах, укреплению рядов коммунистических и рабочих партий — активных борцов за дело рабочего класса и всех трудящихся. Международное коммунистическое движение превратилось в одну из самых влиятельных и авторитетных политических сил современности. В результате разгрома германского фашизма и японского милитаризма распалась колониальная система им-

периализма. В послевоенные годы десятки стран Азии, Африки и Латинской Америки сбросили оковы колониального гнета, многие из них избрали путь социалистической ориентации.

Исторические уроки второй мировой войны служат суровым предупреждением агрессивным силам мирового империализма, сторонникам военных авантур. Главный из этих уроков состоит в том, что за мир надо неустанно бороться, пока война не началась. Сегодня обстановка в мире крайне обострилась из-за агрессивных действий администрации США и их союзников по НАТО. С целью уничтожения социализма как общественно-политической системы реакционные круги международного империализма вынашивают бредовую идею прямой военной агрессии против социалистических стран. Они создают в различных районах нашей планеты опасные очаги напряженности, стремятся к нарушению военно-стратегического равновесия в мире и достижению военного превосходства над Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, усиливают идеологическую диверсию против них. Поднимают головы воинствующие реваншистские силы, ратующие за пересмотр итогов минувшей войны.

Все более тесное смыкание реакционных, империалистических и гегемонистских сил, милитаризация Японии, сколачивание агрессивного военно-политического альянса Вашингтон — Токио — Сеул представляют серьезную угрозу делу мира не только в Азии, но и во всем мире. Возрастающую опасность представляет гегемонистское стремление США превратить Азиатско-тихоокеанский регион в еще одну зону военно-политической конфронтации с социалистическими странами, открыть «восточный фронт» борьбы против них.

Перед лицом такого опасного развития событий в мире для устранения угрозы новой войны, укрепления мира и безопасности народов Советский Союз, другие социалистические страны выдвигают целый комплекс конструктивных мирных инициатив и предложений. Положительную оценку в мире получило предложение МНР о заключении Конвенции о ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана.

Последовательная миролюбивая внешнеполитическая деятельность КПСС и братских партий, нерушимая братская дружба Советского Союза и стран социалистического содружества, неуклонный рост их экономического, научно-технического и оборонного могущества служат главным фактором обеспечения всеобщего мира.

В послевоенные годы трудящиеся Монголии под руководством МНРП и опираясь на братскую помощь Советского Союза и других социалистических стран, успешно завершив исторический процесс создания основ социализма, с успехом решают задачи создания материально-технической базы социализма.

В дальнейшем ускорении развития народного хозяйства и культуры нашей страны, повышении благосостояния трудящихся и укреплении обороноспособности МНР решающую роль играла и играет братская дружба и всестороннее сотрудничество с великим Советским Союзом, его бескорыстная помощь. Ныне монголо-советское сотрудничество вступило в новый этап своего развития, оно охватывает все сферы политической, экономической, научной и культурной жизни общества, все более обогащается новым содержанием и формами.

Состоявшиеся в 1984—1985 гг. встречи Генерального секретаря ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого народного хурала МНР товарища Ж. Батмунха с советскими руководителями еще раз подтвердили общность целей и интересов МНРП и СССР, их решимость развивать и углублять всестороннее сотрудничество обеих стран и народов во имя успешного строительства социализма и коммунизма в МНР и

СССР, осуществлять тесное сотрудничество на международной арене для сохранения и упрочения мира и безопасности.

В дни мирного созидания монгольские и советские воины всесторонне сотрудничают, умножая добрые традиции братской дружбы и боевого содружества, закаленных в совместной борьбе против общего врага. Наша дружба крепка и нерушима. Она скреплена кровью, пролитой лучшими сыновьями наших народов в огне сражений. Эту искреннюю и сердечную дружбу — основу независимости, развития и процветания МНР — монгольский народ по праву считает своим великим историческим революционным завоеванием, от чистого сердца гордится, уважает ее и как зеницу ока бережет.

МНРП и правительство МНР, сосредоточивая главное внимание на экономическом фронте и проводя миролюбивую внешнюю политику, делают соответствующие выводы из создавшейся международной обстановки и принимают все необходимые меры по укреплению безопасности страны, защите завоеваний социализма. Ныне благодаря постоянной заботе партии, правительства и народа, помощи и поддержке Советского Союза МНРА вместе со своими братьями по оружию зорко охраняет восточный рубеж социалистического содружества. Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, в соответствии с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенным в январе 1966 г. между СССР и МНР, как и прежде, оказывает решающую помощь в деле укрепления безопасности нашей страны, ее обороноспособности. Советские воины, временно находящиеся на территории МНР по просьбе ее правительства, достойно продолжают и умножают славные боевые традиции монгольского и советского народов и их армий.

Трудящиеся социалистической Монголии, воины Народной армии, развернув социалистическое соревнование в завершающем году VII пятилетки под девизом достойной встречи XIX съезда МНРП и 40-летия победы над германским фашизмом и японским милитаризмом, добиваются больших успехов в созидательном и мирном труде.

КНДР: годы борьбы и созидания

[К 40-летию освобождения Кореи Советской Армией]

---

*В. И. АНДРЕЕВ,
В. И. ОСИПОВ*

Великая победа Советского Союза над германским фашизмом и японским милитаризмом, одержанная в союзе с другими государствами антигитлеровской коалиции, со всеми демократическими силами, принесла освобождение народам Европы и Азии, спасла от гибели мировую цивилизацию. Разгром фашистского блока оказал решающее воздействие на весь ход общественного развития. Возникла мировая социалистическая система, ускорился процесс распада колониальных империй, укрепилась позиция прогрессивных, демократических сил.

Нелегким был путь корейского народа к свободе и независимости. В течение почти сорока лет он вел мужественную, неравную борьбу с японскими поработителями, которые, по меткому выражению В. И. Ленина, с «неслыханным зверством» угнетали и грабили Корею. И только в 1945 г. после сокрушительных ударов советских войск отборные части Квантунской армии были повержены, и Корея стала свободной.

Тысячи советских воинов отдали свои жизни за освобождение Северо-Восточного Китая и Кореи. Корейский народ помнит и свято чтит своих освободителей. Памятники и обелиски воздвигнуты во многих городах и селах страны. Ежегодно 15 августа — в День освобождения — трудящиеся социалистической Кореи возлагают венки к подножию обелисков, на могилы советских воинов. Оценивая значение освободительной миссии Советских Вооруженных Сил, Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, Президент КНДР Ким Ир Сен писал: «Свободу и независимость, которых жаждал корейский народ, смогла принести ему только армия первого в мире государства победившего социализма. День освобождения Кореи великой Советской Армией — 15 августа 1945 г. — ознаменовал собой коренной перелом в истории Кореи.

Советская Армия не только освободила Корею, но и защищала интересы корейского народа, чтобы плоды освобождения по-настоящему стали его достоянием»¹.

40 лет минуло с тех пор, как Корея стала свободной. На Севере страны под руководством Трудовой партии осуществлены коренные социально-экономические преобразования. За годы после освобождения республика прошла трудный и славный путь. В результате героического труда корейского народа при братской помощи и поддержке Советского Союза, других социалистических стран народная Корея превратилась из некогда отсталой колониальной вотчины империалистической Японии в социалистическое государство с передовой промышленностью и развитым сельским хозяйством.

* * *

Освобождение Кореи раскрепостило творческие силы народа. Революционный процесс на Севере Кореи набирал темпы. На переднем флан-

---

¹ Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945—1980. Документы и материалы. М., 1981, с. 152.

ге борьбы за новую жизнь шли коммунисты, объединившие в своих рядах лучших представителей рабочего класса, крестьянства и прогрессивной интеллигенции. 10 октября 1945 г. было учреждено Северокорейское бюро компартии, а несколько позже произошло ее объединение с новой Народной партией, которая имела близкие к коммунистам цели. Так была образована Трудовая партия Кореи, возглавившая борьбу корейского народа за коренное переустройство страны. Под руководством ТПК стали действовать другие дружественные политические партии, крестьянский союз, профсоюзы, организации женщин и молодежи, которые объединились затем в Единый демократический национальный фронт (ЕДНФ), позже преобразованный в Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ). В первые месяцы после освобождения трудовые слои города и деревни приступили к ликвидации колониальной администрации, созданию новых органов власти — народных комитетов, проведению социальных преобразований. В феврале 1946 г. был сформирован Временный народный комитет Северной Кореи (ВНКСК) — центральный орган власти, который возглавил товарищ Ким Ир Сен. ВНКСК издал ряд демократических декретов, в том числе закон о земельной реформе, согласно которому уничтожалась система колониальной и феодальной землепользования — бывшие помещичьи земли без выкупа передавались безземельным и малоземельным крестьянам. Национализированы были также предприятия, банки, транспорт, установлен 8-часовой рабочий день, женщины получили равные с мужчинами права, осуществлена реформа народного образования. К началу 1947 г. народно-демократическая революция в Северной Корее практически решила антифеодальные, общедемократические задачи.

9 сентября 1948 г. было провозглашено образование Корейской Народно-Демократической Республики — первого в многовековой истории Кореи государства рабочих и крестьян. Провозглашение КНДР явилось итогом длительной и мужественной борьбы корейского народа за национальную независимость и социальный прогресс и вдохновляющим примером для других азиатских народов, борющихся за национальное и социальное освобождение.

Образование Корейской Народно-Демократической Республики было с одобрением воспринято всеми прогрессивными силами. Советский Союз первым признал КНДР и установил с ней 12 октября 1948 г. дипломатические отношения. 17 марта 1949 г. СССР и КНДР заключили между собой Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, которое было подписано во время визита в Москву корейской правительственной делегации во главе с товарищем Ким Ир Сеном. Как подчеркивалось в этом документе, укрепление связей между СССР и КНДР «отвечает жизненным интересам народов обеих стран и будет наилучшим образом содействовать их экономическому и культурному развитию»².

Особая значимость этого Соглашения состоит в том, что, будучи первым в советско-корейских отношениях, оно поставило на юридическую основу уже имевшееся сотрудничество двух суверенных государств в области экономики и культуры. По своему духу и принципам полного равенства и взаимной выгоды, товарищеской поддержки и помощи оно явилось выражением нового типа международных отношений. Как отмечалось в прессе КНДР того времени, «корейский народ впервые в своей истории заключил равноправное соглашение»³.

В дни пребывания в Москве корейской правительственной делегации были подписаны также соглашения о товарообороте и платежах, о предоставлении КНДР долгосрочного кредита в сумме 212 млн. руб. (в старом исчислении), об оказании КНДР технической помощи. Подчеркивая

² Отношения Советского Союза с народной Кореей..., с. 66—67.

³ «Минчжу Чосон», 18.III.1949.

историческое значение для народной Кореи подписанных в Москве документов, товарищ Ким Ир Сен говорил: «Эти соглашения открывают новую страницу в истории нашей нации, укрепляют международное политическое положение нашей республики и дают беспредельные перспективы для процветания и развития вновь рожденной нашей республики»⁴.

К началу 1950 г. корейский народ добился заметных успехов в хозяйственном строительстве. В 1949 г. по сравнению с 1946 г. выработка электроэнергии увеличилась на 51 %, выплавка стали — в 3 раза, производство цемента — в 5,2, тканей — в 4,7, химических удобрений — в 3 раза. В целом выпуск промышленной продукции за этот период возрос в 3,4 раза. Большие достижения имелись в развитии сельского хозяйства, национальной культуры и искусства⁵. Однако успешное продвижение по пути социалистических преобразований в КНДР было прервано разрушительной войной, развязанной в июне 1950 г. южнокорейским режимом и американским империализмом.

Отражение вооруженной агрессии потребовало огромного напряжения всех сил страны. По призыву Трудовой партии Кореи трудящиеся поднялись на отечественную освободительную войну, проявляя массовый героизм и стойкость. В своей борьбе они опирались на мощную поддержку народов Советского Союза, других братских стран. Верный своему интернациональному долгу, СССР вместе с другими социалистическими странами последовательно разоблачал и решительно осуждал агрессоров перед лицом мирового общественного мнения, требуя прекратить интервенцию. Неутомимая борьба Советского Союза и других братских стран на международной арене за восстановление мира в Корее, помноженная на мужество и героизм корейского народа на фронте и в тылу, явилась фактором первостепенной важности в поражении интервентов.

Наряду с морально-политической поддержкой советский и другие народы оказали братской Корее большую материальную помощь оружием, боеприпасами, транспортными средствами, промышленным оборудованием, строительными материалами, медикаментами, продовольствием, одеждой и другими товарами. В распоряжение Корейской народной армии был предоставлен богатый боевой опыт наших вооруженных сил, накопленный в годы Великой Отечественной войны. В частях КНА находились советские военные специалисты, в тылу были созданы советские госпитали для раненых военнослужащих и пострадавшего мирного населения. Тыл корейских воинов и частей китайских народных добровольцев, принимавших участие в корейской войне, надежно прикрывали советские авиационные подразделения, дислоцировавшиеся в Маньчжурии.

Активная помощь СССР, других социалистических стран, интернациональная поддержка мировой прогрессивной общественности помогли выстоять мужественному корейскому народу. Отрадив вооруженное вторжение врагов, корейский народ отстоял свободу и независимость своей родины, защитил революционные завоевания и вынудил агрессоров подписать в июле 1953 г. соглашение о перемирии в Корее. «Наш народ, — говорил товарищ Ким Ир Сен, выступая на сессии Верховного Народного Собрания в декабре 1953 г., — никогда не забудет искренней бескорыстной помощи братских народов, и эти благородные примеры проявления пролетарского интернационализма будут золотыми буквами вписаны в историю нашей Родины»⁶.

⁴ Цит. по: Отношения Советского Союза с народной Кореей..., с. 70.

⁵ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, с. 4.

⁶ Ким Ир Сен. Об итогах работы правительственных делегаций КНДР, посетивших СССР, Китайскую Народную Республику и страны народной демократии. Пхеньян, 1954, с. 5.

Трехлетняя война нанесла огромный ущерб народной Корее. Варварские бомбардировки превратили в руины города и села, промышленные предприятия и другие народнохозяйственные объекты. Было разрушено 8,7 тыс. фабрично-заводских зданий, 600 тыс. жилых домов, более 6 тыс. учебных и лечебных заведений, тысячи культурных учреждений, погибли и были ранены сотни тысяч людей, миллионы остались без крова. Общий урон, нанесенный народному хозяйству КНДР, составил более 420 млрд. вон⁷.

Трудящиеся КНДР под руководством партии коммунистов вновь, как и после освобождения от японского колониального господства, приступили к восстановлению страны. Проявляя неслыхаемый героизм, высокий патриотизм, корейский народ в короткий срок залечил раны, нанесенные войной. Братские социалистические страны оказали КНДР безвозмездную помощь. Советский Союз предоставил народной Корее помощь на 1,3 млрд. руб. (в старом исчислении). В счет этой помощи в республику непрерывным потоком доставлялось промышленное оборудование, машины, строительные материалы, прибывали специалисты. На эти средства в народной Корее было восстановлено и вновь построено несколько десятков объектов, включая крупные промышленные предприятия⁸.

Максимальная мобилизация внутренних ресурсов и использование бескорыстной помощи братских стран позволили успешно выполнить цели восстановительного периода в ходе реализации трехлетнего плана экономического развития (1954—1956). Одновременно с восстановлением народного хозяйства решались задачи продолжения прерванного войной процесса социально-экономических преобразований. В конце 50-х годов в КНДР было завершено кооперирование крестьянства, объединение в кооперативы кустарей и торговцев и таким образом обеспечена победа социалистических производственных отношений в городе и деревне. Пятилетний народнохозяйственный план (1957—1961) был выполнен досрочно. Этого удалось достичь благодаря высоким темпам промышленного производства, которые ежегодно составляли 36,6%. Главным итогом реализации задач пятилетки явилось превращение КНДР в индустриально-аграрное социалистическое государство.

В 60-е годы трудящиеся КНДР, выполняя решения IV съезда Трудовой партии (1961), добились новых внушительных успехов. В результате страна стала индустриальным социалистическим государством. В народной Корее были созданы новые отрасли промышленности, в том числе машиностроительная. Некогда отсталая колониальная провинция Японии, КНДР наладила производство тракторов, тепловозов, автомобилей, станков, крупнотоннажных судов, комплектного оборудования. Были построены крупные гидро- и теплоэлектростанции, быстрыми темпами развивались металлургия, химическая индустрия, выросла добыча угля, железной руды, цветных металлов. Окрепла база легкой промышленности. По производству некоторых видов промышленной продукции КНДР вышла на уровень промышленно развитых государств мира. V съезд Трудовой партии (1970) констатировал завершение индустриализации страны и вступление в этап развернутого строительства материально-технической базы социализма⁹.

В 70-е годы трудящиеся КНДР прилагали усилия для всемерного наращивания экономического потенциала страны. Главная задача этого периода, как подчеркивал V съезд партии, состояла в том, чтобы «еще более укрепить социалистический строй и приблизить полную победу

⁷ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, с. 4.

⁸ См. там же, 1978, № 3, с. 24.

⁹ См.: Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК V съезду партии. Пхеньян, 1970, с. 51—52.

социализма». В итоге напряженного труда народа, руководящей и направляющей роли партии, помощи СССР и других социалистических государств стране удалось обеспечить высокие темпы экономического развития. В 1971—1979 гг. объем промышленного производства возрос в 3,8 раза (среднегодовые темпы роста — 15,9 %), в том числе производство средств производства — в 3,9, предметов потребления — в 3,7 раза¹⁰.

Республика добилась крупных результатов в выполнении задач семилетнего народнохозяйственного плана (1978—1984).

Объем промышленного производства увеличился в 2,2 раза, в том числе производство средств производства — в 2,2, предметов потребления — в 2,1 раза. Среднегодовые темпы роста составили 12,2 %.

За годы выполнения второй семилетки в стране построено 17 785 промышленных объектов, в том числе 32 крупных: гидро- и теплоэлектростанции, металлургические и химические заводы, шахты, рудники, обогатительные фабрики, машиностроительные предприятия, заводы по производству товаров широкого потребления¹¹. В настоящее время в КНДР созданы мощности по производству в год около 33 млрд. кВт·ч электроэнергии, более 52 млн. т угля, 5,3 млн. т стали, 13,1 млн. т цемента, 4 млн. т химических удобрений, 40 тыс. металлорежущих станков¹².

Большие успехи достигнуты в развитии сельского хозяйства. В последние годы в стране собираются устойчивые урожаи зерновых. В 1984 г. собран рекордный урожай — 10 млн. т при средней урожайности риса 72 ц и кукурузы 63 ц с чонбо¹³. Постоянно также растет производство овощей, фруктов, технических культур. Важными факторами увеличения сбора зерна и других сельскохозяйственных культур являются развитая ирригационная сеть, механизация и химизация сельского хозяйства. Орошаемая площадь в КНДР составляет 1,4 млн. чонбо, то есть 70 % всей пахотной земли. В стране сооружено 1,7 тыс. водохранилищ, более 23,7 тыс. водонасосных станций, вырыто 124,8 тыс. артезианских колодцев. Общая протяженность оросительных каналов превышает 40 тыс. км¹⁴. На каждые 100 чонбо пахотной земли приходится по 7 тракторов в равнинных и по 6 — в предгорных и горных районах. Количество химических удобрений, вносимых на один чонбо, составляет 1,6 т; 97 % всех рисовых и кукурузных полей обрабатывается гербицидами¹⁵. Всероссийский съезд работников сельского хозяйства КНДР, проходивший в Пхеньяне в январе 1985 г., разработал конкретные меры по реализации задачи, поставленной VI съездом партии, — добиться в ближайшие годы сбора 15 млн. т зерна¹⁶.

VI съезд партии (1980) наметил новые рубежи социалистического строительства до конца 80-х годов. «Основной задачей социалистического хозяйственного строительства 80-х годов, — подчеркивал на съезде Генеральный секретарь ЦК ТПК, Президент КНДР Ким Ир Сен, — является создание прочной материально-технической базы, соответствующей полностью победившему социалистическому обществу, резкий подъем материального и культурного уровня жизни народа».

Для выполнения этой задачи съезд выдвинул 10 перспективных экономических целей. На основе увеличения производства во всех отраслях народного хозяйства к концу 80-х годов предусмотрено производить 100 млрд. кВт·ч электроэнергии, добывать 120 млн. т угля, выплавлять

¹⁰ См.: Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК Трудовой партии Кореи VI съезду партии. Пхеньян, 1980, с. 16.

¹¹ См.: «Нодон синмун», 17.II.1985.

¹² См.: «Международная жизнь», 1984, № 8, с. 148.

¹³ См.: «Информационный бюллетень ЦТАК», 1.XI.1984; «Нодон синмун», 1.I.1985; 1 чонбо = 0,99 га.

¹⁴ См.: «Информационный бюллетень ЦТАК», 12.VI.1984; «Минчжу Чосон», 16.VI.1984.

¹⁵ См.: «Информационный бюллетень ЦТАК», 28.VII.1984.

¹⁶ См.: «Нодон синмун», 4.I.1985.

15 млн. т стали, 1,5 млн. т цветных металлов, выпускать 20 млн. т цемента, 7 млн. т химических удобрений, 1,5 млрд. м тканей, вылавливать 5 млн. т рыбы и других морепродуктов, собирать 15 млн. т зерна, освоить 300 тыс. чонбо солончаков. Достижение этих показателей приведет к тому, что валовой объем промышленной продукции по сравнению с уровнем 1980 г. возрастет в 3,1 раза. На основе роста экономического потенциала повысится материальный и культурный уровень жизни населения¹⁷.

За 40 лет, прошедших после освобождения Кореи от японского колониального ига, в республике немало сделано для решения социальных проблем, повышения материального и культурного уровня жизни населения. В материалах съездов ТПК, Конституции, других законодательных актах отражена стратегическая цель партии и государства в области социальных отношений. В Основном законе страны подчеркивается: «Государство считает высшим принципом своей деятельности неуклонное повышение материального и культурного уровня жизни народа.

В КНДР непрерывно растущие материальные богатства общества направляются целиком на подъем благосостояния трудящихся¹⁸. В решениях VI съезда ТПК поставлена задача продолжать усилия, направленные на повышение материального благосостояния трудящихся.

За годы народной власти произошло обновление законодательства, регулирующего социальные вопросы. Это стало возможным прежде всего в результате укрепления социалистического государства, упрочения материально-технической базы социализма в КНДР. Приняты такие крупные законодательные акты, как Закон о социалистическом труде, Положение о Трудовой дисциплине, Положение о системе оплаты социалистического труда, Закон об охране детства и воспитании детей, Закон о народном здравоохранении и другие.

Государство проявляет постоянную заботу о расширении жилищного и культурно-бытового строительства в республике, о повышении уровня образования трудящихся. В стране полностью отменены налоги с населения, снижаются цены на продукты питания и товары массового спроса, повышаются заработная плата рабочих и служащих, доходы крестьянства. Плата за квартиру в городе составляет 3 % всех расходов семьи, на селе вообще отсутствует квартплата¹⁹. В республике осуществляется бесплатное медицинское обслуживание граждан.

КНДР — страна сплошной грамотности. В социалистической Корее действует 10 тыс. школ, 576 средних специальных заведений, 216 высших учебных заведений. За годы народной власти подготовлено более 1,2 млн. специалистов с высшим и средним специальным образованием²⁰. Состоявшийся в августе 1984 г. съезд работников образования поставил задачу поднять качество подготовки специалистов для народного хозяйства.

В КНДР успешно развивается национальная культура и искусство. Ежегодно на экраны страны выходит более 150 художественных и документальных фильмов, ставятся национальные оперы, постоянно расширяется сеть театров, кинотеатров, домов культуры. Только в последние годы в столице построены Дворец народной культуры, Дворец спорта, Художественный театр Мансудэ, Дворец учебы. В городе Хамхыне недавно открыт прекрасный по художественному и архитектурному исполнению Большой театр.

За 40 лет развития по социалистическому пути Корейская Народно-Демократическая Республика стала равноправным членом мирового

¹⁷ См.: Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК VI съезду партии, с. 61—62.

¹⁸ Социалистическая Конституция КНДР. Пхеньян, 1982, с. 8.

¹⁹ См.: Обзор по Корее. Пхеньян, 1982, с. 227.

²⁰ См.: «Информационный бюллетень ЦТАК», 2.VI, 23.VIII.1984; Обзор по Корее, 234; «Нодон симун», 21.VII.1984, 17.II.1985.

сообщества. По мере упрочения материально-технической базы социализма укреплялись международные позиции социалистической Кореи. Рост международного авторитета республики непосредственно связан с тем, что она пользуется всемерной поддержкой стран мирового социализма, всех прогрессивных, миролюбивых сил. Все попытки империализма изолировать КНДР потерпели полный провал. В начале 70-х годов КНДР имела дипломатические отношения только с 37 странами мира. Однако в результате роста могущества стран социализма, настойчивых усилий корейской дипломатии республика значительно расширила свои международные связи. В настоящее время она имеет дипломатические отношения более чем со 100 странами. Народная Корея входит в качестве полноправного члена в более чем 150 международных правительственных и неправительственных организаций, учредила миссию постоянного наблюдателя при ООН²¹.

Внешнеполитическая ориентация страны отражена в Конституции КНДР. «Государство,— гласит статья 16 Основного закона,— согласно принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма сплочивается с социалистическими странами, сплочивается с народами всех стран мира, выступающими против империализма, активно поддерживает их национально-освободительную и революционную борьбу»²². КНДР строит свои отношения с государствами иной социальной системы на основе принципов полного равенства, взаимного уважения и взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела.

Центральное место в международной деятельности ЦК ТПК и правительства КНДР занимают социалистические страны. С Советским Союзом и КНР народная Корея заключила Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, с ГДР, НРБ и СРР — Договоры о дружбе и сотрудничестве.

Узы традиционной дружбы, сложившиеся в ходе совместной революционной борьбы и тесного сотрудничества, связывают советский и корейский народы. Основанные на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, общности целей борьбы за построение социализма и коммунизма, отношения между нашими странами являются образцом плодотворного и бескорыстного сотрудничества, взаимной помощи и солидарности.

Важнейшее значение для закрепления традиционно братских отношений между СССР и КНДР имеет Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный в Москве 6 июля 1961 г. во время визита в Советский Союз партийно-правительственной делегации КНДР во главе с товарищем Ким Ир Сенем. Договор воплотил в себе стремление народов обеих стран неуклонно укреплять политические, экономические и культурные связи, стал важным инструментом обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Заключение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и КНДР имело историческое значение для народов обеих стран. Договор юридически скрепил братский союз двух народов, основанный на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма. В этой связи товарищ Ким Ир Сен говорил: «Корейский народ всегда считает своим священным долгом поддерживать Советский Союз, укреплять дружбу и сплоченность с советским народом; он безгранично дорожит корейско-советской дружбой. Корейский народ и впредь будет прилагать все свои усилия для дальнейшего укрепления дружбы и сплоченности с советским народом и останется до конца верным священным обязательствам, вытекающим из Договора. Испытанная историей и еще крепче связанная узами Договора о друж-

²¹ См.: «Минчжу Чосон», 5.XII.1984.

²² Социалистическая Конституция КНДР..., с. 5.

бе, сотрудничестве и взаимной помощи, корейско-советская дружба вечна и нерушима»²³.

Придавая первостепенное значение союзному договору как крупному международно-правовому акту, регулирующему двусторонние отношения, Советский Союз и Корейская Народно-Демократическая Республика в 1981 г. продлили срок его действия. При этом подчеркивалось, что в современных условиях он продолжает служить развитию и обогащению традиционной советско-корейской дружбы и плодотворного сотрудничества.

Крупной вехой в советско-корейских отношениях начала 80-х годов стал официальный дружественный визит в СССР партийно-государственной делегации Корейской Народно-Демократической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК Трудовой партии Кореи, Президентом КНДР Ким Ир Сенем в мае 1984 г.

В центре внимания переговоров на высшем уровне стояли вопросы дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между КПСС и ТПК, СССР и КНДР. Стороны всесторонне рассмотрели нынешнее состояние советско-корейских отношений и их перспективы. Было выражено удовлетворение тем, как складываются торгово-экономические, научно-технические и культурные связи. Одновременно отмечалось, что имеются немалые возможности для углубления сотрудничества двух стран, в особенности в области обмена опытом партийной работы, совместных политических действий на международной арене. Участники переговоров пришли к единству мнений о необходимости осуществления практических мер по совершенствованию советско-корейского сотрудничества во всех областях, подчеркнули важность регулярных консультаций по актуальным международным и другим вопросам, представляющим взаимный интерес. Было констатировано, что союзный договор 1961 г. продолжает оставаться надежным фундаментом для развития советско-корейских отношений, важным инструментом мира и безопасности на Дальнем Востоке²⁴.

Большое внимание в ходе состоявшихся переговоров было обращено на вопросы международной политики. Советские и корейские руководители выразили полное единство взглядов в отношении истинных причин международной напряженности, которые заключаются в агрессивных действиях США и НАТО, милитаристских и реваншистских устремлений правящих кругов Японии, попытках империализма и реакции помешать закономерному историческому развитию. Делегация КНДР выразила солидарность с конструктивными предложениями Советского Союза, других социалистических стран, направленными на защиту мира и безопасности в Европе и во всем мире.

«Трудовая партия Кореи и правительство нашей республики, — отмечал товарищ Ким Ир Сен на приеме в Кремле, — активно поддерживают справедливую позицию и меры, предпринимаемые Коммунистической партией Советского Союза и Советским правительством в интересах ослабления международной напряженности, устранения опасности возникновения новой мировой войны, термоядерной войны, и выражают твердую солидарность с советским народом в его борьбе за их претворение в жизнь»²⁵. На переговорах в Москве с советской стороны получила поддержку программа КНДР по мирному демократическому решению корейского вопроса.

Советские и корейские руководители высказались в пользу укрепления единства действий и сплоченности стран социализма, которые спо-

²³ Приложение к журналу «Новая Корея», 1961, № 15, с. 13.

²⁴ См.: «Правда», 24, 25.V.1984.

²⁵ Там же, 24.V.1984.

способствуют успешному социалистическому строительству в каждой стране, пресекают агрессивные происки империализма, защищают мир и социальный прогресс на нашей планете.

В Советском Союзе высоко оценили результаты визита товарища Ким Ир Сена в Москву и его переговоры с советскими руководителями. Политбюро ЦК КПСС на своем заседании отметило важное значение обмена мнениями по вопросам развития отношений дружбы и сотрудничества СССР и КНДР, а также по ключевым проблемам современности. Советско-корейские переговоры, говорится в сообщении о заседании Политбюро ЦК КПСС, несомненно, послужат дальнейшему расширению контактов между двумя партиями и странами на основе принципов марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, борьбе народов за обеспечение безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире²⁶.

Итогам визита в СССР, другие социалистические страны партийно-государственной делегации КНДР был посвящен июльский (1984) пленум ЦК Трудовой партии Кореи. Как подчеркивалось в решении пленума, состоявшиеся переговоры с руководителями СССР и других братских стран способствовали укреплению доверия и взаимопонимания, дальнейшему подъему отношений дружбы и сотрудничества между КНДР и этими странами на новую, более высокую ступень. ЦК ТПК отмечает далее, полностью поддерживает и одобряет высокую оценку, данную партийно-государственной делегацией КНДР мирным предложениям Советского Союза и европейских социалистических стран, выражает твердую солидарность с мерами, предпринятыми ими в ответ на размещение новых американских ядерных ракет в Западной Европе. Пленум ЦК Трудовой партии Кореи выразил благодарность братским странам социализма за их поддержку справедливой борьбы корейского народа за мирное, демократическое объединение своей родины. Пленум выразил решимость ТПК и правительства КНДР высоко нести знамя марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, крепить сплоченность с народами социалистических стран, всеми прогрессивными силами современности²⁷.

Встреча на высшем уровне в Москве дала новый импульс советско-корейским отношениям. Расширяются межпартийные связи. Между КПСС и ТПК активизируется обмен делегациями различного уровня с целью изучения опыта руководства строительством социализма и коммунизма, идеологической работы, консультаций по актуальным вопросам международного развития. Подписан план обмена между внешнеполитическими ведомствами двух стран, предусматривающий расширение сотрудничества по вопросам международной политики. Растут связи по линии общественных организаций, культурного сотрудничества, в области здравоохранения, спорта. На обучение в советские вузы выехало несколько сот корейских студентов, стажеров и аспирантов.

В комплексе советско-корейских отношений большое место занимает торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. СССР является основным торговым партнером КНДР. На его долю приходится свыше четверти внешнеторгового оборота республики. В 1983 г. объем взаимной торговли составил 587,4 млн. руб., в том числе советский экспорт — 262,4 млн. руб., импорт — 325 млн. руб.; в 1984 г. товарооборот между странами составил 712,8 млн. руб.

Советский Союз продолжает оказывать КНДР содействие в сооружении важных промышленных объектов. К настоящему времени при советском экономическом и техническом содействии в народной Корее

²⁶ См.: «Правда», 1.VI.1984.

²⁷ См.: «Нодон синмун», 10.VII.1984.

построено, реконструировано и восстановлено 64 народнохозяйственных объекта и продолжается сооружение еще восьми предприятий²⁸.

В настоящее время советские и корейские плановые органы ведут проработку перспектив двустороннего сотрудничества на 1980—1990 гг.

Борьба за мир и безопасность, обеспечение права народов на свободное развитие встречает активную и последовательную поддержку со стороны Трудовой партии Кореи, правительства КНДР. Как подчеркивалось на VI съезде ТПК (1980), «борьба за устранение опасности возникновения мировой войны, за мир и безопасность нашей планеты является самой важной задачей, стоящей сегодня перед миролюбивыми народами земного шара»²⁹. Социалистическая Корея активно выступает за полное запрещение производства, испытания, накопления и использования ядерного и химического оружия, за уничтожение всех их видов.

Народная Корея вместе с Советским Союзом и другими социалистическими странами ведет бескомпромиссную борьбу против формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе военно-политического альянса США, Японии и Южной Кореи.

В КНДР подвергнуты острой критике визиты Р. Рейгана в Я. Накасонэ в Сеул в 1981 г., поездки Чон Ду Азина в США в 1981 г. и в Токио в 1984 г. Как отмечалось в корейских газетах, эти визиты являются «откровенной попыткой прощупать возможности «планового сотрудничества» империалистического государства Давоса (США) и «улучшить» в регионе характеризованной как «вакцибные» позиции империализма, на «заполнение» «вакцины» «борьбы» «слабых» «пандемии» для осуществления «конечных» «вакцино» в Азии»³⁰.

КНДР полностью поддерживает национально-освободительное движение народов. Мировоскептически проявляется истинную солидарность с борьбой арабских народов против израильских агрессоров, за освобождение всех оккупированных в 1967 г. арабских земель, поддерживает требования палестинского народа о создании под руководством ООН своего собственного государства. Правительство социалистической Кореи выставляет поддержку борьбы народа Намибии за независимость, признает (СВАПО) в качестве единственного законного представителя намибийского народа, солидаризируется с борьбой южноафриканского населения против расизма, апартаида. КНДР решительно выступает против угрозы администрации Рейгана задуть «сандвингскую» революцию в Никарагуа, выражает неколебимую поддержку патристическим силам Центральной Америки и Карибского бассейна в их борьбе против антинародных режимов.

Резкому осуждению подверг народ социалистической Кореи американскую агрессию против независимой Гренады. В заявлении МИД КНДР действия Вашингтона были охарактеризованы как «наглый вызов народам Карибского бассейна и всего мира»³¹.

Правительство республики солидаризируется с прогрессивным крылом Движения неприсоединения, поддерживает его антиимпериалистическую направленность.

За годы строительства социализма народная Корея сумела создать такой промышленный потенциал, который позволяет ей оказывать материальную помощь и техническое содействие развивающимся странам в создании нового общества. При участии КНДР в 22 странах — ирригационные сооружения; в 30 развивающихся государствах работало свыше 50 тыс. корейских инженеров и техников³².

²⁸ См.: «Внешняя торговля СССР», 1984, № 12, с. 15.

²⁹ Ким Ир Сен, Отчетный доклад ЦК ТПК VI съезду партии, с. 107.

³⁰ См.: «Нодон синмун», 10.IX.1984.

³¹ Там же, 27.X.1983.

³² См.: «Нодон синмун», 27.I.1984.

КНДР продолжает курс на дальнейшее развитие взаимовыгодного торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с молодыми независимыми государствами на долговременной основе. Более чем с 40 странами КНДР имеет соглашения об экономическом, научно-техническом и торговом сотрудничестве.

В последние годы КНДР заметно укрепила свои связи с развивающимися странами, подписав с рядом из них Договоры о дружбе и сотрудничестве. Всего республика имеет такие договоры с 11 молодыми государствами, в том числе со странами социалистической ориентации (Ангола, Гвинея-Бисау, Зимбабве, Мадагаскар, Мозамбик). В 1983 г. КНДР заключила с социалистической Эфиопией Договор о дружбе и сотрудничестве, а также Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. В соответствии с этим соглашением корейская сторона предоставила Эфиопии беспроцентный кредит для строительства при ее содействии ГЭС мощностью 150 тыс. кВт и оказала безвозмездную помощь для развития сельского хозяйства и горнорудной промышленности³³. В октябре 1984 г. в Пхеньяне подписан Договор о дружбе и сотрудничестве с демократическим Йеменом во время визита в КНДР партийно-государственной делегации КНДР.

Отношения КНДР с развитыми капиталистическими странами ограничены из-за того, что большинство из них ориентировано на капиталистический режим. Однако КНДР поддерживает контакты с прогрессивными партиями и организациями в этих странах, имеет торговые отношения с рядом западных капиталистических государств. В конце 1984 г. КНДР учредила во Франции генеральное представительство, выполняющее дипломатические функции. Активные торговые связи существуют между КНДР и Японией.

Главную внешнеполитическую задачу Трудовая партия Кореи видит в создании благоприятных условий для мирного демократического объединения страны. За годы своего существования КНДР более 200 раз обращалась к Соединенным Штатам и южнокорейским властям с конкретными предложениями, направленными на мирное решение корейского вопроса³⁴.

Большое значение проблеме политического урегулирования на Корейском полуострове было уделено на VI съезде Трудовой партии Кореи. В развитие ранее выдвинутых предложений, учитывая реально сложившуюся на Корейском полуострове и вокруг него ситуацию, съезд вновь выступил с инициативой образования коалиционной КНДР и Южной Кореи в качестве основы на пути нормализации положения в Кореи и создания предпосылок для мирного, демократического решения корейской проблемы, без вмешательства империалистических сил.

Составной частью выдвинутой VI съездом ТПК программы политического урегулирования положения на Корейском полуострове является Обращение высшего форума корейских коммунистов к Соединенным Штатам Америка с предложением провести переговоры по вопросу замещения Соглашения о перемирии в Кореи, подписанного в 1953 г., Мирным соглашением. Второе подобное предложение США — главному участнику агрессии против КНДР в 1950—1953 гг. — содержалось в послании Верховного народного собрания КНДР конгрессу США, направленном в марте 1974 г., однако до сих пор какого-либо ответа из Вашингтона не последовало³⁵. Съезд также потребовал как можно скорее вывести из Южной Кореи американские войска, подчеркнув при этом, что такие действия США отвечали бы интересам не только корейского на-

³³ См. там же, 24 X 1983.

³⁴ См.: Предложения КНДР по объединению страны. Пхеньян, 1982, с. 1.

³⁵ См.: Современная история Кореи. Пхеньян, 1979, с. 635—634.

рода, но и народов других стран, в том числе и США, делу обеспечения мира во всем мире.

С целью нормализации положения на Корейском полуострове, ликвидации напряженности в регионе, усугубившейся в результате форсирования милитаристского альянса Вашингтон — Токио — Сеул, КНДР в январе 1984 г. выступила с новой политической инициативой.

На состоявшемся 10 января 1984 г. совместном заседании Центрального народного комитета (ЦНК) и Постоянного совета Верховного народного собрания (ВНС) КНДР были рассмотрены новые меры по мирному решению корейского вопроса и выдвинуто предложение провести трехсторонние переговоры с участием КНДР, США и Южной Кореи³⁶.

КНДР предлагает в первую очередь рассмотреть на таких переговорах вопрос о заключении корейско-американского Мирного соглашения вместо Соглашения о перемирии от 1953 г., которое бы юридически положило конец корейской войне, и о выводе американских войск из Южной Кореи. «Подписание корейско-американского Мирного соглашения и вывод из Южной Кореи американских войск.— подчеркивается в сообщении о совместном заседании ЦНК и Постоянного совета ВНС КНДР.— являются основным залогом прочного мира в Корее и предпосылкой для осуществления корейским народом дела объединения на самостоятельных началах, без вмешательства извне»³⁷.

Другим важнейшим вопросом, предлагаемым КНДР на повестку дня переговоров, является принятие декларации о ненападении между Севером и Югом, которая предусматривала бы взаимное обязательство сторон о неприменении вооруженных сил друг против друга, резкое сокращение численности войск и вооружений, устранение состояния военной конфронтации на Корейском полуострове.

После достижения соглашения по этим двум вопросам, отмечалось на совместном заседании, было бы возможно решение вопроса объединения Кореи путем создания конфедеративной республики и созыва в этих целях общенациональной конференции.

Центральный народный комитет и Постоянный совет ВНС КНДР направили письма правительству и конгрессу США, а также сеульским властям, в которых изложено содержание новых мер по мирному решению корейского вопроса. В этих документах предлагается США и Южной Корее принять участие в переговорах³⁸.

Высший орган государственной власти КНДР Верховное народное собрание на очередной сессии в конце января 1984 г. подтвердило предложения КНДР, рассмотрев вопрос «О создании гарантий мира в Корее и ускорении самостоятельного мирного объединения родины». В результате было принято Постановление и Обращение к парламентам и правительствам стран мира.

Учитывая проамериканский характер сеульского режима, наличие в Южной Корее американских войск и существование «объединенного американско-южнокорейского командования» во главе с генералами армии США, в КНДР считают, что трехсторонние переговоры могут наиболее полно решить все проблемы Корейского полуострова в комплексе. Вместе с тем не исключается и возможность двусторонних контактов Севера и Юга. Так, в ноябре 1984 г. были начаты переговоры по вопросу налаживания экономических отношений³⁹, возобновились встречи представителей обществ Красного Креста по гуманитарным проблемам⁴⁰.

³⁶ См.: «Нодон синмун», 11.I.1984.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ См. там же, 15.XI.1984, 5.IV.1985.

⁴⁰ См. там же, 21.XI.1984, 5.IV.1985.

IV сессия ВНС КНДР седьмого созыва в апреле 1985 г. выступила с инициативой установить контакты между парламентами обеих частей Кореи с участием с каждой стороны представителей всех политических партий для обсуждения вопросов смягчения напряженности в Корее и принятия декларации Севера и Юга о ненападении. Предполагается, что межпарламентский диалог должен подготовить условия для политических переговоров Пхеньяна и Сеула «на высоком уровне»⁴¹. На сессии ВНС КНДР было принято соответствующее «Письмо парламенту Корейской республики».

В Советском Союзе с пониманием относятся к решению коренной национальной проблемы корейского народа — воссоединению страны, расколотой по вине американского империализма.

* * *

Четыре десятилетия тому назад корейский народ приступил к построению на Севере страны социалистического государства. Трудящиеся КНДР гордятся своими успехами, достигнутыми под руководством Трудовой партии при интернациональной поддержке и помощи Советского Союза, других стран социалистического содружества и полны решимости крепить первое социалистическое государство на корейской земле.

---

⁴¹ Там же, 10.IV.1985.

Япония: за ширмой «экономической помощи»

О. В. ВАСИЛЬЕВ

С начала 80-х годов японские правящие круги, как никогда прежде, активно и настойчиво повели курс на расширение участия страны в мировых делах, увеличение ее роли среди других капиталистических держав, повышение авторитета Японии на международной арене в целом. Приверженность данному курсу неоднократно подтверждалась и нынешними японскими руководителями: выступая на предновогодней пресс-конференции (декабрь 1983 г.), премьер-министр Я. Накасонэ заявил, что «самым горячим моим желанием было бы видеть Японию великой политической державой в рамках западного сообщества»¹.

Стремясь «подтянуть» политический вес Японии до уровня ее экономического потенциала, делая заявку на «глобальную дипломатию», руководители страны значительное место отводят отношениям Японии с развивающимися странами. При этом они стремятся использовать заинтересованность развивающихся стран в экономическом и техническом сотрудничестве для упрочения своих позиций в западном лагере, играть в «западном сообществе» роль некоего «выразителя интересов «третьего мира», «моста между Севером и Югом».

Развивающиеся страны традиционно занимали одно из центральных направлений внешнеэкономической политики Японии в послевоенный период, что связано со спецификой структуры экономики и внешнеэкономических связей страны, ее сырьевой и топливной уязвимостью. Экономическое значение этих стран для Японии продолжает сохраняться и сегодня: на них приходится около половины объема японской внешней торговли, в том числе более 40 % экспорта и 55 — импорта, свыше 53 % зарубежных прямых инвестиций, значительный поток ресурсов в рамках экономического сотрудничества². Из этих стран Япония получает около двух третей необходимых для функционирования ее экономики товаров топливно-сырьевой номенклатуры, большую часть которых она не в состоянии получить от других стран. Развивающимся странам, таким образом, отводится роль своего рода «нижнего этажа» вертикальной структуры международного разделения труда, призванного бесперебойно обслуживать работу японской экономики.

Серьезно обеспокоенные наличием антияпонских настроений во многих развивающихся странах, вызванных политикой откровенного грабежа и эксплуатации, японские правящие круги за последнее десятилетие внесли определенные коррективы в формы экономических отношений с развивающимися странами в направлении придания им определенной гибкости, видимости большего учета интересов этих стран. Параллельно с традиционными формами (внешняя торговля, прямое

¹ «Ёмиури», 31.XII.1983.

² Подсчитано по: «Нихон токэй гэппо», 1984, № 4, с. 75; Кайгай сидзё хакусё. Тосихэн (Белая книга по внешним рынкам. Ежегодник), 1984, с. 12.

зарубежное инвестирование) Япония все шире и активнее стала использовать такой сравнительно новый для нее элемент отношений, как экономическое сотрудничество, которое за счет присущих ему внешне привлекательных черт — как, например, предоставление финансовых ресурсов и технической помощи на льготной, а иногда и безвозмездной основе — свело бы к минимуму недоверие развивающихся стран. За этот же период экономическое сотрудничество Японии с ними претерпело существенные количественные изменения — Япония вошла в число ведущих стран-«доноров», направляющих ресурсы в страны «третьего мира», охватывая экономической помощью практически все развивающиеся регионы и оказывая немалое влияние на формирование экономической и социальной структуры этих стран. На протяжении 70-х годов объем экономической помощи Японии развивающимся странам вырос в 6,3 раза, тогда как в среднем по странам — членам Комитета помощи развитию ОЭСР этот показатель увеличился лишь в 3,3 раза. В то же время общий объем «помощи», оказываемой Японией развивающимся странам, остается на довольно низком уровне по отношению к валовому национальному продукту страны. Так, в 1983 г. «помощь» составила 0,33 % ВВП Японии, в то время как соответствующие показатели составляют соответственно для Франции — 0,76 %, для ФРГ — 0,49 % и для Нидерландов — 0,91 %. В 1983 году общая сумма японской «помощи» составила 3,7 млрд. долл.³

Характерным для японской политики в отношении развивающихся стран было и остается то, что экономическое наступление Японии, укрепление ее экономических позиций в «третьем мире» сопровождалось активной идеологической экспансией, широким использованием тезиса о некоей «афро-азиатской общности». Показательным в этом плане было участие Японии в деятельности афро-азиатской группы в ООН, где она стремилась выступать под флагом «осуществления исторической миссии посредничества между Севером и Югом».

В последние годы в политике Японии в отношении развивающихся стран появляются принципиально новые моменты, тесно связанные со стратегическим курсом страны на расширение места и роли в мировой политике. Изменения находят свое выражение в трансформации целей японской политики, усилении политической окраски ее «экономической дипломатии», возрастании селективного прагматизма Японии в отношении развивающихся стран. Наряду с сохраняющими свою актуальность задачами обеспечения стабильных поставок топливно-сырьевых ресурсов перед японским экономическим сотрудничеством и политикой помощи развитию поставлены и новые цели, главным образом политического характера.

Это было фактически подтверждено выступлением премьер-министра Японии Я. Накасонэ в индийском парламенте во время его визита в Дели в мае 1984 г. В своей речи, которую зарубежные обозреватели расценили как отправной пункт дипломатической философии кабинета Накасонэ в отношении развивающихся стран, японский премьер недвусмысленно заявил о намерениях Японии более широко и активно, чем прежде, использовать свой экономический и научно-технический потенциал для достижения политических целей, ставящихся Западом⁴.

Практические шаги Японии в отношении развивающихся стран, предпринятые в последние годы, достаточно ясно свидетельствуют о том, что в японской политике усиливается ориентация на координирование с линией «западного сообщества», в первую очередь США.

По мере того как во внешней политике Японии набирала силу тен-

³ In: «Japan Quarterly», October — December, 1983, vol. XXX, N 4, p. 402; «Japan 1984. International Comparison». Tokyo, 1984, p. 54.

⁴ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 4.V.1984.

денция идентифицировать себя с Западом, в спектре целей, которые ставились японскими руководителями в развитии отношений со странами «третьего мира», все больший акцент делался на проблемах национальной безопасности и безопасности «западного сообщества», создания в тех или иных районах мира международного климата, выгодного для «западных демократий». (Разумеется, при этом не упускались и цели расширения и укрепления своего влияния, а где возможно — лидерства.) Роль одного из основных средств достижения этих целей отводилась экономической помощи развитию.

В 1980 г. МИД Японии впервые заявил, что японская официальная (правительственная) помощь развитию предназначается не только для экономических и гуманистических целей, но и для того, чтобы создавать и поддерживать «международный порядок, способствующий сохранению и консолидации западной политической системы»⁵. Тем самым МИД Японии дал ясно понять, что рассматривает экономическую помощь как своего рода «вклад» Японии в создание такого международного порядка, который отвечал бы интересам Запада и способствовал бы обеспечению «комплексной безопасности» Японии. Через призму «национальной безопасности» рассматривается экономическая помощь практически во всех японских официозах последнего времени, причем разработка и реализация политики помощи развитию, как правило, увязывается с необходимостью сотрудничества и координации с другими развитыми странами Запада⁶.

Координация политики помощи развитию с другими западными странами стала осуществляться Японией, и достаточно интенсивно, на рубеже 70—80-х годов. Помимо обсуждения этого круга вопросов на ежегодных совещаниях руководителей «семерки» крупнейших капиталистических стран, а также в Комитете помощи развитию ОЭСР, Япония стала широко практиковать двусторонние встречи и консультации по вопросам экономической помощи с другими западными странами, в ходе которых изучаются и отрабатываются «совместные действия» в тех или иных развивающихся странах. К настоящему времени созданы и функционируют консультативные механизмы между Японией и США, Японией и ЕЭС, а также японо-английский, японо-австралийский, японо-канадский.

Откликнувшись на призыв Вашингтона теснее увязывать помощь развивающимся странам с военно-политическими интересами США и зафиксировав в совместном японо-американском заявлении в мае 1981 г. готовность увеличить помощь «тем районам, которые важны для поддержания стабильности в мире», официальный Токио фактически объявил о своем новом подходе к экономической помощи, конкретным отражением которого стало избирательное увеличение помощи «стратегически важным», с точки зрения Запада, странам. В их число, по признаниям американских руководителей, входят страны, которые либо непосредственно противостоят СССР и социалистическому лагерю (так называемые «прифронтовые государства»), либо нуждаются в помощи в интересах сохранения и стабилизации удобных США и всему западному лагерю реакционных режимов. Несмотря на заявления официальных японских представителей, в том числе на самом высоком уровне, о том, что «при определении своей политики в области официальной помощи развитию японское правительство проявляет равный подход и не выделяет какие-либо страны в зависимости от социального строя»⁷, факты убедительно и неопровержимо свидетельст-

⁵ Diplomatic Bluebook, 1980, p. 30—31.

⁶ In: Economic Security of Japan, MITI, 1982, p. 18—19.

⁷ Из заявления премьер-министра Я. Накасонэ в японском парламенте 10.11.1984 (Цит. по: «Емиури», 11.11.1984).

вуют, что условия, масштабы и региональная направленность японской помощи определяются в зависимости от социально-политической ориентации ее получателей.

Одним из наглядных подтверждений этого может служить политика Японии в отношении государств Индокитая. Как известно, разделяя с Вашингтоном оценку индокитайских событий 1978—1979 гг., Токно ввел экономические санкции в отношении СРВ и заморозил поставки товаров в счет займов и кредитов, договоренность о предоставлении которых была достигнута ранее. При этом официальные японские представители, явно пытаясь оказать на Вьетнам экономический, политический и психологический нажим, заявляют о том, что возобновление японской помощи возможно, дескать, только в случае, если Вьетнам пойдет на уступки политическим требованиям Запада. В том же русле политики Запада, направленной на сохранение напряженного положения в ЮВА, на то, чтобы затруднить народам Индокитая процесс создания новой, мирной жизни, лежит и линия Японии в отношении ЛНДР. Объявляя на словах о принципиальной готовности расширить экономическую помощь Лаосу, Япония в то же время сопровождает свои посулы намеками на желательность ослабления отношений Лаоса с Вьетнамом, а также некоей «переориентации экономической системы» страны (читай: на капиталистический лад).

Составной частью стратегии партнерства Японии с другими западными странами, направленного на организацию противодействия влиянию социализма и национально-освободительного движения в ЮВА, сохранение здесь обстановки недоверия и взаимной подозрительности, является политика Японии в отношении стран АСЕАН, которые Токно к тому же рассматривает как зону своих «особых интересов». Обращает на себя внимание при этом, что расширение японской экономической помощи странам Ассоциации все более и более ориентируется на решение задач политического характера. За ширмой так называемой помощи индокитайским беженцам Токно оказывает внушительную материальную поддержку базирующимся на территории Таиланда полпотовцам. Япония проявляет повышенную активность в инспирируемых США кампаниях вокруг так называемого кампучийского вопроса. Японские средства массовой информации особо выделили сообщение о принятом осенью 1983 г. министерством сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии решении предоставить на безвозмездной основе 1,3 млрд. пен (около 5,5 млн. долл.) для реализации трехстороннего японо-американо-тайландского проекта развития сельского хозяйства Таиланда. США со своей стороны выделили на эти цели 500 млн. пен (около 2 млн. долл.). В комментариях японской печати подчеркивалось, что, несмотря на относительно небольшие размеры финансового обеспечения со стороны двух крупнейших экономических держав Запада, данный проект имеет прежде всего большое символическое значение, поскольку представляет собой фактически совместный шаг Японии и США в отношении стран АСЕАН, не просто направленный на оказание Таиланду экономической помощи, но и имеющий четкую политическую цель: укрепление нынешнего режима в этой стране, предотвращение расширения влияния СССР в регионе. Постановка при реализации проекта именно вышеуказанных политических целей была подтверждена и официальными японскими представителями, заявлявшими в печати, что данный проект имеет не только экономические аспекты, но и противодействие некоей «советской угрозе».

Широкий резонанс в общественно-политических кругах Японии вызвало принятие весной 1984 г. решения правительства и Банка Японии предоставить Филиппинам новый «пакет» льготных правительственных кредитов на сумму 42,5 млрд. пен и отсрочить выплату по за-

долженностям прежних лет на сумму 13 млрд. нен. Отмечая, что предоставление Японией новых льготных займов развивающейся стране, которая не в состоянии оплатить прежние задолженности, является первым случаем за весь послевоенный период, японская печать указывала на то, что решение японского кабинета, принятое накануне всеобщих выборов в Филиппинах, носит характер политической поддержки правительства Маркоса⁸.

Решение Токио протянуть режиму Маркоса «руку помощи» вызвало волну негодования оппозиционно настроенной общественности на Филиппинах. В середине марта прошлого года перед зданием посольства Японии в Маниле состоялись массовые демонстрации протеста против японских займов. Участники демонстрации передали в японское посольство соответствующий протест и обратились к японскому правительству с призывом воздержаться от предоставления помощи Филиппинам до проведения в стране демократических преобразований.

В последние годы была значительно увеличена экономическая помощь Японии Пакистану, что, согласно единодушной оценке японских и зарубежных политических наблюдателей, является отражением признания Токио (по непосредственной указке из Вашингтона) «геополитической значимости» страны для западного лагеря. В 1980 г. Япония удвоила размеры экономической помощи Исламабаду и с тех пор в течение трех лет неизменно была его крупнейшим «донором». В течение 1983—1984 гг. состоялся японо-пакистанский обмен визитами на высшем уровне: в июле 1983 г. президент Зия-уль-Хак посетил Японию с официальным визитом, в начале мая 1984 г. в Пакистане побывал японский премьер, после более чем двадцатилетнего перерыва. В ходе визитов были достигнуты договоренности о предоставлении Японией Пакистану не только льготных правительственных кредитов и безвозмездной помощи, но и помощи так называемым «афганским беженцам», которая с учетом «квоты» на 1984 фин. г. приближается в общей сложности к 80 млн. долл.⁹ Комментируя итоги визита в Пакистан премьер-министра Я. Накасонэ, в ходе которого тот объявил (сопровождая это нападками на СССР и его внешнюю политику) о решении японского правительства расширить помощь «афганским беженцам», японская печать усматривала в действиях руководства страны отчетливо просматривающуюся активизацию роли Токио в антисоветской стратегии Вашингтона, стремящегося превратить Пакистан в один из опорных пунктов борьбы с СССР и его союзниками¹⁰.

Опасными для судеб мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе являются усиливающиеся связи в рамках военно-политического «треугольника» Вашингтон — Токио — Сеул. При этом в последние годы все явственнее проявляется тенденция, которая не может не вызвать опасений у миролюбивых сил региона, — к перерастанию американо-японо-южнокорейских связей в тройственный союз. С приходом к власти администрации Рейгана в США и кабинета Накасонэ в Японии двумя сторонами неоднократно обсуждался и конкретно прорабатывался вопрос о совместной поддержке южнокорейского режима. Токио значительно расширил свои обязательства по обеспечению экономической и иной помощи Сеулу, идя навстречу пожеланиям Вашингтона, с целью наращивания его военно-экономического потенциала. Важным шагом в этом направлении стал первый в истории японо-южнокорейских дипломатических отношений визит главы японского правительства в Южную Корею и встреча руководителей двух стран в январе 1983 г. В ходе визита Я. Накасонэ в Сеул стороны до-

⁸ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 27.IV.1984 (веч. выпуск).

⁹ Ип: «Japan Times», 2.V.1984.

¹⁰ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 2.V.1984.

говорились «открыть новую эру дружбы и сотрудничества» и подкрепили договоренность подписанием соглашения о предоставлении режиму Чон Ду Хвана льготных японских займов на общую сумму в 4 млрд. долл. Предоставление Японией зарубежному государству экономической помощи таких размеров в «одном пакете» было, как отметили политические наблюдатели, первым случаем за послевоенный период. Ее масштабы особенно рельефно просматривались на фоне сравнения с размерами помощи, предоставленной Японией Южной Корее за весь предшествующий период (то есть с 1965 г., когда между двумя странами были установлены дипломатические отношения, и по 1982 г.), составившей в общей сложности 4.1 млрд. долл.¹¹

Япония намерена и впредь продолжать линию на выборочное предоставление экономической помощи странам, лежащим как в зоне ее собственных преимущественных интересов, так и интересов других членов западного лагеря, прежде всего США. Этот курс рассматривается японскими руководителями как важная составная часть их политики укрепления западной солидарности и повышения собственного политического авторитета в «западном сообществе». В ходе поездки по странам Западной Европы в 1983 г. министр иностранных дел Японии С. Абэ без обиняков заявил о готовности Японии оказывать «косвенную помощь» НАТО, назвав в качестве одного из примеров помощи подобного рода экономическое сотрудничество с Турцией¹². Готовность к расширению финансовой поддержки реакционных проамериканских режимов в странах Центральной Америки и Карибского бассейна была высказана С. Абэ на переговорах с госсекретарем США Шульцем в Вашингтоне в январе—феврале 1984 г.

Содержание и направленность японской экономической помощи развивающимся странам в то же время достаточно красноречиво говорят о том, что экономическая политика Японии в отношении этих стран преследует цели не только укрепления в развивающихся странах влияния западного блока, но и — отнюдь в не меньшей степени — осоздания «заделов» для себя, целенаправленного использования помощи в своих экономических и политических интересах. Наглядно это видно при рассмотрении структуры японской официальной помощи развитию (ОПР). Двусторонняя официальная помощь Японии развивающимся государствам осуществляется главным образом в форме предоставления льготных займов, в подавляющем большинстве случаев в иеновой валюте, что связывает страну-получателя при расходовании средств условиями японского рынка. Несмотря на то что доля льготных займов в общем объеме двусторонней помощи в последние годы несколько снизилась, она продолжает составлять почти две трети всей японской ОПР¹³. При этом значительная часть средств направляется на стимулирование экспорта: экспортные кредиты, доходившие до 20 % всего экономического сотрудничества¹⁴, в значительной степени определяют коммерческий характер последнего, в целом отвечающий интересам Японии.

Столкнувшись с нарастающим недовольством в ряде стран «третьего мира» японской торгово-экономической экспансией и «качеством» предоставляемой помощи, Япония в последние годы несколько увеличила абсолютные размеры и долю безвозмездной помощи, предоставляемой в виде ссуд, которые затем используются на закупку товаров и продовольствия, на оказание технической помощи и др. Однако япон-

¹¹ In: «Asia Pacific Community», Spring 1983, N 20, p. 99.

¹² См.: «Санкэй симбун», 6.1.1983.

¹³ См.: Кэйдай кёрёку-но гэндэй то мондайтэн (Современное состояние и проблемы экономического сотрудничества), 1982, с. 46.

¹⁴ In: «Look Japan», March 10, 1983, p. 18.

ские безвозмездные ссуды, так же как и льготные займы, как правило, являются «связанными», поскольку расходуются на приобретение товаров в Японии, а если продукты закупаются в третьих странах, то они оплачиваются в основном японской валютой через посредство японских компаний.

Предметом особого внимания Японии является техническое сотрудничество с развивающимися странами, область, к которой со стороны последних проявляется значительный интерес. Техническая помощь на правительственной основе составляет почти половину от общего объема безвозмездной помощи Японии. В рамках технического сотрудничества Японией делается упор на «развитие людских ресурсов», или подготовку и обучение кадров из развивающихся стран. В последние годы растет число принимаемых в Японии на обучение технических специалистов из стран «третьего мира», а также число направляемых в развивающиеся страны японских экспертов, консультантов и т. п., что отражает стремление Токио использовать передачу развивающимся странам своей технологии и подготовку местных кадров для работы с ней в качестве инструмента прощикновения в ключевые отрасли экономики этих стран и долгосрочного закрепления там своих позиций. Техническая помощь призвана служить усилению процесса индустриализации в развивающихся странах, существенно сокращать время на разработку и реализацию хозяйственных проектов, используя опыт квалифицированных специалистов, готовую технологию и т. д. На практике же, однако, дело ограничивается в основном подготовкой с помощью Японии национальных кадров средней и низкой технической квалификации (мастеров, техников, рабочих) для их использования прежде всего на смешанных предприятиях с целью повышения экономической эффективности последних.

Японские государственные органы, связанные с оказанием экономической помощи развивающимся странам, стремятся постоянно держать в поле зрения вопросы повышения ее политической и экономической эффективности, увеличения ее результативности, отдачи. Выделение фактически всех финансовых средств в рамках экономического сотрудничества с развивающимися странами носит сугубо целенаправленный характер. При этом решению о нем предшествует тщательное изучение проекта с различных сторон. Действующий в Японии механизм оценки и принятия решения по тому или иному проекту сотрудничества представляет собой консультативный форум, в работе которого принимают участие ответственные представители четырех государственных ведомств — управления экономического планирования (УЭП), МИД, министерства внешней торговли и промышленности (МВТП), а также министерства финансов. Привлечение к консультациям указанных ведомств, по японской оценке, дает возможность обеспечить комплексность конечного решения, поскольку УЭП выносит свое заключение по проектам с позиций головной организации, ведающей планированием и координацией общей политики и программ международного сотрудничества, а также куратора фонда зарубежного экономического сотрудничества — органа, ответственного за контроль над предоставляемыми финансовыми средствами; МИД оценивает политическую отдачу проекта; министерство финансов судит о нем с точки зрения бюджетных возможностей и состояния государственных финансов, а также исходя из своей международной финансовой политики; МВТП руководствуется международной торгово-экономической политикой страны. В целях дальнейшего совершенствования работы механизма принятия решений по вопросам предоставления экономической помощи развивающимся странам с 1979 г. в Японии введена система, в соответствии с которой в обсуждениях при необходимости участвуют представители десяти министерств и ведомств (половина

представленных в кабинете министров страны): помимо вышеуказанных, министерства образования, здравоохранения и социального обеспечения, сельского, лесного и рыбного хозяйства, транспорта, почт и телекоммуникаций, а также строительства¹⁵.

Несмотря на сложное положение государственных финансов, нарастание внутреннего государственного долга, сохраняющуюся на высоком уровне зависимость госбюджета от выпуска дефицитных государственных займов, в условиях выдерживаемой в целом общей линии на сокращение государственных расходов для статьи бюджета «экономическая помощь» в последние годы делается исключение, и расходы по ней растут опережающими по сравнению с другими статьями темпами. Связано это с тем, что в январе 1981 г. правительство Судзуки объявило о своем намерении в целях содействия решению проблемы «Север — Юг» удвоить объем официальной помощи развитию за период 1981—1985 фин. гг. Впоследствии указанное обещание было подтверждено японцами на встречах руководителей ведущих западных стран в Оттаве в 1981 г. и в Версале в 1982 г., и заявление Судзуки, таким образом, получило статус «международного обещания» Японии, тем более что официальный Токио не жалел ни средств, ни усилий для пропагандистского обеспечения выдвинутого лозунга, особенно в развивающихся странах.

В последние год-два Япония в ходе выполнения своего обещания столкнулась с немалыми трудностями, связанными, помимо прочего, и с падением курса иены по отношению к доллару. Несмотря на расширение иенных государственных ассигнований на ОПР, ее размеры в долларах в последние два года сокращались. Каждый год МИД Японии разворачивает в буквальном смысле слова борьбу с министерством финансов за ассигнования по статье «Экономическая помощь», и благодаря активной, наступательной позиции МИД эти ассигнования растут, хотя и недостаточно для достижения выдвинутой три года назад цели. Госбюджетом Японии на 1984 фин. г. предусмотрено выделение экономической помощи в размере 528 млрд. иен, что на 9,7% больше, чем в предыдущем году¹⁶. Учитывая, что расходная часть бюджета в целом увеличена всего на 1,5%, можно сказать, что темпы роста ассигнований по данной статье выглядят внушительно. Однако для того, чтобы «сохранить лицо» и выполнить обещание об удвоении ОПР к концу 1985 фин. г., Японии необходимо увеличить размеры помощи в следующем финансовом году более чем на 20%, что, даже по самым оптимистическим прогнозам, является маловероятным.

Стремясь подготовить японскую и зарубежную общественность к мысли о возможном провале широко разрекламированной пропагандистской акции, министр иностранных дел Японии С. Абэ, выступая на заседании бюджетной комиссии верхней палаты японского парламента, указал на имеющиеся «трудности» в деле выполнения обещания об удвоении помощи. В связи с тем что темпы роста помощи в последние четыре года оставались ниже запланированных, достичь более чем 20%-го ее увеличения в следующем финансовом году, по признанию С. Абэ, «представляется фактически невозможным»¹⁷. Расценивая данное высказывание японского министра как официальное признание того, что «план Судзуки» потерпел фиаско, японская печать указывала на неизбежность в этой связи значительного усиления недовольства среди развивающихся стран японской политикой и роста в этих стра-

¹⁵ Ип: «Look Japan», May 10, 1983, p. 12.

¹⁶ См.: «Нихон кэндай симбун», 26 I.1984.

¹⁷ «Ёмиури», I.III.1984 (веч. выпуск).

нах недоверия к совместным с Японией проектам экономического сотрудничества. Отдавая себе отчет в том, что возможная волна критики из стран «третьего мира» будет иметь неблагоприятный для Японии политический и пропагандистский эффект, а также стремясь заручиться аргументами, подтверждающими, что оно «делало максимум возможного», японское правительство, по сообщениям печати, выработало курс на увеличение размеров экономической помощи развивающимся странам в будущем финансовом году на 10—15%, что опережает по темпам роста расходы по всем другим бюджетным статьям. Японские политические обозреватели не исключают также возможность, что правительство, применяя тактику политического маневрирования, параллельно с разработкой нового бюджета объявит о новых целях в области экономической помощи¹⁸.

Стремление использовать заинтересованность стран «третьего мира» в экономическом и техническом сотрудничестве с Японией для укрепления своего авторитета в западном лагере, выступать на форумах ведущих западных стран в роли представителя не только Азии, но и развивающихся стран в целом особенно рельефно проявилось в преддверии совещания «семерки» крупнейших капиталистических государств в Лондоне. Стремясь продемонстрировать активность Японии в постановке для обсуждения на совещании западных держав наиболее острых для стран «третьего мира» вопросов, в январе 1984 г. С. Абэ провел встречи «по региональному признаку» с группами послов из развивающихся стран различных районов мира. Японскими политическими обозревателями делалось небезосновательное предположение, что и маршрут поездки премьер-министра Я. Накасонэ по странам Южной и Юго-Западной Азии в конце апреля — начале мая 1984 г., включавший Пакистан и Индию, также разрабатывался с прицелом на июньское совещание в Лондоне. В комментариях печати проводилась мысль о том, что, помимо интересов двусторонних японо-пакистанских и японо-индийских отношений, в Токио принимались в расчет «стратегическая важность» Пакистана и роль Индии как одного из лидеров Движения неприсоединения. С другой стороны, переговоры в Исламабаде и Дели были использованы японским руководителем для зондажа отношения этих видных представителей развивающихся стран к вынашиваемой японцами идее нового раунда многосторонних переговоров в рамках диалога «Север — Юг».

Следует отметить, что искусная маскировка неокOLONиалистской политики грабежа и эксплуатации, проводимая японским империализмом, нередко достигает своих целей. В интенсивно ведущейся идеологической обработке развивающихся стран японцы упирают на то, что сами, дескать, еще не так давно были развивающейся страной и что магистральный путь стран «третьего мира» к экономическим успехам лежит через восприятие их, японского опыта. В ряде развивающихся стран, особенно азиатских, наблюдаются тенденции рассматривать Японию как своего рода модель для собственного развития, брать на вооружение японский опыт хозяйственного строительства. Отражением этих тенденций могут служить: развернутые в некоторых странах, например в Малайзии, Пакистане, движения «учиться у Японии», «брать пример с Востока» и т. п. Усматривая в подобного рода реакции на экономическое сотрудничество исключительно выгодные для себя пропагандистские и политические моменты, МИД Японии, оценивая в конце 1983 г. состояние и перспективы отношений с развивающимися странами, не без удовлетворения отмечал в итоговом докладе, что японская помощь «третьему миру» «работает в целом успешно»¹⁹.

¹⁸ См.: «Емнурри», 20.V.1984.

¹⁹ «Japan Times», 6.XI.1983.

В близких к руководству страны академических кругах Японии, привлекающихся к выработке рекомендаций по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, преобладает подход к экономической помощи как одному из ключевых инструментов не только укрепления позиций Японии в развивающемся мире, но и повышения ее авторитета на международном арене в целом. Практически во всех документах, подготовленных частными и правительственными исследовательскими учреждениями, в последнее время звучит мысль о необходимости уделить большее внимание проблемам экономической помощи, составляющей, по мнению японских ученых, один из краеугольных камней комплексной безопасности страны.

Примечательны в этом плане рекомендации двух крупных японских консультативных органов, которыми разрабатывалась концепция комплексной безопасности страны. По мнению одного из них — Общества обновления политики, видного форума частных кругов, — размеры японской официальной помощи развитию должны быть увеличены до 1 % ВВП, то есть стать сопоставимыми с военными расходами страны, что позволит превратить Японию в «сверхдержаву в области экономической помощи». Роль такой «сверхдержавы», считают члены общества, не только принесла бы Японии неоспоримые преимущества с точки зрения расширения ее собственного влияния в «третьем мире», но и послужила бы весомым доказательством вклада в укрепление стратегических позиций Запада путем стабилизации, используя каналы «помощи», дружественных Западу режимов и возведения барьеров на пути «коммунистического проникновения»²⁰.

Несколько более умеренные цели, с учетом состояния государственных финансов, выдвигаются в рекомендациях подготовленного в марте 1984 г. промежуточного доклада Общества изучения проблем мира, консультативного органа премьер-министра (руководитель общества — ученый-международник, профессор Киотского университета М. Косака). В нем, в частности, рекомендуется довести в кратчайшие сроки долю официальной правительственной помощи развитию в ВВП по крайней мере до среднего уровня стран — членов Комитета помощи развитию ОЭСР (с 0,29 % в настоящее время до 0,39 %), а также приложить все усилия для выполнения поставленной четыре года назад задачи удвоения ОПР за 1981—1985 гг.²¹. Несмотря на различия в показателях, доклады обоих органов объединяют стремление рассматривать экономическую помощь отнюдь не как проявление бескорыстной готовности способствовать развивающимся странам в ликвидации их промышленной и сельскохозяйственной отсталости, ускорении их национального становления. Правящие круги Японии видят в помощи неотъемлемый и важный инструмент внешней политики, орудие неокolonиалистского закабаления стран «третьего мира», разграбления их природных ресурсов, вовлечения развивающихся стран в хозяйственную и политическую орбиту империализма.

* * *

Широкие социальные и экономические преобразования в развивающихся странах вынуждают японские правящие круги вносить коррективы в формы и методы своей экспансии, маскировать ее видимостью равноправного сотрудничества, изыскивать новые средства осуществления своей политики, в некоторой степени и на определенных условиях учитывать интересы развивающихся стран. Эксплуатируя объективные потребности развивающихся стран в экономической помощи и тех-

²⁰ «Far Eastern Economic Review», June 16, 1983, p. 54—55.

²¹ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 9.III.1984.

ническом содействии для решения насущных задач хозяйственного развития, их заинтересованность в расширении притока передовой технологии, в ознакомлении с эффективными методами управления производством, государственно-монополистический капитал Японии расширяет свое присутствие в развивающихся странах, навязывает им «японскую экономическую модель».

Одновременно идет процесс возрастания роли Японии в глобальной стратегии империализма в отношении развивающихся стран. Она становится все более активным соучастником проводимой общими усилиями империалистических стран политики коллективного неокOLONIALИЗМА, оказывая соответствующее политическое, экономическое и идеологическое содействие в целях упрочения позиций мирового капитализма в борьбе с социализмом и национально-освободительным движением. Увеличивая помощь «стратегически важным» для Запада развивающимся странам, Токио все шире подключается к глобальной антисоветской стратегии Вашингтона, стратегии «сдерживания» Советского Союза. В политике Японии в отношении развивающихся стран все явственнее обнаруживаются негативные, опасные для мира и безопасности тенденции, все отчетливее просматривается общая деструктивная линия Токио в международных делах.

Подобной экспансионистской, империалистической линии в отношении освободившихся стран Советский Союз, другие социалистические страны противопоставляют политику равноправного, взаимовыгодного сотрудничества, действительного учета коренных интересов народов, сбросивших ярмо колониальной зависимости. С новой силой это было подтверждено в ходе состоявшегося в июне 1984 г. в Москве Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне. Представленные на совещании государства выдвинули реальную программу действий по перестройке международных экономических отношений на справедливой, демократической основе, еще раз показав, что социализм является естественным союзником всех, кто борется за устранение дискриминации и эксплуатации, против использования экономических связей в качестве орудия политического давления и вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

«Советский Союз поддерживал борьбу народов за освобождение от колониального гнета. И сегодня наши симпатии — на стороне стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые идут по пути укрепления независимости и социального обновления. Они для нас — друзья и партнеры в борьбе за прочный мир, за лучшие, справедливые отношения между народами», — подчеркнул в выступлении на мартовском (1985) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Реформа в капитальном строительстве

Л. В. НОВОСЕЛОВА

В последние годы в КНР со всей остротой ставится вопрос о нормализации положения в капитальном строительстве. В докладе премьера Госсовета КНР Чжао Цзяяна на II сессии ВСНП шестого созыва (май 1984 г.) отмечалось: «Экономические результаты осуществляемого капитального строительства оказывают существенное воздействие на развитие экономики в целом. Долгие годы капитальное строительство... страдает от таких явлений, как растянутость строительного цикла, высокая стоимость строительных работ, огромная растрата ресурсов и технологический застой. Если не изменить положение, все это крайне отрицательно скажется на ведении крупномасштабного экономического строительства»¹. В этой связи большое значение придается реформе капитального строительства, которая, согласно официальным заявлениям руководителей КНР, призвана сыграть важную роль в осуществлении общей реформы хозяйственной системы в городе.

Реформа в капитальном строительстве, проводимая уже в течение ряда лет, к настоящему времени наиболее ощутимо затронула такой важный элемент инвестиционной сферы КНР, как система формирования и использования государственных капитальных вложений. Фундамент этой системы был заложен еще в 50-е годы, когда предприятия отчисляли в центральный бюджет практически всю сумму прибыли и основную часть амортизационного фонда, а государство в свою очередь формировало на этой основе централизованный фонд развития народного хозяйства и распределяло его по каналам государственного бюджета. Основные черты централизованной системы финансирования капитального строительства оставались неизменными вплоть до конца 70-х годов: если в 1957 г. доля бюджетных ассигнований в общей сумме государственных затрат на капитальное строительство составляла 91,6 %, то в 1978 г. — 83,2 %².

Главным преимуществом централизованной системы формирования капитальных вложений является возможность мобилизации крупных хозяйственных ресурсов и широкого маневрирования ими в общенациональном масштабе. Это сыграло положительную роль в годы первой пятилетки (1953—1957), позволив Китаю в короткий срок заложить основы целостной промышленной системы. Однако в дальнейшем расширение масштабов общественного производства и его диверсификация при одновременном росте мелких предприятий на местах существенно затруднили возможность центральных органов КНР эффективно контролировать систему экономических отношений в стране на всех ее уровнях. В 60—70-е годы ситуация еще более усугублялась волюнтаристским экспериментированием в экономике, недооценкой экономических

¹ «Жэньминь жибао», 2.VI.1984.

² Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1984. Пекин, 1984, с. 301.

стимулов и рычагов управления. Самостоятельность государственных предприятий в КНР в те годы была сведена до минимума. (Например, руководство Пекинского машиностроительного завода имело право расходовать по своему усмотрению сумму, не превышающую 50 юаней. Любые расходы сверх установленного лимита требовали утверждения вышестоящими организациями³.)

В итоге государственные предприятия постепенно теряли реальную заинтересованность в эффективном использовании отпущенных им средств, а размеры госбюджетных ассигнований в свою очередь не увязывались с результатами хозяйственной деятельности предприятий. Противоречия основным требованиям хозяйственного расчета, это обстоятельство порождало растрату дефицитных материальных и финансовых ресурсов в массовых масштабах. Так, в 1978 г., согласно выборочному обследованию 45 крупных строительных объектов, 44 % капитальных вложений составляли нерациональные затраты⁴. Резко возросло незавершенное строительство, размеры которого в отношении к годовым капитальным вложениям увеличились с 63 % в годы первой пятилетки до 212 % в 1976—1977 гг., причем средние сроки строительства крупных и средних народнохозяйственных объектов оказались растянутыми с 6 до 11 лет⁵. В результате к концу 70-х годов капитальное строительство оказалось серьезно дезорганизовано, эффективность капитальных вложений понизилась не менее чем вдвое по сравнению с уровнем первой пятилетки.

Назрела необходимость пересмотра системы формирования и использования капитальных вложений в интересах создания таких экономических стимулов, которые содействовали бы росту материальной ответственности и заинтересованности самих предприятий и строительных организаций в целесообразном и эффективном использовании государственных средств. В конечном итоге эта задача сводится к решению одного из важных аспектов проблемы оптимального соотношения централизованных и децентрализованных источников развития в условиях Китая. «В ходе экономического строительства, — отмечал журнал «Цзинцзи яньцзю», — нельзя полагаться только на государственные финансы, особенно на средства центрального бюджета. Необходимо уделять внимание правильному использованию средств местных организаций, предприятий, частных лиц, поднять роль банков как источников накопления денежных средств»⁶. В соответствии с этим главным направлением реформы системы формирования государственных капитальных вложений, осуществляемой после III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978), выступает заметная децентрализация источников инвестиций посредством развития внебюджетных фондов. К их числу прежде всего относятся собственные средства предприятий, а также кредитные ресурсы на цели капитального строительства.

Начиная с середины 1979 г., после принятия Госсоветом КНР «Правил распределения прибыли на государственных предприятиях», последние получили право оставлять в своем распоряжении определенную часть прибыли на создание трех основных фондов: фонда материального поощрения (30 % оставляемой прибыли), фонда социально-культурных мероприятий (20 %) и фонда развития производства (50 %) ⁷. В 1982 г. на создание этих фондов было обращено 15 % прибыли государственных предприятий против 6,4 % в 1979 г., в результате чего их абсолютные размеры возросли с 4,99 до 13,2 млрд. юаней соответственно и в целом к 1982 г. составили внушительную сумму 42 млрд. юаней⁸. Если учесть, что на цели капитального строительства расходуется подавляю-

³ In: Yu Guoqiang (ed.). China's socialist modernization. Beijing, 1984, p. 87.

⁴ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 6, с. 26.

⁵ См. там же, 1982, № 1, с. 49; «Жэньминь жибао», 17.III.1980.

⁶ «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 11, с. 16.

шая часть средств фонда развития производства, а также основная часть фонда социально-культурных мероприятий (жилищное строительство, сооружение объектов социально-культурного назначения), то можно считать, что около 10 % прибыли государственных предприятий КНР в настоящее время идет на финансирование капитальных затрат. Таким образом, в 1979—1983 гг. капиталовложения за счет собственных средств государственных предприятий составили около 30 млрд. юаней, или приблизительно 10 % государственных затрат на капитальное строительство. Кроме того, на цели капитального строительства используются средства государственных учреждений, ведомств, а также внебюджетные фонды местных органов власти, составившие в 1979—1983 гг. в общей сложности приблизительно 45 млрд. юаней⁹.

При этом собственные средства предприятий используются для обеспечения достаточно масштабных строительных программ. Так, в 1979—1983 гг. Пекинский металлургический завод использовал 188 млн. юаней собственных средств для осуществления 42 проектов технического обновления и совершенствования производства с целью повышения качества и расширения ассортимента продукции, включая переоборудование на современной технической основе трех мартеновских печей объемом в 1 тыс. м³ каждая¹⁰.

Наряду с более активным использованием собственных средств предприятий и ведомств важным направлением увеличения внебюджетных средств в капитальном строительстве служит постепенный переход от бюджетного финансирования к банковскому кредитованию капитальных вложений. После утверждения Госсоветом КНР «Временных правил кредитования объектов капитального строительства» (август 1979) Строительный банк КНР приступил к предоставлению долгосрочных (на 10—15 лет) кредитов на цели нового строительства из расчета в среднем 3 % годовых¹¹. Одновременно Народный банк Китая начал выдавать краткосрочные и среднесрочные ссуды для осуществления небольших и быстроокупающихся капитальных вложений преимущественно в предприятия легкой и текстильной промышленности¹².

Прошедшие годы показали, что такие качества кредита, как срочность, возвратность и платность, в ряде случаев послужили реальным стимулом более целесообразного и экономного использования денежных средств. В китайской печати сообщалось об опыте отдельных заводов химического машиностроения, цветной металлургии, химической и других отраслей промышленности, которые, перейдя на систему банковского кредитования капитальных вложений, после соответствующих технико-экономических расчетов сократили сметную стоимость строительства в 1,5—3,4 раза¹³. Отмечалась и эффективность использования кредитных ресурсов в условиях Китая. В частности, как сообщал журнал «Цзинцзи яньцзю», использование кредитов на цели капитального строительства и технической реконструкции предприятий в уезде Учунань (провинция Гуандун) на сумму 1,41 млн. юаней обеспечило увеличение выпуска промышленной продукции на 11 млн. юаней при одновременном росте прибыли и налогов, отчисляемых государству на 2,94 млн. юаней¹⁴.

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 20.IX.1984.

⁸ См.: «Цзинцзи жибао», 16.IV.1983.

⁹ Рассчитано по: «Жэньминь жибао», 30.IV.1984; Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1983, Пекин, 1983, с. III — 82.

¹⁰ In: «China daily», 7.II.1984.

¹¹ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1981, Пекин, 1981, с. II — 138. При нарушении сроков погашения кредита размеры процентной ставки удваиваются.

¹² См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1981, с. IV — 157; Чжунго: шэньцзюйчжун цзинцзи фацжянь, Пекин, 1983, с. 106.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 6.X.1980.

¹⁴ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 8, с. 28.

Результатом этих мероприятий явилось довольно широкое распространение практики кредитования капитального строительства в сравнительно короткие сроки. Если в 1979 г. банковское кредитование в порядке эксперимента было применено на ограниченном числе строящихся объектов легкой и текстильной промышленности в Шанхае, а также в провинциях Цзилнь и Хэнань, то уже через год оно было распространено на более чем 1,5 тыс. предприятий, относящихся к 20 различным отраслям народного хозяйства и расположенным на территории всех 29 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения¹⁵. В 1981 г. около 50 % объема капитального строительства в таких важных отраслях, как электроэнергетика, металлургическая промышленность и промышленность строительных материалов, осуществлялось за счет банковских кредитов¹⁶. В целом с 1980 по 1983 г. доля кредитных средств составила около 10 % государственных затрат на капитальное строительство, или в абсолютном выражении свыше 21 млрд. юаней¹⁷.

Таким образом, в конце 70-х — начале 80-х годов отчетливо проявилась тенденция к увеличению удельного веса внебюджетных капитальных вложений.

Таблица 1

Государственные капитальные вложения в народное хозяйство КНР (млрд. юаней)

Капитальные вложения	1978 г.	1980 г.	1982 г.	1983 г.
Всего:	66,8	74,6	84,5	95,2
в том числе				
в реконструкцию	16,8	18,7	29,0	35,8
в капитальное строительство	50,0	55,9	55,5	59,4
в том числе				
в госбюджетные	41,7	34,9	27,7	34,6
внебюджетные	8,3	21,0	27,8	24,8
в том числе				
собственные средства предприятий и ведомств	...	16,3	18,1	16,6
банковские кредиты	...	4,1	7,3	5,4
прочие	...	0,6	2,4	2,8

Источник: Рассчитано по: Чжунго цзинци няньцзянь — 1983. Пекин, 1983, с. III — 84; Чжунго тунци няньцзянь — 1984. Пекин, 1984, с. 301; «Жэньминь жибао», 30.IV.1984.

Как видно из приведенных данных таблицы 1, в период с 1978 по 1983 г. быстрый рост внебюджетных средств (в 3 раза) при одновременном уменьшении бюджетных ассигнований на капитальное строительство (на 17 %) привел к заметному падению удельного веса государственного бюджета в формировании капитальных вложений — с 83,2 % до 58,2 % затрат на новое строительство соответственно.

Децентрализация источников капитальных вложений сопровождалась сужением сферы централизованного распределения материально-технических ресурсов. В 1982 г. удельный вес централизованного материально-технического снабжения в поставках на строящиеся объекты стального проката составил лишь 53 %, лесоматериалов — 57, цемента — 24 %¹⁸. Все это было нацелено на то, чтобы остановить падение эффективности капитального строительства путем развязывания хозяйственной инициативы местных органов власти и отдельных предприятий.

¹⁵ См.: «Жэньминь жибао», 6.X.1980.

¹⁶ См. там же, 23.IX.1981.

¹⁷ Рассчитано по: Чжунго цзинци няньцзянь — 1983. Пекин, 1983, с. III — 82; «Жэньминь жибао», 30.IV.1984.

¹⁸ См.: «Жэньминь жибао», 21.VII.1983.

Однако последствия осуществленных мероприятий далеки от поставленных целей. Несмотря на все усилия государства по рациональному сокращению фронта капитального строительства (в частности, в 1979—1981 гг. было «заморожено» около 6 тыс. строительных объектов) в 1982—1983 гг. количество сооружавшихся объектов возросло на 10—11 тыс. ежегодно¹⁹. Главной причиной этого обстоятельства явилось то, что провинциальные и уездные органы власти, а также отдельные предприятия, получившие большие права в распоряжении собственными ресурсами, резко активизировали капитальное строительство.

Насаждая огромное число мелких, технически слабо вооруженных предприятий, которые дублируют друг друга, провинциальные и уездные власти пытаются тем самым разрешить целый ряд стоящих перед ними проблем. В их числе необходимость удовлетворения собственных потребностей в дефицитных видах сырья, материалов и оборудования, расширение собственной базы накопления и, наконец, необходимость создания новых рабочих мест для обеспечения занятости постоянно возрастающей избыточной рабочей силы. При этом проблема народнохозяйственной эффективности осуществляемого капитального строительства отодвигается на задний план. В этих условиях особенно выявилось существующее в КНР расхождение экономических интересов государства, местных органов власти и отдельных предприятий.

Так, в окрестностях города Цзинань (провинция Шаньдун) в радиусе 20 км построено четыре металлургических завода различного размера, принадлежащих провинциальным, городским или уездным властям. Конкурируя друг с другом за получение недостающего сырья, все четыре объекта так и не сумели достичь проектной мощности и работают с убытком²⁰. Можно привести и другой пример: если в 1979 г. в Китае насчитывалось около 1,5 тыс. государственных предприятий вино-водочной промышленности, которые производили 3,5 млн. т алкогольных напитков, фактически полностью удовлетворяя потребности внутреннего рынка КНР, то уже через год их число увеличилось в 9 раз за счет сооружения еще 12 тыс. аналогичных объектов в 17 провинциях и автономных районах²¹. Подобная ситуация создалась также в трикотажной, хлопчатобумажной, шелкоткацкой, а также в ряде других отраслей промышленности КНР. Учитывая, что в Китае существует множество разнообразных каналов поступления внебюджетных средств в инвестиционную сферу, возможности государственного контроля над масштабами развернутого на местах капитального строительства оказались весьма ограниченными. Это привело к большему, чем прежде, распылению финансовых и материально-технических ресурсов, обострило проблему их хронической нехватки.

Характерно, что кульминационным оказался 1982 г., когда был зафиксирован наибольший за всю историю КНР (50,2 %) удельный вес внебюджетных фондов в формировании капитальных вложений. В итоге в восьми провинциях и автономных районах КНР ассигнования на капитальное строительство превысили запланированный уровень в 2—4 раза. Годовой план вложений в новое строительство по всей стране был превышен на 11 млрд. юаней, в том числе 8,9 млрд. юаней пришлось на долю различных внебюджетных ресурсов. Прямым следствием этого процесса явился скачкообразный рост спроса на целый ряд важнейших строительных материалов: при увеличении затрат на капитальное строительство на 25 % производство стального проката возросло лишь на 8,6, цемента — на 13,5, а производство лесоматериалов даже сократилось на 11,7 %²².

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 30.IV.1984.

²⁰ In: У и Г и а н г у и а н. *Op. cit.*, p. 93—94.

²¹ *Ibid.*, p. 136.

²² См.: «Жэньминь жибао», 28.III.1983.

В результате серьезно ухудшилось материальное обеспечение финансовых ассигнований. В частности, обеспеченность цементом каждого миллиона юаней капиталовложений снизилась почти на 20%, значительно обострился дефицит стальных труб и простого проката, что вызвало необходимость существенного увеличения их ввоза из-за рубежа²³. Отсюда и такое неблагоприятное явление, как стихийный рост цен на многие виды энергетических ресурсов и строительных материалов. В ряде случаев предприятия самочинно повышали цены на стальные конструкции на 30%, на цемент — на 35, а на лесоматериалы — даже на 200%²⁴. Не удивительно, что уже в 1983 г. сметная стоимость строительства 46 ключевых объектов была превышена на 8,4 млрд. юаней, что составило 40% общих первоначальных сметных расходов на их строительство²⁵.

В условиях слабого государственного контроля за развитием инвестиционной сферы нехватка основных стройматериалов наносит удар по строительству важнейших объектов. В 1983 г., согласно проведенному Госсоветом КНР обследованию, 70 ключевых объектов на стройплощадках повсеместно недоставало лесоматериалов, металла, цемента. Поэтому государству пришлось не только импортировать треть стального проката, необходимого для материального обеспечения бюджетных ассигнований на капитальное строительство, но и закупить у местных органов власти 23 млн. т угля и 4 млн. т цемента на общую сумму в 600 млн. юаней²⁶. И тем не менее к началу 1984 г. почти треть из общего числа крупных и средних пусковых объектов попали в разряд незавершенного строительства.

При этом возможности кардинального улучшения положения с вводом в строй объектов общенационального значения в ближайшее время выглядят ограниченными. В частности, к концу 1984 г. на строительстве крупнейшей в Китае ГЭС Гэчжоуба зафиксирована нехватка 8 тыс. т стальной арматуры, что грозит задержкой с вводом в строй этого важного объекта шестой пятилетки (1981—1985) по меньшей мере на год. В итоге финансовые потери государства могут составить 100 млн. юаней²⁷.

В целом в результате попыток децентрализации системы формирования и использования капитальных вложений в КНР, по свидетельству газеты «Цзинцзи жибао», в капитальном строительстве создалась ситуация хаоса, когда «внеплановые объекты вытесняют плановые, объекты местного значения вытесняют объекты общегосударственного значения, обычные объекты вытесняют ключевые»²⁸. В ряде случаев, по сообщениям китайской прессы, даже земельные участки, отведенные государством под ключевые объекты, использовались провинциальными властями в собственных интересах. Отношение ввода основных фондов к капитальным вложениям в 1983 г. составило лишь 76,3% против 86,6% в 1981 г.²⁹ Это означает дальнейший абсолютный и относительный рост незавершенного строительства, что препятствует реальному решению проблемы эффективности капитального строительства в КНР.

Немалые проблемы сохраняются и в отраслевом распределении капитальных затрат. Прежде всего следует отметить, что, накопив определенные финансовые ресурсы путем самостоятельного строительства прибыльных объектов легкой промышленности на рубеже 80-х годов,

²³ См.: «Цзинцзи жибао», 3.III.1983.

²⁴ In: «Beijing Review», 25.VII.1983, p. 6.

²⁵ В том числе 7 из 8 сооружавшихся объектов угледобывающей промышленности превысили сметную стоимость строительства в среднем на 55,6% и 13 строящихся электростанций — на 57,6% («Жэньминь жибао», 3.VII.1983).

²⁶ См.: «Хунци», 1983, № 17, с. 16.

²⁷ In: «China daily», 28.XII.1984.

«Цзинцзи жибао», 31.I.1983.

См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. — 1984. Пекин, 1984, с. IV—32.

местные власти и отдельные предприятия приступили к активному строительству в непроеизводственной сфере. Вложения в непроеизводственное строительство в 1982—1983 гг. составили 43,6 % общих затрат на капитальное строительство против 20,9 в 1978 г., в том числе доля затрат на жилищное строительство возросла с 7,8 % до 23,2 %³⁰.

Столь резкое увеличение средств, направленных в непроеизводственную сферу, значительно ограничило возможности строительства в отраслях материального производства. В частности, удельный вес затрат на капитальное строительство в промышленности в общей сумме государственных капитальных вложений в 1982—1983 гг. понизился до 47,3 % против 54,5 % в 1978 г., и 52,3 % по плану на шестую пятилетку. Нарушенными оказались плановые показатели в транспортном строительстве, являющемся одним из приоритетных направлений политики капитальных вложений. Удельный вес вложений в транспортное строительство в 1982—1983 гг. составил 11,7 % против 13 % по плану, в том числе затраты на железнодорожное строительство составили лишь 5,9 % вместо запланированных 7,5 % общих затрат на капитальное строительство в народном хозяйстве³¹. Таким образом, с начала шестой пятилетки оказались деформированы важные межотраслевые пропорции в структуре капитальных вложений.

Искажению подверглись и внутриотраслевые пропорции развития китайской промышленности, где вследствие бессистемного роста децентрализованных капитальных вложений наблюдается нежелательное отвлечение ресурсов от строительства капиталоемких топливно-энергетических объектов в сторону более рентабельных небольших местных предприятий обрабатывающей промышленности. Доля топливно-энергетической промышленности в государственных затратах на капитальное строительство в 1982—1983 гг. упала до 19,9 % против 20,6 % в 1980—1981 гг. и 25,5 % по плану на шестую пятилетку³². Все это обострило диспропорциональность промышленного производства в КНР. Среднегодовые темпы прироста производства валовой промышленной продукции в 1983—1984 гг. составили 12,3 % при приросте производства электроэнергии лишь на 6,9 %³³. В результате промышленность КНР продолжает развиваться в значительной мере за счет мелких предприятий, которые, как известно, не всегда используют электроэнергию и производят кустарными и полукустарными методами примитивную трудоемкую продукцию. Что касается более современных промышленных предприятий, призванных реально содействовать модернизации экономики КНР, то, по свидетельству китайской прессы, многие из них даже после ввода в строй не могут работать из-за нехватки сырья и энергии.

В этих условиях китайское руководство вынуждено прибегнуть к ограничению роли внебюджетных источников в финансировании капитальных вложений, используя широкий круг мер как административно-организационного, так и финансово-экономического характера. К мероприятиям первой группы следует отнести разработку мер по налаживанию государственного контроля за источниками и направлениями использования внебюджетных средств. Так, согласно «Временным правилам по контролю за внебюджетными фондами», утвержденным министерством финансов КНР в феврале 1983 г., отныне предусмотрено включение внебюджетных средств, идущих на капитальное строительство и техническую реконструкцию, в государственные планы капитальных вложений. Установлен порядок обязательного внесения внебюджетных средств на счет в Строительном банке КНР. Начиная с 1984 г. возможность ис-

³⁰ Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо — 1983. Пекин, 1983, с. 61; «Жэньминь жибао», 30.IV.1984.

³¹ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1984, с. 314.

³² См.: «Жэньминь жибао», 13.III.1982; 30.IV.1983.

³³ См. там же, 3.VI.1984; 10.III.1985.

пользования внебюджетных фондов на финансирование капитальных вложений предусмотрена лишь для тех средств, которые были сданы в банк до 1 июля текущего года.

Помимо мероприятий административного характера предпринимается и серия экономических мер, направленных на ограничение внепланового строительства и создание дополнительных ресурсов финансирования ключевых народнохозяйственных объектов. Так, с июля 1983 г. с 10 % до 15 % повышена ставка отчислений от суммы годовых поступлений во внебюджетные фонды в специальный централизованный «фонд строительства важнейших объектов энергетики и транспорта»³⁴. В 1983—1985 гг. размеры этого фонда планируется довести до 20 млрд. юаней, обеспечив до 90 % этой суммы за счет отчислений из внебюджетных источников, включая банковские кредиты, а также собственные средства предприятий и ведомств. Кроме того, с 1 октября 1983 г. в КНР введен строительный налог в размере 10 % от суммы капитальных вложений. Им облагаются все объекты, строящиеся и реконструируемые за счет внебюджетных источников, кроме объектов энергетики, транспорта, просвещения и здравоохранения, а также предприятий с долевым участием китайских и иностранных капиталовложений и объектов, сооружаемых с помощью иностранных государственных займов и кредитов международных финансовых организаций.

Таким образом, предпринимаемые руководством КНР меры направлены на усиление централизованного руководства в сфере капитального строительства. Однако, как представляется, речь идет не столько о возврате к системе жесткой централизации, преобладавшей в прежние годы, сколько об устранении чрезмерного уклона в сторону децентрализации источников развития, возникшего вследствие проводимой с конца 70-х годов реформы системы формирования и использования капитальных вложений. Если в 1978 г. доля национального дохода, распределяемого через государственный бюджет КНР, составляла 37,1 %, то в 1982 г. она понизилась до 25,9 %, в то время как оптимальный уровень этого показателя, как считают китайские экономисты, должен составлять 28—30 %³⁵. Это свидетельствует о том, что в ближайшем будущем мероприятия по централизации экономических ресурсов сохранят свою актуальность.

Делается при этом не только очевидная попытка сосредоточить в руках государства достаточные материально-технические и финансовые ресурсы для строительства важнейших объектов в приоритетных отраслях экономики, но и предпринимаются специальные усилия для того, чтобы нацелить отдельные предприятия и местные органы власти на более рациональное с общегосударственной точки зрения использование оставляемых в их распоряжении фондов. По словам вице-президента Академии общественных наук Китая Лю Гогуана, «теперь, когда местные власти и предприятия получили больше финансовых средств и хозяйственной самостоятельности, вопрос заключается в том, чтобы найти им правильное применение»³⁶. Именно в этом свете следует рассматривать такие недавние шаги руководства КНР в рамках реформы капитального строительства, как расширение практики банковского кредитования капитальных вложений, распространение различных форм хозяйственной ответственности в инвестиционной сфере, дальнейшего расширения прав предприятий во внутриэкономическом строительстве.

В докладе премьера Госсовета КНР Чжао Цзяяна на II сессии ВСНП шестого созыва отмечалось: «Реформа в капитальном строительстве должна быть сосредоточена на сокращении сроков строительства, сни-

³⁴ «Цзинцзи жибао», 25.X.1983.

³⁵ Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1983, Пекин, 1983, с. 33, 445; «Жэньминь жибао», 30 и 3.VI.1984.

³⁶ Цит. по: Yu Guangyan (ed.). Op. cit., p. 135.

жении стоимости строительных объектов повышении качества работ и эффективности капитальных вложений. Ключом к достижению этих целей является введение системы ответственности в области использования капитальных вложений и системы конкурсного подряда»³⁷. Имеется в виду создание в капитальном строительстве системы таких экономических отношений, при которой заказчик, объявляя открытый конкурс на сооружение того или иного объекта, имеет возможность выбрать в партнеры строительную организацию с наилучшими показателями, а подрядные строительные организации в свою очередь переходят на полный хозяйственный расчет, принимая на себя всю ответственность за освоение утвержденного объема капитальных вложений. При этом средства, сэкономленные на сокращении сроков строительства, должны передаваться организациям-подрядчикам, а нехватка средств, возникающая вследствие превышения сметной стоимости строительства и растягивания строительного цикла, возмещается за счет банковских кредитов, погашение которых производится также за счет собственных фондов подрядчика. Размеры заработной платы строительным рабочим исчисляются в определенной пропорции к каждому 100 юаням выполненных строительных работ³⁸.

В порядке эксперимента сделаны лишь первые шаги в осуществлении системы ответственности в капитальном строительстве. В частности, в 1984 г. на половине из 123 ключевых объектов была введена система ответственности за соблюдение сметной стоимости строительства. На 4,2 тыс. строительных объектов введена практика объявления открытого конкурса на лучший проект³⁹. В стране в среднем более чем в 70 % строительных организаций применяется метод установления заработной платы в пропорции к 100 юаням выполненных работ. Более 1 тыс. проектных организаций перешли от системы безвозмездного бюджетного финансирования к работе по хозяйственному договору.

Первые результаты предпринятых мер, как сообщает китайская печать, заслуживают внимания. Так, в 1984 г. производительность труда в строительных организациях, использующих те или иные элементы системы производственной ответственности, возросла на 13,5 %, при этом сроки сооружения объектов уменьшились на 20 %, а стоимость строительства понизилась на 6—8 %⁴⁰.

Важным направлением инвестиционной деятельности на современном этапе выступает и новый курс во внутриэкономическом строительстве, призванный по возможности сократить дублирование в строительстве на местах и уменьшить нерациональные расходы путем развития прямых кооперационных связей на уровне провинций, уездов и даже отдельных предприятий. В постановлении III пленума ЦК КПК двенадцатого созыва (октябрь 1984) о реформе хозяйственной системы в КНР говорится: «Мы должны разрушить преграды и открыть двери в отношениях между экономически более развитыми и менее развитыми районами, приморскими районами и внутренними пограничными районами, городом и деревней, между всеми отраслями и предприятиями»⁴¹. На основе этого делается упор на развитие таких форм совместной деятельности, как создание совместных предприятий, сооружение объектов на компенсационной основе, применение различных форм передачи технологии.

Во многих провинциях и районах КНР учреждены специальные организации для осуществления экономического и технического взаимодействия с учетом проведения нового направления во внутрихозяйствен-

³⁷ «Жэньминь жибао», 2.VI.1984.

³⁸ См. там же.

³⁹ См. там же, 10.IV.1985.

⁴⁰ См. там же, 25.X.1984; In: «China Daily», 8.I.1985.

⁴¹ «Жэньминь жибао», 22.X.1984.

ном строительстве. В 1983—1984 гг. было заключено 25,6 тыс. различного рода совместных проектов, что в 4,2 раза больше, чем в 1981—1982 гг. В отношении сотрудничества и обмена, согласно подписанным только за 1983 г. соглашениям, вовлечены средства на 4,9 млрд. юаней, что составляет 5 % от общего объема капитальных вложений в народное хозяйство КНР⁴².

Характер подобного рода отношений можно продемонстрировать на примере Шанхая, заключившего к началу 1984 г. более 200 компенсационных соглашений на сумму свыше 260 млн. юаней. Шанхай, как правило, предоставляет другим городам и провинциям денежные средства, оборудование или осуществляет обучение местной рабочей силы, а последние в свою очередь возмещают это поставками на промышленные предприятия города более 40 различных видов промышленного сырья и материалов, включая уголь, алюминий, цемент, чугун и пр.⁴³

В настоящее время еще не накоплен достаточный опыт и необходимый фактический материал для взвешенной оценки воздействия предпринимаемых китайским руководством мер на положение в капитальном строительстве. Однако уже сегодня, несмотря на, казалось бы, рациональное содержание последних мероприятий реформы, обращает на себя внимание и их очевидная противоречивость. В частности, наряду с мерами по ограничению внебюджетных фондов, включая собственные средства предприятий и местных властей, в КНР по-прежнему подчеркивается необходимость дальнейшего расширения их хозяйственной самостоятельности вплоть до разрешения начиная с 1985 г. провинциальным органам власти и отраслевым министерствам без согласования с центром утверждать проекты капитального строительства на сумму до 30 млн. юаней (прежде — до 10 млн. юаней)⁴⁴. Таким образом, судя по всему, в КНР до сих пор не выработана единая точка зрения на перспективы развития инвестиционной сферы. Ведь вполне реальным представляется опасение, что дальнейшее расширение самостоятельности предприятий будет неизбежно связано с развитием децентрализованных источников накопления, которые, как показывает опыт, несут в себе опасные элементы стихийности и плохо поддаются государственному контролю.

Кроме того, условия, в которых развивается китайская экономика, заставляют усомниться в применимости целого ряда важных положений реформы к огромной массе существующих в КНР мелких, отсталых и зачастую нерентабельных предприятий и строительных организаций. В такой обстановке даже меры, призванные по самой своей сути стимулировать повышение эффективности капитальных вложений, нередко приводят к противоположным результатам. Так, по данным провинции Цзилинь, 15 % суммы кредитных ресурсов, отпущенных на цели капитального строительства и технической реконструкции, не погашаются предприятиями-заемщиками, превращаясь на практике в дополнительные безвозмездные ассигнования и способствуя дальнейшему растягиванию фронта строительных работ и росту незавершенного строительства⁴⁵.

Не меньшей проблемой в процессе широкого распространения мероприятий реформы представляется и хроническая нехватка квалифицированных кадров в строительной индустрии КНР. Инженерно-технические работники составляют лишь 2,6 % общего количества занятых в строительстве, в то время как доля научного персонала в капитальном строительстве не превышает 0,003 % общего числа занятых⁴⁶. В этих услови-

⁴² См.: «Жэньминь жибао», 30.IV.1984; In: «Beijing Review», 22.X.1984, p. 10; 11.III.1985, p. 16.

⁴³ In: «China daily», 23.II.1984.

⁴⁴ См.: «Цзинцзи жибао», 10.X.1984.

⁴⁵ In: «China daily», 14.XII.1984.

⁴⁶ См.: «Жэньминь жибао», 20.III.1981.

ях курс на расширение самостоятельности отдельных хозяйственных единиц и осуществление кооперации между ними в сложных, принципиально новых для КНР формах на практике может обернуться принятием многочисленных некомпетентных решений, чреватых дальнейшей растратой дефицитных экономических ресурсов

И наконец, вызывает особое внимание органически связанная со многими мероприятиями реформы идея поощрения свободной конкуренции между отдельными предприятиями, строительными и проектными организациями. В условиях Китая, где и без того весьма остро стоит проблема трудоустройства населения, все это может вызвать новые социальные осложнения.

В целом, учитывая трудности, которые выявляются уже на первом этапе реорганизации строительной индустрии, реформа капитального строительства в КНР предстает весьма непростым и длительным процессом. Многое здесь будет зависеть от эффективности реформ в других сферах народного хозяйства и от общего положения в экономике Китая.

Новые тенденции в развитии внутренней торговли

Б. К. ЧИЖОВ

В число отраслей народного хозяйства Китая, охваченных с начала 80-х годов реформой, входит и внутренняя торговля. Причина тому — серьезные диспропорции, которые проявились в сферах распределения, снабжения и потребления. Руководство страны проанализировало в свое время сложившуюся за последние годы ситуацию на внутреннем рынке, в частности положение в области спроса и предложения, работу заготовительных и торговых предприятий, пересмотрело и некоторые вопросы теории, такие, например, как «товар и цены», «закон стоимости», «накопление и прибыль» в условиях социалистического способа производства. В итоге этой работы было признано необходимым неукоснительно и в полную меру проводить в жизнь принцип распределения по труду, активно применять стимулирующие формы оплаты труда, закон стоимости, хозрасчет.

Преобразования во внутренней торговле неразрывно связаны с курсом на «оживление» китайской экономики в целом. Основопологающим принципом провозглашен принцип: «плановая экономика — главное, рыночное регулирование — вспомогательное». Однако, как в последнее время отмечается в китайской печати, положение складывается таким образом, что в ходе реформы сфера централизованного, планового хозяйствования значительно сужается, а сфера рыночного регулирования существенно расширяется. Кое-кто в стране даже выступает за рыночную экономику, что, разумеется, не может не причинить ущерб плановому хозяйствованию.

В 1983 г. розничная торговая сеть охватила более 6,5 млн. торговых точек. Сбыт продукции осуществляется через различные формы торговли.

Одной из нынешних проблем внутреннего рынка КНР, которая обращает на себя пристальное внимание руководства и печати, является недостаточно эффективная перестройка государственной и кооперативной розничной торговли с целью решения задачи удовлетворения растущих потребностей сельского населения, покупательная способность которого неуклонно растет. Эти условия активно используют индивидуальные и коллективные торговцы, как именует китайская печать мелких частных торговцев, функционирующих единолично или объединяющихся в коллективы. В обороте розничной торговли страны доля государственной и кооперативной торговли составляла в 1983 г. более 72 %, коллективной — 16,6, индивидуальной — 6,5 %. Журнал «Цзинцзи яньцзю» с беспокойством писал о том, что индивидуальные торговцы практически захватили в свои руки сбыт многих товаров на рынках некоторых сельских районов¹. Правда, в последнее время государственная и кооперативная торговля приступила к мобилизации товарных ресурсов

---

¹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 3.

для деревни, расширила поставки потребительских товаров сельскому населению.

В то же время в ходе проводимой во внутренней торговле КНР перестройки работы торговой сети поднимается вопрос о том, смогут ли государственная торговля и снабженческо-сбытовые кооперативы и в последующие годы выполнить роль главного канала торговли. Ведь запросы китайской деревни, где проживает до 800 млн. человек, круто возросли, растет и покупательная способность сельского населения. По данным статистики КНР, в 1982 г. денежные доходы крестьян (в текущих ценах) по сравнению с 1978 г. увеличились на 83,7 %. В конце 1982 г. денежные суммы, которыми располагали крестьяне, по оценке, составили 64,6 % общей денежной массы, обращавшейся на рынке². Розничный товарооборот сельской местности растет высокими темпами. Потребности села в промышленных товарах в последние годы удовлетворяются неполностью. Как сообщает китайская печать, ощущается нехватка в первую очередь таких товаров, как химудобрения, дизтопливо, малогабаритные тракторы, стройматериалы, велосипеды, комбикорма, некоторые мелкие хозяйственные товары³. Дефицит этих товаров объясняется в основном тем, что отстает производство, а также недостаточно тщательно изучена конъюнктура рынков в тех или иных районах страны.

Безусловно, важной задачей стала задача сбалансированности рынка. Как подчеркивалось печатью КНР, плановая сбалансированность рынка есть требование закономерностей развития социалистической экономики. За период после образования КНР страна неоднократно сталкивалась с трудностями в этой области, что главным образом было связано с недостатком товарной массы, а также в немалой степени объяснялось узостью ассортимента потребительских товаров. Как отмечал журнал «Цзинцзи вэньти», за период после образования КНР спрос, предложение и покупательная способность были сбалансированы в общей сложности лишь на протяжении примерно 12 лет⁴.

Китайские экономисты объясняют это, в частности, проводившимся руководством страны в последние годы курсом на ускоренные темпы развития промышленного производства без учета потребностей рынка, недооценкой роли сельского хозяйства, значения емкого сельского рынка, роли торговли вообще. Среди китайских теоретиков доминировала точка зрения, согласно которой превышение спроса над предложением будто бы неизбежная тенденция в развитии социалистической экономики, что рост покупательной способности всегда-де опережает рост производства. Поэтому, когда предложение товара не отвечало спросу, это не воспринималось как нарушение пропорциональности между спросом и предложением⁵.

Изучая причины хронической несбалансированности рынка в минувшие годы, экономисты КНР указывают и на чрезмерную централизацию в экономике как на немаловажную причину диспропорции между спросом и предложением. Государственный план, определяя показатели на многие виды промышленной продукции, далеко не всегда учитывал конъюнктуру рынка. Поскольку продукция закупалась и реализовывалась торговой сетью в централизованном порядке, это приводило к тому, что предприятия заботились лишь о показателе «вала», а не о потребностях рынка. Широкие масштабы приняло затоваривание⁶.

Ныне в КНР идут поиски пути повышения рентабельности производ-

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См.: Шао Тинцзюнь, Чн Биньин. Исследование вопроса о сбалансированности рынка. — «Цзинцзи вэньти», 1982, № 5.

⁵ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 5.

⁶ См. там же.

ства с учетом потребностей рынка. Одним из таких путей является предоставление предприятиям прямого выхода на рынок, а отсюда и прямая зависимость их рентабельности от реализации продукции.

Экономическая реформа начавшаяся, как известно, прежде всего в деревне, привела к росту производства, оживлению сельских рынков, развитию внутренней торговли на новой основе. Промышленность и торговля стали переходить на хозрасчет, что должно обеспечить завершение перехода от системы отчисления прибылей к налоговой системе (о чем было объявлено еще в начале 1984 г.), а также координацию действий между отраслями с учетом массового потребителя.

Такая установка, на которую обращала особое внимание китайская печать⁷, явилась значительным импульсом для развития внутренней торговли. Необходимо было «создавать новую систему товарного обращения в Китае», как это было сформулировано в 1978 г. в решениях III Пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва. Пленум, в частности, подчеркнул, что «социалистическая экономика — это плановая экономика, в которой существует товарное производство и товарный обмен». На пленуме был провозглашен принцип: «плановая экономика — главное, рыночное регулирование — вспомогательное». Таким образом, констатировалось, что прежняя, старая система товарного обращения уже не отвечала требованиям экономического развития страны.

Назрела необходимость проведения реформы непосредственно в системе внутренней торговли. Основная идея реформы была сформулирована в октябре 1982 г. на Всекитайском совещании работников торговли. Сущность ее заключается в создании параллельного функционирования двух систем товарного обращения — государственного и кооперативного секторов торговли, а также рынка индивидуальных и коллективных торговцев, с ведущей ролью государственного сектора, о чем выше уже было сказано.

Оценивая состояние внутренней торговли на новом этапе, китайская печать указывает, что развитие системы рыночного регулирования товарного обращения может принять стихийный характер, в ущерб государственной плановой торговле. В статье министра внутренней торговли Лю И «Установление в нашей стране новой системы товарного обращения», появившийся в журнале «Хунци», отмечалось, что в условиях параллельного существования государственного, кооперативного и индивидуального хозяйствования определение для государственной торговли ведущей роли — это решающее условие того, чтобы сфера товарного обращения имела социалистическую направленность, ибо только на основе государственной торговли можно поддерживать и стимулировать гармоничное, сбалансированное развитие различных отраслей экономики. Автор прямо говорит, что только при этом условии можно избежать разрушительного для народного хозяйства воздействия рыночной стихии⁸.

Реформа предполагает, что ведущая роль государственной торговли будет проявляться в усилении планового регулирования реализации товаров, имеющих жизненно важное значение для обеспечения благосостояния народа, причем это регулирование распространяется на различные формы кооперативной и индивидуальной (частной) торговли. Государство держит в своих руках оптовую торговлю, тем самым гарантируя обеспечение основных потребностей общественного производства и населения. Государственным торговым предприятиям и снабженческо-сбытовым кооперативам рекомендуется принимать активное участие в рыночной конкуренции, регулировать спрос и предложение на рынке путем осуществления операций по договорным закупкам и сбыту, под-

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 9.IV.1984.

⁸ См.: «Хунци», 1983, № 8.

держивать стабильные цены. Снабженческо-сбытовые кооперативы реформа нацеливает на то, чтобы стать по-настоящему массовыми, работать «на началах коллективной собственности крестьянских масс», гибко учитывать интересы крестьянских масс.

Реформа внутренней торговли в КНР предоставляет рынок не только для таких основных форм торговли, как государственная, кооперативная и индивидуальная, но и объединениям торговых предприятий, объединениям промышленно-торговых, сельскохозяйственно-торговых и т. п. Эти объединения могут носить характер государственных или коллективных предприятий, а также смешанных — государственных с коллективными или с индивидуальными предприятиями, коллективных предприятий с индивидуальными и объединения индивидуальных предприятий. Такие объединения китайская печать считает более гибкими, их появление как бы раздвинуло рамки многообразных структурных форм торговли, оживило рынки, вызвало усиление коммерческой деятельности.

Реформа дает возможность осуществлять, так сказать, многоканальное товарное обращение. По мнению китайских экономистов, это не противоречит требованиям плановой экономики, поскольку государственная торговля в рамках единого социалистического рынка является главным каналом товарного обращения⁹.

Госторговым предприятиям предоставлено больше самостоятельности, осуществляется их кредитование (в прошлом имела место система дотаций), и работники переведены на сдельную заработную плату, участие в прибылях и т. п. Снижены обязательные плановые задания, спускаемые торговым предприятиям. Предприятия торговли получили право свободно закупать товары (то есть не на обязательной договорной основе) на тех или иных базах оптовой торговли. Крупным универсамам и специализированным магазинам предоставляется возможность закупать товары самостоятельно, с учетом традиционно сложившихся связей. Торговые предприятия получили право на ведение переговоров о закупках с предприятиями-производителями на основе свободно складывающихся или «плавающих» цен.

Ныне финансовые права торговых предприятий расширены. Государство выделяет торговым предприятиям определенные денежные средства, которыми они могут свободно распоряжаться; допускается увеличение доли прибыли, поступающей в распоряжение предприятия, в его ведении остаются также суммы амортизационных отчислений на основные фонды. Этими средствами предприятие может свободно распоряжаться в пределах плана и в рамках предусмотренной коммерческой деятельности.

Реформа поставила работников сферы торговли в прямую зависимость от результатов хозяйственной деятельности. Премияльный фонд устанавливается в зависимости от общей суммы заработной платы и суммы сверхплановой прибыли. Вид заработной платы определяется в зависимости от предприятия: либо аккордная, либо с учетом сверхплановой прибыли. Возможны и некоторые другие варианты. Контроль государства над деятельностью предприятий осуществляется посредством финансово-политических рычагов и кредитования. Предприятию передаются денежные средства на собственные управленческие цели, а также предоставляются банковские кредиты по дифференцированным процентным ставкам.

Реформа государственной плановой торговли нацелена на решение двух проблем: реорганизацию торговли по территориальному признаку, то есть по экономическим зонам — как более рациональную форму ее организации. В определенной степени это — возврат к старому опыту.

⁹ См.: «Хунци», 1983, № 8.

Вторая задача — лучше учитывать экономические закономерности торговли для ускоренного ее развития. Поставлена цель создать всеохватывающую сеть оживленного товарообмена между городом и деревней, между различными экономическими районами страны. По мере того как происходит сокращение номенклатуры и объемов продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, закупаемой в централизованном порядке, расширяется сфера свободных закупок и продаж.

В 1984 г., по данным китайской статистики, розничный оборот внутренней торговли по сравнению с предыдущим годом возрос на 17,8 %, а за минусом фактора роста цен — на 14,6 % и составил 335,7 млрд. юаней¹⁰.

В КНР предпринимаются также определенные шаги к перестройке системы товарных цен, что является, по мнению китайских экономистов, одной из важнейших задач экономической реформы. На необходимость этих мероприятий обратил, в частности, внимание премьер Чжао Цзыян, выступая на III сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва, проходившем в Пекине весной этого года. Прежде всего ставится задача преодолеть образовавшийся разрыв между закупочными и продажными ценами сельского хозяйства и подсобных промыслов.

Об очередном повышении розничных цен на продукты питания в ходе указанной перестройки системы цен было объявлено в мае с. г. Повышение цен коснулось многих видов мясных и некоторых других продуктов. Однако цены на такие основные продукты, как зерно и пищевые масла, остались прежними. Чтобы смягчить переход к новым ценам, правительство объявило о субсидиях населению. Перестройка системы цен учитывает действие закона стоимости и направлена на стимулирование развития производства.

Китайские руководители в своих выступлениях подчеркивают необходимость дальнейшей перестройки торговой системы с учетом складывающейся обстановки. Как отмечал премьер Чжао Цзыян в докладе на II сессии ВСНП шестого созыва (май 1984 г.), «когда с развитием товарного производства большинство видов сельскохозяйственной и промышленной продукции производится во всевозрастающем количестве, встает новая проблема — проблема расширения рынка и увеличения сбыта. Если не приспособить систему обращения к требованиям новой обстановки, то вряд ли удастся преодолеть трудности с куплей-продажей, которые ныне в известной мере возникли в деревне и городе, и дальнейшее развитие общественного производства может натолкнуться тогда на серьезные препятствия»¹¹.

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 10.III.1985.

¹¹ Там же. 2.VI.1984.

К итогам III сессии ВСНП шестого созыва

Г. А. АЛЕКСЕЕВ

С 27 марта по 10 апреля 1985 г. в Пекине проходила III сессия Всеки-тайского собрания народных представителей (ВСНП) шестого со-зыва — высшего органа государственной власти КНР.

На сессии были заслушаны доклады премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна о работе правительства, председателя Госплана КНР Сун Пи-на о проекте экономического и социального развития на 1985 г., доклад министра финансов КНР Ван Биньяня об исполнении государственного бюджета за 1984 г. и о государственном бюджете на 1985 г., а также доклады заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Чэнь Писяня о работе комитета, доклады о работе Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры. Доклады были одобрены, и по ним были приняты соответствующие резолюции.

Сессия утвердила Совместную декларацию правительств КНР и Ве-ликобритании по Сянгану (Гонконгу) и приняла решение об учрежде-нии комиссии по разработке проекта основного закона Специального административного района Сянган (Гонконг). Сессия одобрила реше-ние о предоставлении Госсовету КНР полномочий на разработку вре-менных положений и правил в области реформы хозяйственной системы и расширения внешних сношений, а также Закон о наследовании.

Основное внимание докладчиков и выступавших депутатов было сосредоточено на внутриполитическом положении, сложившемся в стра-не в результате развертывания хозяйственной реформы в городе и де-ревне, в общегосударственном масштабе. Как известно, с 1979 по 1984 г. реформа в городе проводилась в экспериментальном порядке, одновременно она активно проводилась в деревне. В октябре 1984 г. на III пленуме ЦК КПК двенадцатого созыва было принято решение о повсеместном развертывании реформы хозяйственной системы в горо-дах. Полагают, что этот процесс будет в основном завершен в течение трех—пяти лет.

В своем докладе «Современная экономическая обстановка и рефор-ма хозяйственной системы»¹ премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян от-метил значительный рост народного хозяйства в 1984 г. Валовая про-дукция промышленности и сельского хозяйства увеличивалась с 1979 по 1983 г. в среднем на 7,9 %, а в 1984 г. — на 14,2 % по сравнению с 1983 г. Истекший год, как и ряд предыдущих, был урожайным. Произ-водство зерна превысило 407 млн. т, что на 5,1 % больше, чем в 1983 г., а производство хлопка-волокна составило 6,08 млн. т, то есть возросло на 31,1 % по сравнению с 1983 г.

Продолжало расти и промышленное производство. Добыто свыше 770 млн. т каменного угля и свыше 114 млн. т нефти, что на 8 % пре-вышает соответствующие показатели 1983 г. Построено около

---

¹ См.: «Жэньминь жибао», 21.III.1985.

600 млн. м² жилой площади в деревне и около 100 млн. — в городах и поселках.

Доходы городского населения составили 608 юаней, а сельского — 355 юаней в год, что соответственно на 12,5 и 14,7 % выше, чем в 1982 г. Годовой розничный товарооборот возрос на 17,8 % против 1983 г.

Ускорилось развитие легкой промышленности. Если в период с 1979 по 1983 гг. среднегодовой прирост составлял 11,2 %, то в 1984 г. он достиг 13,9 %. Ежегодный прирост производства продукции тяжелой промышленности составлял в 1982 г. 9,8 %, в 1983 г. — 12, в 1984 г. — 14,2 %.

Второе направление деятельности правительства — проведение политики «открытых дверей» — охарактеризовано в докладе Чжао Цзыяна следующим образом. В 1984 г. объем внешней торговли составил 120,1 млрд. юаней, увеличившись за год с учетом колебаний цен и валютного курса на 19,6 %. В течение года было санкционировано создание 741 смешанного предприятия, основанного на китайском и иностранном капитале, то есть больше, чем за предшествующие пять лет. Объем иностранных средств, используемых в той или иной форме, составил 2,66 млрд. долл., что на 35,7 % больше, чем в 1983 г. Подписаны контракты на ввоз 1000 с лишним единиц зарубежной техники и технологии.

В центре внимания работы сессии оказались вопросы, связанные с трудностями в осуществлении реформы в городах, выявившиеся до апреля 1985 г. Наряду с подтверждением правильности общего курса в выступлениях делегатов, равно как и в материалах печати и в заявлениях руководителей КПК до и после сессии, явно звучит озабоченность, а порой и тревога в связи с тем, что многочисленные новые процессы часто развиваются в ином, чем предполагалось, направлении, выходят из-под контроля государства, что просчеты и недостатки в планировании и контроле мероприятий реформы, а также злоупотребления ответственных лиц в государственном и партийном аппарате подрывают идею реформы, вызывают недовольство и настороженность у трудящихся масс и могут привести к подрыву социалистических основ экономики, если государство и партия срочно и квалифицированно не предпримут надлежащие меры.

Высокие темпы развития экономики в 1984 г. не могли и не квалифицировались на сессии однозначно — как безоговорочный успех. Они существенно обострили диспропорции в экономике, которая в течение многих предшествующих лет и без того была «перегрета» напряженным положением с энергией, сырьем, материалами и с работой транспорта. Вследствие этого глава правительства осудил «погоню за нереально высокими показателями». «Если вовремя не пресечь эти явления, — подчеркнул он, — то может возникнуть не только поветрие очковтирательства, формализма, бахвальства, совершенно неоправданной концентрации денег, произвольного и безвозмездного использования материальных и людских ресурсов, но и напряженное положение в различных сферах хозяйственной жизни». В связи с этим Чжао Цзыян призвал сохранить темпы роста экономики, сложившиеся до 1984 г., то есть примерно 7—8, а не 14 %, как в 1984 г. В докладе выражена надежда на то, что и такими темпами можно будет учетверить производство народного хозяйства к 2000 г., выполнив таким образом основную экономическую задачу программы «четырёх модернизаций». Среди «проблем, которые нельзя игнорировать», были названы также недостаточно рациональная структура производства и завышенный объем несбюджетных капиталовложений в основные фонды.

В докладе Чжао Цзыяна говорится о том, что «финансовое положение страны продолжает улучшаться». Видимо, имеется в виду лишь количественная сторона дела. В качественном же отношении с октября

1984 г. и в первом квартале 1985 г. в области финансов возникли не-малые осложнения, которые негативно сказались на состоянии эконо-мики КНР.

Здесь уже проявились не столько просчеты в работе правительства, которые Чжао Цзыян назвал «серьезным уроком», но и сказывается характер производственной деятельности, складывающийся в ходе ре-формы хозяйственной системы в городе. Просчет состоял, в частности, в том, что, приступая к реформе финансовой системы и системы зара-ботной платы на предприятиях, при определении размеров кредитных средств, которыми специальные банки смогут распоряжаться самостоя-тельно в 1985 г., правительство в качестве исходной суммы определило реальную сумму кредитов, отпущенных предприятию в 1984 г., а за исходную сумму заработной платы — соответственно реальный размер фонда заработной платы в 1984 г. «В результате. — отмечалось в докладе Чжао Цзыяна, — некоторые финансовые органы стали в нарушение общегосударственных интересов соревноваться между собой в предоставлении кредитов из желания повы-сить исходную величину суммы кредитования, а некоторые предприятия, административные и другие непромышленные орга-низации начали в своих собственных интересах произвольно повышать зарплату, производить неограниченную выплату премий и надбавок из стремления увеличить исходную величину фонда заработной платы. Все это привело к резкому росту банковского кредитования и фонда по-требления». В 1984 г. сумма банковских кредитований увеличилась про-тив 1983 г. на 28,9 %, причем только за один декабрь прирост составил 48,4 % общегодового прироста. Аналогичная картина сложилась и с ростом заработной платы рабочих и служащих. Общая сумма заработ-ной платы возросла в 1984 г. на 19 %, а в одном четвертом квартале прошлого года — на 38 %.

Все это повлекло за собой неоправданную эмиссию 8 млрд. юаней, а в целом — инфляцию, рост цен на продукты и товары первой необ-ходимости, в частности. Как отмечал зам. премьера Госсовета Яо Илнь, государство вынуждено было срочно израсходовать 2 млрд. долл. на закупку за рубежом промышленных товаров, чтобы изъять у населения, хотя бы частично, излишнюю денежную массу, приглушить инфляцию, успокоить городское население страны. Он указал также, что в 1985 г. государство будет стремиться поддерживать рост цен на уровне 5 %².

Государственный бюджет КНР в 1984 г. имеет дефицит в размере 5 млрд. юаней, что превышает запланированный на 2 млрд. юаней. Почти на 2 млрд. долл. сократился инвалютный запас. Правда, дирек-тор Народного банка Китая Чэнь Мухуа, которая вступила в эту долж-ность накануне открытия сессии ВСНП, считает, что «в общем валют-ные запасы удовлетворительны», на конец 1984 г. они составляли 14,42 млрд. долл.³

Во всех докладах и выступлениях депутатов на сессии большое место занимала критика различного рода «вредных поветрий», сопут-ствующих реформе хозяйственной системы и проведению в жизнь поли-тики «открытых дверей». Так, глава правительства Чжао Цзыян отме-чал, что «в последнее время несколько усилились «вредные поветрия», такие, как произвольная выдача премий и натурально-денежных надба-вок, самовольное повышение цен в погоне за высокой прибылью, исполь-зование служебного положения для перепродажи остродефицитных ма-териалов, а также устройство пирушек и преподнесение подарков в ко-рыстных целях, подкуп и коррупция. Все эти новые нездоровые явления

² In: «China Daily», 29.III.1985.

³ См.: «Жэньминь жибао», 1.IV.1985.

крайне вредят реформе. Если их не ликвидировать самым решительным образом, то они не только дискредитируют реформу и помешают ее успешному проведению, но и сорвут дело создания социалистической материальной и духовной культуры». Чжао Цзыян призвал пресечь «поветрия», принимая для этого экономические, административные и судебные меры.

Надо заметить, что экономические злоупотребления и экономические преступления сопутствуют хозяйственной реформе с первых лет ее проведения. Уже в 1981 г. ЦК КПК и Госсовет КНР вынуждены были предпринимать активные административные, партийные и судебные меры, чтобы если не пресечь в корне, то хотя бы приглушить бурную деятельность работников государственного и партийного аппарата в спекуляции и контрабанде, коррупции и казнокрадстве, утаивании налогов, снижении качества продукции и неоправданном повышении цен на нее с целью извлечения максимальной прибыли и т. д. В результате несогласованности мер по предоставлению предприятиям и учреждениям прав в хозяйственной и финансовой деятельности, значительной активизации западных бизнесменов и расширения многостороннего использования капитала развитых капиталистических стран, расширяются и возможности экономических злоупотреблений и экономических преступлений. Логика предпринимательского дела вызывает предпринимательский дух у многочисленных представителей города и деревни, и, что особенно пагубно, — у государственного и партийного аппарата. К примеру, как сообщала газета «Жэньминь жибао», в провинции Ляонин некоторые партийные и административные органы создали в 1984 г. немало разного рода компаний, основанных на паевых началах. К концу января 1985 г. в провинции насчитывалось 1219 такого рода «предприятий». В них участвовало 3,6 тыс. работников партийного и государственного аппарата. Только в провинциальном центре, городе Шэньяне, предприятия, созданные партийными и административными работниками, владеют зарегистрированным капиталом в 119 млн. 713 тыс. юаней, причем 99,28 % этого капитала — это самовольно использованные государственные средства. Появились и «портфельные компании», то есть объединения людей, не располагающих ни помещением, ни оборудованием, ни средствами, занимающихся посредничеством. В портовом городе Инкоу провинции Ляонин орган горкома учредил компанию «Трудовых услуг», которая через третьи руки перепродавала лесоматериалы. Сумма заключенных сделок достигла 30 тыс. юаней⁴.

Следовательно, причиной весьма серьезных и существенных осложнений в экономической и политической жизни Китая являются как просчеты и недоработки руководящих органов, так и все усиливающиеся дух предпринимательства, стремление к наживе, порождаемые ситуацией, складывающейся в ходе реформы. Как известно, не говоря уже об индивидуальном и частном секторе сначала в деревне, а с сессии 1984 г. и в городе государственным предприятиям представлены широкие права для самостоятельной хозяйственной деятельности и реализации части продукции на свободном рынке, при условии выполнения нормативов и квот, установленных планом. Выполнив план, предприятие может самостоятельно решать вопрос о номенклатуре выпускаемой продукции для реализации на рынке, по «плавающим ценам», которые, правда, не должны превышать государственные более чем на 20 %.

Вместе с тем дух предпринимательства подчас втягивает в сделки даже представителей государственных предприятий, работников государственного аппарата, где не всегда можно четко провести грань между сделкой, совершаемой по закону, и махинацией, которая ведет к «экономическому преступлению».

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 2.III.1985.

Наиболее существенным в реформе хозяйственной системы в городе явилось постепенное, особенно с конца 1984 г., внедрение «системы производственной ответственности директора». Считается, что она должна стать основной формой хозяйственной деятельности промышленных предприятий по аналогии с уже внедренной в последние годы «системой производственной ответственности дворов в сельском хозяйстве. Руководитель предприятия назначается государством. Если до осени 1984 г. размер премиальных ограничивался полуторным месячным окладом, то теперь он может составлять два с половиной месячных оклада. Причем директор имеет право не считаться и с этим ограничением. Правда, в таком случае предприятие обязано выплачивать налог государству со сверхнормативных доплат.

Глава китайского правительства в своем докладе уделил серьезное внимание преодолению проблем, выявившихся в ходе развертывания реформы хозяйственной системы в конце минувшего и начале текущего года. «Мы должны полностью учитывать вставшие перед нами проблемы и трудности, — подчеркнул он, — и со всей осмотрительностью предупредить возможное появление опасности. Если мы откажемся от активного проведения реформы, упустим благоприятный момент и не приведем в гармонию экономические отношения, то лишимся поддержки народных масс. И наоборот, если мы из-за поспешности и небрежности совершим промахи, то тоже лишимся их поддержки. Нам надо подытоживать каждый свой шаг. Те реорганизационные меры, которые обещают верный успех, необходимо проводить без всяких колебаний, а те, в успехе которых нет полной уверенности, — в опытным порядке. Тем сильнее мы обеспечим себе все возможности для маневрирования и застрахуемся от неудач».

1985 г. объявлен первым годом реформы хозяйственной системы в городах. В течение года, как отметил премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян в своем докладе, будут решаться две важнейшие задачи — реформа заработной платы и системы цен.

Докладчик подверг критике существующую в Китае систему заработной платы, которая «серьезно препятствует техническому прогрессу и повышению эффективности труда», и систему цен, которые часто «не отражают ни стоимости, ни соотношения спроса и предложения, что непосредственно сказывается на правильной оценке хозяйственного управления и экономической эффективности предприятий, на развитии товарного производства и товарообмена».

Перестройка системы заработной платы предусматривает постепенную ликвидацию уравниловки в оплате труда.

В государственных учреждениях и непроизводительных организациях будет осуществляться система, при которой основную часть оплаты будет составлять должностной оклад. На предприятиях общенародной формы собственности будет постепенно вводиться такая система оплаты труда, которая позволяет увязать размеры зарплаты и премий, выдаваемых рабочим, служащим и хозяйственникам, с экономической эффективностью предприятия и личными заслугами работника. «В результате реформы, — отметил Чжао Цзыян, — уровень заработной платы у наших рабочих и служащих повысится, но в известной мере». Дело в том, что, как отметил докладчик, за последние годы рост заработной платы в стране «уже опередил рост производительности труда и национального дохода». Учитывая отрицательный опыт конца минувшего и начала этого года, о чем шла речь выше, государство не только намерено жестко контролировать фонд заработной платы, но и запретило на местах самовольно устанавливать тарифные ставки, производить выплаты заработной платы из собственных средств, а также строго запретило использовать банковские ссуды, фонды развития производства и другие фонды для выплаты премиальных и других надбавок. Установлено, что

в оплате труда рабочих и служащих, государственных учреждений, производственных и непроизводственных организаций слишком большой разрыв недопустим.

Главное содержание реформы системы цен в нынешнем году глава китайского правительства определил следующим образом. Закупочные и продажные цены на зерно и хлопок будут «урегулированы». Их закупка будет производиться государством по контрактам-заказам. Цены на остальную продукцию сельского хозяйства и подсобных промыслов постепенно начнут регулироваться рынком. В течение первой половины 1985 г. в большинстве городов Китая введены «плавающие» цены на мясо и рыбу. В государственной торговле цены были повышены на свинину до 36 %, на говядину — до 100, на баранину — до 80, а на рыбу до 200 %⁵. Будет повышен тариф на короткие железнодорожные перевозки, а также увеличена разница в ценах на товары в зависимости от их качества. Цены на сырье, материалы и средства производства, распределяемые по государственному плану, останутся в основном без изменения, а цены на излишки этих товаров, поскольку предприятия получили права распоряжаться ими самостоятельно, будут регулироваться рынком.

«Реформа системы цен, — указал Чжао Цзыян, — будет проходить в нынешнем году в условиях завышенной в прошлом году эмиссии и удорожания некоторых видов товаров».

В связи с этим в докладе намечены следующие направления деятельности правительства:

— строго сдерживать неоправданный рост фонда потребления и категорически запретить по своему усмотрению вводить новые статьи финансовых расходов, произвольно повышать зарплату, премии и прочие надбавки. Начиная с 1985 г. восстановить прежний порядок управления фондом зарплаты.

— В едином порядке разработать план кредитования и финансовую политику, усилить функцию Народного банка Китая как контролера и регулятора макроэкономики, строго ограничить общий объем кредитования и количество денег, поступающих в обращение.

— Особо строго ограничивать размеры капиталовложений в основные фонды, особенно внебюджетные капиталовложения. Со сверхлимитных капиталовложений будет взиматься высокий налог.

— Решительно урезать расходы на административные нужды (на 10 %) и снизить покупательную способность всех организаций (на 20 %) по сравнению с реальной суммой 1984 г.

— Путем ограничения поступления денег в обращение, увеличения производства потребительских товаров, расширение сферы услуг ускорить изъятие денег из обращения.

В условиях инфляции, сопровождающейся ростом цен, решено «осуществлять нормированное снабжение городского населения такими важнейшими продуктами, имеющими непосредственное значение для жизни народа, как мука, крупы и пищевые масла, причем по прежним ценам, а также ввести дотации государства, в известной мере покрывающие рост цен на продукты». Как сообщил генеральный директор Государственного управления по ценообразованию КИП Чэн Чжипин, государство намерено израсходовать 2,2 млрд. юаней для субсидирования го-

⁵ In: «China Daily», 14.IV.1985.

родских жителей, то есть для «некоторой компенсации роста цен»⁶.

Продажа цветных телевизоров, холодильников, некоторых марок стиральных машин государство также в этом году будет производить по предварительному заказу.

В 1985 г., по словам министра финансов КНР Ван Бинцяня, предстоит чрезвычайно трудная задача по выполнению государственного бюджета. План, как и в 1984 г., предусматривает дефицит государственного бюджета в размере 3 млрд. юаней. Расходная часть бюджета характеризуется следующими данными: ассигнования на капитальное строительство составят 48,363 млрд. юаней, на оказание помощи сельскохозяйственным районам — 9,4, на просвещение, культуру науку и здравоохранение — 29,3, на оборону — 18,67, на административно-управленческие расходы — 11,9 млрд. юаней.

Большое значение на сессии ВСНП было придано сянганскому (гонконгскому) вопросу. Как известно, в декабре 1984 г. в Пекине была подписана Совместная декларация правительств КНР и Великобритании, согласно которой с 1 июля 1997 г. КНР восстановит суверенитет над Сянганом (Гонконгом), однако социально-экономическая система, законы и образ жизни населения этой территории останутся прежними и в последующие 50 лет. Сохранится и статус Сянгана как свободного порта, останется прежней и денежная система. Вопросы внешней политики и обороны будут в компетенции центрального правительства КНР.

Выступая с разъяснением по этому вопросу на сессии ВСНП, министр иностранных дел КНР У Сюецянь назвал разрешение вопроса Сянгана (Гонконга) «важным достижением внешнеполитической деятельности КНР». Он отметил, что «руководящей идеей основного курса и политики Китая по этой проблеме является концепция «одно государство — две системы». В Китае надеются, что на этой же основе возможно воссоединение Тайваня.

Сессия приняла Закон о наследовании. С пояснениями проекта закона выступил ответственный секретарь Постоянного комитета ВСНП, председатель комиссии законодательных предположений Ван Ханьбинь. Он подчеркнул, что личное имущество китайских граждан охраняется Конституцией и законами КНР. Принятие закона вызвано тем, сказал он, что значительная часть китайских граждан в результате реформы хозяйственной системы имеет в личном пользовании средства производства, приобретенные законным путем. Согласно Закону о наследовании, такие средства производства могут передаваться в наследство.

Ван Ханьбинь также разъяснил проект постановления, по которому Госсовету КНР предоставляются полномочия в принятии временных положений, касающихся реформы хозяйственной системы и осуществления политики «открытых дверей». После рассмотрения и утверждения их сессией ВСНП эти положения будут получать силу закона.

С 25 марта по 8 апреля 1985 г. в Пекине проходила также очередная сессия Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) — органа единого народно-демократического фронта Китая, основу которого составляют ряд демократических партий. Как отмечала газета «Жэньминь жибао», ВК НПКСК значительно активизировал свою общественную деятельность. После прошлогодней сессии ВК НПКСК направил в ряд провинций Китая рабочие группы и группы обследования с целью оказания помощи и стимулирования работы на местах в таких областях, как политика, экономика, культура, просвещение, связи с зарубежными странами. Члены ВК НПКСК сделали 1400 предложений с целью улучше-

⁶ Ibid.

ния деятельности в ходе реформы хозяйственной системы и политики «открытых дверей»⁷.

Председатель ВК НПКСК Дэн Инчао, выступая с речью на закрытии сессии, отметила, что сессия прошла успешно, что, по ее мнению, роль НПКСК как органа политических консультаций и демократического контроля была воплощена в работе минувшей сессии.

---

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 25.III.1985.

ИДЕОЛОГИЯ

Критика буржуазной синологии

Что скрывают рассуждения о «конце изоляционизма» Китая?

Ю. М. РЯКИН

В последние несколько лет одним из самых активных направлений западной синологии стало изучение и прогнозирование социально-политических последствий ведущейся в КНР перестройки экономики и развития Китаям связей со странами Запада. При этом, как правило, изыскиваются способы воздействия на внутреннюю и внешнюю политику страны в благоприятную для Запада сторону. Действия китайского руководства, направленные на активизацию экономических, торговых, научно-технических, культурных и прочих контактов с капиталистическими странами, неизменно связываются западным китаеведением с расчетами на втягивание КНР в экономический, а при возможности и в политический механизм «свободного мира».

В этом направлении и рассматриваются современные проблемы Китая в монографии английского сиолога М. Яхуда «На пути к концу изоляционизма: внешняя политика Китая после Мао»*.

М. Яхуда определяет свою задачу как попытку «рассмотреть преемственность и перемены во внешней политике Китая с момента смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г.» путем анализа «геополитического и социального направлений внешних сношений Китая» (с. IX). Известный американский сиолог Т. Пай, опубликовавший в журнале «Чайна кватерли» рецензию на книгу М. Яхуды¹, ставит автору в заслугу то обстоятельство, что он в отличие от многих американских китаеведов, находящихся под сильным впечатлением развития Китаям торгового и культурного обмена с Западом, считает это второстепенным вопросом по сравнению с проблемой национальной безопасности², выделяя тем самым нестандартность подхода М. Яхуды к изучению проблем современного Китая.

Нам же представляется, что данная монография в общем не выходит за традиционные рамки буржуазной синологии, в особенности в первой, «геополитической» части, и практически ограничивается констатацией факта общей преемственности внешнеполитического курса Китая.

Большиний интерес вызывает второе направление исследования — «социальное», определяемое М. Яхудой как «влияние на китайское общество экономического и культурного взаимодействия с внешним миром» (с. IX). Следует отметить, что подобный аспект изучения Китая стал в последние годы весьма модным в западной синологии.

* M. Yahuda. Towards the End of Isolationism: China's Foreign Policy after Mao. London and Basingstoke, 1983, 279 p.; М. Яхуда, профессор Аделандского университета, работающий ныне в Лондонской школе экономики, принадлежит к консервативному направлению современного буржуазного китаеведения. Выступает с антикоммунистических, антисоветских позиций.

¹ In: «China Quarterly», N 98, June 1984.

² Ibid., p. 362.

Сразу отметим, что под «внешним миром» М. Яхуда совершенно однозначно подразумевает мир западный, капиталистический и ни о каком-либо «взаимодействии» Китая с социалистическими странами в период 1976—1982 гг., который в основном охватывает исследование, ни о его потенциальной возможности в будущем не считает нужным даже говорить.

Таким образом, М. Яхуда связывает проблему «изоляции» Китая лишь с наличием контактов с Западом или отсутствием таковых. Позиция по крайней мере странная. Ни одна страна в современном мире, тем более претендующая на заметную роль на международной арене, не может позволить себе игнорировать в течение хоть сколько-нибудь длительного времени связи с социалистическими странами. Другое дело, что М. Яхуде хотелось бы видеть внешние контакты Китая развивающимися лишь в одном направлении — западном. Недаром автор пытается всячески исказить характер и значение советско-китайских отношений периода 50-х годов. Он сознает, что развитие контактов КНР с социалистическими странами во многом перечеркнуло бы замыслы Запада в отношении Китая.

Первоначально М. Яхуда назвал свою книгу «Конец изоляционизма», затем, однако, изменил название, добавив в него «на пути». Автор объясняет это тем, что хотя в 70-х — начале 80-х годов Китай «существенно расширил и углубил характер взаимного обмена с внешним миром» (как отмечалось выше, имеются в виду капиталистические страны), «относительная изоляция» КНР сохранилась, поскольку в ряде случаев китайские руководители шли на определенное ограничение контактов с Западом (к этой теме мы еще вернемся) (с. XII). Во всяком случае, автор полагает, что «тенденция к более тесному вовлечению и взаимообмену (Китай. — Ю. Р.) с внешним миром определена существует, однако пока нет полной ясности, продолжится ли она и какие примет формы» (с. XIII). Собственно, выяснению степени вовлечения Китая в развитие связей с капиталистическим миром и как следствие их воздействия на его внутреннюю и внешнюю политику и посвящена монография.

М. Яхуда констатирует, что в конце 70-х годов китайские лидеры стали проводить «политику «открытых дверей»... как жизненно важную часть программы модернизации страны». Эта политика, по мнению автора, включает в себя «главным образом расширяющиеся внешне-экономические связи, а также широкий спектр научного, культурного и другого обмена с западными странами в особенности» (с. 1). При этом автор особо указывает на важность такого «социального фактора», как резко возросшее общение с Западом, поскольку контакты с ним могут серьезно повлиять на «восприятие образа жизни, на личные устремления, приоритеты в выборе образования и служебной карьеры и т. д.». Он утверждает, что эти «социальные последствия» усилившихся контактов с Западом «не приветствуются» КПК и ее руководителями (с. 6). Последние, довольно широко «открыв двери» для капиталистического Запада, действительно столкнулись с рядом негативных моментов: увлечением по крайней мере части городской молодежи западным образом жизни, усилением частнособственнических и индивидуалистских настроений, коррупцией, ростом аполитичности и т. д. Все это вынудило китайское руководство принять меры по упорядочению контактов с капиталистическими странами, усилению контроля над их развитием. Эти действия китайских властей вызывают критику М. Яхуды, разочарованно квалифицирующего их как проведение политики «относительной изоляции» Китая. Он упрекает Пекин в «нелояльности», подрывающей-де готовность Запада к сотрудничеству.

Отдав должное важности широкого и желательного неконтролируемого развития «человеческих контактов», автор обращается к проблеме

более фундаментального значения: осуществляющейся в КНР экономической реформе, частью которой является линия на политическое и экономическое сотрудничество с Западом, и ее политическим последствием.

Вообще в буржуазном китаеведении в настоящее время широко распространено убеждение, что сам характер осуществляемых в КНР реформ предоставляет Западу шанс взять в Китае социальный реванш и что этот шанс должен быть использован, причем как можно более результативно. Эту точку зрения разделяет автор рецензируемой книги.

М. Яхуда безоговорочно обозначает свою позицию в этом отношении, утверждая, что «открытие Китаем дверей для Запада настоятельно подняло проблемы, пронтекающие из несовместимости между политическими и экономическими ценностями и нормами» Китая и Запада (с. 137). Он указывает на «важные политические и институционные ограничения, которые сдерживают и будут сдерживать втягивание Китая в международную экономическую систему» (то есть капиталистическую. — Ю. Р.). Под этими «ограничениями» М. Яхуда подразумевает существующий в стране политический строй, определяемый им как такая «политическая система», в которой политическая «власть централизована через коммунистическую партию», а управление экономикой осуществляется «централизованной плановой системой» (с. 136).

Вследствие этого, утверждает автор, Китаю для успешного развития контактов с Западом необходимы реформы, во-первых, в административной сфере, прежде всего «установление ясного разграничения ролей партии, правительства и руководства предприятий»; во-вторых, в следовании в экономической сфере рыночным критериям. Все это должно, по мысли автора, подвести Китай к «принятию решений, исходя из экономической целесообразности, которые не будут административно детерминированы или выноситься некомпетентными партийными комитетами». В результате «это приведет к принятию экономического критерия, который будет признан международным (капиталистическим) экономическим сообществом как рациональный. Проблемы установления более тесных внешнеэкономических связей и поглощения иностранной технологии будут значительно облегчены» (с. 137).

Другими словами, М. Яхуда заявляет о необходимости ни много ни мало демонтажа существующего в КНР политического строя как необходимого условия увеличения и «успешного» развития контактов с Западом и устранения «изоляции» Китая от «внешнего мира». Это положение, по существу, и является той осью, вокруг которой строятся все рассуждения автора.

Вместе с тем М. Яхуда с удовлетворением отмечает, что политика «открытых дверей» уже привела Китай к такой степени западного влияния, какую было невозможно себе представить в начале 70-х годов (с. 237). Под этим подразумевается не только резко возросший объем торгово-экономического, научно-технического, культурного и прочего обмена с капиталистическими странами, но и возросшая роль последнего в политической и экономической жизни страны. «Программа модернизации, — утверждает автор, — включает и попытку установить новый политический и экономический порядок. Открытие страны перед Западом рассматривается как необходимое с экономической точки зрения, но и как угроза существующему политическому порядку» (с. 237).

Надо признать, что М. Яхуде удалось найти устраивающее его звено в экономической политике современного китайского руководства, на которое он постоянно с удовлетворением указывает, связывая с ним определенные расчеты. «Экономическая децентрализация, — утверждает автор, — особенно на уровне предприятий, может привести к политическим различиям, если не к плюрализму» (с. 136). Он заявляет, что в «программе реформ китайские лидеры сталкиваются с реальной

политической дилеммой. С одной стороны, они хотят установить законный порядок, четкие границы организационной ответственности и системы, при которой экономическое принятие решений на уровне предприятий и низшем уровне в сельском хозяйстве будет отделено от «административного» принятия решений ныне всемогущих местных партийных комитетов и их секретарей. С другой стороны, они хотят укрепить партийное руководство и «социалистическую мораль» (с. 238).

Вследствие этого, предостерегает М. Яхуда, существует реальная опасность свертывания Пекином политики «открытых дверей». «Если это произойдет, — полагает автор, — стратегическое направление внешней политики Китая будет сильно затронуто. Это может, например, серьезно отразиться на китайском сотрудничестве с Западом. Действительно, ныне возникшие в китайско-американских отношениях трения, которые главным образом фокусируются на Тайване, могут уже отражать такую тенденцию». Он считает, что лидеры КНР могут «обнаружить свою свободу маневра по данной проблеме, значительно урезанной вследствие внутренней оппозиции некоторым их реформам, и в результате проблем, которые происходят из социальной ориентации на Запад» (с. 239).

В целом, однако, автор приходит к выводу, что после 1976 г. руководство КНР в области внешней политики осуществляет те же подходы к «геополитике», что и ранее, но ныне «дипломатический стиль Китая» отличается «большой степенью гибкости» (с. 245). Наибольшие же изменения имели место в «сфере социальных отношений», что выразилось в резком увеличении Китаем внешней торговли, создании особых экономических зон и совместных с зарубежным капиталом предприятий, изучении разнообразных «иностранных моделей» для возможного применения в китайской экономике, обучении нескольких тысяч китайских студентов за рубежом, увеличении культурного обмена и развитии иностранного туризма. «Тем не менее, — предупреждает М. Яхуда, — преждевременно делать вывод о том, что относительная изоляция Китая кончилась» (с. 245). Он аргументирует это тем, что и ныне Пекин в состоянии свернуть прежде всего по политическим соображениям, свои связи с «внешним миром». Например, по мнению М. Яхуды, Китай может достаточно безболезненно сократить с целью политического нажима торговлю с той или иной капиталистической страной, поскольку не так зависит от внешней торговли, как развитые страны Запада или расположенные на периферии КНР новые индустриальные страны и территории. Это обстоятельство настораживающе воздействует на западного наблюдателя, призывающего учитывать его в политической практике.

Вследствие этого он вновь и вновь подводит читателя к своему центральному тезису о том, что «коммунистическая политическая система Китая сама по себе является огромным барьером на пути полного прекращения изоляции». При этом М. Яхуду явно удручает, что «никакая значительная угроза доминированию партии не будет позволена в течение еще длительного времени» (с. 246), что подрывает расчеты на быструю эрозию основ социалистического строя в Китае. Поэтому-то столь болезненно реагирует М. Яхуда на перспективу «доминирования» КПК в течение «еще длительного времени». Одновременно он призывает учитывать и другое обстоятельство: «Хотя экономические реформы, как бы там ни было, развиваются достаточно гладко и создают большую плюрализацию принятия решений в Китае, они вызывают оппозицию определенных кругов в партии».

Во внешнем, международном плане, по мнению М. Яхуды, перед руководителями КНР стоит весьма трудно разрешимая дилемма: «как установить более глубокие и обширные связи с международной экономикой (имеется в виду, конечно, мировое капиталистическое хозяйст-

во. — Ю. Р.)» и не обнаружить, что «свобода международного маневра страны» ограничена «отношениями взаимозависимости, связывающими практически все другие главные страны» (с. 247). Действительно, крен в сторону развития связей в различных областях с Западом явно ослабляет международные позиции КНР. Более того, Запад, учитывающий заинтересованность Пекина в развитии всесторонних контактов с ним, широко использует это обстоятельство в целях нажима на Китай. Особенно большое внимание в этом отношении привлекает к себе развивающаяся в КНР экономическая реформа, с которой определенные круги на Западе связывают далеко идущие расчеты. Правда, М. Яхуда предостерегает своих читателей, что «на пути к концу изоляции» Китая не следует ожидать быстрых результатов, поскольку надо преодолеть «препятствие» в виде существующей в стране политической системы.

За академической респектабельностью рассуждений М. Яхуды о «конце изоляционизма» Китая скрываются вполне определенные политические расчеты.

ИСТОРИЯ

Китайские ученые о проблемах истории КПК после образования КНР

А. С. ИПАТОВА,
Ю. М. ОВЧИННИКОВ,
В. Н. УСОВ,
К. В. ШЕВЕЛЕВ,

кандидаты исторических наук

Начиная с 1980 г. в Китае стали издаваться курсы «Лекций по истории КПК», выпускаемые в одном-двух томах и предназначенные для преподавателей и студентов вузов. «Лекции» составлены специально созданными группами, сформированными на базе нескольких вузов провинций и городов. К настоящему времени издано около двух десятков таких «Лекций», причем все они, как правило, постоянно перерабатываются и выходят уже третьим или четвертым изданием.

Изложение истории КПК в период КНР в известных нам вариантах «Лекций по истории КПК»¹ дано в целом в русле официальной версии, зафиксированной в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» VI пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (июнь 1981 г.). В большинстве предисловий или послесловий «Лекций» подчеркивается, что они написаны либо в духе «Решения» VI пленума, либо на его основе. Помимо этого, отмечается, что при написании «Лекций» использовались предоставленные авторам закрытые издания, такие, как «Хроника истории КПК», «Хроника истории КНР», и некоторые рассекреченные документы и материалы, часть которых была известна раньше либо по хунвэйбинновской печати, либо по публикациям на Тайване и в Гонконге.

Знакомство с имеющимися в нашем распоряжении курсами «Лекций» показывает, что в целом они носят описательный и фактологический характер. История КПК предстает в лекциях в виде летописи основных событий, мероприятий партии, представленных в хронологической последовательности. Введение в научный оборот новых, ранее неизвестных партийных документов, фактов, событий не сопровождается ссылками на источники. В большинстве случаев доминируют справочно-информационные данные, как правило отражающие лишь формальную сторону деятельности партии и не раскрывающие при этом ее состояния и развития. Не анализируется, например, социальный и возрастной состав КПК, динамика роста партии и т. п.

Хотя в «Лекциях» специально не рассматриваются вопросы периодизации истории КПК после победы народной революции, тем не менее

¹ Лекции по истории КПК, т. II, Шанхай, 1981 (далее — Лекции, Шанхай); Краткий курс лекций по истории КПК. 1919—1956. Гуанчжоу, 1980 (Краткий курс, Гуанчжоу, 1980); Краткий курс лекций по истории КПК, т. II, Гуанчжоу, 1981 (Краткий курс, Гуанчжоу, 1981); Лекции по истории КПК, Чанчунь, 1981 (Лекции, Чанчунь, 1981); Лекции по истории КПК, т. II, Ухань, 1981 (Лекции, Ухань, 1981); Лекции по истории КПК, т. II, Ухань, 1982 (Лекции, Ухань, 1982); Лекции по истории КПК, т. II, Цзинань, 1982 (Лекции, Цзинань); Лекции по истории КПК, т. II, Ханчжоу, 1982 (Лекции, Ханчжоу); Лекции по истории КПК, Шэньян, 1982 (Лекции, Шэньян); Лекции по истории КПК, Тяньцзинь, 1983 (Лекции, Тяньцзинь); Лекции по истории КПК, т. II, Чанчунь, 1983 (Лекции, Чанчунь, 1983).

разбивка на главы и параграфы, охватывающие определенные хронологические периоды, свидетельствует о том, что периодизация истории КПК после 1949 г. в «Лекциях» выдержана в основном в духе «Решения» VI пленума ЦК КПК.

Первый период ограничивается временными рамками с октября 1949 по декабрь 1956 г. и определяется как «период восстановления народного хозяйства и социалистических преобразований»². Второй период — с января 1957 по апрель 1966 г. — назван в «Лекциях» «периодом начала всестороннего строительства социализма». Третий — с мая 1966 по октябрь 1976 г. — «период великой культурной революции». Четвертый — с октября 1976 г. — назван «новым периодом социалистической модернизации и строительства». Каждый из этих крупных периодов истории КПК имеет и свою внутреннюю периодизацию³. Так, первый период делится в «Лекциях» на два подпериода: «восстановления народного хозяйства и укрепления демократической диктатуры народа» (1949—1952) и «социалистических преобразований» (1953—1956).

В «Лекциях» сохраняется характерный для официальной китайской историографии 50-х годов разноречивый в определении характера китайской революции, завершившейся победой в октябре 1949 г. Она называется и «новодемократической», и «народно-демократической», и «демократической», и «народной». В одном из вариантов «Лекций» она определяется и как «национально-демократическая»⁴. Однако подобные определения характера и содержания революционного процесса в Китае на том этапе выводятся только из широкого диапазона движущих сил революции. Вместе с тем авторы утверждают, что во время революции пролетариат и по силе, и по численности превосходил национальную буржуазию и что именно это обстоятельство способствовало тому, что он легко установил гегемонию⁵.

Во всех «Лекциях» утверждается, что с приходом КПК к власти в октябре 1949 г. произошел коренной поворот от новодемократической революции к социалистической.

В соответствии с этим выводом (и в духе оценок VIII съезда КПК) авторы всех вариантов «Лекций» характеризуют политическую власть, провозглашенную в октябре 1949 г. в Китае, как власть диктатуры пролетариата. «Сразу же после победы революции, — сказано в одном из вариантов «Лекций», — партия установила руководимую пролетариатом демократическую диктатуру народа, по сути своей государственную власть диктатуры пролетариата, что в свою очередь явилось важнейшим политическим условием для поворота от демократической революции к революции социалистической»⁶.

Впервые в китайской историографии довольно подробно освещены первые после прихода КПК к власти движения — за «упорядочение стиля партийной работы» и «упорядочение и строительство партийных организаций» (1950—1954). Однако в изложении отсутствуют данные о конкретной практике и реальных результатах упорядочения партии. Авторы «Лекций» ограничились лишь двумя цифрами: в ходе движения с конца 1950 по июнь 1953 г. в КПК было принято 1,07 млн. новых

² В некоторых вариантах «Лекций» период 1949—1952 гг. выделен в самостоятельную главу «Партия в период восстановления народного хозяйства (1949—1952)» или «Период восстановления народного хозяйства (1949—1952)», завершающуюся итогами первых трех лет строительства нового Китая. Авторы этих вариантов придерживаются периодизации, принятой в китайской историографии 50-х годов, когда 1949—1952 гг. выделялись в самостоятельный период, получивший условное название «восстановительный».

³ Один из последних вариантов периодизации новейшей истории Китая, в том числе и истории КПК периода КНР, см.: Ли Синь. К вопросу о периодизации новейшей истории Китая. — «Лиши яньцзю», 1983, № 4, с. 9—10.

⁴ Лекции. Чанчунь, 1981, с. 475.

⁵ См. там же.

⁶ Краткий курс. Гуанчжоу, 1980, с. 280.

членов, а число партийных организаций в стране возросло за тот же период с 246 тыс. до 328 тыс. Отсутствуют данные об исключении из КПК в ходе этого движения 10,5 % ее членов.

Интерпретация «дела Гао Гана — Жао Шуши» дана в «Лекциях» целиком в духе официальной версии, изложенной в решениях IV пленума ЦК КПК седьмого созыва (февраль 1954 г.), Всекитайской конференции КПК (март 1955 г.) и в выступлениях на ней Мао Цзэдуна, опубликованных в 1977 г. в V томе его «Избранных произведений».

В «Лекциях» фигурирует полный набор обвинений в адрес Гао Гана и Жао Шуши, заимствованных из указанных документов, а приведенный дополнительный материал подчинен одной цели — подтвердить наличие тягчайших преступлений перед партией, якобы совершенных Гао Ганом и Жао Шуши, с одной стороны, и обосновать справедливость принятых в отношении их мер наказания — с другой. Вместе с тем особо подчеркивается, что ЦК КПК якобы много раз давал Гао Гану и Жао Шуши возможность «перевоспитаться», но те «не поняли этого и твердо стояли на антипартийной платформе», а Гао Ган к тому же, «покончив жизнь самоубийством, продемонстрировал свою последнюю измену партии». (Дэн Сяопин в свое время в беседе с авторами проекта «Решения» VI пленума ЦК КПК заявил, что и с позиции сегодняшнего дня решение по этому «делу» было правильным и что решение вопроса о Гао Гане и Жао Шуши было гуманным⁷.)

В действительности, как известно, данный конфликт отнюдь не был интригой Гао Гана и Жао Шуши в «борьбе за власть».

Высокую оценку в «Лекциях» получила генеральная линия партии в переходный период, принятая в конце 1953 г. Основной акцент сделан на том, что линия отражала историческую неизбежность социалистической индустриализации страны, строительства независимого и могущественного государства. Приоритет в выработке и принятии генеральной линии авторы «Лекций» отдают Мао Цзэдуна.

Столь же высокая оценка дана в «Лекциях» и первому после образования КНР VIII съезду КПК (сентябрь 1956 г.). Трактовка и оценка съезда в основном выдержаны в духе «Решения» VI пленума ЦК КПК. Заслуживает особого внимания изложение в «Лекциях» доклада Дэн Сяопина «Об изменениях в Уставе партии», а точнее, акценты, расставленные при его изложении. Единственный раздел доклада, который пересказан в «Лекциях», касается «линии масс», а также вопросов борьбы с бюрократизмом, сектантством и субъективизмом, определения роли и места вождя в партии. Вместе с тем в «Лекциях» не упоминается прозвучавшая на съезде критика культа личности, не сказано об исключении из Устава КПК упоминания об «идеях» Мао Цзэдуна и о том, что в качестве идейно-теоретической основы партии был утвержден марксизм-ленинизм.

Как известно, VIII съезд КПК прошел под знаком дружбы с СССР и другими социалистическими странами, под воздействием атмосферы и решений XX съезда КПСС. Однако в «Лекциях» обойден молчанием кардинальный вывод, красной нитью проходивший практически через все документы съезда, о том, что успешное строительство социализма в КНР возможно лишь в тесном союзе с СССР и другими братскими странами социализма.

Вообще история советско-китайских отношений сводится в «Лекциях» к освещению подписания советско-китайского договора от 14 февраля 1950 г. В «Лекциях» констатируется, что он укрепил дружественные отношения между народами двух стран, нанес удар по империалистической

⁷ См.: Дэн Сяопин. Избранные произведения. Пекин, 1983, с. 257—258 (на кит. яз.). Следует помнить о роли, которую сыграл Дэн Сяопин в этом «деле», выступив на Всекитайской конференции КПК с основным докладом по «делу Гао Гана — Жао Шуши».

политике агрессий и войн, что способствовало делу мирного строительства в Китае.

Более развернутое описание переговоров и оценка значения договора даны в двух чанчуньских и цзинаньском вариантах «Лекций». Лишь в них упоминается о помощи Советского Союза КНР в строительстве 156 основных промышленных объектов первого пятилетнего плана.

Высоко оценивается во всех вариантах «Лекций» вклад Мао Цзэдуна в победу китайской революции, в дело социалистического строительства, в теоретическое обобщение опыта первых лет строительства КНР, особенно в выработку генеральной линии партии в переходный период, в кооперирование сельского хозяйства и социалистические преобразования.

В «Лекциях» не содержится прямой критики деятельности Мао Цзэдуна в данный период. Она выражается лишь косвенно, в осуждении идеологических кампаний, практики приклеивания ярлыков «контрреволюционер», «контрреволюционная группировка», и заключена в словах «это нам урок». Вся ответственность за то, что идеологическое воспитание велось упрощенно и грубо, возложена на местные парторганизации, а главный инициатор и организатор кампаний — Мао Цзэдун — выведен из-под огня критики.

В отличие от прежних работ по истории, где Мао Цзэдуну приписываются все заслуги в деятельности КПК, в «Лекциях» отмечаются и другие руководители, и прежде всего Чжоу Эньлай и Лю Шаоци, с именами которых связываются организация и проведение ряда важных партийных и государственных мероприятий тех лет, в первую очередь VIII съезда КПК. Упоминаются также такие деятели, как Чжу Дэ, Чэнь Юнь, Пэн Дэхуай, Дэн Сяопин, Чэнь И, Тань Чжэньлинь, Линь Бяо.

Второй период истории КПК после образования КНР делится в «Лекциях» на два подпериода: с 1957 по 1961 г. и с 1962 по 1966 г.

Основными событиями в Китае 1957—1961 гг. были, как известно, проведение политики «большого скачка» и создание народных коммун, Лушаньский пленум (август 1959 г.) и развернутая на нем Мао Цзэдуну борьба против Пэн Дэхуая и «правого оппортунизма». Все современные китайские материалы содержат негативную оценку «большого скачка» и признают, что ошибки «большого скачка» и «борьбы с правым уклоном» «привели народное хозяйство к серьезным срывам»⁸. «Левый» уклон, как отмечается в современной китайской историографии, проявившийся в 1958 г., в период «большого скачка», привел к ухудшению благоприятной ситуации, сложившейся в Китае в области социалистического строительства после VIII съезда КПК.

Китайские историки критически оценивают Лушаньское расширенное совещание Политбюро ЦК КПК (июль — август 1959 г.) и Лушаньский пленум ЦК КПК, подвергнувшие осуждению Пэн Дэхуая, Хуан Кэчэна, Чжан Вэньтяня и Чжоу Сяочжоу и принявшие «Постановление относительно антипартийной группы во главе с Пэн Дэхуаем» и решение открыто опубликовать в газете «Жэньминь жибао» передовую статью под заголовком «Вести борьбу против правого оппортунизма, в защиту генеральной линии партии»⁹. Как сейчас признают в КНР, «критика Пэн Дэхуая во время и после Лушаньских совещаний и пленума и развернувшаяся во всей партии борьба «против правого уклона» были совершенно ошибочными, они нанесли серьезный вред демократической жизни страны от ЦК КПК до низовых организаций», «ошибочно нанесли удары по большой группе товарищей, выдвигавших свои критиче-

⁸ Лекции. Ухань, 1982, с. 68, 78; Лекции. Цзинань, с. 225; Лекции. Чанчунь, 1983, с. 121—122; Лекции. Тяньцзинь, с. 326.

⁹ Краткий курс. Гуанчжоу, 1981, с. 354. Авторы некоторых вариантов «Лекций» не приводят даже точных названий документов, принятых на Лушаньском пленуме.

ские замечания, смело отражавших реальную обстановку»¹⁰. Эта кампания нанесла значительный урон партийным кадрам.

В этой связи уместно отметить, что в 1981 г. в КНР было опубликовано «Письмо Пэн Дэхуая Мао Цзэдуна» от 14 июля 1959 г. с критикой «большого скачка»¹¹. В «Лекциях по истории КПК» критика Пэн Дэхуая непосредственно связывается с именем Мао Цзэдуна. Дэн Сяопин в своей беседе с ответственными работниками ЦК КПК 1 апреля 1980 г. также отметил, что мнение Пэн Дэхуая, изложенное в письме, было «правильным», а меры, принятые против него, «совершенно неверными»¹².

Для современной китайской историографии характерно стремление выделить деятельность Чжоу Эньлая и Чэнь Юня в эти годы, продиктованную стремлением подправить наиболее однозные решения ЦК КПК, принятые под давлением Мао Цзэдуна. В «Лекциях» отмечается, что с ноября 1958 по апрель 1959 г. был проведен ряд совещаний по «исправлению» ошибок «большого скачка» и были достигнуты определенные результаты. Однако исправление ошибок было неполным, работа по упорядочению народнохозяйственных планов и по управлению и организации коммун не была доведена до конца. На совещаниях не был официально отвергнут курс «слепого забега вперед», что привело к возникновению новых ошибок.

Годы «урегулирования» народного хозяйства в истории КПК и КНР относятся ко второму подпериоду, начало которого официально датируется 1962 г.¹³, хотя почти во всех «Лекциях» оно отнесено к середине 1960 г.

Несмотря на то что «урегулирование» экономики в первой половине 60-х годов современной китайской историографией оценивается в целом положительно, тем не менее в ряде материалов подчеркивается, что даже в 1965—1966 гг. сельское хозяйство и легкая промышленность все еще не удовлетворяли потребностей населения.

Именно учитывая негативные последствия «большого скачка» и некоторых идеологических и политических кампаний в 1962—1965 гг., современная китайская историография оценивает неоднозначно десятилетний период развития КНР с 1957 по 1966 г. Как отмечается в одном из вариантов «Лекций», партия в этот период, «хотя и потерпела серьезное временное поражение, тем не менее все-таки достигла значительных успехов. Большая часть той материально-технической базы, на которую мы опираемся сегодня, осуществляя модернизацию и строительство, создана именно в тот период времени, большая часть специалистов в области экономического и культурного строительства страны воспитана в тот период, а их опыт работы накоплен в то время»¹⁴. В 1957—1965 гг., как признают сейчас, КПК «был получен как позитивный, так и негативный опыт и были извлечены определенные уроки». В «Лекциях» перечисляются следующие ошибки, допущенные в тот период:

1. Преувеличение масштабов классово-борьбы, абсолютизация ее роли и распространение ее на все китайское общество в соответствии со взглядами Мао Цзэдуна.

2. Несоблюдение экономических законов социализма, в том числе законов соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил, планомерного и пропорционального развития народного хозяйства, неумелое использование закона стоимости,

¹⁰ Лекции. Шанхай, с. 81.

¹¹ Записки Пэн Дэхуая. Цзинань, 1981, с. 281—287 (на кит. яз.). Вместе с тем вплоть до настоящего времени в КНР замалчивается письмо Пэн Дэхуая Мао Цзэдуна от 16 июня 1962 г.

¹² «Хунци», 1983, № 13, с. 4.

¹³ См.: «Лиши яньцзю», 1983, № 4, с. 107.

¹⁴ Лекции. Цзинань, с. 267.

принципа распределения по труду; одностороннее преувеличение обратного воздействия производственных отношений на производительные силы. Ошибочно считалось, что, чем выше степень общественного обобществления, тем лучше. Плохо осуществлялась работа по сбалансированию материальных ресурсов, финансов и кредитов, не были найдены нужные пропорции между накоплением и потреблением, игнорировали и потребности народа в улучшении материальной и культурной жизни; не были сбалансированы отношения между промышленностью и сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью; плановые показатели не увязывались с практикой.

3. В области партийного строительства не осуществлялись последовательно принципы демократического централизма, коллективного руководства, сочетания коллективного руководства с личной ответственностью. Не велась борьба против культа личности, произвола одного человека, против того, чтобы важные вопросы решались одним человеком, не пресекались случаи проявления безответственности¹⁵.

Как подчеркивается в «Решении» VI пленума, за ошибки, допущенные в этот период, несут коллективную ответственность и ЦК КПК, и Мао Цзэдун. Причем отмечается, что ошибки Мао Цзэдуна в области теории и практики классовой борьбы при социализме становились все серьезнее, а его самовластный стиль постепенно нарушил принцип демократического централизма в КПК, проявление культа личности непрерывно усиливалось¹⁶.

Применительно к этому периоду китайская историография положительно оценивает в первую очередь деятельность Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина, Лю Шаоци, Чэнь Юня, Ли Фучуня, Ли Сяньняня, Дэн Цзыхуэя, отрицательно — Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэна и Се Фучжи.

Для всех упоминавшихся изданий характерно то, что они почти не касаются внешнеполитической деятельности КПК в рассматриваемый период. Ни в одном из вариантов «Лекций» не упоминается развязанная руководством КПК полемика по вопросу о генеральной линии международного коммунистического движения. Нет оценок статей, публиковавшихся руководством КПК в отношении целого ряда коммунистических и рабочих партий мира, в том числе и КПСС, в которых данные партии объявлялись «ревизионистскими», «реставрирующими капитализм», «апологетами неокolonнализма»¹⁷.

В шанхайском, гуанчжоуском и цзинаньском вариантах «Лекций» лишь между прочим говорится, что IX пленум ЦК КПК восьмого созыва заслушал и обсудил доклад Дэн Сяопина «О совещании представителей коммунистических и рабочих партий, проведенном в Москве в ноябре 1960 г.» и принял соответствующее решение¹⁸; отмечается также, что пленум выразил удовлетворение работой китайской партийной делегации во главе с Лю Шаоци во время Московского совещания¹⁹. В остальных вариантах «Лекций» нет даже и такой информации.

Заметное место в «Лекциях» отведено расширенному рабочему совещанию ЦК КПК с участием 7 тыс. человек, проходившему в Пекине в январе — феврале 1962 г. Как указывается, это совещание было самым представительным за всю историю КНР²⁰ и даже за всю историю КПК²¹.

¹⁵ См.: Лекции. Цзинань, с. 267—268.

¹⁶ См.: Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981 (на рус. яз.); Лекции. Ханчжоу, с. 100—101; Лекции. Шэньян, с. 272; Лекции. Ухань, 1982, с. 100—101; Лекции. Цзинань, с. 268; Лекции. Чанчунь, 1983, с. 158.

¹⁷ Полемка о генеральной линии международного коммунистического движения. Пекин, 1965 (на рус. яз.).

¹⁸ См.: Лекции. Шанхай, с. 85; Краткий курс. Гуанчжоу, 1981, с. 359; Лекции. Цзинань, с. 226.

¹⁹ См.: Краткий курс. Гуанчжоу, 1981, с. 359; Лекции, Цзинань, с. 226.

²⁰ См.: Лекции. Шанхай, с. 90.

²¹ См.: Лекции. Ухань, 1982, с. 84.

«На этом совещании, — подчеркивается в китайских материалах, — были сделаны первые шаги по обобщению опыта «большого скачка», извлечению из него уроков и проведению «критики и самокритики». Упоминается публикация в газете «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци» в 1978 г. речи Мао Цзэдуна на данном совещании²², где он признал, что он лично ответственен за ошибки периода «большого скачка». В шэньянском, чанчуньском и тяньцзинском вариантах «Лекций» говорится лишь, что Мао Цзэдун выступил с самокритикой, но не уточняется, по каким вопросам²³.

В «Лекциях» довольно скупо излагаются содержание и ход кампании «за социалистическое воспитание», начавшейся после X пленума ЦК КПК восьмого созыва (сентябрь 1962 г.) и переросшей затем в движение за «четыре чистки». Отмечается, что к весне 1966 г. это движение развернулось в одной трети сельских уездов, коммун и небольших городов, оно охватило часть заводов, предприятий, производственных единиц²⁴. Признается, что хотя это движение и нанесло неза заслуженные удары по части кадровых работников низового звена в связи с ошибочным, огульным расширением масштабов «классовой борьбы», но все же сыграло определенную роль в преодолении недостатков в стиле работы кадров и управления хозяйством в некоторых коммунах и бригадах, где бытовали привилегированность, бюрократизм, стиль «больше есть и больше присваивать»²⁵. Как отмечается в ряде «Лекций», в связи с тем, что кампания проводилась только в одной трети уездов и коммун страны, а в городах лишь начинала проводиться в экспериментальном порядке, вред, причиненный ею, имел яковы ограниченный характер²⁶.

В современной китайской историографии, видимо, еще не выработан единый подход к внутренней периодизации «культурной революции». Так, в «Лекциях» в соответствии с «Решением» VI пленума «культурная революция» разделена на три хронологических подпериода: первый — с 1966 г. до IX съезда КПК (апрель 1969 г.); второй — с IX до X съезда КПК (август 1973 г.); третий — с X съезда КПК по октябрь 1976 г. В упоминавшейся же статье Ли Синя выделено лишь два подпериода: первый — с 1966 по 1971 г.; второй — с 1971 по 1976 г.²⁷

В качестве причин «культурной революции» авторы некоторых вариантов «Лекций» называют то, что после 1957 г., и особенно начиная с X пленума ЦК КПК восьмого созыва, ошибки Мао Цзэдуна в теории и на практике по вопросу классовой борьбы при социализме становились все серьезнее, его диктаторский стиль в работе наносил все больший вред системе демократического централизма в партии, все больше насаждался культ личности, а ЦК партии не смог своевременно исправить эти ошибки. Указывается также, что Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэн и Чэнь Бода²⁸ использовали указанные ошибки и способствовали их углублению²⁹.

В «Лекциях» приведены следующие аргументы, которыми оперировал Мао Цзэдун, развязывая «культурную революцию»:

1. Большая группа представителей буржуазии, контрреволюционных, ревизионистских элементов уже проникла в партию, правительство,

²² См.: «Жэньминь жибао», 1.VII.1978; «Хунци», 1978, № 7, с. 2—16.

²³ См.: Лекции. Шэньян, с. 257; Лекции. Чанчунь, 1983, с. 135; Лекции. Тяньцзинь, с. 334.

²⁴ См.: Краткий курс. Гуанчжоу, 1981, с. 376; Лекции. Ухань, 1982, с. 96; Лекции. Цзинань, с. 253.

²⁵ Лекции. Цзинань, с. 253.

²⁶ См.: Лекции. Ханчжоу, с. 97—98; Лекции. Ухань, 1982, с. 96; Краткий курс. Гуанчжоу, 1981, с. 371—372.

²⁷ См.: «Лиши яньцзю», 1983, № 4, с. 10.

²⁸ Следует отметить, что если в «Решении» VI пленума ЦК КПК Чэнь Бода не упоминается, то в большинстве вариантов «Лекций» ему отводится довольно активная роль на всем протяжении «культурной революции».

²⁹ См.: Лекции. Шанхай, с. 115; Лекции. Цзинань, с. 271.

армию и сферу культуры. Власть в большинстве организаций уже не находится в руках марксистов и народных масс.

2. Лица, облеченные властью в партии и идущие по капиталистическому пути, сформировали в центре буржуазный штаб, проводящий ревизионистскую политическую и организационную линии и имеющий своих агентов в каждой провинции, городе, автономном районе и центральных ведомствах.

3. Все виды борьбы, имевшие место в прошлом, оказались неэффективными. Только путем развертывания «культурной революции» открыто, всесторонне, сверху донизу, мобилизуя широкие массы на разоблачение вышеуказанных теневых сторон, можно заново отвоевать узурпированную власть.

4. Это, по существу, великая политическая революция для свержения одного класса другим, которая в дальнейшем будет проводиться еще много раз³⁰.

«Как свидетельствует история, — отмечается в «Лекциях», — эти аргументы Мао Цзэдуна, оправдывавшие развязывание «культурной революции», не соответствовали не только марксизму-ленинизму, но и конкретной действительности Китая»³¹. Далее авторы пишут, что вслед за началом «культурной революции» эти ошибочные аргументы постепенно продолжали систематизироваться и облекаться в теорию, превратившись в так называемую «теорию продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата»³². На IX съезде КПК эта «теория» была утверждена «в качестве главного содержания программы КПК»³³.

Вся современная историография без исключения признает, что «культурная революция» была развернута Мао Цзэдуном и осуществлялась под его личным руководством. Поэтому на нем лежит главная ответственность за «культурную революцию»³⁴, за ее эксцессы.

В «Лекциях» очень мало говорится, а в большинстве случаев вообще отсутствует упоминание о зарождении движения хунвэйбинов, о том, кто стоял у его истоков, как оно направлялось и использовалось.

Во всех вариантах «Лекций» крайне слабо показана оппозиция «культурной революции». Как в «Решении» VI пленума ЦК КПК, так и в большинстве «Лекций» говорится только о «резкой критике» ошибочной практики «культурной революции», прозвучавшей до и после февраля 1967 г. и получившей в китайской историографии название «февральского противотечения». Среди его участников называют имена таких деятелей КПК, как Тань Чжэньлинь, Чэнь И, Е Цзяньин, Ли Фучунь, Ли Сяньнянь, Сюй Сянцян, Не Жунчжэнь, Юй Цюли. Можно назвать только одну довольно подробную статью о «февральском противотечении», опубликованную в провинциальном журнале в 1980 г.³⁵ Обычно же о сопротивлении говорится лишь в общей форме³⁶.

Анализ современной китайской историографии показывает, что некоторые авторы ответственность за эксцессы «культурной революции» все больше пытаются отнести на счет так называемых «контрреволюцион-

³⁰ См.: Лекции. Шанхай, с. 115; Лекции. Цзинань, с. 271; Лекции. Чанчунь, 1983, с. 160—161.

³¹ Лекции. Шэньян, с. 274.

³² Там же, с. 275.

³³ «Хунци», 1981, № 17, с. 43.

³⁴ В ряде работ подчеркивается, что вначале Мао Цзэдун планировал провести «культурную революцию» за полгода. Именно поэтому на полгода были приостановлены занятия в учебных заведениях. Затем он планировал ее закончить еще через год. Весной 1967 г. он высказал мнение, что она будет продолжаться 3 года. В апреле 1969 г. на IX съезде КПК, когда истекли эти 3 года, он не уточнил, закончилась ли «культурная революция» («Хунци», 1981, № 22, с. 30).

³⁵ См.: Цзи Сицзень. Дневник «февральского противотечения». — «Шидайдэ баогао», 1980, № 1, с. 45—69.

³⁶ См., например: Лекции. Шанхай, с. 122; Краткий курс. Гуанчжоу, 1981, с. 383.

ных группировок» Линь Бяо и Цзян Цин, Кан Шэна, Се Фучжи, Чэнь Бода, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня, а не Мао Цзэдуна.

В ряде работ обращает на себя внимание и стремление китайских авторов при описании «культурной революции» подчеркнуть борьбу Мао Цзэдуна против действий указанных группировок по «узурпации верховной власти в партии и государстве».

Нельзя не отметить также, что современная китайская историография полностью изменила трактовку характера выступлений трудящихся на Тяньаньмэне (апрель 1976 г.). Если раньше китайская печать писала о раздававшейся на Тяньаньмэне критике Мао Цзэдуна и призывах демонстрантов к подлинному марксизму-ленинизму, то ныне в Китае заявляют, что выступления в апреле были направлены против «четверки», в защиту Дэн Сяопина и Мао Цзэдуна.

Значительный акцент в «Лекциях» делается на особых достижениях КНР на дипломатическом фронте «после разгрома группировки Линь Бяо»³⁷.

Последний период истории КПК (после смерти Мао Цзэдуна) отражается в китайской историографии более или менее строго в рамках «Решения» VI пленума ЦК КПК. Причем хронологически этот период первоначально не был четко определен. В одних работах он начинался с ноября 1976 г.³⁸, в других — с октября 1976 г.³⁹ Видимо, окончательно принятой датой отсчета нового периода будет все-таки октябрь 1976 г., то есть время разгрома «четверки».

Этот период китайские историки делят на два подпериода: с октября 1976 по декабрь 1978 г. включительно (то есть до III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва) и с декабря 1978 г. по настоящее время. Иногда выделяется еще третий подпериод — со времени VI пленума ЦК КПК (июнь 1981 г.). Первый подпериод характеризуется как время колебаний и неуверенности в работе партии в связи с наличием остаточного бремени левых ошибок «культурной революции» и ошибочным руководством Хуа Гофэна. Из наиболее крупных событий в первый подпериод включены следующие: кампания разоблачения и критики «четверки», проходившая в 1976—1977 гг., и XI съезд КПК, идеологическая дискуссия по вопросу о критерии истины, первые шаги по восстановлению народного хозяйства. Следует отметить весьма поверхностное освещение процессов, происходивших в это время внутри партии: чистка «левых», упорядочение и т. п.

Второй подпериод (до июня 1981 г.) характеризуется как «великий исторический перелом». Из наиболее крупных событий здесь обычно упоминаются III пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва, курс на «урегулирование народного хозяйства», торжества по случаю 30-й годовщины образования КНР и речь на них Е Цзяньина, начало реформы системы партийного и государственного руководства, V пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва, рабочее совещание ЦК КПК (декабрь 1980 г.), VI пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва (июнь 1981 г.) и его решения. Опускаются широкая дискуссия относительно роли личности в истории, культура личности и роли Мао Цзэдуна в истории Китая, развернувшаяся в 1980 г., рабочее совещание ЦК КПК (январь 1981 г.) и практически вся внешняя политика КНР. Особое внимание во всех работах уделяется так называемому «оборонительному контрудару» по Вьетнаму весной 1979 г., который на деле был неспровоцированным вооруженным вторжением в соседнюю страну. Причем в некоторых работах указывается, что в результате «оборонительного контрудара» была якобы стабилизирована

³⁷ Лекции. Чанчунь, 1983, с. 293.

³⁸ Лекции. Шанхай 1981; Лекции. Шэньян, 1982.

³⁹ Краткий курс. Гуанчжоу, 1981, а также цзипаньские и ханчжоуские варианты «Лекций» 1982 г., уханьские варианты 1981 и 1982 гг., тяньцзиньское и чанчуньское 1983 г. издание «Лекций».

обстановка в Юго-Восточной Азии, создана благоприятная международная обстановка для социалистической модернизации Китая.

С VI пленума ЦК КПК, согласно китайской историографии, начинается новый подпериод «сплоченного продвижения вперед на основе обобщенного опыта».

В целом история КПК последних лет в работах китайских историков освещается согласно следующей схеме: разоблачение и разгром контрреволюционной группировки Цзян Цин (октябрь 1976 г.) «спасли» партию от серьезной опасности, позволили КПК вступить в новый период развития. Однако ввиду левацких ошибок Хуа Гофэна и серьезного ущерба, нанесенного стране «культурной революцией», партия столкнулась в своей работе с большими препятствиями, что порождало шатания и неуверенность⁴⁰. Не смог исправить такой ситуации и XI съезд КПК, заявивший об окончании «культурной революции». В экономике ошибки Хуа Гофэна породили новое «слепое забегание вперед». В идеологической области ошибки Хуа Гофэна, согласно китайской историографии, вызвали недовольство руководящих кадровых работников, особенно ветеранов партии, которые развернули дискуссию «о практике — критерии истины» и потребовали правильного понимания и целостного подхода к «идеям» Мао Цзэдуна, их очищения⁴¹. III пленум ЦК КПК явился «великим поворотным пунктом, имевшим глубокое историческое значение для КПК». Он положил начало всестороннему исправлению «левоуклонистских» ошибок, совершенных как в период «культурной революции», так и до нее. Он принял стратегическое решение о переносе центра тяжести работы партии на социалистическую модернизацию. Вслед за тем в народном хозяйстве был осуществлен курс на урегулирование, постепенно начался процесс реабилитации кадровых работников, пострадавших во время «культурной революции». Развитию благоприятной обстановки способствовал VI пленум ЦК КПК, который явился «новой вехой в наведении порядка и исправлении всего неправильного»⁴². Решения пленума свидетельствовали о полном исправлении линии партии.

* * *

Таким образом, современная китайская историография в изложении, трактовке и оценках истории КПК строго придерживается официальных документов КПК, и прежде всего «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», и некоторых рассекреченных в настоящее время внутрипартийных документов и материалов. Основные выводы «Лекций по истории КПК» заимствованы из упомянутого «Решения» с небольшими фактическими дополнениями и некоторыми текстуальными разночтениями. Своим фактическим материалом они, в сущности, лишь иллюстрируют данное «Решение». Вместе с тем «Лекции» содержат определенный дополнительный материал, помогающий более детально рассмотреть историю КПК периода КНР, хотя новые, ранее неизвестные партийные документы вводятся в научный оборот ограниченно. Нередко они только называются, уточняются, когда, где и в связи с чем они были приняты, но отсутствует анализ или даже простое раскрытие их содержания.

В «Лекциях» история КПК периода КНР рассматривается изолированно от истории международного коммунистического и рабочего движения. Очень незначительное место уделено международным связям КПК, в большинстве случаев они вовсе замалчиваются.

⁴⁰ См.: Лекции. Цзинань, с. 384; Лекции. Шэньян, с. 317.

⁴¹ См.: Лекции. Цзинань, с. 384; Краткий курс. Гуанчжоу, 1981, с. 421.

⁴² Лекции. Цзинань, с. 434; Лекции. Чанчунь, 1983, с. 264.

вом удобном случае. Для такого рода соединений были характерны громоздкая, архаичная организационная структура, разношерстное, старых образцов вооружение, слабая боевая выучка, низкое моральное состояние. Невысок был и уровень подготовки офицеров. Для ускоренного натаскивания командных кадров использовались, как правило, доморошенные военные школы и курсы. Занятия велись по сокращенным, устаревшим программам. Не хватало квалифицированных преподавателей и инструкторов: лишь незначительная часть офицерского корпуса получила полноценное специальное образование за рубежом.

Гуанчжоуское правительство не имело и необходимой материально-финансовой базы для создания собственных вооруженных сил. Единственный источник его дохода составляли налоговые поступления — около 10 млн. гуанчжоуских долл.; причем 85 % этой суммы растаскивалось «союзными» милитаристами¹. Номинально числившийся в распоряжении правительства гуанчжоуский арсенал, производивший только стрелковое вооружение, фактически контролировался гуандунскими генералами².

В подобной обстановке было необходимо создание революционной армии. И это стало возможным благодаря тому, что Советский Союз протянул руку помощи народу Китая.

В 1921 г. в письме от 28 августа наркому по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину Сунь Ятсен заявлял о своем интересе к опыту военного строительства в Советской России³. В 20-х числах декабря⁴ 1921 г. представитель Коминтерна в Китае Г. Маринг на встрече с Сунь Ятсеном в Гуйлине предложил идею создания в качестве основы революционных вооруженных сил офицерской школы. Вопрос о создании военной школы вплотную обсуждался на переговорах Сунь Ятсена с главой советской дипломатической миссии А. А. Иоффе в Шанхае в январе 1923 г. Тогда же вождь китайской революции заявил, что хотел бы получить от СССР помощь в организации армии⁵. В феврале он уже от имени гуанчжоуского правительства обращается к советскому руководству с просьбой о направлении в Гуанчжоу военных советников. Весной 1923 г. была сформирована группа советников в составе пяти слушателей Академии Генерального штаба РККА, имевших боевой опыт гражданской войны в России: Я. Г. Герман, В. Я. Поляк, П. И. Смоленцев, Н. А. Терешатов и А. И. Черепанов. Первым в конце сентября в Гуанчжоу прибыл Я. Г. Герман, в октябре — В. Я. Поляк (вместе с политическим советником гуанчжоуского правительства и гоминьдана М. М. Бородиным), в январе 1924 г. к ним присоединились Н. А. Терешатов и А. И. Черепанов (П. И. Смоленцев временно был оставлен в Пекине в аппарате военного атташе)⁶.

Фактически подготовка к созданию школы началась во второй половине 1923 г., когда Сунь Ятсен направил в Советский Союз военную делегацию во главе с Чан Кайши, прибывшую в Москву 2 сентября. Делегация ознакомилась, в частности, с опытом Красной Армии в области

¹ China Year Book, 1928. L., 1928, p. 1338—1339.

² См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу. 1924—1927. Гуанчжоу, 1982, с. 71 (на кит. яз.).

³ См.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 343.

⁴ См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу... с. 11; Шан Минсюань. Биография Ляо Чжункая. Пекин, 1982, с. 84 (на кит. яз.).

⁵ См.: Р. А. Мировицкая. Первое десятилетие. — В кн.: Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с. 26; L. Shagman. Sun Yat-sen. His Life and its Meaning. A Critical Biography. New York, 1973, с. 157—158.

⁶ См.: М. Ф. Юрьев. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа, 20—40-е годы. М., 1983, с. 10.

подготовки кадров⁷. 19 ноября 1923 г. на заседании ЦИК гоминьдана было принято решение приступить к организации военной школы сразу после намечавшегося на январь 1924 г. I съезда гоминьдана. Видимо, примерно в это время был подготовлен «Проект создания военно-учебно-го заведения сухопутных войск», первоначально решением ЦИК гоминьдана названного «Офицерской школой национальной армии»⁸. Однако, по замыслу Сунь Ятсена, подготовительную работу предстояло начать уже в декабре 1923 г., после возвращения из СССР Чан Кайши, на которого возлагалось руководство ею как на «главного военного специалиста» из ближайшего окружения президента. Но Чан Кайши, вероятно, из опасений испортить отношения с «союзными» генералами, прежде всего с командующим гуандунской армией Сюй Чунчжи, у которого он был начальником штаба, не желал связывать себя с «партийной армией» гоминьдана и всячески уклонялся от возложенной на него миссии. Лишь 16 января, уступив настойчивым требованиям руководства гоминьдана и лично Сунь Ятсена, он приехал из Шанхая в Гуанчжоу, где был назначен председателем созданного 24 января 1924 г. Комитета по подготовке к созданию офицерской школы сухопутных войск⁹. 21 февраля он без ведома ЦИК гоминьдана, воспользовавшись предложением нехватки средств, самовольно выдал уже набранным преподавателям и служащим выходное пособие и, объявив школу закрытой, выехал в Шанхай. 23 февраля Сунь Ятсен назначил временно исполняющим обязанности председателя подготовительного комитета Ляо Чжункая, который руководил работой этого органа на протяжении двух наиболее напряженных месяцев организационного периода. На Ляо Чжункая и М. М. Бородину, в частности, персонально возлагались обязанности по подбору штатного состава школы¹⁰.

В феврале 1924 г. смешанная комиссия под председательством Сунь Ятсена, состоявшая из китайских официальных лиц и советских советников, подготовила смету расходов на создание школы. По данным Р. А. Мировицкой, в соответствии с пожеланиями китайской стороны Советский Союз финансировал школу Хуанпу до октября 1925 г.

На организацию учебного процесса и другие потребности школы (не включая оружие, снаряжение и боеприпасы) расходовалось по 100 тыс. гуанчжоуских долл. в месяц¹¹. Оружие и снаряжение для Хуанпу также поступало из Советского Союза. Хотя по приказу Сунь Ятсена гуанчжоуский арсенал должен был выделить школе 300 маузеров, даже через два-три месяца после открытия на ее вооружении находилось лишь три десятка винтовок¹².

Первая крупная партия оружия из СССР поступила в Хуанпу 8 октября 1924 г., когда советское военно-почтовое судно «Воровский» до-

⁷ См.: М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, с. 35; Сунь Ятсен. 1866—1966. К столетию со дня рождения. М., 1966, с. 175—180.

⁸ Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 2. По другим данным, официальным названием было: «Офицерская школа сухопутных войск национальной партии (гоминьдана) Китая». — См.: Лю Чжи. Военная школа Хуанпу и национально-революционная армия. — «Цзиньдай Чжунго шиляо цункань». Сб. 82, вып. 817. Тайбэй, 1982, с. 12; Шан Минсюань. Указ. соч., с. 111.

⁹ См.: Тао Цзюйинь. История господства северных милитаристов, т. 3. Пекин, 1983, с. 1311 (на кит. яз.); Шан Минсюань. Указ. соч., с. 111; Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 2.

¹⁰ См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 2; М. Ф. Юрьев. Роль революционной армии на первом этапе китайской революции. М., 1952, с. 12; его же. Революция 1925—1927 гг. в Китае, с. 35—37.

¹¹ См.: А. И. Картунова. В. К. Блюхер в Китае, 1924—1927 гг. М., 1979, с. 77.

¹² См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 15; По разным данным на вооружении школы было от 30 до 500 винтовок. См.: М. Ф. Юрьев. Вооруженные силы КПК..., с. 12.

ставило в Гуанчжоу 8 тыс. винтовок и по 500 патронов к ним. В дальнейшем были получены из СССР еще 15 тыс. винтовок, пулеметы и орудия¹³.

В подготовке к открытию школы и в ее деятельности непосредственно участвовали советские советники, обеспечивавшие организацию учебного процесса на основе опыта военных школ Красной Армии¹⁴. К июню 1924 г. их число в войсках гуанчжоуского правительства достигло 25, а к апрелю 1926 г. — 58 человек¹⁵. Некоторые из них работали в школе Хуанпу постоянно¹⁶, другие привлекались время от времени для проведения специальных занятий и чтения лекций. Они составляли учебные планы, программы и пособия, проводили занятия с преподавателями и курсантами. Старшим советником был назначен В. Я. Поляк. После его ухода в июне 1924 г. в аппарат главного военного советника группу советников в школе возглавил А. И. Черепанов. Вместе с Н. А. Терешатовым он руководил организацией тактической, стрелковой и строевой подготовки, проводившихся по уставам Красной Армии; в октябре 1924 г. той же работой стал заниматься прибывший в школу Н. А. Шевалдин, а в 1926—1927 гг. — В. М. Акимов. С октября 1924 г. в Хуанпу преподавал тактику Я. Палло. Средствами войсковой связи помогали овладевать курсантам Н. А. Кочубеев, а с 1925 г. — М. И. Дратвин. Лекции по артиллерии читал Т. А. Бессчастнов, старший артиллерийский советник гуанчжоуской группы; с марта по июль 1926 г. занятия с артиллеристами проводил Т. С. Бородин. В ноябре 1925 г. главным советником по политической работе в школе был назначен С. Н. Наумов (Калачев). Постановкой обучения инженерному (саперному) делу в Хуанпу занимался В. А. Яковлев. В 1926 г. до начала Северного похода старшим советником в школе был М. Ф. Куманин. После него группой советников в Хуанпу руководил старший советник при начальнике Главного штаба М. Г. Ефремов. Большое внимание школе уделяли главные военные советники гуанчжоуской группы, прославленные полководцы гражданской войны П. А. Павлов и после его трагической гибели, с октября 1924 г. — В. К. Блюхер.

Деятельность советских специалистов проходила в непростых условиях. Китайские преподаватели и инструкторы, большинство которых заканчивали старые китайские, а также европейские и японские военные училища, не всегда обладали необходимыми теоретическими знаниями и методическими навыками. Преподавателей-китайцев по военно-техническим специальностям практически не было, и соответствующая работа целиком ложилась на посланцев Страны Советов. Им приходилось преодолевать косность и недоверие, а то и прямую враждебность генералов, возглавлявших школу. Начальником школы Хуанпу стал Чан Кайши, видимо осознавший, какие возможности для личной карьеры открывала эта должность, и 4 апреля 1924 г. вернувшийся в Гуанчжоу. Однако, будучи занят политическими интригами, он мало интересовался организацией учебного процесса¹⁷.

Чан Кайши и его ставленники всячески препятствовали развертыванию в Хуанпу политической работы. Однако комиссар школы — лидер левого крыла гоминьдана Ляо Чжункай и другие действовавшие в школе гоминьдановцы и коммунисты с самого начала стремились осуществлять воспитание курсантов в духе преданности делу революции. В Хуанпу был

¹³ Там же. С октября 1924 по октябрь 1926 гг. в Гуанчжоу из СССР было поставлено 24 самолета, 157 полевых пушек, 48 горных пушек, 128 бомбометов, 295 станковых пулеметов, 73 993 винтовки и другое вооружение и военное снаряжение. См.: А. Я. Калаягин. По незнакомым дорогам. М., 1979, с. 13.

¹⁴ См.: Тао Цзюйинь. Указ. соч., с. 1311.

¹⁵ См.: М. Ф. Юрьев. Вооруженные силы КПК..., с. 11.

¹⁶ В упомянутом списке преподавательского состава школы во время обучения четвертого набора значатся пять советских советников. — См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 514.

¹⁷ См.: Воспоминания Не Жунчжэня. Пекин, 1983, с. 46 (на кит. яз.).

создан политотдел. Его начальником был назначен правый гоминьдановец Дай Цзитао. Однако в знак протеста против участия коммунистов в организациях гоминьдана он отказался сотрудничать в Хуанпу. И все же он неоднократно посещал школу, выступал перед курсантами и офицерами. Единственным плодом его «воспитательной деятельности» было создание в школе 29 января 1925 г. отделения Общества изучения суньятсенизма, ставшего оплотом антикоммунистических сил в Хуанпу.

Лицо полторганов школы определяли сторонники Ляо Чжункая и члены КПК, которым помогали советские военно-политические советники. При содействии С. Н. Наумова был подготовлен проект организации политотдела, утвержденный в начале 1926 г. и значительно упорядочивший политическую работу в школе. В 1924—1925 гг. во главе политотдела стоял Чжоу Эньлай, член военной комиссии ЦК КПК. Политработой в Хуанпу занимались такие видные деятели компартии Китая, как Юнь Дайин — главный преподаватель политических дисциплин, Е Цзяньин — заместитель начальника учебного отдела, а также Бао Хуэйсэн, Гао Юйхань, Линь Цзухань (Линь Боцуй), Не Жунчжэнь, Сяо Цзингуан, Чжан Цюжэнь, Ху Гунлянь. Кроме того, периодически с докладами в школе выступали представители КПК Чжан Тайлэй, Лю Шаоци, Дэн Чжунся, Мао Цзэдун, У Юйчжан и др.

Одним из важнейших средств политического воспитания курсантов были выпускаемые политотделом Хуанпу периодические издания. В разное время в школе выходили несколько печатных органов: газеты «Хуанпу чао» («Хуанпуская волна»), «Хуанпу жикань» (ежедневное издание «Хуанпу»), еженедельник «Гэмин цзюнь» («Революционная армия»), орган Союза молодых воинов Китая «Чжунго цзюньжэнь» («Китайский воин»), «Цзюньши чжэнчжи юекань» («Военно-политический ежемесячник») и «Хуанпу цункань» («Хуанпуский сборник»). На страницах названных органов, в других печатных материалах, на собраниях, митингах и политинформациях работники политотдела разъясняли курсантам политику правительства, задачи национальной революции, внутривнутриполитическую и международную обстановку. Одним из направлений работы полторганов школы Хуанпу была пропагандистская деятельность среди населения. Курсанты направлялись в окрестности Гуанчжоу для оказания помощи крестьянам в организации отрядов самообороны, для обучения их военному делу и распространения агитационных материалов¹⁸. Так было положено начало практике, которая в дальнейшем сыграла столь важную роль в победах революционных сил в Китае. Хотя в работе политотдела школы Хуанпу коммунисты принимали чрезвычайно активное участие, они редко открыто выступали от имени КПК, чтобы не обострять отношения с руководством гоминьдана. Коммунистические ячейки в школе функционировали тайно, в основном члены компартии действовали в организациях гоминьдана¹⁹.

Несмотря на враждебную агитацию правых гоминьдановцев, представителям КПК удалось завоевать высокий авторитет в Хуанпу. Так, в конце 1924 г. курсанты-коммунисты Чжоу Ицюнь, Ли Лаогун, Ван Боцан, У Мин (Чэнь Гунпэй), Сяо Жэньху, У Чжэньминь, Чэнь Жо, Се Сюаньцуй и другие создали в Хуанпу общество «Хосиншэ» («Искра»), названное в честь ленинской «Искры» и объединявшее более 60 курсантов второго набора. Из курсантов третьего набора в общество входили около 30 человек. В начале 1925 г. члены «Хосиншэ», коммунисты Чжоу Ицюнь, Ван Боцан, У Мин, Чэнь Цзювэй, Ло Чжэньшэнь, Хуан Цзиньхуэй были избраны своими товарищами в комитет гоминьдана школы²⁰. Интересно,

¹⁸ См.: Конгрессы и конференции гоминьдана. Научно-исследовательский институт по Китаю при Университете им. Сунь Ятсена. М., 1928, с. 205—211.

¹⁹ См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 4.

²⁰ См. там же, с. 114—115.

что Чан Кайши на этих выборах был забаллотирован и прошел в комитет лишь после вмешательства Ляо Чжункая.

После самороспуска общества «Хосиншэ», участники которого закончили курс обучения, в школе действовало отделение «Союза молодых воинов Китая», организованного 1 февраля 1925 г. под руководством коммунистов. На день основания в него входили около 2 тыс. членов, в том числе более 600 курсантов Хуанпу²¹.

С момента создания школы Хуанпу по мере увеличения помощи со стороны СССР, прибытия новых военных советников расширялись масштабы ее деятельности, вносились изменения в организационную структуру. Помимо политотдела, штатный аппарат школы включал отделы: учебный, инструкторский, управления, снабжения, военно-медицинский. В ноябре 1924 г. были введены военно-юридическое (его по совместительству возглавил Чжоу Эньлай) и штабное отделения, а также должность начальника учебно-воспитательной части. Первый набор, насчитывавший около 400 курсантов и нацеленный на подготовку только пехотных офицеров, приступил к занятиям 5 мая 1924 г.²², еще до официального открытия школы. Второй набор — около 500 курсантов, которые начали учебу 1 ноября 1924 г., — был уже разделен на пехотный, артиллерийский и саперный классы, а также (видимо, несколько позже) классы снабжения и военной полиции. В третьем наборе (начало 1925 г.) вводится также кавалерийский класс²³, а число курсантов достигает 800²⁴.

Сложность и динамичное развитие военно-политической ситуации приводили к неоднократным изменениям состава и числа обучаемых даже на протяжении подготовки одного набора. Так, в ноябре 1924 г. в Хуанпу влился личный состав Хунаньской военной школы (220 курсантов)²⁵. Хотя в офицерских классах учеба длилась от 6 до 9—12 месяцев, иногда выпуск части курсантов надолго задерживался: закончившие курс помогали готовить следующие наборы²⁶. Однако чаще острая потребность в строевых кадрах заставляла прибегать к досрочным выпускам. При школе готовились и унтер-офицеры, а также организовывались разного рода краткосрочные курсы.

В августе 1924 г. была выпущена группа курсантов первого набора: под руководством советского советника В. А. Степанова спешно осуществлялось формирование двух учебных полков по образцу стрелковых частей Красной Армии. На полк назначалось по 16 политкомиссаров из выпускников Хуанпу (12 — на роты, 3 — на батальоны и 1 полковой)²⁷.

Вновь сформированным подразделениям и курсантам школы пришлось вступить в бой уже в октябре 1924 г. Они сыграли решающую роль в подавлении мятежа, поднятого против правительства Сунь Ятсена корпусом шантуаней — купеческой милиции. Гуанчжоуское правительство во время мятежа находилось на территории школы под защитой курсантов. И в дальнейшем школа Хуанпу не раз служила его резиденцией во время кризисных ситуаций.

Разгром одного из крупнейших отрядов внутренней контрреволюции и формирование костяка революционной армии (к 20 ноября 1924 г.

²¹ См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 332; М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае..., с. 245—249.

²² См.: Лю Чжун. Указ. соч., с. 1; Шан Минсюань. Указ. соч., с. 112.

²³ См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 5, 550.

²⁴ См.: М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае..., с. 40—41. Китайский источник на основе архивных материалов определяет численность первых трех наборов соответственно в 645, 499 и 1233 человека. — См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 93. Данные других источников существенно различаются. — См.: Конгрессы и конференции гоминьдана..., с. 205; F. F. Liu. Op. cit., p. 9; Лю Чжун. Указ. соч., с. 9.

²⁵ См.: А. И. Картунова. Указ. соч., с. 73—75, 77.

²⁶ China in the 1920 s. Nationalism and Revolution. New York — L., 1976, p. 76—77.

²⁷ См.: А. И. Картунова. Указ. соч., с. 77.

было завершено комплектование первого, а в январе 1925 г. — второго учебных полков) позволили гуанчжоускому правительству приступить к планомерному расширению контролируемой им территории. В феврале 1925 г. был осуществлен I Восточный поход, в ходе которого из провинции Гуандун были изгнаны отряды английского ставленника Чэнь Цзюньмина. Успех операции обеспечили 3,5 тыс. бойцов Хуанпу. Пекинская буржуазная газета «Чэньбао» писала в то время: «Бои главным образом вели части Хуанпу. На всем пути следования шла пропаганда, собирались митинги крестьян в 5—6 тыс. человек, где окончившие Хуанпу выступали с революционными речами. Сейчас весь район военных действий находится под влиянием этой пропаганды».

Победа над Чэнь Цзюньмином создала условия для дальнейшего укрепления революционных сил Гуандуна. Однако кончина Сунь Ятсена, последовавшая 12 марта 1925 г., пробудила надежды реакции на скорое падение демократической власти: в мае-июне в Гуанчжоу вспыхнул путч юньнаньских и гуансийских милитаристов. В его разгроме немалая заслуга принадлежала частям Хуанпу.

Новый этап в деятельности школы открыла революция 1925—1927 гг. Гуанчжоу становится ее основной базой. 1 июля 1925 г. там было провозглашено Национальное правительство Китайской Республики. В соответствии с решением пленума ЦИК гоминьдана от 15 июня 1925 г. советские советники разработали планы реорганизации подчиненных правительству войск в Национально-революционную армию (НРА) с единым командованием и унифицированной структурой²⁸. Намеченные в военной области реформы в значительной мере удалось осуществить. 18 февраля 1926 г. Национальное правительство приняло решение преобразовать школу Хуанпу в Центральную военно-политическую школу НРА, объединившую все военно-учебные заведения, существовавшие ранее при отдельных войсковых соединениях. Была введена должность заместителя начальника школы, организованы отделы комплектования (начального обучения), оперативный, а также отделения: военно-техническое, исследований в области вооружений, редакционное. Военно-медицинский отдел был преобразован в отделение, отдел снабжения — в интендантское отделение. В школе появилась группа подготовки высшего командного состава. К существовавшим ранее классам добавились классы связи, радиосвязи и авиационный²⁹. В феврале 1926 г. приступили к занятиям 500 будущих политработников — слушателей политкласса, в разработке положения о котором участвовали И. Я. Разгон, А. И. Черепанов, В. А. Степанов, В. П. Рогачев, И. К. Мамаев. Общая численность курсантов четвертого набора достигала 2558³⁰.

Если первые три выпуска школы направлялись только в учебные полки Хуанпу, сведенные в I-й корпус с НРА, то курсанты четвертого набора предназначались и для других частей армии Национального правительства. Таким образом, передовые принципы подготовки и воспитания личного состава распространялись на всю НРА. В войска был перенесен опыт создания политорганов и ведения политической работы, накопленный в школе Хуанпу.

²⁸ См.: «Чжангу» (Сянган), 1975, № 6, с. 5.

²⁹ См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 3. Видимо, в ведение Центральной школы было передано училище летчиков, прежде подчинявшееся авиационному управлению. В Гуанчжоу находился советский авиаотряд — около 20 человек, которые, помимо непосредственного выполнения боевых задач, готовили китайских летчиков и техников.

³⁰ См.: М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. с. 243. В докладе на II съезде гоминьдана указывалось, что с сентября 1925 г. по февраль 1926 г. школу закончили около 3 тыс. человек. — См.: Материалы по истории военной школы Хуанпу..., с. 205. В другом источнике число курсантов четвертого набора определяется в 2654 человека (с. 93).

Тем не менее курсанты школы и 1-й корпус НРА оставались самой надежной опорой революционной власти. В августе 1925 г. им было доверено разоружение войск гуандунских милитаристов, готовивших заговор против левых сил в гоминьдане. Отличились воспитанники Хуанпу в октябре-ноябре того же года, во время II Восточного похода против вновь поднявшего голову Чэнь Цзюньмина и его союзников.

Военные успехи НРА упрочили положение Национального правительства, которое приступило к подготовке похода на Север с целью освобождения Китая от милитаристских клик. Планы этой кампании, как и всех предыдущих, разрабатывались советскими военными советниками во главе с В. К. Блюхером. Однако в начале весны 1926 г. условия развертывания революционного процесса в стране изменились. Первый удар в спину революции нанес Чан Кайши. 20 марта он под предлогом пресечения якобы готовившегося «коммунистического переворота» арестовал около 50 коммунистов — политработников и офицеров школы Хуанпу и 1-го корпуса.

Чан Кайши давно замышлял покончить с влиянием КПК в армии и правительстве. Ему и его подручным удалось организовать в Хуанпу и 1-м корпусе сеть контрреволюционных групп. Годы спустя в чанкайшистском гоминьдане их члены составили реакционную фракцию, носившую имя школы³¹. И все же значительная часть личного состава Хуанпу не поддержала переворот, что явилось одной из причин его неудачи. Кроме того, кандидат в диктаторы вовремя спохватился: полный разрыв с КПК и прекращение советской помощи поставили бы под угрозу успех планировавшегося похода и связанные с ним личные амбициозные планы Чан Кайши. Он сумел добиться лишь удаления коммунистов из частей 1-го корпуса и руководящих органов гоминьдана, а также сформирования правительства, в котором доминировали правые гоминьдановцы. Сам Чан Кайши захватил ряд высших партийных и государственных постов.

И все же национальная революция, в активе которой были поддержка трудящихся Китая и бескорыстная помощь Страны Советов, продолжалась. В июле 1926 г. начался знаменитый Северный поход НРА. К его началу в школе Хуанпу были подготовлены 6 тыс. офицеров, а всего в нем участвовали около 7,8 тыс. ее выпускников³². Его победы обеспечивались частями и соединениями, находившимися под влиянием коммунистов и левых гоминьдановцев. В марте 1927 г. НРА контролировала уже треть территории страны — десять провинций Южного, Центрального и Восточного Китая. В дополнение к сформированному еще в декабре 1925 г. отделению школы Хуанпу в городе Хучжоу в ходе кампании были созданы отделения Центральной военно-политической школы в Нанцзине (провинция Гуанси), Чанша (провинция Хунань), Ухань (провинция Хубэй).

Однако реакционный переворот, совершенный Чан Кайши в апреле 1927 г., привел к тому, что революция в Китае вступила в стадию поражений. 12 апреля Чан Кайши издал приказы «О недопущении безрассудных высказываний и недостойных выходов курсантов Хуанпу» и «О запрещении курсантам Хуанпу участвовать в собраниях», направленные против членов КПК и левых гоминьдановцев в школе. После кровавого путча 15 апреля последовали так называемые события 18 апреля в Хуанпу, когда было арестовано более 400 революционно настроенных преподавателей и курсантов. Немало их, например Сюн Сюн, Сяо Чуньюй и другие, пало от рук палачей. Многие воспитанники Хуанпу продолжали борьбу в рядах компартии, а впоследствии стали видными военачальни-

³¹ Ип: F. F. Liu. Op. cit., p. 228, 244.

³² См.: М. Ф. Юрьев. Вооруженные силы КПК..., с. 12. В «Материалах по истории военной школы Хуанпу» общая численность выпускников пяти наборов оценивается в 7399 человек (с. 93).

камн Народно-освободительной армии Китая, крупными партийными и государственными деятелями КНР.

В июне 1984 г. в Китае отмечалось 60-летие школы Хуанпу. Празднование этой годовщины проходило под лозунгом «Развивать дух Хуанпу, внести вклад в дело объединения Родины, развития Китая»³³. 16 июня в Пекине состоялось торжественное собрание, на котором присутствовали представители партийного и государственного руководства: член Политбюро ЦК КПК Сюй Сяньцзянь, член Секретариата ЦК КПК Си Чжунсюнь, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК Ян Шанкунь, заместитель председателя НПКСК Чэнь Цзыхуа и ряд других, а также бывшие курсанты Хуанпу, живущие в КНР и прибывшие из-за рубежа. На собрании было основано Общество бывших курсантов военной школы Хуанпу и принят его устав. В правление общества были избраны 26 человек, в том числе Сюй Сяньцзянь (председатель), член Политбюро ЦК КПК Не Жунчжэнь и заместитель председателя ВК НПКСК Сюй Дэхан (советники), бывшие гомиьндановские генералы Чжэн Дунго, Хоу Цзинжу, Сун Силян, Ли Моань (заместители председателя).

Выступавшие на торжественном собрании вспоминали о взаимодействии КПК и гомиьндана в период первого единого фронта в 20-е годы и во время второго союза двух партий, заключенного в 1937 г. для отражения агрессии империалистической Японии. Практически во всех речах рефреном звучал призыв, зачастую адресованный непосредственно Цзян Цзинго: «Установить в третий раз сотрудничество между КПК и гомиьнданом с целью мирного объединения разделенных морским проливом соотечественников»³⁴. Этот лозунг, призванный подчеркнуть историческую преемственность сотрудничества патриотических сил Китая в борьбе за достижение общенациональных целей, явно свидетельствовал о том, что празднование годовщины Хуанпу рассматривалось в КНР как возможность оказать моральное давление на правящие круги тайваньского режима. Средством такого воздействия послужил авторитет выпускников школы, многие из которых ныне пользуются большим влиянием в зарубежных китайских общинах.

Справедливое стремление КНР обеспечить свой суверенитет над островом Тайвань всегда встречало сочувствие советского народа. Безусловно, правомерен и поиск политических путей к решению этой насущной внутренней проблемы Китая. В то же время представляется очевидным, что текущие политические задачи, как бы они ни были важны, не должны заслонять историческую истину во всей ее полноте. В выступлениях на торжественном собрании в честь 60-й годовщины школы Хуанпу, в посвященных этой знаменательной дате материалах китайской печати, где много говорилось о положительном прошлом опыте сотрудничества КПК и гомиьндана, к сожалению, не нашел отражения тот факт, что первый единый фронт двух партий основывался на «трех политических установках» Сунь Ятсена, полноправным звеном которых был курс на союз с Советской Россией. Успехи дела национального освобождения Китая в 1925—1927 гг. были достигнуты в значительной степени благодаря бескорыстной помощи Страны Советов и творческому применению, по выражению Сунь Ятсена, «русских революционных методов». Так великий революционер-демократ называл опыт партии Ленина и Красной Армии, которым щедро делились с его соратниками советские политические и военные советники. Именно в тот период был заложен фундамент дружественных отношений между двумя великими народами, и в дальнейшем подкреплявшийся материальной и моральной поддержкой, оказываемой Советским Союзом Китаю в наиболее трудные моменты его истории.

³³ «Жэньминь жибао», 13, 17, 21.VI.1984.

³⁴ Там же, 17.VI.1984.

Развитие общественной мысли Китая

Становление общественно-политической платформы журнала «Синь циннянь»

---

*М. А. АСЛАНОВА,
кандидат исторических наук*

Издание журнала «Синь циннянь» на стыке нового и новейшего времени не только яркое явление общественно-политической жизни Китая, в его истории отражена сложная эволюция передовой части китайской интеллигенции, от пропаганды либерально-буржуазных идей к марксизму.

В 1985 г. исполнилось 70 лет со дня выхода в свет первого номера журнала «Синь циннянь», роль и значение которого как борца за новые идеи, новую культуру, как проповедника революционно-демократических идей, а затем и марксистского учения общепризнаны.

Первая мировая война, как известно, оживила капиталистические отношения в Китае, что способствовало и распространению западной культуры, но вместе с тем усилило и рост национального самосознания. Перед китайской интеллигенцией, особенно студенчеством, встала проблема взаимоотношения культур Востока и Запада, проблема отношения к традициям прошлого и их роли в борьбе за новый Китай. Многих прогрессивных интеллигентов, размышлявших о развитии Китая по пути социально-экономического и культурного обновления, беспокоила судьба национальной культуры, другие же, признавая ценность старой китайской культуры, полагали, что она в какой-то степени устарела и не отвечает современным требованиям.

Молодая китайская интеллигенция стремилась выразить свои мысли на страницах печатных изданий. Однако существовавшие в этот период газеты и журналы не удовлетворяли их своей направленностью. И появление журнала «Синь циннянь» было вызвано именно необходимостью в печатном органе, где радикально настроенная интеллигенция могла бы в полной мере пропагандировать свои взгляды, обсуждать интересовавшие их проблемы, прежде всего проблему путей развития китайского общества.

Журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь») начал издаваться в сентябре 1915 г. в Шанхае. Первоначально он назывался «Циннянь» («Молодежь»), а затем, в сентябре 1916 г. (начиная с т. 2, № 1), был переименован в «Новую молодежь». Первичное китайское название повторяло французское «La jeunesse», которое сохранялось до 1919 г. (т. 6, № 1). Первые два тома журнала были напечатаны издательством «Welfare Seeking Book Co» («Цюньи шушэ»). С т. 1, № 1, по т. 7, № 6 журнал издавался «Public Welfare Book Co» («Цюньи шушэ») также в Шанхае¹. Это был ежемесячный литературный и общественно-политический орган демократически настроенной китайской интеллигенции, созданный группой профессоров Пекинского университета. Его редактировал до ян-

---

¹ Chow Tse-tsung. The May Fourth Movement, Intellectual Revolution in Modern China. Cambridge (Mass.), 1960, p. 44.

варя 1918 г. Чэнь Дусю. Затем образовался комитет редакторов из шести человек — Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Ху Ши, Лю Фу (Лю Баньнун), Цянь Сюаньтун и Шэнь Иньмо. Позднее вошли в его состав Гао Ихань и др. С января 1918 г. журнал выпускался ежемесячно каждым из редакторов попеременно. Однако на практике «этот метод редакторства по очереди не был устойчивым, поскольку состав из вышеуказанных шести редакторов не был [строго] ограничен. Например, Лу Синь также принимал участие в редактировании журнала»². Обработкой материалов, обзором дискуссий, постоянно возникавших, занимались и комитет редакторов, и такие активные сотрудники журнала, как Лу Синь, Чжоу Цзожэнь и др.

В июне 1919 г. выпуск «Синь циннянь» был приостановлен до ноября в связи с событиями «4 мая», 6-й номер вышел только в ноябре. В сентябре 1919 г. Чэнь Дусю и другие сотрудники журнала организовали Общество «Синь циннянь», куда вошли все редакторы и большинство основных авторов журнала. В конце лета 1920 г. Общество «Синь циннянь» раскололось. Часть редакторов журнала во главе с Чэнь Дусю под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции стала пропагандировать на страницах журнала идеи марксизма-ленинизма, положительно освещать революционные события в Советской России. Либералы Ху Ши, Цянь Сюаньтун, Лю Баньнун, Чжоу Цзожэнь отказались от участия в работе редколлегии журнала. Чэнь Дусю вновь стал единоличным редактором. Расколу предшествовала острая полемика группы революционных демократов, прежде всего Ли Дачжао, с буржуазными реформистами, которых возглавлял Ху Ши и который наиболее рьяно протестовал против публикации политических материалов марксистского содержания и статей об успехах Советской России.

В 1920 г. группа работников Коминтерна во главе с Г. Н. Войтинским приехала в Китай. С их помощью в Шанхае и других крупных городах были созданы коммунистические кружки. Чэнь Дусю стал руководителем шанхайской коммунистической группы, первоначально состоявшей из семи человек. Руководство коммунистическими группами и союзами молодежи осуществлялось также и редакцией журнала «Синь циннянь». С сентября 1920 г. (т. 8, № 1) он стал трибуной китайских коммунистов и опубликовал ряд статей Г. Н. Войтинского³. Нелегально стал выходить и коммунистический журнал «Гунчаньдан» («Коммунист»).

В начале 1921 г. шанхайская полиция конфисковала рукопись очеред-

² Усы шици цинянь изешао (Периодические издания периода «движения 4 мая»), т. 1. Пекин, 1958, с. 37.

Чэнь Дусю (1879—1942) — профессор Пекинского университета, организатор журнала «Синь циннянь». После Октябрьской революции сыграл важную роль в распространении социалистического учения и в подготовке идейных условий для создания Компартии Китая. На I съезде КПК (1921 г.) был избран секретарем Центрального бюро КПК, на II съезде (1922 г.) — председателем ЦИК КПК, на IV съезде (1925) — генеральным секретарем КПК. После V съезда КПК (апрель—май 1927 г.) Чэнь Дусю и его сторонники отвергли линию Коминтерна и взяли курс на уступки гоминьдану. В июле 1927 г. Чэнь Дусю был отстранен от руководства ЦК КПК, а в 1929 г. он был исключен из партии за правооппортунистическую линию.

Чжан Готао (1895—1979) — один из организаторов и руководителей КПК, активный участник «движения 4 мая», создатель первых марксистских кружков. После ряда столкновений с Мао Цзэдуном 1935—1936 годов в 1938 г. исключен из КПК и отошел от коммунистического движения, скатился на позиции ренегатства. Умер в Канаде в 1979 г.

Ху Ши (1891—1962) — известный китайский буржуазный философ, социолог, литературовед, лингвист и историкограф, сыграл определенную роль в общественно-политической жизни Китая в период «движения за новую культуру». Ху Ши долгое время был объектом жестокой критики, однако с 1979 г. китайская печать начала признавать «ценность его академических достижений».

Гао Ихань ( ) — один из основных авторов, публиковавшихся в журнале «Синь циннянь». Играл видную роль в организации и развитии «движения за новую культуру».

³ См.: В. И. Глумин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае. — Сб. «Коминтерн и Восток». М., 1969, с. 245.

ного номера «Синь циннянь» (т. 8, № 6), который должен был выйти в свет в феврале 1921 г. Издание журнала было перемещено в Гуанчжоу, где в апреле 1921 г. и вышел этот 6-й номер.

После I съезда КПК в июле 1921 г. в Шанхае журнал «Синь циннянь» стал официальным органом КПК. С июля 1922 г. он перестал быть ежемесячником (с 9 т., № 6). В это время начал выходить центральный орган КПК — еженедельник «Сяньдао», а «Синь циннянь» начиная с июня 1923 г. стал издаваться раз в три месяца, редактором в этот период был Цюй Цюбо. В связи с усиливающимися репрессиями правительства против растущего революционного движения журнал часто не выходил в срок. С июня 1923 по декабрь 1924 г. вышло всего четыре номера, а с апреля 1925 по июль 1926 г. — пять номеров, и на этом издание журнала прекратилось. Такова его краткая история.

Идея о том, что тяжкий груз старокитайских традиций мешает движению вперед, не дает Китаю подняться до уровня современности, затрудняет приобщение страны к новой, передовой культуре, красной нитью проходит через все материалы «Синь циннянь». Группировавшиеся вокруг журнала сторонники обновления Китая начертали на своем знамени лозунг «Наука и Демократия», они считали, что для преодоления вековой отсталости страны необходимо в первую очередь овладеть достижениями передовой науки и техники, установить в обществе демократические порядки. «Синь циннянь» выступал за новую литературу и культуру, доступную народу, за политические преобразования и демократические права народа. В журнале поднимались вопросы, которые имели жизненно важное значение для китайского народа и долгое время были под запретом. Это вопросы о взаимоотношениях в семье, о воспитании молодого поколения, о положении женщины в семье и обществе, вопросы свободы брака, развода и т. п. Все эти проблемы давно уже порождали споры и с первых же номеров выделили журнал среди остальных печатных изданий того времени.

С первого номера целью журнала стала борьба за «новую культуру», что отразило широкое общественное движение, возникшее в конце 1915 — начале 1916 г., под лозунгами просвещения народа, эмансипации личности путем нравственного усовершенствования, распространения научно-технических знаний, борьбы с невежеством, суевериями и предрассудками, с традиционной конфуцианской идеологией, против абсолютизма. Содержание движения за «новую культуру» выходило далеко за рамки проблем собственно культуры. Речь шла о борьбе за буржуазно-демократические преобразования в стране и — на первых порах — за либерально-просветительскую идеологию. На страницах «Синь циннянь» велась полемика и по другим проблемам — создания новой литературы, реформы языка.

В первом номере журнала Чэнь Дусю выступил с программной статьей «Обращение к молодежи», где призывал к ломке старых традиций, к духовному пробуждению китайской молодежи, в которой он видел надежду построения нового Китая. Чэнь Дусю писал: «Я обращаюсь к новой, энергичной молодежи и надеюсь, что она проникнется чувством самосознания и начнет борьбу. Что такое самосознание? Оно существует, чтобы сознавать ценность своей молодой жизни, чтобы отстаивать чувство собственного достоинства, которое не должно быть унижено. Что такое борьба? Она существует, чтобы развивать свои способности, решительно отказываться от старого и прогнившего, бороться с ним, как с врагом».

Чэнь Дусю не задумывался тогда над материальными, экономическими условиями развития китайского общества, над социально-политическими попросами жизни китайской молодежи. Главным для него был духовный застой китайского общества, социально-этические нормы которо-

го не соответствовали новым тенденциям. Чэнь Дусю в те дни отставал идею о передовой роли сознания, идеологии, морали в деле социального и политического обновления страны, он считал, что Китай нуждается только в том, чтобы «использовать полностью природный интеллект человека для того, чтобы оценить и выбрать из всех мыслей человечества самые новые и передовые, которые пригодны для настоящей борьбы с пережитками». Он предлагал разрешить эту проблему без «компромиссов и колебаний», подобно тому как «острый нож разрезает пеньку». Все свои надежды Чэнь Дусю возлагал на молодежь, ибо только она, по его мнению, обладала широкими потенциальными возможностями в борьбе за обновление Китая. При этом он имел в виду прежде всего школьную и студенческую молодежь.

Для того чтобы направлять действия молодежи и чтобы молодежь «могла понять, что такое правда и неправда, и сделать свой выбор», Чэнь Дусю провозглашал следующие шесть принципов: быть свободной личностью, а не рабом; быть прогрессивным, а не консервативным; всегда наступать и не быть пассивным; быть космополитом, а не национально ограниченным; ценить полезное и пренебрегать бесполезным; мыслить научно, а не фантазировать.

Поясняя свой первый принцип, он писал: «Все люди равны. Каждый имеет право быть свободной личностью, но совершенно не имеет права поработать других». Чэнь Дусю призывал к «полному освобождению» личности. «Освобождение означает свободу от рабской зависимости и достижение полной независимости и свободы личности, — писал он. — У меня есть руки и ноги, и я могу сам заработать на жизнь. У меня есть рот и язык, и я могу выражать свои собственные симпатии и антипатии. У меня есть разум, и я могу определить свое собственное мнение». Чэнь Дусю выступал против рабского угодничества перед конфуцианскими канонами. Он призывал молодежь стать «хозяевами своей воли», бороться с суевериями, со слепым повиновением. «Все поведение человека, все права, обязанности, убеждения должны определяться его сознанием и не должны зависеть от чужих принципов». По мнению Чэнь Дусю, главными тормозами, сдерживавшими движение страны по пути социального прогресса, являлись отсутствие в Китае свободы личности, консервативность мышления и мировоззрения, пассивность социального поведения, национальная ограниченность, занятия, не приносящие пользу обществу, отсутствие научного подхода к явлениям природы, засилье конфуцианских догм, господство суеверных представлений. Все это, считал он, сковывало инициативу, творческую энергию китайской молодежи, мешало ей играть активную роль в преобразовании китайского общества. Призыв Чэнь Дусю к решительному отказу от традиционных норм социального поведения имел ярко выраженную антифеодалную окраску.

«Обращение к молодежи» имело ясную и определенную цель — всеми возможными средствами вовлечь китайскую молодежь в борьбу с феодальной идеологией, которую революция 1911 г. поколебала, но не опрокинула. «В настоящее время наша страна еще не пробудилась от длительного сна и сама себя изолировала, одобряя старые законы, — писал Чэнь Дусю. — Вся наша традиционная этика, законы, обряды, обычаи являются пережитками феодализма. Когда сравнивают наши достижения с достижениями белой расы, то виден разрыв в идеологии в тысячу лет, хотя мы живем в одно и то же время. Благоговей перед историей двадцати четырех династий и не строя планов развития и улучшения, наш народ будет изгнан из этого мира двадцатого века и застрянет в канаве, годный только на то, чтобы быть рабом, скотом и лошадью». Чэнь Дусю решительно выступал против изоляции Китая от других стран, от достижений западной культуры и науки. Сетую по поводу «отсутствия знаний о мире» у китайской молодежи, он воскликнул: «Когда гражданам страны

недостает знаний о мире, нация не сумеет существовать даже в своей собственной стране!»⁴

Вместе с другими передовыми интеллигентами того времени Чэнь Дусю стремился по-новому подойти к решению различных социально-экономических и идеологических проблем китайского общества. Он считал, что понимание сущности нового, его критическая оценка немислимы без серьезного научного подхода. Он пропагандировал научный подход ко всем социальным и естественным явлениям, говоря, что только такой подход является наиболее разумным и позволяет навсегда покончить с суевериями, созданными воображением.

В эти годы многие представители китайской интеллигенции еще не освободились полностью от влияния конфуцианства, в их среде было немало его убежденных сторонников. Статья, разоблачавшая реакционную сущность феодальной политики и идеологии, призывавшая к движению за «новую культуру», нашла горячий отклик среди передовой китайской молодежи, стимулировала рост демократических настроений, вызывала в людях страстную тягу к свободе и равенству, стремление к прогрессу и поискам истины.

В «Обращении к молодежи» и в своих последующих статьях Чэнь Дусю главным образом пересказывал идеи европейских философов и социологов. И все же в условиях Китая того времени даже простой пересказ западных идей, сопровождаемый требованиями применить их для решения национальных проблем, был прогрессивным. Особое значение имели призывы Чэнь Дусю к молодежи занять активную общественно-политическую позицию, заняться наукой и выработать критический подход к устаревшим традиционным формам мышления и поведения.

Призывы к борьбе с конфуцианской идеологией и феодальной моралью, безусловно, являлись положительными моментами в «Обращении к молодежи». Однако следует заметить, что Чэнь Дусю, увлеченный борьбой с реакционными традициями, не замечал или не хотел видеть ничего ценного в китайской культуре. Он писал, что Китай может достичь обновления только путем полного отказа от своей национальной культуры и приобщения к западной культуре.

После выхода первого номера «Синь циннянь» с программной статьей журнал сразу же завоевал популярность не только в крупных городах — Пекине и Шанхае. Его восторженно воспринимали во многих провинциях и районах страны. Журнал не заострял особого внимания на политике, избегал прямых выпадов против правительства Юань Шикая. Целью этого печатного издания, как указывалось в первом номере, была реформация идей и воспитание молодежи, а не критика политики правительства. В заметке, также опубликованной в № 1, Чэнь Дусю заявлял, что журнал не ставит своей задачей бороться с монархизмом. Однако различного рода антимонархические высказывания постоянно встречались в отдельных статьях и особенно в таких разделах, как «Письма к редактору» и «События в нашей стране».

Осторожное отношение журнала к политике можно объяснить не только цензурными правилами, но и тем, что Чэнь Дусю и другие члены редколлегии журнала полагали, что корни китайских проблем лежат намного глубже сферы общественно-политического устройства, они — в сфере старых традиций, общественной психологии, поэтому видели выход в идеологическом пробуждении китайской молодежи. Основной своей задачей журнал считал борьбу с традиционной феодальной идеологией и пропаганду новых идей, а практическую политическую борьбу считал делом второстепенным. Однако, несмотря на то что прямые призывы против правительства Юань Шикая и засилья милитаристских группировок

⁴ Чэнь Дусю. Обращение к молодежи. — «Синь циннянь», т. 1, 1915, № 1, с. 1—4.

не выдвигались, пропаганда, проводимая журналом, была в какой-то степени связана с антимонархической борьбой, так как «Синь циннянь» провозглашал демократические идеи и высказывался за образование демократической республики. Заслуги журнала в тот период заключались главным образом не в непосредственном влиянии на политическую жизнь, а в развертывании широкой идейной борьбы против канонизма феодализма, вызвавшей подъем массового движения за «новую культуру». В статьях, опубликованных на страницах «Синь циннянь», отразился постепенный рост влияния демократических сил в духовной жизни Китая.

Интересен в этом отношении 1-й том «Синь циннянь». На обложке его первых номеров была изображена группа юношей, сидящих за длинным столом и оживленно беседующих. Выше этого изображения расположено французское название журнала «La jeunesse», внизу — нотная строка, увитая ветками лавра (какую мелодию отражает эта строка, до сих пор выяснить не удалось). Справа находилось китайское название — «Циннянь», а слева — том и номер журнала. В нижней части обложки указывалось название книжного издательства («Цюнь шушэ») и место издания.

В центре обложки помещался портрет какого-либо деятеля или писателя. Подборка портретов определялась содержанием публикуемых материалов. На обложке первого номера «Синь циннянь» был напечатан портрет А. Карнеги⁵, а в номере помещена статья о нем с перечнем его трудов.

На обложке второго номера был помещен портрет И. С. Тургенева (с первого номера в журнале печаталась его повесть «Вешние воды»). На обложке третьего номера был помещен портрет Оскара Уайльда (со второго по шестой номер публиковалась его сатирическая комедия «Идеальный муж»). В четвертом номере был напечатан портрет Льва Толстого. В номере пятом — Б. Франклина (выдержки из его автобиографии публиковались в этом же номере).

Такого вида обложка существовала до сентября 1916 г., когда журнал окончательно был переименован из «Циннянь» в «Синь циннянь». Изменением названия редакция стремилась опереться на новую молодежь, ту свежую силу, которая должна была взять в свои руки дело обновления Китая. После переименования журнала внешний вид его изменился. В верхней части обложки помещалось название, набранное крупными иероглифами, под ним шло прежнее название на французском языке — «La jeunesse», а ниже — сообщение о том, что главным редактором являлся Чэнь Дусю. В центре обложки вместо портретов теперь печаталось оглавление данного номера, а под ним — прежнее название журнала, том и номер данного выпуска и название издательства.

В первом томе журнала два-три листа занимала разнообразная реклама изданий словарей, в основном англо-китайских, учебников по физике, химии, географии, справочников по торговле, политике, праву. Больше внимание уделялось книгам, выпускаемым тем же издательством «Цюнь шушэ». После рекламы снова повторялось оглавление. Реклама вклинивалась в нескольких местах в середине журнала, и последние два листа тоже отводились под нее. В последующих томах объем рекламы заметно сократился.

Как указывалось выше, первый номер «Синь циннянь» открывался «Обращением к молодежи». Следом помещалась другая статья Чэнь Дусю — «Французы и современная цивилизация». В начале XX в., до Октябрьской революции, влияние идей французской революции на молодых китайских интеллигентов почти не имело себе равных. Оно распространялось и на значительное число политических деятелей, например

⁵ А. Карнеги — американский миллионер. Привлек к себе внимание редакции журнала своей «просветительской» деятельностью.

Лян Цицао. Чэнь Дусю, изучив французский язык, стал страстным пропагандистом французской культуры. Впоследствии Ху Ши писал, что Чэнь Дусю «находился под большим влиянием французской культуры; он мог свободно читать на английском и французском языках»⁶. Франция привлекала Чэнь Дусю тем, что она, по его мнению, была родиной демократических прав, принципов свободы, равенства, братства, которые должны восторжествовать во всем мире. Поэтому он был уверен, в частности, что в мировой войне демократическая Франция неизбежно победит милитаристскую Германию⁷.

В трех номерах первого тома «Синь циннянь» публиковалась статья профессора Пекинского университета Гао Иханя «Республика и самосознание молодежи». Эта статья была посвящена проблемам демократических преобразований в Китае и роли молодежи в этих преобразованиях. Основная мысль статьи заключалась в том, что процветание или увядание государства с монархическим строем зависит исключительно от одной личности, в руках которой находится власть. А процветание республиканского государства зависит от всего народа в целом. Государственный строй республики зиждется на общественном мнении всего народа, поэтому основа такого государства надежна и прочна и можно не опасаться ее краха.

Решение задачи преобразования государства Гао Ихань в первую очередь возлагал на молодежь, которая еще «не отравлена ядом абсолютизма и у которой еще, возможно, появится сознание»⁸. Основной упор автор делал на развитие самосознания молодежи, путь к которому лежит через преумножение знаний.

В журнале «Синь циннянь» большое внимание уделялось знакомству читателей с русской литературой. В первых номерах журнала вслед за публикацией «Вешних вод» И. С. Тургенева был помещен и перевод его повести «Первая любовь». Китайских литераторов привлекали не только блестящая форма этих произведений, их художественные достоинства, но прежде всего их идейная направленность. Настроения многих тургеневских героев были созвучны настроениям молодых китайских интеллигентов, чувствовавших себя духовно угнетенными в условиях китайской действительности.

Подбор переводов западной литературы часто оказывался случайным, определялся индивидуальными вкусами и симпатиями переводчиков или редакторов журнала, их стремлением познакомить китайского читателя с модными новинками. Наряду с «Идеальным мужем» в первом номере был помещен перевод Чэнь Дусю произведения некоего французского журналиста «Размышления о женщинах». Затем следовала в его же переводе статья «История современной культуры» — одна из глав работы французского ученого Ш. Сеньбоза⁹.

В последующих номерах первого тома журнала были опубликованы переводы американского национального гимна, песен из поэтического сборника Рабиндраната Тагора «Гитанджали» (перевод Чэнь Дусю), перевод с английского статей «Научный дух в современной идеологии» Т. Гексли, перепечатка из лондонской прессы «Кровь и железо», отрывок из автобиографии Б. Франклина, правила поведения английских бойскаутов и т. п. Отдельно следует упомянуть о публикации речи ирландского литератора Э. Бёрка (1730—1793) в поддержку борьбы американских

⁶ In: Chow Tse-tung. Op. cit., p. 398.

⁷ См.: Чэнь Дусю. Французы и современная цивилизация. — «Синь циннянь», т. 1, № 1, с. 1—2 (нумерация страниц в журнале повторялась в каждой статье).

⁸ Гао Ихань. Республика и самосознание молодежи. — «Синь циннянь», т. 1, № 1, с. 1.

⁹ Ch. Seignobos родился в 1854 г., французский ученый-литературовед, преподавал в Парижском университете.

поселенцев¹⁰. Чэнь Дусю и другие сотрудники «Синь циннянь» в этот период придавали особое значение свободе личности и негодовали против любого вида рабства.

Переводы, публиковавшиеся в журнале «Синь циннянь» тех дней, в полной мере отражали обилие противоречивых идей и взглядов среди китайской интеллигенции 1915 — 1916 гг., и наглядно иллюстрировали широкий процесс «поиска истины», который происходил в китайском обществе. И все же в большинстве случаев для перевода и публикации отбирались те произведения, которые в той или иной степени должны были способствовать популяризации принципов, провозглашенных в «Обращении к молодежи».

Задачам, намеченным в программной статье, соответствовали и сами материалы, и постоянные разделы и рубрики: «События за рубежом», «События в нашей стране», «Зарубежные новости», «Письма к редактору». В разделе «События за рубежом» помещался обзор событий, казавшихся важными редакции журнала. В первом томе это — государственный переворот в Португалии, биография нового президента Португалии, события на Балканском полуострове, деятельность японских молодежных организаций, ослабление англо-французского влияния в Персии, политический кризис во Франции, совещание по военным вопросам министров Англии и Франции, положение в Сербии, введение обязательной военной службы в Англии, проблема президентских выборов в Америке и т. д. «Синь циннянь» внес немалый вклад в расширение кругозора китайского читателя.

Раздел «События в нашей стране» отражал важные текущие вопросы и пропагандировал идеи, волновавшие прогрессивные круги мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции. В первом томе «Синь циннянь» этот раздел освещал следующие проблемы: государственное устройство (в № 1, 2, 3, 5), доказательства ненужности абсолютизма в Китае, результаты переговоров о таможенных делах в Циндао, о проекте конституции, о китайско-русских переговорах, о китайско-японской банковской политике, о китайско-английском совещании по «тибетскому вопросу», о создании министерством просвещения отдела по пропаганде и изучению азбуки «чжунь цзыму» и т. п. Этот материал затрагивал многие стороны жизни китайского общества. Оба раздела вел Чэнь Дусю.

Под рубрикой «Зарубежные новости» в журнале «Синь циннянь» публиковались разнохарактерные сообщения. Этот раздел вел Ли Иминь, автор многих статей в «Синь циннянь». Благодаря симпатии Чэнь Дусю и других сотрудников журнала ко всему, что касалось Франции и французского народа, в разделе большое внимание уделялось этой стране. Вот соответствующие заголовки: «Обстановка в Париже», «Характерные черты французов» (в двух номерах), «Парижские парки», «Триумфальная арка в Париже», «Парижские монастыри», «Версаль», «Политические партии во Франции», «14 июля в Париже» и т. п. Некоторое внимание уделялось и германским проблемам, были опубликованы заметки о германском императоре, военных деятелях, о германской социал-демократии и т. д.

Любопытен раздел «Письма к редактору». В нем публиковались одно-два письма читателей, в основном молодежи, к редактору «Синь циннянь», и следом помещался ответ Чэнь Дусю. «Письма к редактору» с самого начала выхода журнала стали действительной общественной трибуной, где обсуждались важные проблемы социального и культурного развития Китая.

Содержание и характер публикуемых материалов, сама форма журнала, тон и направленность его статей сразу же выделили «Синь циннянь».

¹⁰ Дух свободы в американских колониях. — «Синь циннянь», т. 1, 1916, № 6, с. 1—11.

нянь» из массы других периодических изданий. Современники оценивали его как своеобразную идеологическую бомбу, своим взрывом потрясшую привычные устои, многовековую дрему китайского общества.

«Письма к редактору» писались молодыми людьми, многие из которых стали впоследствии видными политическими деятелями.

Один из первых организаторов и руководителей КПК — Чжан Готао в своих воспоминаниях писал: «Весной 1917 г. я увидел журнал «Синь циннянь» и с первого взгляда почувствовал, что его содержание совпадает с моими взглядами. Посмотрел его содержание и понял, что оно в точности соответствует потребностям всех молодых людей того времени»¹¹.

Каждый новый номер журнала воспринимался читателями как событие. «Он дошел до нас, — восклицал один из читателей, — как удар грома, который будил нас, погруженных в мечты». Для молодежи журнал стал выразителем ее интересов и надежд. Как только новый номер «Синь циннянь» появлялся в продаже в книжных магазинах, молодые китайские интеллигенты спешили купить его и, просматривая, «не могли удержаться от восторга», как если бы получили какую-то «ценную вещь»¹². «Сегодня вышел пятый номер журнала, — писал один молодой человек редактору, — и я купил и серьезно прочитал его. Вы должны знать, что до этого я спрашивал его в книжном магазине несколько раз, никак не мог дожидаться выхода журнала. После того как я прочитал несколько страниц, я почувствовал, что каждая строка глубоко проникла в мой разум. Я был так сильно затронут и возбужден, что страстно пожелал ознакомиться с журналом как можно более широкую общественность»¹³.

О желании распространять «Синь циннянь» среди своих друзей и родных писал также Чжан Готао. «Приехав в Пекин, — писал он, — я каждую неделю отсылал моему отцу просмотренные газеты и новые книги. В дальнейшем среди высылаемой литературы основное место занял «Синь циннянь»»¹⁴.

«Письма к редактору», помещенные в «Синь циннянь», отражали рост интереса китайской молодежи к идеям, отличавшимся от тех, которые им прививали с детства, и свидетельствовали о том, что наиболее активная часть китайского студенчества постепенно понимала необходимость перейти к организованным действиям.

Начиная с 1917 г. многие молодые люди умеренных и либеральных взглядов начали создавать различные организации и общества, которые вдохновлялись журналом «Синь циннянь» или были организованы под его прямым влиянием.

Среди членов этих обществ, активных участников «движения 4 мая», были Чжан Тайлэй, Цюй Цюбо, Пэн Бай, Юнь Дафин — в будущем видные деятели КПК.

Рассмотрение первого тома журнала помогает представить себе, насколько широк и разнообразен был круг вопросов, охватываемых «Синь циннянь», свидетельствует о своеобразном энциклопедизме авторов статей. Хотя в редакции имелось некоторое разделение труда, основные ведущие авторы выступали по самым различным проблемам. Диапазон их интересов включал вопросы политического характера, социологические и философские идеи, литературные и художественные концепции. Авторы журнала выступали как популяризаторы и пропагандисты новых идей в области всех сфер социально-политических и культурных знаний, смело брались за разработку любой темы, которая, по их мнению, способствовала пробуждению китайского общества.

¹¹ Чжан Готао. Мои воспоминания. — «Миньбао», 1966, № 4, с. 84.

¹² In: Chow Tse-tsung. Op. cit., p. 73.

¹³ «Синь циннянь», т. 2, 1916, № 1, с. 6.

¹⁴ Чжан Готао. Указ. соч., с. 85.

В последующие годы журнал «Синь циннянь» проделал путь от пропаганды буржуазно-демократических идей к распространению революционно-демократических идей и перешел на позиции марксизма.

В китайской печати последних лет дается высокая оценка журналу «Синь циннянь». Он характеризуется как одно из важнейших революционных изданий в новейшей истории Китая. Автор многочисленных работ по истории «движения 4 мая», Дин Шоухэ, писал, что «в течение десяти лет этот журнал высоко нес знамя Демократии и Науки, был факелом просветительского движения, поднял великое знамя марксизма, открыл новую главу в китайской революции»¹⁵.

Исследование статей и материалов, печатавшихся на страницах «Синь циннянь» в период его становления, подтверждает мнение о той важной роли, которую этот журнал играл в формировании передовой общественно-политической мысли Китая в первые десятилетия XX в. Поднятое «Синь циннянь» движение за «новую культуру», за «Науку и Демократию» подготовило идейную почву для восприятия передовой частью китайской интеллигенции марксистско-ленинских идей и создало предпосылки для организации Коммунистической партии Китая.

---

¹⁵ Дин Шоухэ. Чэнь Дусю хэ Синь циннянь (Чэнь Дусю и «Синь циннянь»). — «Лиши яньцзю», 1979, № 5, с. 37.

Труды и дни Николая Спафария

В. С. МЯСНИКОВ,
доктор исторических наук
В. Н. ТАРАСОВ

...Почти месяц спустя, 15 мая 1676 г., посольский караван вступил в столицу Китая. Цинские дипломаты поначалу решили склонить Н. Спафария к тому, чтобы он передал привезенную им царскую грамоту в Либу (Министерство церемоний). Но, зная позицию русского дипломата в этом вопросе, они несколько видоизменили процедуру: в отличие от приема Ф. И. Байкова грамоту должны были принять два члена Нэйгэ (Государственной канцелярии) более высокой инстанции. По прибытии посольства в Пекин Мала решил, что русский посол теперь в зависимости от цинской дипломатии, и отбросил даже показное дружелюбие. Он заявил, что будто бы еще в Науне у него был императорский указ, гласивший, что если грамота царя содержит «угрозы или непристойные речи», то посла «прогнать назад тотчас», а самому Мала «собрать войско, сколько мочпо, великое, и идти под Нерчинской и под Албазинской остроги и их до основания разорить»¹. Он заявил также, что если посол не согласится идти с грамотой в Либу, то будет изгнан из Пекина, как Ф. И. Байков. Н. Спафарий отвел эти угрозы, напомнив, что русские остроги не так просто разорить, в чем маньчжуры убедились при осаде Усть-Кумарского острожка в 1658 г. Русский посол заявил, что если бы требование отдать грамоту «в приказе» (то есть в Либу) было категорически выдвинуто перед ним на границе, то он в Пекин и не поехал бы. Теперь же все равно он царскую грамоту «добровольно не отдаст в приказе». Спафарий подчеркнул, что при ответном посольстве царское правительство будет воздавать цинским послам равную «честь». Но это не произвело на цинских дипломатов ни малейшего впечатления, так как их позиция, очевидно, строилась на отказе от установления регулярных связей с Русским государством. Во время последовавших двухнедельных споров речь, по существу, шла уже о другом — о нежелании признать Русское государство равным по статусу империи Цин. «Они от своего предложения не хотят отступить для того, чтоб не учинилась равность меж обоим великих государей». — записал русский посол.

Затем цинская дипломатия решила продемонстрировать гибкость. 27 мая Мала привез Спафарию «свой» план передачи царской грамоты: вручить ее предлагалось в одном из зданий Императорского города, положив грамоту и «поминки» в определенном месте, где их примут канцлеры Нэйгэ, а император, уверяли маньчжуры, будет находиться поблизости, и грамоту тотчас передадут ему. Наказ русского правительства Спафарию предусматривал вариант, когда он мог вручить царскую грамоту «хановым ближним людям», если таков непреложный обычай в Цинской империи и если при этом не будет послов других государств. В таком случае посол должен был понизить уровень своего представи-

Окончание. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 2.

¹ Русско-китайские отношения. т. 1. 1608—1683, М., 1969, с. 373, 410.

тельства до посланника. Чтобы продвинуть ход посольства и по настоянию ряда членов посольства Спафарий согласился с «планом Мала», хотя не мог не знать, что Мала постоянно дезинформировал его. Об этом не раз предупреждал тамошний голландский миссионер иезуит Ф. Вербист. Делал он это со своих позиций, не желая нормализации русско-китайских отношений. Вербист, например, убеждал Спафария в том, что императору будто бы даже не решаются доложить просьбу посла об аудиенции и вручении царской грамоты. На самом деле Сюань Е постоянно совещался с сановниками по этому поводу. О том, что Мала лгал, свидетельствуют и секретные цинские документы того периода. Определенное сознание того, что Мала лжет на каждом шагу, все же пришло к Спафарию: «Ему, асканьяме, что говорит, ни в чем не верят», «а воровал (обманывал. — Авт). он, асканьяма, с толмачами вместе»². Мала же все время убеждал Спафария, что так Цины не принимали еще ни одно посольство. Спафарий же был озабочен главным образом тем, чтобы богдыхан во время этой процедуры находится поблизости, чтобы в этом можно было убедиться и чтобы Сюань Е, по обычаю европейской дипломатии, спросил о «здравии» русского царя. В конце концов русский посол выполнил первое требование цинской дипломатии, он отдал царскую грамоту и «поминки» 5 июня, до императорской аудиенции.

Перевод царской грамоты на маньчжурский и китайский языки представлял любопытный образец деятельности цинской дипломатии. Он был выполнен так, что документ звучал как набор униженных извинений и просьб. В этом свете миролюбивое содержание русского документа, по мнению цинской дипломатии, свидетельствовало о том, что у русских нет иного пути решения изобретенных маньчжурами проблем Приамурья, кроме уступок домогательствам Цинской империи. В Пекине и само посольство, и дипломатический такт его главы истолковали как искусно прикрытую слабость Русского государства³.

8 июня Н. Спафарий вручил цинским чиновникам «выписку» на латинском языке из «наказной памяти» русского правительства, которая, собственно, и выражала существо миссии Спафария, — конструктивные предложения об установлении регулярных и всесторонних межгосударственных отношений России с Китаем. Цины дали отрицательный ответ, и то лишь в начале августа.

Императорская аудиенция 15 июня явилась кульминацией переговоров. Этот прием не был специально организован для русского посольства. По придворному этикету Сюань Е 5, 15 и 25 числа каждого месяца «жаловал» имперских чиновников. В указанный день во дворце Тайхэдянь уже после приема чиновников «его величеству засвидетельствовало свое почтение прибывшее из Русского государства и представившее дань посольство белого царя»⁴. По этому поводу на следующий день Спафарий резко указал Мала, что даже по сравнению с церемонией передачи русской грамоты 5 июня «честь» ему на аудиенции «меньши гораздо учинилась». Мала оставался невозмутим, все шло по разработанному им плану — посол выполнил почти весь церемониал «даннического посольства», а от обсуждения вопросов, интересовавших русского посла, цинская дипломатия по-прежнему уклонялась. Имперские документы по-своему отразили суть происшедшего: «Русский белый

² РКО, с. 403, 408, 410.

³ См.: «Китайская реляция»..., с. 210; «Китайские документы»..., с. 20а—21б. Освоение русскими Приамурья и принятие в русское подданство местного населения вызвали враждебную реакцию со стороны цинского правительства, готовившегося к осуществлению обширных захватнических планов на севере и северо-востоке, в том числе в Приамурье. Это создавало напряженную внешнеполитическую обстановку в регионе. (См.: В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984, с. 82, 117.)

⁴ «Да Цин Шэнцзу жэньхуанди шилу», цзюань 61, л. 6б.

царь чаханьхан прислал своего сановника Николая Гавриловича представить местные произведения в качестве дани и поднести грамоту. В грамоте пишет: «Русское захоlustье находится очень далеко, с древности никогда не имели связей с Китаем, не знаем китайского языка, не знаем, в какой форме подносить грамоты. Ныне специально обращаемся к цивилизации (то есть к Цинам, весь прочий мир традиционно считался нецивилизованным, варварским. — Авт.) с искренним желанием иметь сношения, направляя посольство с данью». В день представления ему русского посланника Сюань Е издал специальный указ: «Местоположение Русского государства весьма отдаленно. Тем не менее они искренне обратились к цивилизации, специально направили своего сановника поднести в качестве дани местные произведения. Это достойно всяческой похвалы. Доложившим об этом членам Государственного совета вновь обсудить и донести»⁵.

Итак, грамоту посланник вручил, не получив ответа от адресата, на аудиенции побывал, но не был принят императором. Участники посольства находились почти в заточении, торговые операции под разными предложениями не допускались цинскими властями.

Затем 6 июля Амухулан и Мала, возобновив переговоры, стали выяснять у русского посланника, готов ли царь обменять пленных и перебежчиков, «буде они прямые никанские [китайские] или богдойские [маньчжурские]». Спафарий изложил четкую позицию своего правительства по вопросу о перебежчиках, гарантировав возврат действительно цинских подданных во имя дружбы и мира между обоими государствами. Кажалось, стороны пришли к соглашению по одному из наиболее деликатных вопросов.

Через день состоялся прием посла в Либу. От Спафария и здесь потребовали выполнить «коутоу», но он после долгих споров согласился лишь на трехкратное поклонение вместо девятикратного, составшись в качестве прецедента на прием голландского посольства. Для цинской дипломатии это уже не играло существенной роли, ибо главные процедуры посланником были исполнены 5 июня.

Теперь Спафарий сосредоточил свои усилия на том, чтобы добиться разрешения на ведение торговли и на свободный выход членов посольства с территории «двора», где они были размещены. Стояло исключительно жаркое лето, среди спутников посланника участились болезни, порой со смертельным исходом. Товары, привезенные для продажи, портились, и их пришлось бы отдавать за бесценок. В Пекин прибыл очередной бухарский караван, что также ухудшало торговую конъюнктуру. Но цинские чиновники не намеревались ни в чем пойти навстречу пожеланиям посланника. Когда Н. Спафарий в очередной раз обратился к Амухулану и Мале с просьбой позволить свободный торг, «алпхамба говорил, что-де то дело у асканьямы, а асканьяма говорил, что-де у алихамбы».

Цинские дипломаты не выпускали из рук «торговое» орудие воздействия на посла — то искусственно созданное ими препятствие, преодоление которого отвлекало русское посольство от главной цели и для избавления от которого оно должно было бы пойти на уступки в нужных для Цинов вопросах. Мала вообще заявил, что, возвратившись в Москву, посланник может «объявить» царю: «Буде изволит впредь посылать послов — добро, а буде не изволит, и то на ево воли». В конце июля — начале августа цинская сторона фактически прервала переговоры. Мала не появлялся у посла, ссылаясь на нездоровье. Между тем именно в эти дни при дворе шло обсуждение хода переговоров и предложений русского правительства о развитии связей с империей Цин, переданный Спафарием еще 8 июня. Амухулан и другие чиновники Лифаньюаня в докладе императору от 28 июля подчеркнули что не следует готовить от-

⁵ «Дунхуа лу, Канси», цюань 17, л. 176.

ветное посольство в Москву, а достаточно ограничиться вручением посланнику императорского указа, в котором можно похвалить «белого царя» за предоставление «дани» и присылку грамоты со специальным послом. Члены Государственного совета согласились с мнением Лифаньюаня. Таким образом, итог посольства был предопределен. Цинская дипломатия, настаивая на частичном исполнении церемониала «данических государств», отказалась от развития нормальных дипломатических отношений ради планов военного решения «амурской проблемы», созданной ею же.

Заключительный период пребывания посольства Н. Г. Спафария в столице Цинской империи был исполнен драматической борьбы посланника за сохранение престижа Русского государства. 12 августа Мала объявил Спафарию, что на следующий день состоится процедура вручения ответных подарков богдыхана русскому царю. В Лифаньюане «справились» в уложениях империи и приравнивали московского царя к одному из вассальных ханов. Хотя Мала и подчеркнул, что из «особого» уважения к русскому царю отдаривание будет производиться не в Лифаньюане, а в Цзыцзиньчэне (Пурпурном Запретном Городе), на том же месте, где принимали грамоту и поминки от царя, однако Спафарий верно разгадал смысл предстоящей церемонии. Когда после трехчасового ожидания под дождем принесли императорские дары, Амухулан, вручивший их, потребовал, чтобы посланник «припал на колени (на том месте были и грязи) и принял бы поминки, которые посылает бугдыхан к великому государю, потому что у них обычай таков, что всех государей послы припадают на колени и так принимают поминки к своим государем». Русский посланник категорически отказался уронить престиж своей страны, он ответил, что «от того учинится позор великому государю, а принимают так поминки подданные от государей своих, а которые равны, принимают, как ведется во всем свете, друг от друга и сосед от соседа как отдал и от страны царского величества поминки ему, алихамбе, а не велел никому пасти на колени принять»⁶. Глава Лифаньюаня Амухулан не ожидал такого поворота событий, не нашелся, что ответить русскому посланнику, и молча передал ему по росписи поминки богдыхана, затем направился в богдыханские покои для доклада. Сюань Е срочно послал за Мала, чтобы попытаться уговорить посланника выполнить предложенный ритуал. Но Спафарий оставался тверд. Тогда цинские дипломаты, забрав уже врученные поминки, попытались отнять у посланника и их роспись, но и это им не удалось. Цинская дипломатия явно «потеряла лицо». Чтобы как-то оправдаться, чиновники разъяснили посланнику, что подарки были взяты обратно, так как не все они были готовы и к ним добавятся новые. Однако Спафарий, сохранивший роспись, смог проверить эту версию и убедиться в ее несостоятельности. 16 августа ему были переданы те же предметы и в том же количестве. Посланник принял поминки царю стоя. Он был готов выполнить требуемый Цинами церемониал при вручении поминков ему лично, однако цинские дипломаты и в этом случае разрешили ему получить их по русскому обычаю. В докладе императору чиновники Лифаньюаня указали, что они якобы внесли изменения в номенклатуру и количество «жалованья» русскому царю.

1 сентября Амухулан подтвердил отказ цинского правительства дать посланнику ответ на грамоту царя и предложения о развитии отношений между двумя государствами. Возвращение Гантимура, беспрекословное подчинение цинскому дипломатическому этикету (то есть признание статуса зависимости от Цинов), свертывание хозяйственного и административного освоения русскими Приамурья являлись непреложными требованиями, а до тех пор, подчеркнул глава внешнеполитического ве-

⁶ РКО, с. 435.

домства цинского Китая, «чтоб отнюдь никакие люди от вас ис России и ис порубежных ни с какими делами и с торгом не приходили, потому что указ богдыханов так постановлен». Таким образом, для оказания нажима на русское правительство Цинская империя в одностороннем порядке объявила о фактическом отказе от дипломатических и торговых связей с Русским государством.

Спафарий так и не дождался ответной грамоты богдыхана Сюань Е царю Алексею Михайловичу. Цины отказались и вести переговоры о взаимовыгодной торговле, разрешив русским «торг» только в виде поднесения цинскому императору поминков, которые они воспринимали как дань от вассального государства.

Того же 1 сентября 1676 г., под торопливым нажимом цинских властей, посольство Спафария выехало из Пекина. 5 января 1678 г. Спафарий благополучно прибыл в Москву⁷.

Это посольство в Цинскую империю, во время которого фактически впервые велись официальные переговоры между представителями обеих стран, имело важное политическое и научное значение. Хотя непосредственная цель его и не была достигнута, зато со всей очевидностью выявилось принципиальное различие в позиции сторон во время обсуждения главных вопросов. Н. Г. Спафарий не мог добиться решения главного вопроса — установления с Цинами дружественных дипломатических и торговых отношений, так как Сюань Е уже тогда разработал стратегический план насильственного захвата российского Приамурья. Другие указы и поручения русского правительства посольство Спафария выполнило с честью. Опыт дипломата, твердый характер и необычайная проницательность позволили Спафарию в труднейшей ситуации не только не уронить престиж Русского государства, но и показать достоинство и миролюбие русской дипломатии, отличавшие ее от цинской. Иезуиты, присутствовавшие на переговорах, характеризовали Спафария как личность, выдающуюся по своей образованности и дипломатическому искусству⁸. Московское правительство отвергло клеветнические наветы цинских дипломатов на русского посла и отнюдь не лишило его доверия. Спафарий был награжден за «китайскую посылку» и продолжал состоять на службе в Посольском приказе вплоть до своей смерти в 1707 г.⁹ В последние годы жизни он неизменно пользовался доверием Петра I, выполняя переводы самых ответственных документов Посольского приказа и готовил себе на смену молодых переводчиков.

Посольство Н. Г. Спафария явилось важным моментом в истории русско-китайских отношений XVII в. и положило начало официальным сношениям между Москвой и Пекином. Опыт переговоров Спафария и все материалы посольства впоследствии широко использовались русской дипломатией. Посол Ф. А. Головин при заключении Нерчинского договора с Цинской империей (1689) имел при себе копию «Статейного списка» Спафария и на переговорах часто ссылался на своего предшественника. Благодаря опыту посольства Спафария тот же Ф. А. Головин, а позднее и С. Л. Владиславич-Рагузинский, заключивший с Цинами Кяхтинский договор (1727), полностью парировали уловки цинской дипломатии. Посольство Н. Г. Спафария открыло кратчайший путь до цинских рубежей (через Селенгинск на Монголию). Этим путем сразу же предписано было воспользоваться миссии Н. Венюкова и И. Фаворова (1685), направленной в Пекин в связи с начавшейся цинской агрессией на Амуре.

* * *

⁷ См.: Ю. Арсеньев. Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671—1708). М., 1900, с. 3.

⁸ См.: РКО, т. 2, М., 1972, с. 708—709.

⁹ См.: РКО, т. 1, с. 521—522.

Посольство Спафария явилось также первой в своем роде русской научной экспедицией. Его труды послужили ценным вкладом не только в русскую, но и в мировую науку того времени. Они были опубликованы в России и в Западной Европе. На протяжении нескольких веков их штудируют ученые многих стран как важнейший, энциклопедический источник по истории русско-китайских отношений конца XVII в., по географии, этнографии, истории Сибири и Китая, Восточной Азии в целом. Используются труды Спафария и языковедами, например при составлении «Словаря русского языка XI—XVII вв.»¹⁰. Широкая образованность, знание многих языков, огромная эрудиция, острая наблюдательность и яркий талант ученого — изыскателя письменных и устных источников — все это позволило Н. Г. Спафарию в короткий срок написать ценные труды о своем посольстве в Китай. Возвратившись в Москву, Спафарий подал в Посольский приказ четыре рукописные «книги» и «общий свободный чертеж» о главных путях из Москвы в Пекин. Из всех этих материалов до сих пор не обнаружены «Особая книга» (так Спафарий называл, вероятно, чертежную книгу, собранную из маршрутных чертежей от Тобольска до Пекина) и «общий свободный чертеж», скорее всего на одном листе. Остальные три «книги» дошли до нас главным образом в виде многочисленных списков XVII—XVIII вв. Это — «Статейный список» (отчет, названный автором «Китайской книгой»), «Дорожный дневник», веденный от Тобольска до Нерчинска, и «Описание Китайского государства» в 59 главах. Последней главой этого сочинения является «Сказание о великой реке Амуре». В этом же сочинении — «Татарская книжица» (так назвал Спафарий свой перевод с латинского 1-й части сочинения иезуита М. Мартини «*De bello Tartarico historia*» (Coloniae, 1654). Весь этот ценнейший материал был тогда воспринят как самая новая и достоверная информация о русских владениях в Сибири, о путях в Китай, о самом Китае и о пограничных с ним государствах. Русские власти использовали эти труды для подготовки последующих посольств в Китай и Персию. Эти и подобные им материалы в России долгое время не издавались, так как считались секретными. Тем не менее наиболее пронырливые представители тех западных стран, которые интересовались новыми рынками и колониями, ухитрились заполучать сведения о Востоке, добытые российскими посланцами, торговыми и служилыми людьми. Таким образом, некоторые из трудов Спафария довольно быстро распространились в Европе.

Французский иезуит Ф. Авриль, дважды посетивший Россию в конце 80-х годов XVII в. и тщетно добивавшийся разрешения на проезд в Китай, сумел познакомиться с трудами Спафария в одной из московских «канцелярий» (возможно, даже в Посольском приказе). Он издал книгу, в которой опубликовал заимствованные у Спафария сведения о соседних с китайцами народах, а также о путях в Китай¹¹. Академик П. П. Пекарский указывал, что «дороги в Китай описаны у Авриля совершенно одинаково с рукописью, хранящейся в Публичной библиотеке в С.-Петербурге (рукопись № 1716 — «Книга история, а в ней писано о начале Китайского государства» Спафария)¹². Кроме того, Ф. Авриль

¹⁰ См.: Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 7. М., 1980, с. 3; вып. 8. М., 1981, с. 3; вып. 10. М., 1983, с. 10.

¹¹ In: Ph. Avril. Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau a la Chine. Paris, 1692, с. 170—175. Изложение книги Ф. Авриля напечатано Н. А. Полевым под названием «Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные миссионером Ф. Аврилем в Москве в 1686 году» («Русский вестник», 1842, № 4, с. 69—104).

¹² См.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. т. 1. СПб., 1862, с. 341—342. Об этом же писал и М. П. Алексеев, напечатавший отрывки из книги Авриля на русском языке (М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, с. XLVIII, 195 и др.).

включил в свою книгу чертеж, составленный им, по некоторым данным, на основе картосхемы Никифора Венюкова, участника посольства Н. Г. Спафария¹³. Нидерландский ученый Н. Витсен перевел на голландский язык работу Спафария «Сказание о великой реке Амуре» и издал ее в своей книге¹⁴. В 1689 г. дипломатический агент французского правительства Невиль жил в Москве и близко знал Спафария, назначенного к нему «в приставы». Их личные беседы и знакомство Невиль с рукописью Дорожного дневника посольства Спафария позволили французу издать в Париже книгу, последняя глава которой содержит пересказ его бесед со Спафарием о путевых впечатлениях и о русско-китайской торговле¹⁵. Таким образом, эта глава является своего рода дополнением к Дорожному дневнику Н. Г. Спафария. Невиль стал и его первым биографом, поместив в своей книге краткие и не совсем точные сведения о нем. В 1685 г. шведский историк и лингвист И. Г. Спарвенфельд (1655—1727) каким-то образом скопировал в Москве рукопись «Описание Китайского государства» Спафария. Эта копия попала в Парижскую Национальную библиотеку, где, возможно, хранится и поныне¹⁶. Очень интересовался Дорожным дневником Спафария иерусалимский патриарх Досифей, просивший автора перевести эту книгу на греческий язык. По понятным причинам Спафарий его просьбу не мог исполнить. Тогда в 1693 г. Досифей прислал в Москву своего племянника святогробского архимандрита Хрисанфа с поручением организовать перевод. Вероятно, с ведома главы Посольского приказа Хрисанф уладил это дело и при помощи Спафария нашел переводчиков, которые с «великим трудом» перевели книгу на греческий язык, причем Спафарию пришлось делать «трехкратное ее исправление». Перевод был отправлен Досифею. Затем этот перевод был размножен, и несколько его списков хранилось в Константинополе на Святогробском подворье, а также в библиотеке некоего С. Эконома. Где они находятся теперь — неизвестно. Кроме того, имеются сведения еще о нескольких списках этого же перевода труда Спафария: «Список нового письма, принадлежавший Э. Леррану и переданный им в Парижскую Национальную библиотеку (cod. Paris, № 1042, греч. Дополн.)», являющийся копией с рукописи Святогробского подворья, и список, хранившийся в Ясской библиотеке, с приложением его румынского перевода, сделанного Георгием Сионом и изданного в Бухаресте в 1889 г. Эти списки описаны Х. Лопаревым, но где они хранятся сейчас, также неизвестно¹⁷. Л. Багров нашел в Берлине неизвестно как туда попавший русский чертеж конца XVII в.

¹³ Вопрос об авторстве этого документа до сих пор не решен. Считалось, что Авриль опубликовал скопированный им чертеж Спафария. А. И. Андреев в этом усомнился (А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII в. М., 1960, с. 73—82), а Б. П. Полевой совсем отрицает это (Б. П. Полевой. Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария. — «Известия АН СССР», серия География, 1969, № 1, с. 119—120). Польский ученый Болеслав Ольшевич и другие считают автором чертежа Никифора Венюкова.

¹⁴ Книга Н. Витсена издана в 1692 г., переиздавалась в 1705 и 1785 гг. (N. C. Witsen. Nord en Oost Tartarye, t. III. Amsterdam, 1692, p. 30—32). На русском языке напечатан только отрывок в книге М. П. Алексева (см. сн. 13).

¹⁵ Neville de la. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. Paris, 1698; Книга Невиль издана также на английском (1699) и дважды на голландском языке (1699 и 1707), на русском опубликована трижды: в сокращенном переводе Н. А. Полевого («Русский вестник», 1841, № 9, 10), в полном переводе А. И. Браудо («Русская старина», т. 71, 72, 1891) и перепечатанная М. П. Алексеевым последняя глава из перевода А. И. Браудо в книге: Сибирь в известиях... с. 508—511.

¹⁶ См.: П. Пекарский. Указ. соч., с. 342. Шведским историком удалось собрать сведения о том, как Спарвенфельд смог получить в Москве ряд русских сочинений, часть их была опубликована в Швеции (S. D a h e. Codex ad 10 der Västeraser gymnasial Bibliothek. Uppsala, 1949).

¹⁷ См.: Х. М. Лопарев. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы. — «Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1899—1900 году». СПб., 1901, прилож., с. 3—7.

с изображением всей Азии, Европейской России и назвал его «Чертежом Н. Г. Спафария 1682 г.», ничем не мотивируя своего заключения, затем этот чертеж был перепечатан в Канаде в 1976 г.¹⁸

Первые публикации трудов Спафария появились в России лишь с середины XIX в. Раньше всех, в 1853 г. было опубликовано «Сказание о великой реке Амуре» (в сокращенном варианте, без указания автора) Г. И. Спасским¹⁹. Затем в 1882 г. Ю. В. Арсеньев напечатал полный текст и установил авторскую принадлежность этой работы. В конце XIX в. «Сказание» было опубликовано еще дважды, в Москве и Хабаровске, но опять как анонимное²⁰.

Известно, что и сам Спафарий и большинство его спутников на Амуре не бывали, поэтому возник вопрос: а не положено ли в основу этого сочинения кем-то ранее написанное «Сказание» или «Описание» реки Амур? Ряд исследователей отвечают на этот вопрос положительно. «В 1652—1653 гг. десятник Никита Прокофьев по распоряжению якутского воеводы сделал второе (после В. Д. Пояркова. — Авт.) описание Амура. Описание это вместе с чертежами, как и описание Амура, сделанное Поярковым, было препровождено в Сибирский приказ и, вероятно, вошло в «Сказание о великой реке Амуре», написанное несколько десятков лет спустя после путешествия Прокофьева»²¹. Б. П. Полевой приводит ряд предполагаемых источников, использованных Спафарием, — сведения, полученные от участников самых различных походов на Амур с 1640 по 1645 гг. Наиболее широко, по мнению Б. П. Полевого, использовал Спафарий сообщения В. Д. Пояркова, С. В. Полякова и других²².

Имеются также публикации «Сказания» на английском и румынском языках, но они являются переводами уже напечатанных вариантов²³.

Дорожный дневник Спафария, как и другие его труды о посольстве, пролежал в Московском Главном архиве МИД более двухсот лет и только в 1882 г. был издан Ю. В. Арсеньевым по двум спискам под названием «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева» (СПб, 1882, 214 с., «Записки Русского географического общества по Отделению этнографии», т. X, в. 1). В приложениях к тексту дневника были также опубликованы в сокращенном виде «отписки» Спафария царю Алексею Михайловичу, посланные из различных мест на пути от Тобольска до границ Китая, а также «наказы» (сокращенно) и описания маршрутов прежних посольств и путешествий, данные Спафарию из Посольского и Сибирского приказов перед его отъездом из Москвы. Автографа Дорожного дневника, по-видимому, не существует, во всяком случае, Ю. В. Арсеньев его не нашел. К тому же И. Н. Михайловский

¹⁸ In: L. S. Bagrow. Sparwenfeld's map of Siberia. "Imago Mundi" (Stockholm), v. IV, 1947, p. 67—70; idem. A History of Russian Cartography up to 1800. Ed. by H. W. Castner. The Walker Press, Wolfe Island (Ontario), v. 2, 1976.

¹⁹ См.: «Вестник РГО», ч. VII, отд. II, 1853, с. 15—42.

²⁰ См.: «Известия РГО», вып. 4, 1882, с. 245—254; Сборник старинных русских статей о Сибири. М., 1890, с. 105—113; «Приамурские ведомости» (Хабаровск), 23.III.1897, с. 10—12.

²¹ А. Сгибнев. Русские на Амуре в XVII столетии. — «Амур» (Иркутск), 26.VII.1860, с. 437. Б. П. Полевой обнаружил в ЦГАДА документ, свидетельствующий о том, что Н. Прокофьев не смог выполнить задания и вернулся в Якутск ни с чем (Б. П. Полевой. Первооткрыватели Сахалина. Ю.-Сахалинск, 1959, с. 46).

²² См.: Б. П. Полевой. Указ. соч., с. 36; его же. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре». — Сб.: Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 272—274.

²³ In: J. F. Badddeley. Russian, Mongolia, China, v. 2. L., 1919, p. 208—212; M. Guboglu. Orientalistica romina. — "Studii si articole de istorie", v. 1, Bucuresti, 1956, p. 315. (Сравнительный текстологический анализ переводов трудов Спафария, сделанных Д. Бэдли и Г. Сноном.).

указывает, что «дневник писан не самим Спафарием, а под его диктовку»²⁴. Рукопись Дорожного дневника имеет название: «Книга, а в ней написано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского лета 7183, мая в 6-й день». Приведенная дата, вероятно, указывает время окончания дневника.

Своеобразным дополнением Дорожного дневника являются отрывки из неопубликованного тогда еще «Статейного списка» Спафария, изданные Ю. В. Арсеньевым, под названием «Путевой дневник от Нерчинского острогу до Пекина русского посланника в Китай Николая Гавриловича Спафария 1676 года» (Оренбург, 1896, 71 с.). Эта публикация осталась неучтенной при издании «Статейного списка» составителями «Русско-китайских отношений» (см. т. I, с. 458).

«Путешествие через Сибирь» дважды перепечатывалось в Кишиневе на молдавском и русском языке в 1956 и 1960 гг. с издания Ю. В. Арсеньева, но с некоторыми сокращениями и упрощениями языка. Рецензенты отмечали недостатки кишиневских изданий, считая, что подобные публикации не могут считаться научными, так как не отвечают правилам советской археографии²⁵. В 1956 г. издание Д. Бэдли было перепечатано на румынском языке в Бухаресте вместе с другими трудами Н. Г. Спафария о посольстве.

Следующим по времени издания является «Статейный список» (отчет о посольстве) Н. Г. Спафария, опубликованный Ю. В. Арсеньевым в 1906 г. по подлиннику (как он считал), хранившемуся в Московском Главном архиве МИД (теперь хранится в ЦГАДА), с некоторыми сокращениями²⁶. Сокращению подверглась часть текста, касающаяся описания пути по Сибири, подробно отраженного в Дорожном дневнике. Кроме того, опущены «отписки» Спафария, уже опубликованные с сокращениями в приложении к Дорожному дневнику. Наиболее строгой научной публикацией является подготовленная в РКО, т. I (хотя и она в формальном смысле неполная, так как в ней отсутствуют «отписки» Спафария, напечатанные в том же сборнике, что и «Статейный список», но отдельно от его текста). Эта публикация сделана по той же рукописи, что и у Ю. В. Арсеньева, но в отличие от него советские публикаторы считают ее не подлинником, а списком. Рукопись эта сохранилась не полностью: отсутствуют некоторые листы и конец «Статейного списка». Ю. В. Арсеньев это оговаривает в предисловии.

Третья книга Спафария, «Описание Китайского государства», распространенная в многочисленных списках XVII—XVIII вв., тем не менее позже остальных увидела свет. Подлинник ее также еще никому до сих пор не известен. Н. И. Циммер обнаружил 36 списков этого труда, о чем упоминает П. Е. Скачков²⁷. Еще большее распространение получили списки одной из последних глав этой книги — «Сказания о великой реке Амуре» (в списках даются разные варианты названия этого сочинения). Списков «Сказания» Н. И. Циммер обнаружил более 50. В составе некоторых списков «Описания Китайского государства» имеется еще так называемая «Татарская книжица», или «Книжица о Та-

²⁴ И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). Киев, 1897, с. 39.

²⁵ См.: Н. Спафарий - Милеску. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, с. 289—505; См.: «Советское Китаеведение», 1958, № 2, с. 179—180; «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, с. 225—228.

²⁶ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678). — «Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом», вып. XVII. СПб., 1906, с. 162—339.

²⁷ См.: П. Е. Скачков. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (Краткий очерк). — Сб.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика и культура). Сборник статей. М., 1966, с. 161. Н. И. Циммер, военный в отставке, занимался (как любитель) историей русско-китайских отношений, но, кажется, ничего не успел опубликовать; он умер в Одессе несколько лет назад.

тарской войне» (выше упоминавшаяся нами см. с. 14), которая до сих пор не опубликована²⁸. В списках ее обычно называли так: «Книга, а в ней повесть, как в нынешнем веке богдойские татаровья одолели и завладели чуть не все Китайское государство». И. Н. Михайловский считал, что и «Сказание» и «Татарская книжица» были окончены Спафарием ранее «Описания Китайского государства», соответственно в 1675 и 1676 гг.

Списки «Описания Китайского государства» не являются идентичными по названию, составу материала, степени полноты текста и прочим источниковедческим данным, что видно из описаний некоторых списков-сделанных Н. Ф. Катановым и И. Н. Михайловским²⁹. Они же указывали важнейшие хранилища этих списков: 5 экз. в Публичной библиотеке в Петербурге; 3 экз. в Казани — у Ф. Т. Васильева, М. П. Петровского и в Казанском университете; 1 экз. у И. Н. Михайловского; 1 экз. в библиотеке Общества истории и древностей российских при Московском университете; 1 экз. в Обществе любителей древней письменности в Петербурге; 2 экз. в Главном Московском архиве МИД в Москве и др. Какие из этих списков сохранились, пока неизвестно, скорее всего, сохранились все, только изменились места хранения и названия хранилищ³⁰. Многие списки в конце текста имеют дату: «Совершено сие описание лета 7186, ноября в 13 день» (1678).

Частичная публикация «Описания Китайского государства» (не считая «Сказания о великой реке Амуре») была осуществлена В. М. Флоринским в 1882 г. (напечатавшим вторую половину 4-й и всю 5-ю главу списка, принадлежавшего казанскому профессору-слависту М. П. Петровскому) в приложении к книге Н. Н. Бантыш-Каменского «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами» (Казань, 1882, с. 520—529). И наконец, более полная публикация этого труда была предпринята Н. Ф. Катановым в 1910 г. по одному из поздних (конец XVIII в.) имевшихся в Казани списков (список, принадлежавший Ф. Т. Васильеву)³¹. В этом списке отсутствуют «Сказание об Амуре» и «Татарская книжица», поэтому, естественно, их нет и в публикации Н. Ф. Катанова. Издание 1910 г. легло в основу не раз упоминавшихся выше кишиневских публикаций на молдавском (1956) и на русском (1960) языках. Следует отметить, что кишиневское издание 1960 г. является первой и пока единственной попыткой у нас в стране собрать воедино все труды Спафария о посольстве. Несмотря на некоторые достоинства этого сборника трудов Спафария, почетная задача наших историков — иметь добротное научное издание «посольских» трудов выдающегося ученого и дипломата XVII в. — остается невыполненной.

В 1956 г. также была предпринята попытка издания в Румынии сборника трудов Спафария о посольстве. Издание вышло в серии «Румынские классики» в Бухаресте на румынском языке и получило ряд положительных рецензий, в том числе и в Советском Союзе³². Советский ре-

²⁸ В списках книг Посольского приказа кельнское издание М. Мартини отсутствует. Текст публиковался в переводе на различные европейские языки в атласе Я. Блау в 60-х годах XVII в. В Москве атлас имелся, и, возможно, отсюда Спафарий занимал работу М. Мартини.

²⁹ См.: Н. Г. Спафарий. Описание первой части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910, с. XV—VI; И. Н. Михайловский. Указ. соч., с. 42—56.

³⁰ В ЦГАДА, например, имеется два списка с названием «История о Китайском государстве» (ф. 181, оп. 1, ч. 1, д. 205/353), л. 1—139; л. № 223/384, л. 1—282, и черновые комментарии к этой работе неизвестного автора XVIII в. (там же, д. № 204/352, л. 1—40).

³¹ См.: Н. Г. Спафарий. Описание первой части вселенныя..., с. 1—202 (текст рукописи).

³² См.: «Советское китаеведение», 1958, № 2, с. 176—179.

цензент отмечает, что в 20—40-е годы в Румынии был опубликован ряд переводов Спафария, но из текста рецензии не видно, какие именно это материалы, нельзя понять и состав румынского сборника 1956 г. (например, неизвестно, опубликованы ли в нем «Статейный список» и «Описание Китайского государства»).

С публикацией научного наследия Н. Г. Спафария тесно связан вопрос о степени оригинальности «Описания Китайского государства». Этому вопросу посвящены высказывания многих авторов, суммированные в работе М. И. Казанина³³, пропустившего, однако, недвусмысленное утверждение И. Н. Михайловского на сей счет: «Материал для этого труда черпал Спафарий из китайских книг (конечно, не непосредственно, а из переводов или извлечений, сделанных иезуитами) и из сочинений европейских путешественников, из русских источников... и по личным наблюдениям и устным сообщениям разных лиц»³⁴. М. И. Казанин взял на себя труд сверить тексты, параллельные в сочинениях о Китае Спафария и М. Мартини и относящиеся к различным районам Китая. Это позволило ему сделать следующие выводы: 1) Труд Спафария «Описание Китайского государства» является переводом, или, вернее, пересказом более раннего труда М. Мартини «Новый Атлас Китая» («*Novus Atlas Sinensis*», который был издан в 1655 г. в Амстердаме, неоднократно переиздавался, и являлся в свою очередь переводом китайских географических материалов и источников. 2) К переводу труда М. Мартини Н. Спафарий добавил ряд ценнейших сведений, добытых собственными наблюдениями и расспросами; в вводной части Спафарий сделал такие собственные вставки, которые были бы «откровением для самого М. Мартини». 3) Спафарий не мог в сложившейся ситуации сообщить о своем заимствовании, так как «признание» перевода с труда иезуита было бы равносильно самоубийству — возникло бы новое обвинение в протаскивании «латинской ереси». 4) Необходимо новое издание критического текста «Описание Китая» и перевода труда М. Мартини для основательного изучения этих «ценных источников познания Китая».

...После возвращения из Китая Н. Г. Спафарий жил в Москве, по-прежнему трудился в Посольском приказе переводчиком (а без переводчиков, считал он, «никакая служба, ни посольство не живет») до конца жизни. Лишь в 1681 г. он был назначен воеводой в город Темников (ныне Мордовской АССР), да в 1695 г. участвовал в Азовском походе Петра I. Знания по географии страны и ее соседей, полученные во время путешествия в Цинскую империю, позволили Спафарию принять участие в составлении карты России А. Виниусом в 1678—1683 гг.³⁵

...знаем, где похоронен Н. Г. Спафарий: в Москве ли, где он и в Переяславле-Залесском, где владел вотчиной из одинокоров, купленной им своим сыновьям Никите и Максиму. Но рех с лишним столетий памятником Н. Г. Спафарию служат атические и востоковедные труды. Еще один памятный знак вался на Спасских воротах Московского Кремля. Там имеская и русская «подписи», причем русская заканчивалась А переводил ту латинскую подпись Посольского приказу пеликалос Спотали»³⁶. Потомки Н. Г. Спафария с честью несли

... Спафарьев остров в Тихом океане назван в память одного из них — Леонтия Васильевича Спафарьева (1766—1847).

³³ См.: М. И. Казанин. Спафарий и Мартини. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 6, с. 106—112.

³⁴ Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине, т. II. Нежин, 1899. Протокол заседания 15 апреля 1896 г., с. 16—17.

³⁵ ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1696, д. 16, л. 9; 1693, д. № 45, л. 1—2.; См.: В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, с. 245, 378.

³⁶ И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария..., с. 7.

Токийские диалоги

{О корнях и кронах}

Н. Т. ФЕДОРЕНКО,

член-корреспондент АН СССР

1

Апрель в Японии — сезон живописного цветения сакуры — дикорастущей вишни. Оно неотвратимо, как наступление самой весны. Это время всеобщего любования удивительными красками природы. Никто не в силах оставаться равнодушным к естественному этому эстетическому чуду. Каждый в эти дни старается посетить наиболее примечательные места и провести под кронами сакуры хотя бы считанные минуты. Масса людей в свободный день устремляется в горы, где открывается неповторимая панорама бурно цветущей вишни.

— Любование цветущей сакурой — одна из давних традиций японцев. Это праздник для всех. Сама природа наших островов как бы создает праздничное это зрелище для всех, для каждого, кто способен оценить мир прекрасного, — сказал давний мой знакомый профессор Охара, знаток культуры и эстетики, во время нашего посещения знаменитого парка Мэйдзи. Огромный этот заповедник с естественной флорой и фауной был заложен императором Мэйдзи (1868—1912) в центре ныне одиннадцатимиллионного Токио.

Революция Мэйдзи, которая именуется «реставрацией» или «обновлением», была направлена против самурайского режима и преследовала цель модернизации страны. Считается, что эпоха Мэйдзи была периодом заметного процветания. Именно с этим периодом связано становление современной Японии. В честь Мэйдзи в 1920 г. в парке был возведен особый храм, который оказался разрушенным во время прошлой войны, но вновь восстановлен в 1958 г. на пожертвования японцев, собранные в стране и за рубежом.

Это место традиционного паломничества. В первые два дня нового, 1984 года, храм Мэйдзи посетило около 3 млн. человек. Они приносят с собой ритуальные жертвоприношения и приобретают в храме сувениры на счастье, такие, как «стрелы для победы над злыми духами». Для многих из них новогоднее посещение храма — первое и единственное в году.

В праздничные дни в парке Мэйдзи собираются тысячи жителей гигантского города, чтобы услышать говор птиц, прилетающих сюда из разных земель, и насладиться красками растительного мира.

— Восторженное отношение японцев к живой природе нередко находит свое выражение в живописи и поэтическом творчестве, — заметил Охара во время прогулки по парку. — Характерно, — продолжал он, — что во времена правления Мэйдзи в стране вновь стали проводиться новогодние поэтические чтения, на которых выступают со своими произведениями видные художники слова, особенно певцы пейзажной лирики, жизнеутверждения и мира среди людей.

Следует сказать, что поэтические чтения — традиция древняя, восходящая ко временам Цураюки и поэтической антологии «Кокинсю» (X в.). Традиция эта, по сути, не прекращалась никогда. Скорее можно говорить о периодах ее оживления или затухания. В этом смысле поэзия дышит атмосферой бессмертия. Она продолжает вечно жить в творчестве поэтов нескончаемых поколений. И мысли их переходят в мысли, как пламя зажигает пламя.

Поэт-коммунист Цубои Сигэдзи, ветеран пролетарского литературного движения 20—30-х годов, на одном из таких чтений-состязаний в храме Иэясу Токугава в Токио сложил такие поэтические строки:

«В тихую полночь с увядшими листьями о чем-то звезда шепталась. Вокруг шелест ветерок. В одиночестве и тоске впитывал смутную речь, я хотел разделить тот шепот... Но упала с неба звезда. Я искал ее среди мертвых листьев и отыскать никак не мог...»

Весь период цветения сакуры знаменуется различными фестивалями, сценическими представлениями, концертами. Почти непрерывно одно эстрадное представление сменяется другим: под кронами сакуры или на фоне цветущих деревьев, по телевидению выступают исполнители традиционных песен.

Национальные эти мелодии исполняются профессиональными певцами и любителя-

ми. Часто проводятся конкурсы на лучшее исполнение песни. Они привлекают многих любителей и участников самодеятельных групп. В этих песнях часто звучит тоска по любимой или любимому. Но печаль их всегда благородна, возвышенна, романтична. Пользуются эти глубоко народные песни широчайшей популярностью, переходя от поколения к поколению. Река забвения уносит лишь легковесное и малозначимое, но не прикасается к лучшему из творений музыкальной культуры. Национальные фольклорные песни покоряют своей мелодичностью, лиризмом, простотой. П. И. Чайковский писал, что «красота в музыке состоит не в нагромождении эффектов и гармонических курьезов, а в простоте и естественности» (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. Фон Мекк, т. I, 1934, с. 485). Известно также, что В. Г. Белинский неустанно повторял, что простота есть красота истины. Японская традиционная музыкальная культура продолжает совершенствоваться, обогащаться новыми достижениями.

Несомненно, что корни японского народного музыкального творчества весьма глубоки и обладают большой жизнестойкостью, несмотря на огромное воздействие со стороны модных американских веяний. Прискорбно то, что за пределами Японии, в том числе и у нас, национальная японская музыкальная культура почти не известна, не изучается с точки зрения эстетического воспитания и развития человека.

Красочные эти представления прерываются лишь чрезмерно назойливой рекламой и появлением на телевизионном экране исполнителей рок-н-роллов, лохматых особей неопределенного пола, с длинными растрепанными волосами в экстравагантных одеждах. Они не поют, а кричат не своими голосами, надрывая хриплые свои глотки. Некоторые из них мечутся по сцене, кидаются на пол в припадочном состоянии. Это какие-то юродивые, кудлатые неврастеники, которых трясет лихорадка, сводят конвульсии.

— Различия в понимании вещей японцами и иностранцами складывались в течение длительного времени. — напомнил Охара сэнсэй. — Начать с того, что уже само название Японии было искажено европейцами. Неверно истолковав иероглифическое обозначение Японии, они стали широко употреблять выражение «Страна восходящего солнца» вместо действительного названия «Корни солнца». Сейчас трудно сказать, кто первый и когда прибег к средствам фантазии на эту тему. Речь, конечно, не о том, что японцы вообще против воображения, особенно художественного. Наоборот, пожалуй. Речь о другом. Существуют понятия и вещи, которые требуют точности и реалистической оценки.

Взяв лежащую на столе кисть и увлажнив ее тушью. Охара уверенным почерком изобразил на листе два иероглифических знака — «солнце» и «корни», образующие вместе «Нихон» — название Японии, принятое в 645 г.

— Примечательно, что упомянутый Мэйдзи писал в одном из своих стихотворений:

Нашу страну Корней Солнца

Будем хранить по заветам

Храма Касивара.

имея в виду идеал императора Дзимму Тэнно «восемь углов мира под единым сводом». Не потому ли в Японии, где восхищаются цветением дикорастущих вишни и сливы, не забывают о корнях растений, скрытых под землей, но дающих жизнь всему живому? — добавил Охара сэнсэй.

— Народная эта мудрость присуща и нам: «Восхищаясь могучей чинарой, поклонись ее корням».

— Хорошо известно, — продолжал он, — что в течение долгого времени существовало весьма экзотическое — как нечто причудливое и странное — представление о японцах, их островах, их жизни. Фантазия европейцев сосредоточивалась в основном на рикшах с колясками, самураях и совершаемых ими хакакири, гейшах с ажурными веерами, чайных бумажных домках и всем прочем в таком же духе. Очевидно, им нравилось столь же субъективно, сколь и произвольно, рисовать в своем воображении нашу страну и народ, которые представляют собой не выдумку, а такую же реальность, как и другие страны и народы. Другое дело, у японцев есть свои особенные черты в образе жизни, укладе, традициях, мировосприятии. Но разве у других народов всего этого нет? Разве все они созданы по одному образу и подобию? Однако все это не изображается как что-то причудливое и диковинное...

— Самуран, извините, такая особенность японской реальности, которую едва ли можно отнести к лучшим сторонам самобытного развития Японии. — заметил я в ходе разговора.

Известно, что бусидо — «путь воина» — это специфическое достояние Японии, прославившая система морали и поведения самурайства, сложившаяся шесть веков назад и игравшая важнейшую роль в развитии японских вооруженных сил. Традиции самурайского духа возникли на почве кодекса чести и славы, — хатакурэ бусидо, что означает «путь воина, скрытый под листьями». Иными словами, не для каждого, а для избранных и посвященных.

Всем известно, что в Японии никогда не исчезали силы, олицетворяющие «исконные традиции», «истинный национальный дух», «самурайскую доблесть». Показательно в этой связи напечатанное в журнале «Япония и японцы» («Ниппон обин ниппондзин»): «Если в повествовании, прекрасном своими жестокостями, не присутствует садистская радость, значит, оно далеко от древних японских традиций» («Иностранная литература», 1985, № 5, с. 244).

Мы, разумеется, далеки от отождествления национального характера народа со вся-

кого рода аномалиями, пороками, уродствами. Они наблюдаются во многих странах. Речь здесь не о национальной исключительности, но о социальных факторах, о порождении определенных общественно-исторических условий. Известно, к слову сказать, с какой изощренностью шовинистические круги Японии используют в своих целях разного рода предания старины, легенды и мифы. Так, существует в Японии давнее сказание, порожденное средневековой религией синто, которая стала впоследствии культом обожествления императорской власти, миф о Сусаноо — духе божественного ветра. Согласно этому преданию, Сусаноо преподнес божеству солнца Аматэрасу магический «Меч сгущающихся облаков», который Сусаноо будто бы извлек из хвоста сраженного им дракона по прозвищу Ямато-но-ороки. Именно воинственное это божество Сусаноо и карающий «Меч сгущающихся облаков» по воле милитаристских сил были возведены в годы японо-китайской войны в националистическую реликвию мужества и неустрашимости японского воинства, свято хранимому как символ религиозного поклонения и могущества. «Священному ветру» синтоизм приписывал все победы и доблесть, в частности, «священного племени ямата», на почве которого в стране неистово разжигался дух воинственного самоуправства. Именно на гребне империалистической экспансии был порожден чудовищный культ камикадзе, в буквальном значении иероглифов не что иное, как «божественный ветер».

В японской старине, героической мифологии вдохновители воинственного экстремизма стремились найти обоснования своим замыслам. В поисках магического призыва к националистическим чувствам они извлекли в этих целях из древних аналогов предание о «божественном ветре». Напомним: когда флотилия монгольского правителя китайской империи Хубилая приближалась к японским берегам, гласит одно из преданий, свершилось великое чудо — океанский смерч, «ниспосланный синтоистскими богами», развеял в прах корабли неприятеля. Это было в XIII столетии под Цусимой, впоследствии ставшей местом «чудодейственного свершения» и массового паломничества.

Так было в далеком прошлом, так было и в 30—40-х годах, когда японский милитаризм воскресил культ самоубийц-камикадзе в ходе агрессии против Китая и тихоокеанской войны. Кто бывал в синтоистском храме Ясукуни в Токио, тот, возможно, видел надпись у входа: «Здесь похоронены те, кто принес высшую жертву во имя Родины». Речь идет о братской могиле — символе камикадзе (праха в ней нет) — пяти тысяч молодых японцев, средний возраст которых не превышал двадцати двух лет. Это летчики-самоубийцы, фанатично уверовавшие в то, что, согласившись покончить жизнь самоубийством, они будто бы превращались в богов и все земное становилось им чуждо... Им внушили, что они избрали самый прекрасный путь в жизни, а военные наставники заботились лишь о том, чтобы научить их умереть за императора. Камикадзе должны были спасти Японию, спасти ее честь...

Фанатизм камикадзе в Японии не исчез. Он обнаруживается и в жизни, и в современной литературе. Достаточно назвать здесь имя такого японского писателя, как Юкио Мисима, который не только славил судьбу самоубийц, но сам публично совершил ритуальное самоубийство, по-самурайски вспорол живот кинжалом и таким образом покончил с собой. Примечательно, что в США недавно был создан фильм о Мисиме, получивший в 1985 г. высшую премию в Каннах. Это он, Мисима, обратился к японской молодежи со словами: «Япония не дает возможности молодежи удовлетворить ее стремление — отдать свою жизнь... Японский меч лучше любого ядерного оружия».

И уж если заглянуть, так сказать, в самурайские святыни, то в «кодексе чести» содержится характеристика, принадлежащая перу Набэсима Мотосигэ, известного в истории вассала дома Токугава, самурайского искусства: «Никогда не задумываться, кто прав, кто виноват. Никогда не задумываться, что хорошо и что плохо. Вся суть в одном — никогда не вдаваться в рассуждения».

Разве все это не напоминает кодекс нацизма, фашистского солдатского устава: не думать и не рассуждать — обо всем думает фюрер?

— Верно, агрессивное это воинство проявило себя слишком однозно. Но ведь это уже минувшее, давно отошедшее в бездну прошлого. Зачем ворошить то, что принадлежит истории? Теперь это скорее предмет иронии и сатиры, — заметил Охара.

— Не только прошлое... Достаточно включить сегодня телевизор, чтобы убедиться в простой истине: самурайство не забыто, его традиции живы, они всячески прославляются. С экранов кино и телевидения на зрителя обрушивается целый шквал самурайских историй, в которых воспеваются бесстрашие, жестокость, беспощадные расправы с вольнодумцами, без всяких прикрас показываются сцены бесконечных побоев, массовых убийств, кровопролития, под истошные выкрики, завывания и одуряющий грохот садиистско-мазохистского ритма. Псевдоисторические телефильмы из самурайских времен с английскими субтитрами. Убийства, убийства, потасовки, драки и снова убийства. Это приковывает, держит зрителя в напряжении, в страхе и воспитывает безразличие к человеческой крови, жестокости, смерти. При этом наряду с самурайскими мечами, пиками и клинками в большом ходу самое современное смертоносное оружие, действующее с помощью электроники и лазера. Зрелища эти создают впечатление, будто у людей только занятие — убивать, расправляться с жертвой, притом самыми изощренными методами. Зачем все это? Какие воспитательные цели преследуют подобные сценарии и пьесы? Разве прививают они людям чувства миролюбия, гуманности, уважения к себе и другим?

— Это, конечно, так, — заметил Охара. — Нельзя отрицать самоочевидного зло-

употребления коммерческого искусства, которое ради собственной наживы преступно использует телевидение и киноэкран. Сожаления достойно, что эта эпидемия насилия охватила весь западный мир, особенно Америку. Никакого оправдания этому быть не может. Следует, однако, сказать, что в японском народе, в том числе среди молодежи, идеи войны и кровопролития не пользуются популярностью. Непрекращающиеся массовые демонстрации, народные манифестации против войны и вооружений — яркое тому доказательство. Японцы — единственный народ на планете, переживший по вине США атомный кошмар, — решительно выступают за сохранение мира и международной безопасности. Это тоже, несомненно, так.

— Тем не менее военно-промышленный потенциал Японии продолжает расти, так называемые «силы самообороны», в нарушение существующей конституции, давно уже превратившиеся в регулярную армию, множат свой контингент, оснащаются самыми современными видами оружия. Постоянно укрепляется и модернизируется огромная сеть американских военных баз на японской территории, обращенных против соседей, прежде всего против Советского Союза.

2

Густым мутным осадком лег утренний туман в саду за окном современного отеля, взметнувшегося под небеса. Здесь мы встретились с крупнейшим японским прозаиком и драматургом Кобо Абэ. Огромный серый билдинг, сродни нью-йоркскому небоскребу на Манхэттене. По слову поэта Мацууро Масао, шею ломит, когда глядишь, задрав голову к небу, на высоченные билдинги — красные, синие, коричневые, серые, инкрустированные бетоном, как семицветной радугой... Но сколько бы ни было этих зданий, говорит поэт, хоть сотни, хоть тысячи, все они рождаются и растут из наших человеческих рук. Только кошелек мой, увы, не становится толще, а твой карман не оттопыривается от деньжищ... Когда же, в какой день станут, и станут ли, они нашими? Спрашиваю себя... и плетусь прочь, окидывая колючим взглядом чужое это, фешенебельное добро...

Здесь, пожалуй, ничто не напоминает о традиционной Японии. Разве что скромный палисадник у серых железобетонных стен небоскреба и несколько низкорослых деревьев декоративной сакуры. Все остальное — по образу и подобию американского божества архитектуры и интерьера. Это Япония для заокеанских туристов.

Кстати, о туристах в Японии... Во время моего пребывания в Токио я прочел в японской газете «Асахи ивининг ньюс» сообщение, что в год 40-летия трагедии Хиросимы и Нагасаки американские туристические агенты в Питтсбурге широко рекламируют «уникальную возможность» посетить Хиросиму. Не для того, увы, чтобы почтить память жертв американской атомной бомбардировки. Это, оказывается, для предпринимателей туризма из штата Пенсильвания было бы слишком банальным. Дело в том, что трагедию Хиросимы они рассматривают лишь как конечный пункт маршрута бомбардировщика В-29 «Энола Гэй». Да, именно того В-29, с которого была сброшена атомная бомба, испепелившая японский город и его жителей. Кажется невероятным: начать турне желяющие смогут с прогулки по взлетно-посадочной полосе на тихоокеанском острове Тиниан, откуда в августе 1945 г. В-29 «Энола Гэй» взял курс на Хиросиму, чтобы его население сжечь в ядерном огне.

Чудовищно? Удивляться, однако, нечему. В обществе своекорыстия господствует главный закон: наживаться на всем, не останавливаясь ни перед смертью, ни перед мучениями и страданиями сотен тысяч людей. Вспомнилось, как Альберт Эйнштейн, прочтя в «Нью-Йоркере» потрясший его репортаж о Хиросиме, раздал по экземпляру журнала своим студентам. Один из них впоследствии захлебывался от восторга: «Благодарю вас, бомба прекрасная!»

Современный литератор Такэнака Ику как-то писал, что Фудзияма — гора-святыня. Мы продаем ее. Миядзима — остров-святыня. Мы продаем его. Мы чудесами торгуем... Все мы, японцы, покупаем автомобили. Все мы, японцы, любим красивые зажигалки. Все мы, японцы, искусные садоводы и мастера цветочной икебана. Все мы, японцы, поем модные песни. И все мы кланяемся низко-низко. Все, без исключения все — смиренны и кротки... да, да!

Навстречу с Кобо Абэ нас мчал японский лимузин «Нисан», под стать лучшим американским автомобилям. Улицы поражают: бьет в глаза техника, машины, спешка, реклама, бешеный ритм. Старый поэт Китагава Фуюхико посвятил вечному часу пик свою строчку: на контроле с билетом отрезали палец...

Мы сидели в уютной лоджии, перед нами простирался вид города. Все было здесь ново, необычно. Смена чувств моих была похожа на порханье во тьме горящих светильников. Лучи поднявшегося солнца не рассеяли туман, скорее еще более его уплотнили. Поодаль простиралась аллея, затопленная светлым мерцающим туманом.

— Мне доставляет удовольствие, Абэ-сан, вручить вам экземпляр русского издания нашего романа «Тайное свидание», только что вышедшего в библиотеке приложений журнала «Иностранная литература». — обратился я к писателю.

Взяв книгу в руки, Кобо Абэ сосредоточенно посмотрел на нее, не спеша повернул, нежно провел ладанью по обложке, взглянул на корешок и лишь потом раскрыл ее, степенно полистал страницы и произнес:

— Прекрасно сделано... с любовью. Сердечно тронут. Как счастливо начался день мой сегодня! Хотелось бы верить, — после короткой паузы продолжал Абэ, — что

роман «Тайное свидание» не разочарует моих друзей в Советском Союзе, хотя в Японии, признаться, он вызвал далеко не однозначные суждения.

Столкновение человека с враждебным ему обществом, трагедию этого человека показал Абэ Кобо, романы, повести, рассказы и пьесы которого пользуются у нас огромным успехом. На русском языке вышли «Женщина в песках» («Суна-но онна»), издавалась трижды; «Чужое лицо» («Танин-но као») — дважды; выпущены были также роман «Сожженная карта» («Моэцукита тидэу»), «Человек-ящик» («Хакоотоко»), «Тайное свидание» («Миккай»), повести «Совсем как человек» («Ниннэн соккур») и «Четвертый ледниковый период» («Дайён кампёки»), пьесы «Крепость» («Дзёсай»), «Охота на рабов» («Дорэйгарри»), «Призраки» («Юрэй ва кок-ни иру»), рассказы «Детская» («Кодомобэя»), «Красный кокон» («Акай маю»)...

Произведения Абэ импонируют в первую очередь тем, что, показывая одиночество человека в обществе, готовом растоптать его (вспомним хотя бы страшный эпизод из «Чужого лица», когда в подземном переходе сидит, прислонившись к столбу, человек, мимо которого проходят тысячи людей, но никому и в голову не приходит заинтересоваться, почему сидит здесь человек, жив он или умер, а он, кстати, умер — человек для них не просто ничего не значит, он для них пустота, они могут даже пройти сквозь него), они зовут вырваться из этого одиночества, зовут служить людям. Здесь также можно вспомнить маленький заключительный эпизод из «Женщины в песках», когда засаженный в яму герой, найдя в песке воду, решает рассказать об этом людям, даже ценой того, чтобы остаться в яме. Такая философия писателя находит у нас полную поддержку.

Глядя на Кобо Абэ, я невольно думал о том, как книга, помимо всего, своими путями и нитями сближает людей, живущих далеко друг от друга, людей с различным опытом и познаниями, совсем не одинаковым воспитанием и философией, с непохожими языками... Как помогает он понимать других, а нередко пробуждать и симпатию к ним. Книжки Кобо Абэ, получившие широкую известность далеко за берегами Японии,нискапли автору неисчислимое множество читателей, его друзей, его почитателей.

— Получили ли вы посланную вам последнюю мою книгу? — несколько озабоченно обратился ко мне Кобо Абэ.

— «Сакура-мару» — «Вишневый ковчег?» — переспросил я. — Благодарю. Она дошла к нам, и уже начата редакционная работа.

— Да, великодушно извините, звучит это «сакура», но, увы, не настоящая это вишня, которая теперь цветет и благоухает вокруг. Метафорическое это понятие. Тут, видите ли, нечто цветущее, но малопочтенное... Здесь, кажется, необходимо пояснение, особенно для иностранного читателя. Этимологически слово «сакура» многозначно. Помимо общеизвестного понятия «сакура» — «вишня», слово это имеет иной смысл: «сообщество», «сговор», «соучастие», часто в малопристойных делах... В самом названии «Сакура-мару» заложен смысл — «ненастоящий», «поддельный», «ложный».

Роман Абэ Кобо «Сакура-мару», изданный в Японии в 1984 г. и в течение нескольких месяцев распроданный в количестве двухсот тысяч экземпляров, посвящен острейшей проблеме — угрозе ядерного самоуничтожения, нависшего над нашей землей. Герой романа, от имени которого ведется повествование, отыскивает некое атомное убежище, воспринимаемое им как Ноев ковчег — «Сакура-мару», в котором, предполагается, найдут спасение особо отобранные люди, если и когда возникнет ядерная катастрофа. И здесь возникает проблема — кто достоин занять место в этом ковчеге, кому суждено возродить человечество после гибели. Вопрос этот ставится в романе столь же остро, сколь и сатирично.

Можно сказать, что роман Абэ Кобо «Сакура-мару» — беспощадная сатира на современное японское общество. Не потому ли японским читателем книга встречена с большим интересом? И не только японским. Известный американский японовед Дональд Кин, прочитавший роман, оценивает «Сакура-мару» как высшее достижение в творчестве Абэ Кобо.

В романе «Сакура-мару» автором ставится кардинальный вопрос: кто выживет, если возникнет ядерная катастрофа? Что за люди окажутся обитателями «Сакура-мару», которым суждено будет уцелеть? Будут ли это, возникает вопрос, лучшие и достойные представители человечества, выдающиеся его умы? Оказывается, увы, совсем это не так. Будут, как повествует автор, вовсе не лучшие представители человечества, не достойнейшие мужчины и женщины, которым суждено продолжить род человеческий, а в сущности — ничтожные люди, низкие, подлые, отбросы человеческого общества. Оказывается, что именно им, умеющим манипулировать в жизни, предстоит вершить и повелевать даже после ядерной катастрофы.

В ходе интересной и содержательной беседы с Абэ Кобо, который не без удовольствия делился своими мыслями о романе, я пришел к заключению, что содержание «Сакура-мару» имеет целью показать в образах романа, в частности заглавного героя по кличке Крот (другая его кличка — Свинья, но ему, заметим, не очень нравится это прозвище), желание людей обеспечить для себя безопасное местечко уже теперь, чтобы надежно укрыться на случай ядерной катастрофы.

И вот Крот находит заброшенную каменистую, устраивает в ней нечто подобное Ноеву ковчегу, чтобы спастись там, по подобию ветхозаветной легенды, если разразится ядерная война. Крот уже теперь, не теряя времени, добывает впрок, часто просто ворует... продовольствие, электроприборы и т. п., чтобы обеспечить себя всем необхо-

димым на долгий период выживания. Устраняет он при этом разного рода ловушки, чтобы никто без его ведома не мог проникнуть в обретенный им ковчег «Сакура-мару». Примечательно, что автор характеризует его так: «Высшее наслаждение, которое испытывает Свинья, — обстоятельства, когда он раз в день втайне от всех выпивает пиво и закусывает шоколадом».

Герой Абэ Кобо — человек весьма энергичный и ловкий. Умеет приспособиться, извлечь пользу для себя в любой ситуации и завершить оснастку ковчега «Сакура-мару». Крот все более подумывает о том, кого он сможет взять с собой в ковчег, ибо одному ему справиться со всеми многообразными обязанностями ковчега, конечно же, невозможно. Заблаговременно надо подумать и о живности, как это и было на легендарном Носвом ковчеге.

Но вот беда, соперники Крота с помощью разного рода трюков похищают ключи от «Сакура-мару» и оказываются в ковчеге ранее, чем сам Крот. В итоге этим и определяется состав тех, кто оказался на ковчеге «Сакура-мару» в качестве избранных, то есть самых достойных лиц, которым суждено выжить в ядерной катастрофе и продолжить род человеческий.

Столкнувшись с этой реальностью, к которой надо прибавить и проникновение в ковчег отряда стариков-мусорщиков, а также их взаимную борьбу за господство, Крот вынужден частично затопить ковчег «Сакура-мару» и вновь вернуться к людям. Так бесславно закончилась его идея выжить на случай ядерного безумия на земле.

Остается добавить, что роман Абэ Кобо — произведение многоплановое, в котором философские рассуждения о природе человека и государственных институтах переплетаются с мыслями о нынешнем тревожном нашем мире с самой жгучей проблемой современности — предотвращением ядерной катастрофы, сохранением наилучших человеческих ценностей.

Следует, пожалуй, добавить ко всему, что роман «Сакура-мару» изобилует в высшей степени искусными сатирическими зарисовками японской действительности и представляет собой произведение большой социальной обличительности.

— Да, «Сакура-мару» — роман остросоциальный по своей сущности. Это прослеживается в развитии сюжетных линий, поведении действующих лиц, возникающих ситуациях, — заметил Кобо Абэ, слегка прикоснувшись ладонью к керамической чаше с карликовой сосной — «бонсай». Многолетнее это зеленое растение рельефно выделялось на фоне розовато-бежевой стены из японской сосны, источающей пряный дух. Неудивительно ли, сосна, подумалось мне, — одно из самых долговечных растений на земле. Отдельные образцы ее сохранились на протяжении пяти тысяч лет. Как объяснить такую жизненную устойчивость этого растения? Наука, увы, остается бессильной раскрыть тайну этих хвойных.

Актуальность и острота проблем, затронутых в романе, обусловлены тревожностью непредсказуемого нашего века. Когда-то, верится мне, и нынешнее время уйдет в музейную даль и неведомый потомок в изумлении остановится перед контрастом событий и явлений наших дней.

— Быть может, потомок наш не без удивления отнесется к тому, что мы писали свои книги с помощью кисти, ручки, пера, — сказал Абэ Кобо, разъясняя мысль.

— Но разве мы не пользуемся традиционными этими средствами?

— Должен признаться, что я уже отказался от них и перешел на машину... Теперь пишу с помощью компьютерного устройства...

— Весьма любопытно. Ведь считается, что пишущая рука — кратчайшее расстояние от мозга человека к листу бумаги? И писатель, кажется, очень этим дорожит?

— Что и говорить, рука сама по себе — золотой браслет... Но и при пользовании компьютером рука не утрачивает своей функции, хотя внимание пишущего в основном сосредоточивается на экране. Первостепенное значение приобретают теперь глаза, — пояснил мой собеседник.

— Не проще ли пользоваться пишущей машинкой или диктофоном? — внезапно вырвалось у меня.

— В свете технологического прогресса и современного развития электроники все это кажется слишком примитивным. Компьютерное устройство системы «уорд-про» (речевой прогресс), несомненно, имеет значительные преимущества. Механические усилия человека здесь сведены до минимума. Примите во внимание, что выраженные мысли пишущего тотчас изображаются на экране. Весь текст перед вами. Чрезвычайно удобна правка написанного и т. п., — сказал Абэ Кобо, отметив, однако, что работа с компьютерной машиной требует навыка и привычки.

— Не замедляет ли компьютерная машина процесс мышления пишущего?

— Я этого не испытал, хотя скорость письма у меня несколько замедлена. Видимо, это временно, пока овладею всей гаммой компьютерного устройства, если, конечно, мне это удастся. Впрочем, мы накануне создания и выпуска в Японии новых компьютерных устройств, которые будут записывать с голоса диктующего и выдавать письменный текст. Правда, лишь с голоса определенного человека, для которого специально настраивается фонетическая и артикулярная система... Словом, машина, как это ни фантастично, будет признавать только голос своего хозяина.

— Разумеется, техника для писателя — то же, что оружие для войны. Но техника сама по себе, без духа художника, который должен что-то сказать людям, мертва, хотя

и дух без техники бывает немощен. Не отражается ли пользование компьютерным устройством на средствах художественной выразительности автора?

— Это зависит от пишущего. Выразительные средства, лексика, стилистика, фразеология, музыкальность — все это создается писателем. Машина лишь помогает и облегчает его труд. Машина не способна превзойти человеческий интеллект. Компьютер, конечно, заменит и словарные источники: лексические, стилистические, фразеологические, толковые, энциклопедические и т. п. Для этого создаются соответствующие банки, к которым по мере надобности подключается компьютер.

Когда впоследствии я оказался на одном из самых современных заводов Японии, многие из моих скептических взглядов, должен признаться, стали заметно рассеиваться. Передо мной был завод по производству роботов. По обычным измерениям, здесь должны были бы работать около 5—6 тыс. человек. В огромном цехе, однако, не видно было ни одного рабочего или инженера. Их я заметил потом в специальном помещении, у пультов.

— На нашем заводе занято тридцать рабочих — «синих воротничков», и около ста пятидесяти «белых воротничков» — инженеров, — ответил на мое недоумение сопровождавший меня инженер. — При этом главная их функция — наблюдение за роботами и текущая настройка автоматов, которые сами автоматически подают сигнал, если нуждаются в помощи. Инженеры наблюдают лишь за специальными табло, где представлена детальная картина производства.

— Каков характер продукции завода? — продолжил я спрашивать инженера.

— Роботы... Здесь роботы делают роботов различного назначения и функциональности.

— Давно ли действует система роботов на вашем предприятии?

— Сейчас трудятся роботы четвертого поколения. Но разрабатывается очередное их поколение — мыслящие роботы, олицетворяющие собой уровень XXI века. Отдельные образцы «думающих роботов» демонстрируются теперь на научно-технической выставке в Токио.

— Верите ли вы в интеллектуальность роботов?

— Это, конечно, вопрос степени понимания. Мы уверенно к этому продвигаемся. Быть может, робот не во всем достигнет уровня человеческого интеллекта, но во многом, однако, он заменит не только физический, но и умственный труд людей. В ряде областей, в счетно-вычислительной, например, машины давно уже превысили человеческие способности. Теперь это стало элементарным. Разве это плохо? Япония развивается значительно быстрее других западных стран; темп развития Японии составляет 9 % в год, тогда как США — 2 %.

— Какое место в мире занимает Япония по производству и внедрению роботов?

— Ведущее... Япония идет впереди США, которые, как известно, достигли чрезвычайно высокого уровня в автоматизации производства современной технологии. Тем не менее Япония опередила Америку по целому ряду отраслей: электронике, оптике, химическому производству, не говоря уже о судостроении, где Япония принадлежит пальма мирового первенства уже в течение десятилетий. Не забывайте при этом, что Япония территориально почти в 25 раз меньше США, не располагает своими сырьевыми ресурсами, вся ее промышленность держится на ввозном сырье и т. д.

Все это отражается на торговле Японии и США. Между тем достаточно сказать, что в 1984 г. торговый дефицит США с Японией составил около 40 млрд. американских долларов... Как объяснить этот феномен? Мы должны признать, что Америка все более делается неконкурентоспособной. Разве не парадоксально: в США, которые производят автомобилей больше любой страны в мире и экспортируют их во все уголки земли, каждый четвертый автомобиль — японского производства. Япония экспортирует ежегодно в США свыше 2 млн. автомашин. Американцы все более импортируют автомашины японского производства, которые экономнее, надежнее и дешевле. Почитайте японские газеты: сейчас между США и Японией разразилась жесточайшая война по вопросам тарифов, протекционизма и рыночных барьеров. Белый дом угрожает Японии не просто применением экономических санкций... А ведь это произошло в течение каких-либо 20—30 лет после войны.

— Не достигает ли этого Япония за счет большой дешевизны рабочих рук и низкого жизненного уровня трудящихся? — спросил я собеседника.

— Возможно, такое положение имело место в первые годы после мировой войны. Но сейчас подобная концепция не выдерживает критики. Это, извините, вчерашний день. Зарботная плата квалифицированных рабочих в Японии, не говоря уже о инженерно-техническом персонале, едва ли уступает оплате труда в Европе и Америке. И если уступает, то, извините, незначительно. А уровень жизни японцев неизменно возрос. Это самоочевидный факт и в Токио, который стал одним из международных центров, играющих важную роль в мире экономических связей, торговли, технологии, фансонов и искусства. Современное производство, как вы это видите, весьма существенно отличается от промышленного предприятия прошлого, даже недавнего прошлого. Наш завод, к примеру, комплектуется технический персонал из выпускников высшей школы, университетов. Если в течение одного года или даже шести месяцев отобранный кандидат удовлетворяет нашим условиям, то мы предлагаем ему работу и пожизненный контракт со всеми вытекающими из этого последствиями и обязательствами завода.

— И что же?

— Ни один кандидат пока что не отказался от нашего предложения...

— А как же с остальными, которые не попадают в число избранных?

— нас интересуют лишь те, кто отвечает условиям нашего производства. Это, разумеется, перспективные сотрудники. Фирма делает расчет именно на подающих надежды... Никакие протекции, рекомендации или ходатайства влиятельных людей, как это обычно практикуется, фирмой во внимание не принимаются. Только личные качества кандидата служат основанием при отборе.

— Что это значит?

— Прежде всего, способности человека, необходимые знания, творческие данные, а также — и это весьма существенно — психологическая совместимость кандидата... Фирма ограждает себя от людей, страдающих комплексом неполноценности...

— Каким образом это устанавливается?

— Тщательным наблюдением, проверкой исполнения заданий, повторными тестами... — сказал инженер, бросив на меня взгляд своими узкими, как щели, глазами, котормыи, кажется, трудно что-либо и разглядеть.

— Не без причины, — продолжал инженер. — Япония ныне слывет обществом наиболее стремительного изменения в мире. И вместе с тем Япония покинута на традициях, уходящих в глубину времен. История и традиции, отнюдь не создавая барьеров в развитии, в действительности стимулировали изменения в Японии таким образом, как это, пожалуй, не известно в других странах мира. При этом поистине радикальные перемены произошли в течение коротких десятилетий, не разрушив основ японских традиционных корней и самобытной социальной преемственности.

— Чем же объясняется это «японское чудо»?

— Никакого «чуда», извините, здесь я лично не усматриваю. Это выдумка зарубежных экономистов, международных оракулов. С моей точки зрения, объяснение следует искать в высокой организации производства, технологической дисциплине, заинтересованности рабочих и технического персонала в труде, который и оплачивается по фактической его эффективности.

— Путем жестокой эксплуатации человека?

— На нашем заводе эксплуатируются главным образом роботы, а не люди.

— Но роботы возникли на капитал, рожденный заводчиками, благодаря беспощадной эксплуатации рабочих, на их костях и крови...

— Не забывайте, что в Японии очень сильные профсоюзы, которые успешно отстаивают права своих членов. К тому же в нашей стране наиболее низкий уровень безработицы. Во всяком случае, несравненно более низкий, чем в США и в Европе. Ограниченность полезных ископаемых и собственно промышленного сырья в Японии привела к тому, что рабочие руки, труд человека, его мастерство и искусство стали основой экономики, главным источником ее развития. Япония превратилась в огромный фабричный комплекс, где только рабочие руки свои, а все остальные ввозятся и вывозятся. Рабочие руки — главная основа и ресурсы Японии.

— Что значит заинтересованность персонала в работе, рабочем месте? Боязнь оказаться выброшенным, остаться без средств существования?

— Не следует забывать, что речь идет о капиталистическом производстве, которое, как наша фирма, должно приносить доход. Иначе какой смысл вкладывать в него капитал и человеческий труд? Не благотворительностью же движимы заводчики и предприниматели? Человеколюбие, о котором все так много говорят, особенно на митингах, да, но лишь в известной степени... когда и если оно взаимовыгодно...

— Значит, выжимается прибыль за счет угнетения тех, кто создает ценности?

— Основные ценности на нашем производстве создаются машинами, автоматами, роботами, все более широким применением электроники, кибернетики... Слушая японского инженера, который стремился всесторонне обрисовать технологический процесс на заводе, мне трудно было отделаться от впечатления, что он нередко сбивался на субъективизм и некоторую идеализацию положения дел.

3

С давним моим коллегой, Охара сэнсэй, одним из редких ныне эрудитов, я встретился в его доме, где царит книжный аромат. С тех пор как мы расстались, он заметно состарился. Ему теперь исполнилось восемьдесят восемь лет. Непримириость, увы, движущегося времени. Безотрадная истина.

Возраст этот, однако, в иероглифическом изображении в Японии ассоциируется со знаком «рис», который в своем генезисе обозначает «зажиточность», «богатство», «благополучие». И как у растения, у него неперменные сроки чередования цветения и тлена в природе, смена одного другим в человеческой жизни.

— Преданность книгам — гордость моей жизни. Не променяю ее ни на какие сокровища. Библиотека моя — высший комфорт и радость моего существования, — сказал Охара сэнсэй, предлагая мне занять удобную позу на циновке.

Нет, не каждый японский дом, в который я входил, был столь удобен, приятен, располагающ. Далеко не каждый, принадлежащий современным литераторам. Просторно, удобно, много света. Но если всмотреться, то ничего дорогостоящего с европейской точки зрения, никакой ценной мебели в доме не было. Свежие циновки, раздвигающиеся створки стен и двери, низкорослые столики... И это, пожалуй, все, но именно они

создают удобство, комфорт, ощущение пространства. Нет здесь тяжелых, давящих на вас буфетов, занимающих полквартиры, угловатых кресел, мешающих передвигаться в комнате, и гардеробов, которые восходят к старосветским временам. Так что же создает атмосферу комфортабельности, удобства, свободы? Отсутствие вещей, не только лишних, захламляющих жилье. Отсутствие ненужных вещей и предметов, к которым постепенно привыкаем, терпим их, хотя они мешают нам, и, однако, дорожим, не можем с ними расстаться.

В доме Охара сэнсэй — простор, который достигается почти полным отсутствием вещей. А те, что есть, малогабаритны, аккуратны, миниатюрны.

— Культ миниатюры, пожалуй, идет от самой японской земли, от малых ее размеров, — сказал Охара, — земля к тому же крайне скудна. Недра японских островов не таят в себе сколько-нибудь полезных ископаемых. Все нужно привозить извне, из океанских стран.

Ограниченность сырьевых материалов в свою очередь предрасполагала к очень рациональному их использованию. Так было всегда: из минимального количества сырья извлечь максимум пользы. За счет мастерства, искусства, конечно. Отсюда — утонченность, совершенство, эстетичность. Способность в малом увидеть и выразить большое, масштабное, многозначительное. Словом, угадывать великое в немногом.

— Многое начинается с малого... Как и самые большие, полноводные реки берут истоки с ручейка, сливающегося с другими, так и нравственный мир человека складывается из великого множества поступков, формирующих в совокупности жизненный опыт души и сердца.

— С этим связана и промышленная эстетика: самые малые транзисторы, миниатюрные телевизионные аппараты, изделия электроники. Культура малогабаритных, малолитражных автомобилей, различного рода машин и т. п. Характерна также и архитектура, особенно интерьер японского жилища, где явно доминирует чувство миниатюры, малые формы, деталь. При этом господствует эстетика ассиметрии, в отличие от европейского искусства, где, с точки зрения японцев, преобладает унылая парность, геометрические фигуры, симметрия. Разумеется, не последнее значение здесь имеет и то, что японцы невысокого роста, заметно мельче европейцев, хотя в последние десятилетия высокорослых японцев становится все больше, особенно среди мужчин.

Все это существенно отличает весь образ быта японцев от иностранцев. Последним поэтому кажется, особенно с первого взгляда, что японское жилище слишком тесно и неудобно, что употребляемые ими вещи напоминают какие-то недомерки. Тогда как японцам иностранцы видятся непомерно крупными, неуклюжими, лишенными элегантности, изящества.

Когда глаз европейца постепенно привыкает к Японии и японцам, он начинает обнаруживать, что его жилище слишком загромождено тяжелой мебелью и ненужными вещами. Ему становится тесно и уютно. Он старается избавиться от излишних вещей, освободиться от всего того, что загромождает его дом.

Помня давнюю японскую традицию, я решил написать черной тушью на белом листе бумаги иероглифический знак «рис», как бы прямое поздравление с восьмидесятивосьмилетием.

— О, благодарю вас, достоин ли такой чести?.. Ведь это очень счастливый символ, как вы это помните? — живо заговорил Охара сэнсэй и в знак учтивости, привстав с циновок, поклонился.

Необходим, пожалуй, комментарий. Иероглифическое изображение «рис» состоит из шести штрихов, которые композиционно позволяют выделить три сочетания по две черты (в порядке их написания) и таким образом составить цифру 88 с помощью знаковых чисел 8—10—8. Именно так рисуется знак «рис» при всей загадочности самого происхождения иероглифической письменности. Карамзин как-то сказал: «История ума представляет две главные эпохи: изобретение букв и типографии; все другие были их следствием». Изобретение иероглифики китайцами составило эпоху, продолжающуюся тысячелетия. Китайская иероглифика была заимствована японцами и другими народами дальневосточного ареала. Японцам удалось приспособить ее к своему языку и модернизировать так, что она продолжает служить им и в век атомных открытий, электроники и лазера.

К этому следует добавить, что для пожелания долголетия вообще существует другой иероглиф — «долголетие», который в японском языке, в отличие от китайского, со временем приобрел значение «поздравления».

— Долголетие — высокая награда природы человеку, но есть еще в жизни нечто... — произнес Охара сэнсэй, не закончив фразу.

Это была посылка, как говорится, осторожный намек. Тайна здесь в том, что иероглифы «долголетие» и «счастье» считаются в Японии парными, или сопутствующими друг другу. И без всякой опасности впасть в ошибку можно сказать, что пользуются они наибольшей популярностью в народе как символы самых счастливых надежд человека. Часто в виде перстней можно встретить два этих иероглифических знака, которые обычно бывают выгравированы ювелирами и ценятся особенно высоко, как произведения каллиграфического искусства.

— Надеюсь, вы были счастливы в вашем долголетии... И я вновь желаю вам и счастья, и долгие лета, — сказал я Охара сэнсэю.

— Аригата годзай масита — весьма признателен за добрые ваши чувства. Я счаст-

лив, познавая жизнь через соприкосновение с книгами. Эта страсть моя с детства, она не покидала меня никогда. Помимо всего, книги — последние наши друзья. Самые последние и самые верные. Они нас не обманывают. Не покидают нас, всегда остаются с нами, а главное — не попрекают нашей старостью... Знаете ли, по слову поэта, очаровательная свежесть старых книг подобна выдержанному вину...

Я слушал Охара сэнсэй, а сам напрягал память, чтобы вспомнить имя мудрого человека, сказавшего, что книга перенесла меня из узкого круга мелких и однообразных интересов на широкую сцену истории и творчества, литературы мировой, на арену, где действовали герои во имя высоких идеалов добра, правды, прекрасного, родины, человечества...

За спиной Охара сэнсэй высились полки книг — от пола до потолка. Все его жилище — стены книг, за которыми стояли раздвигающиеся «фусума» — перегородки. Постелите, как у М. Волошина:

Мой кров — убог. И времена — суровы.

Но полки книг возносятся стеной.

Тут по ночам беседуют со мной

Историки, поэты, богословы...

— Какие книги преимущественно помещаете вы на ваших полках? — спросил я Охара сэнсэй.

— Золотые это полки! На них ставлю я любимые мои книги, которые для меня своего рода ковчег великих мыслей великих людей. Я чувствую, что способен вдыхать мудрость, живя среди книг. И аромат тронутых молю переплетов столь же свеж для меня, как аромат первых цветов сливы и сакуры, что растут в счастливом нашем саду.

Охара сэнсэй как бы намекнул на Ки-но Тимонори (X в.), которому принадлежат поэтические строки:

Если б не было вас,

Кому показать бы решился?

О цветущая слива!

Лишь тот постигнет ее.

Кто постиг и запах, и цвет

(«Сказание о Есицуне». М. 1984, с. 274).

Справедливо говорят, что у одних книги заполняют жизнь, а у других — только книжные полки. Верно сказано А. Герценом, что надо уважать книгу, надо с почтением входить в этот храм мысли... И я привел невольно вспомнившиеся мне поэтические строки И. А. Бунина:

Молчат гробницы, мумии и кости,

Лишь Слову жизнь дана.

Из древней тьмы на мировом погосте

Звучат лишь письма...

— Падают цветы... Сон мой невесел. — едва слышно произнес Охара сэнсэй.

И я заметил, что руки его дрожали, тонкие пальцы мяли и комкали носовой платок, словно стремясь изодрать его в клочья... Да, хозяин улыбался только лицом, всем же существом своим он испытывал иные чувства, которые скрывал, не желая собеседнику причинять неудобств.

Не знаю почему, но в памяти моей всплыли слова совсем не японского писателя: «В пору моей молодости, — писал Стриндберг, — много говорили о носовом платке госпожи Хайберг... Это был прием двойной игры, заключающийся в том, что, улыбаясь лицом, руками она рвала платок...» (цит. по: Акутагава. Новеллы. М., 1985, с. 4).

Совсем это другое. Вонсе по-иному ведут себя японцы. Они улыбаются вам даже в минуту скорбных испытаний. Улыбаются потому, что не хотят, не должны в силу нравственных правил переносить или вносить личные свои горести другим, своим собеседникам, например.

Мне как-то пришлось быть свидетелем беседы японца с женщиной, недавно потерявшей сына, и обнаружить, что внешнее ее спокойствие была только маска, а на самом деле она мучилась безутешным горем. Японец приходит в восхищение — не столько от героизма и стойкости гостыи, сколько от полного, как ему представляется, соответствия между ее поведением и традиционной манерой держаться перед другими.

Не без основания классик японской литературы Акутагава отмечал: «Цубоути был, разумеется, прав, когда писал в своей «Сущности романа»: «Главное — описание чувства, потом уже нравов и обычаев... Чувство — это мозг произведения» (цит. по: Акутагава. Новеллы. Указ. соч., с. 10).

— Но здесь среди собранных мною книг, — заговорил Охара сэнсэй, — особое место занимают произведения русских классиков — Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Гоголя и других, переведенных на японский язык и изданных в нашей стране. Переведенных при этом не однажды, разными мастерами, каждый из которых был движим стремлением глубже проникнуть в оригинал русского текста и как можно точнее передать его на японском. Труд этот столь же благороден, сколь и многосложен. Думается, что лишь в идеале возможен адекватный перевод художественного произведения, созданного гениальным писателем или поэтом. Строго говоря, перевод художественного творения на иностранный язык — это приближение в той или иной степени к оригиналу.

— И все же труд этот должен продолжаться. — включился в нашу беседу крупнейший литературный критик Ямамото, занимающий пост президента Ассоциации японских писателей. — Здесь не может быть двух мнений. Вспомните историю развития новой японской литературы... Становление ее происходило под огромным, если не сказать доминирующим, влиянием русской классической литературы. И мы знаем, что воздействовали на творческое развитие японских писателей, притом не одного поколения, книги таких корифеев искусства слова и мысли, как Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев, Чехов, Горький. По сути, новая наша японская литература восходит ко времени перевода на японский «Записок охотника» Тургенева. Они положительно завладели воображением японской интеллигенции благодаря своей поразительной проникновенности, необыкновенной способности художника столь глубоко войти в мир живой природы и психологию человека, способностью искусством слова гармоничную, благодатную природу противопоставить раздирающим противоречиям социальной жизни.

Ямамото неторопливо отпил зеленого чая из керамической чашки, стоявшей перед ним на лакированном столике. Осторожно придерживая ладонями, поставил ее на место, немного помедлил, а затем вновь заговорил:

— Да, все мы глобоко обязаны Тургеневу, блестящему его таланту. Произведения Тургенева до сих пор любимы нашим читателем. Они стали достоянием духовной нашей жизни. И, думается, навсегда. Но, конечно же, не только Тургенев вторгся в душу японского читателя. Немыслимо, к примеру, переоценить гигантскую роль Толстого, его творений и миропонимания в развитии и формировании японского романа и вообще духовной жизни японцев. О Толстом написано и сказано в Японии, вероятно, больше, чем в любой другой стране на нашей земле. Он близок нам. Он всегда с нами... Японцы благодарны, благодарны навсегда... А вместе с Толстым в Японию пришли такие гениальные художники слова, как Пушкин, Достоевский, Чехов, Горький...

На какое-то мгновение Ямамото остановился. Искоса взглянул на чашку с зеленым чаем, прикоснулся к ней ладонью, но пить не стал.

Бросив взгляд на композицию икебана, украшавшую такэному — почетное место комнаты, он задержался на какое-то время. Кто знает, быть может, его привлекла необыкновенная композиция цветов, что свойственно японцам, которые едва ли пропустят оригинальное сочетание растений, философский их язык. Это была традиционная композиция воображаемого плато, плоской возвышенности, над которой стоят два японских растения арарики, господствующие над расположенными у оснований сухих их ветвей, олицетворяющих скалистую землю. Подобные композиции — частая принадлежность излюбленных мест встреч японцев. Они обычно остаются мало замечаемыми иностранцами. Как знать им внутренне тайны японского образа быта? Но почему бы не знать? Почему европейский образ жизни изучен другими народами, в том числе азиатскими, столь досконально, по крайней мере в литературе и искусстве? Можно было бы, и, кажется, давно пора, хотя бы теперь, в век активного постижения стран Запада и Востока, уделить давно заслуженное внимание естественным нашим соседям, их жизни, особенностям духовного их быта, как и всем остальным народам земли. И делать это нужно не только потому, что завтра или годом позже они станут, неизбежно станут близкими нам в идейных наших взглядах на мир и человечество.

Молчаливая пауза длилась, однако, недолго.

— Говорю не просто о своем убеждении. Но и о нем тоже говорю. Само развитие новой японской литературы, которая, хорошо это известно, вместе с иероглифической письменностью корнями своими питалась китайским искусством слова и каллиграфией, свидетельствует, несомненно, о том, что ни одна другая литература не оказала столь сильного воздействия на литературный процесс в Японии, как русская классическая, а затем и современная литература.

Не впервые слышу я подобные высказывания о русской литературе в Японии. Многое удалось прочесть, многое услышать из уст самих первоклассных литераторов, переводчиков русской литературы.

Разве не достойно восхищения уже одно то, что профессор Хара Хиситиро в начале 60-х годов, когда ему было уже семьдесят лет, продолжал переводить академическое полное собрание сочинений Толстого в 99 томах? Истинный японец, он был полон творческих сил, давно стал толстовцем по духу и мировосприятию, просил меня, тогда советского посла в Японии, помочь восполнить недостающими томами то самое академическое собрание сочинений Толстого, над которым он в ту пору трудился. Нужно ли говорить, что недостающие тома были вскоре вручены профессору в присутствии японских представителей массовой информации, проявивших к этому повышенный интерес. Не буду говорить, как счастлив был великовозрастный профессор, получая недостающие тома, которые он воспринимал словно панацею в творческом своем подвиге.

И тогда и теперь меня удивляло, не может не удивлять, то, что человек способен посвятить всецело всю свою жизнь, единственную и неповторимую, исключительно исследованию и переводу произведений Толстого на свой родной японский язык с одной лишь целью — сделать его достоянием духовной жизни своего народа, полюбить и поверить гениальному сыну земли русской, земли ближнего своего соседа.

— Но сегодня с нами на нашей встрече, — заговорил Охара сэнсэй, — сын покойного профессора, уважаемый его преемник — профессор Хара Такуя, наследник и продолжатель династии Хара. Он также посвятил значительную часть своей жизни изу-

чению и переводу произведений другого гения русского искусства слов — Антона Чехова...

И в моем сознании воскресло воспоминание, когда Хара-младший, совсем юный и очень низкорослый, пришел ко мне со связкой книг Чехова на японском языке, чтобы преподнести их стране, породившей чеховский гений.

— Здесь шестнадцать томов произведений Чехова, которые мне удалось очень грубо переложить на японский язык... Примите их в знак моей любви и преданности...

Не верилось мне, что юноша этот способен был тогда книги Чехова сделать достойным японского читателя. Сомнения мои вскоре рассеялись. Помогли не просто положительные рецензии в японской прессе. Труд Хара Такуя, как и его родителя, получил весьма высокое признание. Чехов, как можно было понять, стал фактом японской литературы. Возможно, Чехова переводили другие японцы. До и после Хара Такуя. Возможно, но мне известен он и его личный опыт — 16 чеховских томов на японском языке, изданных в самом начале 60-х годов.

— Едва ли я совершил что-либо такое... необычное по сравнению с подвигом моего отца... Он всегда был и остается в моем сознании, стоит перед моими глазами. Он, конечно, родитель мой, и я, вероятно, пристрастен... Но вместе с тем личное его подвижничество не могло, конечно, не затрагивать моего сознания, моей совести. И я увлекся Чеховым. Что говорить, ушел в его творчество с головой. Ходил и жил с тех пор, как зачарованный. Понимал, конечно, своего отца, который стал отъявленным толстовцем, только и желал вновь посетить на редкость простую могилу Толстого в Ясной Поляне, а потом, как он говорил, господь со мною, что будет, то будет!..

И я видел, когда говорил Хара Такуя, руки его, тонкие и чувствительные, заметно дрожали, выражая, очевидно, внутреннее его волнение. Да, воспоминания пробуждают волнения. Но разве не волновались мы и тогда в те мгновения, когда профессор Хара Хиситиро вручал мне тома академического собрания сочинений Толстого на японском языке или сын его — Хара Такуя — передавал мне для Академии наук СССР полное собрание сочинений Чехова на японском языке — труд его многолетних усилий.

Известно, что чеховская драматургия в начале нынешнего века оказала значительное влияние на развитие японской новой драмы — «сингэки». Это было также время проникновения в Японию творчества Стринберга, Ибсена, Метерлинка, хотя их влияние со временем снижалось и в настоящее время почти незаметно. Следует сказать, что воздействие произведений Чехова, в том числе драматургии, неизменно возрастало. По свидетельству японских критиков и литературоведов, чеховское наследие продолжает оказывать значительное влияние на развитие современного японского театра, привнося в него то неповторимое по форме и мысли, что так характерно для жанра чеховских пьес. Весьма примечательно, что «Вишневый сад» Чехова — излюбленная пьеса японцев.

Творчество Чехова в Японии следует рассматривать не просто как издание его книг на японском языке. Чехов в Японии — важное явление в духовной жизни японского общества. Правомерно поэтому оценивать роль Чехова в свете взаимного проникновения русской и японской литератур, в развитии новой драмы и всего театрального мышления.

Среди всей современной иностранной литературы, как говорил классик японской литературы Акутагава, нет такой, которая оказала бы на японских писателей и даже скорее на японские читательские слои такое же влияние, как русская. Даже молодежь, не знакомая с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. «Этого достаточно, — подчеркивал Акутагава, — чтобы стало ясно, насколько нам, японцам, близка Россия... Тот факт, что современная японская литература испытала на себе огромное влияние современной русской литературы, объясняется, несомненно, тем, что современная мировая литература в целом испытала на себе огромное влияние современной русской литературы».

Но еще более важная проблема, по мнению Акутагавы, заключается в том, что объяснение этому, как мне думается, следует искать в сходстве характеров русских и японцев. Мы, современные японцы, благодаря произведениям великих русских реалистов в общих чертах смогли понять Россию. Постарайтесь и вы, русские, понять нас, японцев. (Мы, японцы, чувствуем себя в мире совершенно одиночками в сфере искусств, исключая изобразительное и прикладное.)

...Япония после 1880 г. родила множество талантов. Эти таланты либо, подобно Уолту Уитмену, восславляли человека, либо, подобно Флоберу, правдиво рисовали жизнь буржуазии, либо, наконец, воспевали традиционную японскую красоту, присущую одной лишь нашей стране. «Если вслед за переводами моих произведений русские познакомятся и с произведениями этих талантов, — говорил Акутагава, — радоваться буду не я один. Мое предисловие кратко. Но его написал японец, который считает наших Наташу и Союо нашими сестрами. С этой мыслью читайте написанное мной» (Акутагава. Указ. соч., с. 25—26).

Не прискорбно ли, что все эти издания русской классики на японском языке как-то остались без должного отклика. А жаль... В свое время академик Н. И. Конрад собирался отозваться, но краткость жизни... Почему же ныне здравствующие японисты не считают для себя хоть сколько-нибудь необходимым должным образом откликнуться на столь знаменательное это явление, разве это противоречит патриотическим и интернациональным принципам нашего миропонимания?

— А помните ли вы профессора Энэгава Массао, необыкновенного японца, который

всю свою жизнь, как и профессор Хара Хиситиро и его сын Хара Такуя, видел свое призвание в том, чтобы бессмертные творения русских писателей сделать художественным достоянием японского читателя? — обратился ко мне Охара сэнсэй.

Не пришлось мне особенно напрягать свою память. С профессором Енэкава Масао мы встречались в Токио довольно часто. Не однажды он выражал мысль о том, что Достоевский сложен, труден в понимании его творчества даже в России. Написано о Достоевском так много различными искусствоведами на различных языках, что становится все труднее проникнуть в истинный смысл его произведений. Тогда свою задачу видел я в том, чтобы снабдить Экэнава Масао современными работами советских исследователей наследия Достоевского и таким образом помочь ему в изучении творчества писателя.

Запомнилась последняя моя встреча с Экэнава в 1962 г., перед моим отъездом из Токио. У него была страсть — старинный театр масок Но. Экэнава нередко выступал там как режиссер и исполнитель традиционных ролей ученых.

Помнится, как после спектакля в токийском театре Но, в котором Экэнава играл одну из главных ролей, мы возвращались домой переулками старого города.

— Вся моя зрелая часть жизни, — говорил Экэнава, — была нерасторжима с переводом и изданием произведений Достоевского. Теперь можно сказать — весь Достоевский, все, что выходило в свет на русском языке, включая эпистолярное наследие, опубликовано мною на японском.

Сделав еще несколько шагов, Экэнава вдруг остановился и, обернувшись ко мне, продолжал:

— Все перевел и передал на суд японского читателя... Все наследие великого Достоевского я положительно «обсосал до кончиков пальцев», — произнес Экэнава и сказанное показал руками.

Некоторое время мы шли молча. Затем он вновь заговорил:

— У меня все чаще бывает острое ощущение, что завершение этого труда, в котором я находил оправдание своему существованию на земле, как бы напомнило о том, что выполнил я судьбою вверенную мне миссию: все оказалось исчерпанным, в самой жизни словно нет уже больше для меня смысла...

К сказанным мною словам о том, что не должны мы предаваться пессимизму и что в жизни еще столько незавершенных дел, Экэнава, казалось, остался глух. Он больше не проронил ни звука. Вскоре мы подошли к моему дому и расстались молча. На следующий день я покинул Токио... Пророчество же Экэнава оказалось фатальным. В Москве я вскоре получил телеграмму о безвременной его кончине.

Впечатлениями о последней встрече с Экэнава я поделился с японскими литераторами во время беседы у Охара сэнсэй. В присутствии сына покойного профессора Экэнава, который тоже посвятил себя изучению и переводу славянских литератур. В беседе участвовал и Хара Такуя, которому, кстати сказать, принадлежат слова:

— Японские писатели испытали на себе огромное влияние Достоевского, но ведь это Ф. М. Достоевский в переводах Экэнава. В этом смысле чрезвычайно велик вклад Экэнава и в японскую литературу... Широкое распространение и признание получил в Японии капитальный труд Экэнава о жизни и творчестве Достоевского...

Полное собрание сочинений Достоевского было выпущено Экэнава в переводе на японский издательством «Кавадэ сэбо» еще в довоенные годы. Помимо произведений Ф. М. Достоевского, Экэнава переводил также других русских классиков, в том числе «Собрание сочинений Л. Н. Толстого» в 23 томах. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, который впервые увидел свет на японском языке в 1921 г.

Согласно библиографическим источникам, такие произведения Ф. М. Достоевского, как «Преступление и наказание», переводились различными литераторами 15 раз. Этот роман дважды включался в первую десятку лучших книг (бестселлер) в 1948 и 1963 гг. В настоящее время издательство «Кодайся» выпускает в свет новый перевод полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах.

Кто знаком с японской литературой, знает, насколько велико было влияние русских классиков на японских литераторов. Интересно в этой связи, например, огромное воздействие Ф. М. Достоевского на классика японской литературы Симадзакки Тосюно, что признается всеми литературоведами Японии.

Все это, можно сказать, в прошлом, хотя и в совсем недавнем прошлом. А вот свидетельство современного прозаика Кэндзабуро Оэ, книги которого переведены на русский язык и пользуются широкой популярностью. Как-то он ответил, желая подчеркнуть свое особое отношение к таким гениям словесности, как Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой: «„Братьев Карамазовых“ читал 12 раз!..» Нет, кажется, особой необходимости морализовать по этому поводу, сколько читали Ф. М. Достоевского наши современные писатели.

Лики Японии... непостижимые, непроницаемые, герметичные. Сколько раз приходилось мне слышать от европейцев, что все японцы в их глазах похожи друг на друга и часто их невозможно различить. Но я знаю, со временем люди меняют свои взгляды, особенно если им приходится жить в Японии, общаться с народом. Помогает опыт. И первоначальное впечатление изменяется. Впоследствии же оказывается, что одинаковые японцы встречаются так же часто или столь же редко, как и одинаковые европейцы, которые для японцев поначалу тоже кажутся все на одно лицо...

Вдохновляющий пример великого подвига:

(Советская литература о Великой Отечественной войне в переводах на китайский язык до 1957 г.)

Е. А. СЕРЕБРЯКОВ,

доктор филологических наук

В год 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне мы вспоминаем и о выдающейся роли, которую в суровую пору сыграла советская литература. Велики ее успехи в идейно-политическом и нравственном воздействии на воинов и тружеников тыла, значительны достижения в ознакомлении народов мира с социалистическими идеалами, героикой и буднями Отечественной войны. Передовые люди Китая в 40—50-е годы с волнением воспринимали художественные произведения наших писателей, которые рассказали правду о беспримерном подвиге советского народа. Секрет успеха советских книг в Китае заключался в том, что их авторам удалось воплотить тему борьбы за свободу Родины — тему, которая была близка китайским патриотам, многие годы сражавшимся с японским фашизмом и гоминьдановской реакцией. Известный переводчик русской литературы Цао Цзинхуа в 1944 г. писал о пьесах «Нашествие», «Фронт», «Русские люди»: «Постановка больших общественных вопросов, создание образов патриотов, полное подчинение всех действий, мыслей и чувств персонажей освободительной войне против агрессии — вот главная особенность этих произведений»¹.

Закончив в декабре 1943 г. в Чунцине перевод пьесы Л. Леонова «Нашествие» Цао Цзинхуа подчеркивал, что воспитанный советской эпохой и партией писатель смог с необычайной силой передать чувства народа, подвергшегося нападению иноземных врагов. «Леонов с поразительным писательским чутьем воссоздает психологическое состояние своих героев. В пьесе показано величие духа советских людей, их мужество в небывало тяжелых испытаниях. В ней передано огромное горе, которое принесла война, воплощена решимость советских людей объединиться вокруг партии и совместными усилиями дать отпор врагу»². На китайских читателей произвела сильное впечатление сложная духовная эволюция Федора Таланова, забывшего при виде народного горя о личной драме и вступившего в смертный бой с захватчиками. Пьеса Л. Леонова, повествующая о первых неблагоприятных для СССР днях войны, пришла в Китай в середине 1944 г., когда Советская Армия неудержимо громила гитлеровские полчища. Цао Цзинхуа предупреждал соотечественников, что «накануне краха агрессоры как на Западе, так и на Востоке будут прибегать к самым жестоким мерам, пытаясь сохранить свою жизнь. Надеюсь, что после ознакомления с пьесой «Нашествие» мои сограждане еще лучше будут знать звериный облик агрессоров, усилят решимость в войне сопротивления японскому фашизму... Прочитав «Нашествие», мы должны проникнуться еще большей ненавистью к фашистским агрессорам. В этом главная цель моей работы над переводом пьесы»³. Помимо перевода Цао Цзинхуа в 1945 г.

¹ Предисловие переводчика. — В кн.: Л. Леонов. Нашествие. Пекин, 1953, с. 1.

² Там же, с. 2.

³ Там же, с. 29.

в Шанхае вышел перевод, сделанный Линь Лином. Издание было снабжено статьей Д. Заславского «Как рождается ненависть к врагу» (о пьесе Л. Леонова «Нашествие»).

В сообщении о публикации пьесы К. Симонова «Русские люди» в 1946 г. в переводе Бай Ханя говорилось: «„Русские люди“ — эти слова сейчас приобрели особое высокое звучание. Почему? Пьеса поможет вам найти ответ. В ней рассказано о трагической и достойной воспевания истории отряда русских людей, сражавшегося в окружении. Здесь есть самоотверженная великая русская мать, есть идущий на смерть ради высокого долга старый врач, есть не испытывавшая любви девушка, есть так много героев, сделавших Россию непобедимой и заставивших слова „русские люди“ произносить с особым уважением и любовью»⁴. Поэт Сяо Сань (Эми Сяо) вспоминал: «Наспех сколоченный театраль- ный помост в одной из прифронтовых частей Восьмой армии. Напря- женная тишина зрительного зала. Русские имена, своеобразно и чуть странно звучащие в устах китайских артистов. Идет пьеса К. Симоно- ва „Русские люди“. Спектакль близится к концу. Уже расстреляли Гло- бу, уже упала без сил полумертвая от ран и пыток Валя. И вот на сцену стремительно врывается Сафонов с группой красноармейцев. Словно буря пронесится по зрительному залу — это китайские солдаты приветствуют Советскую Армию»⁵.

С 19 по 26 мая 1944 г. в издававшейся в Освобожденных районах газете «Цзэфан жибао» была напечатана в переводе Сяо Саня одна из лучших пьес военного времени — «Фронт» А. Корнейчука. В июне 1944 г. она была издана в Яньани отдельной книгой, а в 1946 г. — в городе Калгане. Другой перевод пьесы был осуществлен Линь Лином и опубликован в 1946 г. в Шанхае. Там же в 1947 г. вышел перевод И Ляо с обстоятельным предисловием знатока русской и советской ли- тературы Гэ Баоцюаня. 1 июня 1944 г. газета «Цзэфан жибао» напе- чатала редакционную статью «Чему нужно учиться у пьесы Корнейчу- ка „Фронт“?», а также перевод статьи, одновременно появившейся 29 сентября 1942 г. на страницах газет «Правда», «Известия» и «Ком- сомольская правда». В редакционной статье «Цзэфан жибао» отмеча- лось, что публикация острокритической пьесы в 1942 г. преследовала цель указать командирам на необходимость изучения современных ме- тодов ведения войны. «Люди, подобные генералу Горлову, независимо от их заслуг, преданности, мужества, превратились в препятствие на пути овладения Советской Армией первоклассным вооружением и со- временной тактикой, стали представлять опасность для страны и наро- да»⁶. Имя зазнавшегося, переставшего пополнять военные знания ге- нерала Горлова сделалось в Китае нарицательным, а в Народно-осво- бодительной армии была развернута критика «взглядов Горлова». Газета «Цзэфан жибао» писала, что следует перевоспитывать тех, кто боится критики в свой адрес: «Подобная позиция — позиция Горлова, ее также можно назвать „позицией А-Кью“. Ведь А-Кью больше всего боялся, что другие скажут о его плешивой голове. Нужно помнить, что в нашей работе, сколь бы успешной она ни была, есть недостатки, по- этому нельзя препятствовать критике»⁷. Анализ советского драматур- гического произведения в редакционной статье газеты завершался утверждением: «Для нас огромное значение пьесы „Фронт“ заключает- ся в том, что она помогает воспитанию многочисленных кадровых ра- ботников, сочетающих талант с высокой нравственностью, храбрость — со знаниями. Пьеса способствует подъему культурного уровня народ-

⁴ Л. Соболев. Морская душа. Шанхай, 1946, с. 38.

⁵ «Театр», 1952, № 8, с. 25.

⁶ «Цзэфан жибао», 1.VI.1944.

⁷ Там же.

ных масс и армии, помогает... добиться победы в войне с японской военщиной и создать новое общество»⁸. В частях НОА устраивались коллективные читки и обсуждения пьесы «Фронт», к ней обратились многие агитбригады. «Пьеса „Фронт“ ставилась драматическими коллективами Яньани и других опорных партизанских баз и получила широкий отклик у китайского зрителя»⁹. В статье «Знание — сила» Ху Ци вспоминает, как его агитбригада играла пьесу в тылу врага и после спектакля бойцы активно выступали по серьезным вопросам, поднятым в ней. «Можно без преувеличения сказать, что „Фронт“ оказал влияние на идеологическое строительство нашей армии, способствовал тому, что командиры и бойцы стали больше значения придавать учебе и освоению современного военного искусства. Это влияние сказалось не только при завоевании победы в антияпонской войне, но и в последующий четырехлетний период национально-освободительной борьбы»¹⁰. В 1954 г. в предисловии к новому изданию своего перевода «Фронта» Сяо Сань писал, что и в середине 50-х годов пьеса сохраняет свою актуальность, поскольку в армии порой проявляется пренебрежение к учебе, самоуспокоенность, индивидуализм. «Новое издание пьесы, „Фронт“ помимо литературного значения имеет особую политическую ценность»¹¹. Китайские критики высоко оценили драматургическое искусство Корнейчука, сумевшего «в пяти сценах трехактной пьесы поставить и разрешить некоторые серьезные проблемы Отечественной войны»¹². Драматург Би Е отмечал, что причина творческого успеха автора в том, что он обладает качествами политического борца и движимый верой в партию и народ не боится вскрывать недостатки, мешающие быстрейшему достижению победы. «Эта политическая страсть, чувство ответственности и ясно выраженная партийность могут служить примером для наших драматургов»¹³.

Большую популярность в Китае приобрела пьеса К. Симонова «Жди меня», перевод которой Цао Цзинхуа закончил в августе 1944 г. Первое издание вышло в Чунцине в октябре 1944 г., в марте 1946 г. в Шанхае появилось второе издание, в сентябре 1947 г. — третье, в ноябре 1949 г. — четвертое. В КНР пьеса была вновь напечатана в Шанхае в 1953 г. В предисловии Цао Цзинхуа привел текст симоновского стихотворения «Жди меня», которое в переводе Гэ Баоцюаня уже публиковалось в китайских газетах и было известно читателю. Тема стихотворения и стала главной в пьесе. «Фашистская агрессия разрушила мирную обстановку, разбила счастливую жизнь, разлучила любящих супругов. В стране, в которую пришла военная беда, сколько людей надеялось на возвращение воинов домой! Симонов в пьесе истово убеждал: „Жди меня, и я вернусь!“»¹⁴. Пьеса воспевала душевную стойкость женщины в военную пору, приравнивала умение ждать к ратному подвигу солдата. «Подобная убежденность открывала новый источник сил, давала людям духовную опору, усиливала веру в победу. Советский Союз во время войны стал единой семьей. В годы небывалых бедствий, принесенных фашистами, для одного человека не было какого-то особого индивидуального пути. Путь был только единственный и общий для всех, а именно путь к победе. Победа в войне с агрессором рассматривалась как дело каждого, как путь к счастью для каждого. Отсюда

⁸ Там же.

⁹ А. Корнейчук. Избр. произв., т. 1. Пекин, 1956, с. 2.

¹⁰ Ху Ци. Знание — сила. — «Цзэфанцзюнь вэнь», 1957, № 11, с. 23.

¹¹ Предисловие. — В кн.: К. Корнейчук. Фронт. Пекин, 1954, с. 4.

¹² Корнейчук и удостоенная премия пьесы «Фронт». — В кн.: К. Корнейчук. Фронт. Шанхай, 1947, с. 15.

¹³ Би Е. Учиться у советских драматургов и их пьес. — «Цзюйбэнь», 1957, № 11, с. 43.

¹⁴ Предисловие. — В кн.: К. Симонов. Жди меня. Шанхай, 1949, с. 8.

большое общественное значение пьесы, в которой переданы горячее патриотическое чувство, вера в торжество справедливости»¹⁵.

В Китае с большим интересом воспринимались стихи советских поэтов о войне, в которых раскрылась душа нашего народа, его гуманизм и свободолюбие. «Мы нередко вспоминаем старинное изречение: „Когда говорят пушки, музы молчат“, но оно утратило свою силу. В годы Великой Отечественной войны поэтическая муза одела военную форму и пошла на фронт сражаться за победу, за счастье отечества. Великий советский поэт Маяковский хорошо сказал: „Песня и стих — это бомба и знамя“. Мы можем судить о силе поэтического слова по той роли, которую советская поэзия сыграла во время Великой Отечественной войны»¹⁶, — разъяснял в публичных выступлениях Гэ Баоцюань. Линь Лином и другими переводчиками был подготовлен и издан в Шанхае сборник «Избранные советские стихи периода Отечественной войны». Популярный китайский поэт Тянь Цзянь вспоминал о глубоком впечатлении, произведенном на него поэмой Н. Тихонова «Киров с нами» («Жэньминь вэньсюэ», 1955, № 3). Поэма «Зоя», которая была написана, по словам М. Алигер, «в сорок втором году, через несколько месяцев после гибели Зои, по горячему следу ее короткой жизни и героической смерти», была переведена на китайский язык Юй Чжэнем. В заметке от издательства указывалось: «Зоя — знаменитая советская героиня. Ее жизнь-подвиг для каждого молодого человека может служить образцом для подражания»¹⁷. Переводчик «Василия Теркина» Мэн Хай писал: «Поэма А. Твардовского — выдающееся произведение советской литературы. Ее отличают богатство содержания и яркость формы»¹⁸. Поэт смог правдиво рассказать о войне потому, что всегда был рядом с героями своей будущей поэмы. «Во время Великой Отечественной войны Твардовский все время находился на фронте, занимался журналистской работой. В эти годы им и была написана поэма „Василий Теркин“»¹⁹. На примере «книги про бойца» китайские литераторы видели, какую идейную и художественную силу приобретает стихотворное произведение, в котором талантливо сочетаются эпическая широта, лирическая проникновенность и гражданственный пафос (Гун Лю. Разговор о поэме «Василий Теркин». — «Цзэфанцзюнь вэнь», 1957, № 2). Ло Е в статье «Простые, волнующие стихи» («Вэнь бао», 1956, № 21) писал, что Твардовский унаследовал традицию русской поэзии, идущую от Пушкина, и запечатлел в образе Василия Теркина, в поэтической концепции всего произведения важнейшую черту русского национального характера — веру в лучшее будущее, самоотверженность в борьбе за свободу и счастье Родины. Гэ Баоцюань в статье «Приветствуем известного советского поэта Суркова» («Вэнь бао», № 1955, № 19) говорил, что в Китае хорошо знают стихи поэта, преисполненные лиризма и гражданских чувств. Известный китайский поэт Цзян Кэцзя с восхищением отзывался о сборнике «Избранное» А. Суркова, в который вошли преимущественно стихи военной поры: «Стихи А. Суркова волнуют нас своим патриотическим пафосом. Мы не можем не восхищаться величием духа его лирического героя»²⁰. В поэзии Суркова были запечатлены конкретные, личные настроения и думы, но они несли в себе общезначимое, общечеловеческое. Не случайно Цзян Кэцзя утверждал: «Нам, пережившим долгую войну с японским фашизмом, легко понять значение и ценность военных стихов Сур-

¹⁵ Там же, с. 9.

¹⁶ Гэ Баоцюань. Лекции по советской литературе. Чунцин, 1949, с. 87.

¹⁷ М. Алигер. Зоя. Пекин, 1954, с. 1.

¹⁸ Послесловие. — В кн.: А. Твардовский. Василий Теркин. Шанхай, 1956, с. 313.

¹⁹ Там же, с. 1.

²⁰ Цзян Кэцзя. На путях литературной учебы. Шанхай, 1955, с. 157.

кова»²¹. В 1955 г. журнал «Ивэнь» (№ 11) опубликовал стихи Мусы Джалиля из «Моабитской тетради».

Китайских читателей волновали советские повествовательные произведения, со страниц которых вставал покоряющий величием своего духа образ человека, воспитанного социалистическим обществом, готового ради защиты своей страны, ради спасения всего человечества перенести любые тяготы кровавой битвы с фашизмом. Появившийся в первую годовщину начала войны, 22 июня 1942 г., замечательный рассказ М. Шолохова «Наука ненависти» имел несколько переводов и неоднократно издавался в Китае. В те же годы китайский читатель смог познакомиться с главами романа Шолохова «Они сражались за Родину», переведенными Линь Лином. Один из основоположников новейшей китайской литературы Мао Дунь в апреле 1945 г. писал «Произведения Михаила Шолохова времен войны познакомили нас с характером советских людей. С глубоким психологизмом им раскрыта связь любви и ненависти в рассказе „Наука ненависти“ и главах романа „Они сражались за Родину“. Шолохов указывает: ...из высокой и всеобщей любви и рождается непримиримая ненависть к злу, своекорыстию, жестокости и другим нравственным порокам. Как раз об этом говорится в нашей древней философии: „Только тот, кто гуманен и милосерден, умеет любить людей и способен к ненависти“»²².

В середине 50-х годов большое впечатление в Китае произвел рассказ «Судьба человека», опубликованный в нескольких китайских журналах. Критик Ду Лицзюнь отмечал, что этому произведению присуща необычайная верность правде жизни. Писатель через индивидуальную судьбу сумел передать дух эпохи, раскрыть характер социалистического общества. В Китае кое-кто утверждал, что в новой литературе не может быть места изображению трагедийных событий. Шолоховский же рассказ подтверждает, что социалистическому реализму подвластны любые темы. Ду Лицзюнь говорил о строгой композиции рассказа, об умелом выборе автором характерных деталей («Вэнь сюэси», 1957, № 5). «В рассказе Шолохова „Судьба человека“ в переводе на китайский язык всего около 20 тыс. иероглифов, но это небольшое произведение представляет огромное эстетическое наслаждение и помогает наглядно представить, как советскими людьми была завоевана победа»²³, — писал критик Синь Вэйань.

В статье «Памяти Бориса Горбатова» Хуан Юань говорил, что с повестью «Непокоренные» Китай познакомился в годы войны сопротивления японским империалистам. «„Непокоренные“ Советского Союза и Китая образовали единый фронт в войне с фашистской агрессией»²⁴. Перевод Цан Му был издан в 1944 г., а Е Шуйфу — в июне 1945 г. Е Шуйфу отмечал, что руководителем героических действий советских патриотов была Коммунистическая партия. «Горбатов правдиво показал организационную роль партии в тылу врага, безграничное доверие народа партии. Главы, воспроизводящие духовный облик и действия коммуниста Степана, стали в книге наиболее сильными и впечатляющими»²⁵.

Повесть Ванды Василевской «Радуга» печаталась в газете «Известия» с 25 августа по 27 сентября 1942 г., и, как только эти номера

²¹ Там же, с. 159.

²² О романе «Народ бессмертен». — В кн.: В. Гроссман. Народ бессмертен. Чунцин, 1945, с. 11.

²³ Синь Вэйань. Советская литература — главное течение мировой литературы. — «Вэнь юэбао», 1957, № 11, с. 16.

²⁴ Хуан Юань. Памяти Бориса Горбатова. — «Вэнь юэбао», 1954, № 4, с. 38.

²⁵ «Непокоренные» Б. Горбатова. — В кн.: Б. Горбатов. Непокоренные. Пекин, 1955, с. 184.

оказались в Чунцине, Цао Цзинхуа приступил к переводу. В конце апреля 1943 г. работа была завершена, но в это время переводчик получил из Советского Союза отдельное издание повести, которое существенно отличалось от газетного варианта. Цао Цзинхуа стал вносить в перевод исправления и дополнения, что отняло даже больше сил и времени, чем первоначальная работа. «Однако я ни в какой мере не испытывал недовольства, — писал переводчик, — напротив, в палящую жару, когда трудно было дышать, забывал невзгоды и лишения, с необычайным душевным подъемом и увлеченностью занимался своим делом»²⁶. В начале августа 1943 г. перевод повести «Радуга» на китайский язык был завершен. В предисловии сказано: «На примере украинской деревни, временно захваченной фашистской армией, автор показал героическую борьбу в тылу врага женщин и подростков, стариков и молодых, воспроизвел единение, преданность, героизм и патриотизм, проявляемый советскими людьми в небывало трудных испытаниях»²⁷. Познакомив с жизненным путем и творчеством В. Василевской, Цао Цзинхуа говорил, что для писательницы было закономерным и естественным шагом вступление в первые месяцы войны в действующую армию, чтобы на фронте с воинами разделить тяжесть боевой страды. Увиденное, услышанное и пережитое ею служило материалом для очерков, статей, рассказов, а затем воплотилось в прекрасную повесть, потрясшую читателей страшной правдой, трагизмом и верой в торжество жизни. «Автор сделал радугу символом, определяющим тональность всего произведения. Радуга возвещает о счастье. Она символ победы, предвестник победы»²⁸. Китайский переводчик отмечал художественное мастерство автора, который «с самых первых страниц повести придает повествованию остродраматический характер и привлекает напряженное внимание читателей»²⁹. Особое восхищение Цао Цзинхуа вызвали образы русских матерей, неустрашимых и самоотверженных. «Олена Костюк ради приближения победы жертвует жизнью любимого и единственного сына. Она, партизанская мать, является подлинной советской героиней. Этот образ создан писательницей на основе реальных фактов!»³⁰ В предисловии говорилось, что В. Василевской хорошо удалось раскрыть кровную связь Советской Армии с народными массами: «Воины Красной Армии получают от стариков, женщин и детей нужные сведения о врагах»³¹.

Китайский переводчик работал над повестью советского автора, вдохновляемый мыслью о важности произведения для китайского читателя, поскольку был убежден, что повесть не только познакомит с жизнью и борьбой советских людей, но и окажет духовную поддержку китайским патриотам в их войне с империалистическим злом. «Можно говорить о том, что японские захватчики и немецкие агрессоры одной породы. Пережитые советским народом страдания, о которых поведано в «Радуге», в полной мере испытали и наши соотечественники за долгие годы войны с японскими фашистами... Приезжающие из оккупированных районов рассказывают, как патриоты в тяжелых условиях не прекращают борьбу, с какой надеждой ждут освобождения родной земли»³². Цао Цзинхуа писал: «„Радуга“... побуждает наших соотечественников еще глубже осознать преступные злодеяния японских фаши-

²⁶ Предисловие переводчика. — В кн.: В. Василевская. Радуга. Чунцин, 1949, с. 30.

²⁷ Там же, с. 14.

²⁸ Там же, с. 23.

²⁹ Там же, с. 14.

³⁰ Там же, с. 19.

³¹ Там же, с. 15.

³² Там же, с. 27.

стов, зовет к большей активности в войне сопротивления, укрепляет веру в нашу победу»³³.

С большой теплотой Е Гэ в статье «Радуга в нашем сердце» («Цзэфанцзюнь вэнь», 1957, № 11) вспоминает, как в 1946 г. в партизанском отряде любили и берегли переходивший из рук в руки экземпляр повести В. Василевской, листы которой были заботливо подклеены папиросной бумагой, обложка сделана из газеты. Цао Цзинхуа рассказывал об ученице средней школы города Чэнду, которая прочла повесть «Радуга» и была поражена мужеством ее героини Олены Костюк. Затем девушка присоединилась к китайским коммунистам, а когда ее схватили враги, она стойко приняла смерть, сохранив верность своим убеждениям («Ивэнь», 1957, № 11—12).

В октябре 1948 г. повесть «Радуга» вышла в городе Дальнем в сокращенном и адаптированном варианте. Автор переработки Е Кэ писал, что повесть нашла в Китае благодарного читателя и неоднократно переиздавалась. Однако в стране еще многие миллионы рабочих и крестьян не обладают должной грамотностью и образованием. Поэтому Е Кэ и решил приблизить советское произведение к широкому читателю: опустил описания природы, развернутые характеристики психологического состояния героев, сцены и детали быта, нуждающиеся в комментариях для китайского читателя. Вместе с тем он пытался сохранить стиль повести, своеобразие речи персонажей. В написанном им предисловии сказано: «Повесть „Радуга“ вселяла уверенность: победа придет лишь к тем, кто предан отечеству и ведет с врагами беспощадный бой. В войне сопротивления японским агрессорам мы также становились свидетелями подобных событий, достойных воспевания. Поэтому „Радуга“ воспринималась нами как рассказ о близких и знакомых людях и фактах»³⁴. По убеждению Е Кэ в 1948 г. в новых исторических условиях, когда противником уже был не японский империализм, а гоминьдановская реакция, повесть В. Василевской сохраняла для китайского читателя большое воспитательное значение. «В городах и селах Освобожденных районов, в провинциях, которые недавно были отвоеваны, на территории, все еще остающейся под властью гоминьдана, патриотам будет полезно познакомиться с „Радугой“. Повесть делает борцов более стойкими, заставит тех, кто колеблется и нерешителен, обрести верную позицию. Все это послужит приближению победы над гоминьдановскими реакционерами — прислужниками американского империализма»³⁵. Гэ Баоцюань в январе 1949 г. свидетельствовал: «В последние годы важнейшие советские художественные произведения постоянно переводились на китайский язык и вызвали в сердцах наших читателей большой отклик. Например, повесть „Радуга“ имела свыше шести изданий»³⁶.

Показательно название статьи Яо Юаньфана за 1950 г. «Советская литература за время войны стала нашей незримой боевой силой» («Вэнь бао», № 1), рассказывающей о значении советских произведений для идейного воспитания воинов революционной Народно-освободительной армии³⁷. Особой известностью пользовались «Дни и ночи» К. Симонова, «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Волоколамское шоссе» А. Бека.

Писатель Лю Байюй вспоминает, как он зимой 1946 г. ехал из Харбина на фронт и обратил внимание на политработника, который всю ночь, пристроившись в углу теплушки, читал какую-то книгу. Писателя

³³ Там же, с. 28.

³⁴ Предисловие. — В кн.: В. Василевская. Радуга. Дальний, 1948, с. 1.

³⁵ Там же, с. 2.

³⁶ Гэ Баоцюань. Лекции по советской литературе, с. 1.

³⁷ См.: Н. Т. Федоренко. Китайская литература. Очерки по истории китайской литературы. М., 1956, с. 441—443.

заинтересовало, что за произведение заставило война, которому завтра предстояло идти в бой, забыть о сне и отдыхе. Этим произведением оказался роман «Дни и ночи». «Этот эпизод, — пишет Лю Байюй, — лишний раз подтверждает, что китайский читатель подружился с Константином Симоновым не за письменным столом, а в годы кровавой битвы»³⁸. Один перевод был выполнен Лэй Жанем, а другой — Цан Му и Цзи Чунем. Кроме того, в Дальнем в 1948 г. было выпущено сокращенное и упрощенное по языку издание романа, ставившее своей целью сделать произведение доступным самым простым людям. Издатели исходили из следующего: «Дни и ночи» описывают великое сражение за Сталинград, одним из главных героев является командир батальона Сабуров. Роман, в котором показан героизм, проявленный в борьбе за свободу и независимость родины в годы Великой Отечественной войны, может служить прекрасным материалом для изучения и воспитания идейности и воинского искусства нашей (Народно-освободительной. — Е. С.) революционной армии»³⁹. Герои Симонова являли пример воинской сознательности, умения приходить на помощь своим товарищам, твердой дисциплинированности. «Так мы будем приближать победу в борьбе, которую ведем „дни и ночи“!»⁴⁰ В этой войне сильным духовным оружием становилось и произведение К. Симонова. «Сталинградская битва была беспрецедентной в истории по сложности и трудности. Но люди, типа Сабурова, были преисполнены веры в партию, преданы родине, были так тверды и смелы, так хорошо знали свое дело, что мы считаем это одним из важнейших факторов победы Советской Армии над врагом»⁴¹, — писал Хуан Цао в статье «Образы воинов в советской литературе вдохновляют и воспитывают нас». Китайские командиры учились у советских офицеров, таких, как Сабуров, умению бить противника на основе опыта современной войны. «Сейчас уже широко известен факт из истории народной войны в Китае, когда бойцам вместо инструкции по ведению боя в городских условиях раздавали страницы повести Константина Симонова „Дни и ночи“»⁴².

Произведение А. Бека о бессмертном подвиге панфиловцев, павших смертью храбрых на подступах к Москве, приобрело в Китае многочисленных читателей. Из очерка писателя Вэй Вэй «Посещение А. Бека — автора „Волоколамского шоссе“» (1953) узнаем, что книга пользовалась в китайской армии огромной популярностью. Ее носили в планшетках командиры, перечитывали, отмечали наиболее важные места, рекомендовали солдатам ознакомиться с ней (Мы посетили Советский Союз. Пекин, 1953).

Роман В. Гроссмана «Народ бессмертен» выходил в Китае в трех переводах — Мао Дуня, Линь Лина и Хай Гуаня. В объявлении о публикации в Шанхае сделанного с русского языка перевода Линь Лина говорилось: «Роман „Народ бессмертен“ представляет собой знаменательное явление в литературе Великой Отечественной войны... В нем рассказывается о важнейших событиях, которые продемонстрировали силу народа. Роман показывает истоки победы, убеждает в том, что победа явится итогом усилий и труда всех советских людей»⁴³. К моменту выхода перевода Линь Лина Мао Дунь осенью 1944 г. в Чунцине завершил перевод с английского языка. Цао Цзинхуа убедил Мао Дуня в том, что «знаменитое произведение достойно иметь на китайском

³⁸ Лю Байюй. Московские впечатления. Шанхай, 1951, с. 61.

³⁹ К. Симонов. Дни и ночи. Дальний, 1948, с. 1.

⁴⁰ Там же, с. 2.

⁴¹ Хуан Цао. Образы воинов в советской литературе вдохновляют и воспитывают нас. — «Цзэфанцзюнь вэнь», 1952, № 11, с. 54.

⁴² Р. Белоусов. В тысячах иероглифов. О книгах и людях. М., 1963, с. 125.

⁴³ Л. Леонов. Нашествие. Шанхай, 1945, с. 77.

языке два перевода»⁴⁴. Гэ Баоцюань оказал переводчику большую помощь: тщательно сверил его перевод с русским оригиналом и внес соответствующую правку. В начале апреля 1945 г. Мао Дунь писал, что роман В. Гроссмана рассказывает об осени 1941 г. — тяжелой поре войны с фашизмом. «С точки зрения сегодняшнего дня те события уже принадлежат истории, но ведь этот роман как раз и предвещал нынешние блестящие победы Советской Армии. Мы убеждаемся, что сегодняшнее победоносное наступление советских войск отнюдь не какое-либо „чудо“, а логическая закономерность. Для нас роман имеет важное практическое значение, поскольку помогает увидеть истоки непобедимой силы Советской Армии. Мы уясняем, что военная мощь Советской Армии служит делу освобождения всего человечества от фашизма, утверждению демократии во всем мире. Бойцы и офицеры Советской Армии любят мир и труд, преисполнены высоких идеалов, являются людьми нового типа, воспитанными социалистическим обществом. Они не представляют лишь одну страну, а выступают как авангард народов всего мира, добивающихся демократических преобразований. Их победа будет торжеством всех свободолюбивых народов, победой демократии»⁴⁵. Мао Дунь высоко оценивал успех советского автора в создании запоминающихся образов советских людей. «Главная тема романа — борьба двух сил. С одной стороны, действует фашистская армия захватчиков, отличающаяся жестокостью и жадной обогатившейся, ей противостоят советские патриоты, воспитанные советским строем и движимые высокими помыслами»⁴⁶. Много сделавший для развития новой китайской литературы Мао Дунь размышлял над причинами творческой удачи советского писателя, стремясь извлечь урок, полезный для молодых китайских авторов. «Невозможно так правдиво написать произведение, не зная подлинных фактов и истинных переживаний людей. В то же время нельзя глубоко познать жизнь, не имея должной идейной основы. Наши китайские писатели обязаны на это обстоятельство обратить особое внимание»⁴⁷.

В январе 1950 г. в Дальнем был издан сокращенный адаптированный перевод романа В. Гроссмана. Автор переработки У Вэй писал: «Роман „Народ бессмертен“ передает патриотизм советского народа во время Отечественной войны на территории, захваченной врагом. Советские люди горячо любят социалистическое отечество, мужественно переносят страдания, не склоняют головы перед фашистскими бандитами, верят в окончательную победу над оккупантами»⁴⁸. «Я решился на переработку книги для малообразованного читателя, поскольку ставил перед собой цель дать возможность многим рабочим и крестьянам самим прочесть это прекрасное произведение и извлечь необходимый опыт для формирования хороших качеств»⁴⁹.

В 1946 г. в Шанхае в переводе Бай Ханя был издан сборник рассказов Леонида Соболева «Морская душа». В предисловии говорилось, что «рассказы из сборника „Морская душа“ трогают читателя мужественным описанием событий. Однако наибольшее впечатление производит показ людей в момент их наивысшего духовного подъема. Потому „Морская душа“ и стала правдивой впечатляющей книгой»⁵⁰.

В 1943 г. Цзинь Жэнь опубликовал в Шанхае в журнале «Советская литература и искусство» перевод романа Л. Соболева «Иван Ни-

⁴⁴ О романе «Народ бессмертен». — В кн.: В. Гроссман. Народ бессмертен. Чунцин, 1945, с. 17.

⁴⁵ Там же, с. 1--2.

⁴⁶ Там же, с. 6.

⁴⁷ Там же, с. 14.

⁴⁸ Предисловие. — В кн.: В. Гроссман. Народ бессмертен. Дальний, 1950, с. 1.

⁴⁹ Там же, с. 2.

⁵⁰ Л. Соболев. Морская душа. Шанхай, 1946, с. 2.

кулин — русский матрос». «Это было одно из первых литературных произведений о войне СССР с гитлеровской Германией, и рассказ о героизме советских людей нас необычайно волновал и вдохновлял»⁵¹, — отмечает переводчик. Вскоре журнальный вариант, в котором многие места были вымараны гоминьдановской цензурой, был перепечатан в Освобожденных районах, затем в 1945 г. вышел отдельной книгой в Шанхае, позднее — в Маньчжурии и Шаньдуне. В 1948 г. Цзинь Жэнь для издательства «Дунбэй» заново отредактировал перевод, восстановил выброшенные цензурой отрывки, учел авторские изменения в вышедшем в Москве втором издании 1945 г. Роман переиздавался в КНР в 1951 г. в Шанхае, в 1954 г. — в Пекине. Имелся еще перевод И Чэня, изданный в 1945 г.

Роман «Белая береза» М. Бубеннова, тяготеющий к философско-историческому осмыслению войны, был встречен в Китае с большим интересом. «Автор показал нам, как советские воины закалялись в войне, овладевали боевым искусством. Это можно видеть на примере главного героя Андрея Лопухова, который был мирным скромным колхозником, но после начала войны и вступления в армию происходит его нравственное возмужание, им глубже осознается любовь к родной земле, крепнет ненависть к врагу»⁵². Сильное впечатление производили нарисованная в романе картина противоборства двух общественных систем, двух мировоззрений и авторская убежденность в неизбежном торжестве идей социализма, народных нравственных идеалов. Переводчик пояснял: «Белая береза — символ победы, мирной жизни, неперемогимого торжества сил мира над войной»⁵³.

Повесть Эм. Казакевича «Звезда» неоднократно издавалась в Китае в переводе Цзян Лу. Причину успеха советского автора Сюй Гуанъяо видел во фронтовом опыте писателя, прекрасном знании психологии воинов, подробностей военного быта. Через образы Травкина и его боевых товарищей Эм. Казакевичу «удалось раскрыть разнообразие индивидуальных характеры, воспеть присущие героям высокие нравственные качества»⁵⁴. Трагический финал повести, по убеждению Сюй Гуанъяо, не порождает пессимистических настроений, поскольку гибель разведчиков утверждает величие человеческого духа.

В Китае с большим интересом встречались произведения о подвиге ленинградцев. «Ленинград в течение трех лет был окружен фашистской армией, и писатели, оставшиеся в городе, непосредственно участвовали в войне. Например, были созданы прекрасные произведения — „Ленинградские рассказы“ Н. Тихонова и „Ленинградский дневник“ В. Инбер»⁵⁵. «Ленинградские рассказы» были переведены на китайский язык Линь Лином, Цзинь Жэнем и Линь Сю. Переводчик книги В. Инбер Пэн Хуэй писал, что она назвала свое произведение дневником, а на самом деле это поэма, воспевающая мужество защитников города-героя. «Если кто-нибудь спросит, что же придало ленинградцам такую силу и горячую любовь, я думаю, прочитавший этот дневник сам все поймет и ответит на такой вопрос»⁵⁶.

Китайских читателей покоряло в советских произведениях изображение новых человеческих отношений, расцветших в социалистическом обществе. Осенью 1948 г. Цао Сулинь закончил перевод повести В. Па-

⁵¹ Послесловие. — В кн.: Л. Соболев. Иван Никулин — русский матрос. Пекин, 1954, с. 156.

⁵² Предисловие переводчика. — В кн.: М. Бубеннов. Белая береза. Шанхай, 1953, с. 7.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Сюй Гуанъяо. Мысли после прочтения повести «Звезда». — «Вэнь бао», 1953, № 17, с. 31.

⁵⁵ Гэ Баоцзянь. Лекции по советской литературе, с. 81.

⁵⁶ Заметки переводчика. — В кн.: В. Инбер. Ленинградский дневник. Шанхай, 1953, с. 4.

новой «Спутники», но из-за гоминьдановской цензуры книга увидела свет лишь в 1950 г. Редактор издания Цао Цзинхуа писал, что В. Панова с большим искусством и психологической проникновенностью воспроизвела образы советских людей, с честью выдержавших испытание войной. Цао Цзинхуа вспоминал роман английского писателя Кроули «Цитадель», рассказывающий о судьбе одаренного врача в буржуазном обществе, где погоня за богатством разрушает личность. Героев же В. Пановой окрыляет долг служения людям, родной стране (Цао Цзинхуа. Предисловие редактора. — В кн. В. Панова. Спутники. Шанхай, 1950).

Показательно свидетельство писателя Ян Шо: «„Спутники“ — одна из моих самых любимых книг. Друзья говорили о влиянии на мою повесть „Страна гор и рек“ китайского классического романа и не подозревали, что во время работы над этим произведением у меня на столе лежала повесть „Спутники“⁵⁷. Китайского литератора восхищало присущее В. Пановой умение убедительно раскрыть нравственный мир героев. «Отличительной особенностью художественной манеры В. Пановой является лиризм, искусное воспроизведение душевного состояния героев... Вот такому искусству я и хотел научиться»⁵⁸.

Значительное место в духовной жизни китайской молодежи занимали книги, рассказывающие о самоотверженных действиях их советских сверстников в годы Великой Отечественной войны⁵⁹. Роман А. Фадеева «Молодая гвардия» был издан в 1947 г. в переводе Е. Шуйфу. Спустя годы переводчик вспоминал, как в работе над китайским текстом старался сохранить своеобразную романтическую манеру А. Фадеева, страстность и взволнованность лирических отступлений, эмоциональную окраску картин природы. Переводчик отмечал в характерах героев романа сочетание неповторимой индивидуальности с обобщенными чертами советского молодого поколения («Цзэфанцзюнь вэнь», 1955, № 3). Китайские критики единодушно подчеркивали, что в «Молодой гвардии» запечатлен светлый духовный облик советских юношей и девушек, воспет патриотический подвиг, осмыслена природа массового героизма в годы войны (А Тай. Поэма борьбы. — «Дунбэй вэнь», 1951, № 13; Сю Бо. Бессмертные образы советской молодежи. — «Вэньсюэ шукань цзешао». 1954, № 11).

Большое воспитательное значение придавалось в КНР произведениям «Рядовой Александр Матросов» П. Журбы и «Чайка» Н. Бирюкова. Повесть П. Журбы была переведена Цзинь Жэнем, опубликована в 1952 г. в Пекине, затем неоднократно переиздавалась. В послесловии переводчик писал, что в Китае знают о бессмертном подвиге Александра Матросова, а повесть даст возможность познакомиться с жизнью и нравственными достоинствами героя. «Книга учит мужеству, велика ее роль в воспитании патриотизма у нашей молодежи...»⁶⁰. В книге Тан Техая «Учиться прекрасным качествам Матросова» говорилось: «Мы убеждаемся, что великая жизненная цель, высокий патриотизм и чувство коллективизма лежат в основе героического поступка Матросова. Его подвиг — не минутный порыв, а закономерный итог короткой жизни, на протяжении которой он проявлял прекрасные черты: правдивость и честность, верность друзьям, бесстрашие, готовность к самопожертвованию и другие»⁶¹.

⁵⁷ Ян Шо. Литература, потрясая мир. — «Вэнь бао», 1957, № 32, с. 4.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: Е. А. Серебряков. Нравственное воздействие советской литературы на молодое поколение Китая (1949—1957 гг.) — В кн.: Литература стран Зарубежного Востока и советская литература. М., 1977.

⁶⁰ Послесловие переводчика. — В кн.: П. Журба. Рядовой Александр Матросов. Пекин, 1952, с. 335.

⁶¹ Тан Техай. Учиться прекрасным качествам Матросова. Шанхай, 1956, с. 23.

«Чайка» Н. Бирюкова вышла в Пекине в 1954 г. в переводе Сы Юна и сразу же стала популярна. «Познакомившись с повестью, мы хорошо понимаем, что выдающиеся качества партизанки Лизы сформировались под прямым воспитательным воздействием советской Коммунистической партии и комсомола»⁶². — читаем в брошюре Лю Цзиня «Учиться у „Чайки“». Образ Лизы Чайкиной восхищал китайских читателей ее высокой требовательностью к себе, заботой о чужих судьбах, верой в духовную красоту соотечественников. «Лиза — великолепный образ советского человека. Добрые качества расцвели в ее душе, словно цветы, а растут они из одного корня — безграничной преданности и любви к народу»⁶³.

Многих читателей обрела «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, которая была издана в Шанхае в 1949 г. в переводе Лэй Жэня. Сы Цзиньцзин в статье «Брат в пример героические образы художественной литературы» («Чжунго циньянь», 1954, № 2) указывал, что «Повесть о настоящем человеке» учит политической сознательности, умению осуществлять свои мечты, целеустремленности и мужеству.

Литературовед Ба Жэнь отмечал в своей статье: «Герои советских произведений, например Александр Матросов и Алексей Мересьев, стали для молодежи всего мира учителями жизни, примером для подражания»⁶⁴. Китайская молодежь хорошо знала имена Олега Кошевого, Матросова, Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Мересьева. «Когда мы читаем об их подвиге книги, в первую очередь обращаем внимание на присущую им безграничную любовь к социалистическому отечеству. В этом патриотическом чувстве истоки их героизма и бесстрашия»⁶⁵. Сяо Сань в статье «К вопросу о создании образов новых людей» («Жэньминь вэньсюэ», 1953, № 11) писал, что образы коммунистов в «Молодой гвардии», в «Повести о настоящем человеке» играют важную роль и придают особую идейную значимость повествованию.

Внимание китайских переводчиков привлекали и советские произведения о героических буднях тружеников тыла. Первым воплотил эту тему А. Первенцев в романе «Испытание», который был издан на китайском языке в Шанхае в 1945 г. (перевод Бай Ханя). «Рабочие в советском тылу проявляли необыкновенную сознательность и трудились, забывая об усталости. В трудностях закалялась их воля к победе. В начальный период Отечественной войны на плечи промышленных предприятий легла тяжелая ответственность: эвакуировать заводы в тыл и увеличить производство оружия. С этими испытаниями герои романа блестяще справились»⁶⁶.

Большой успех выпал в Китае на долю романа А. Ажаева «Далеко от Москвы» (перевод Лю Ляои и Се Сутай). В начале 1954 г. газета «Дунбэй жибао» ввела специальную рубрику «Чему учит роман „Далеко от Москвы“» и опубликовала большое количество заметок, написанных партийными работниками, инженерами, рабочими. Все высказывания пронизывала мысль о том, что произведение является «учебником жизни», «учебником коммунизма». Переводчик романа Лю Ляои в статье «Показ в „Далеко от Москвы“ искусства коммунистического руководства» («Вэньсюэ шукань цзешао», 1953, № 3) при анализе образа начальника стройки Батманова подчеркивал характерные для него идейную убежденность, понимание силы коллектива. Чжоу Цзисин в статье «Читая „Далеко от Москвы“» («Вэньи бао», 1953, № 17) вос-

⁶² Лю Цзинь. Учиться у «Чайки». Шанхай, 1956, с. 35.

⁶³ Там же, с. 33.

⁶⁴ Ба Жэнь. Советские художественные произведения знакомят нас с советскими людьми. — «Жэньминь жибао», 19.XI.1953.

⁶⁵ Мэи Фань. Из советских художественных произведений узнаем патриотические черты советских молодых героев. — «Чжунго циньянь», 1952, № 20, с. 5.

⁶⁶ Л. Леонов. Нашествие. Шанхай. 1945, с. 77.

хищался тем, что во главе строительства нефтепровода в первую военную зиму на Дальнем Востоке идут коммунисты Батманов и Залкинд — люди прекрасных нравственных качеств, чьи раздумья о судьбе страны, о стройке и рабочих, о назначении человека на земле звучат, словно «гимн жизни, борьбе, дружбе, любви». В статье Пэн Хуэя «Поэма, воспевающая людей социализма» отмечалось, что в романе затронуты много важных проблем: о стиле руководства, взаимоотношениях в коллективе, творческом отношении к делу и т. д. Но главное достоинство романа — в воссоздании образов советских патриотов, совершивших в суровые годы войны трудовой подвиг. «Им трудно, но они не падают духом. В напряженном труде они получают удовлетворение, испытывают радость в работе. Они понимают, что победа в войне, прочный мир и процветание отечества добываются лишь самоотверженными трудовыми усилиями»⁶⁷.

Известный литературовед А. Ин в статье «Русская и советская литература в Китае» («Вэнь бао», 1956, № 21) рассказывал, что китайцы зачитывались статьями И. Эренбурга, в которых беспощадно разоблачалось звериное лицо фашизма. Очерки И. Эренбурга не только регулярно перепечатывались китайской прессой, но и вышли отдельным сборником. А. Ин отмечает, что советская литература давала китайцам возможность увидеть, что в схватке с японским фашизмом они не одиноки, что против мракобесия и реакции ведет борьбу великий Советский Союз.

В послесловии к «Сборнику рассказов периода Великой Отечественной войны», куда вошли двенадцать произведений Н. Тихонова, К. Симонова, В. Кожевникова, А. Довженко, Е. Петрова, Мао Дунь в 1946 г. писал, что преклонение перед мужеством советского народа заставило его взяться за перевод. «Я хотел, чтобы китайский читатель воочию увидел, как вели себя советские люди в такой трудной войне»⁶⁸. Гражданский долг Мао Дунь видел в том, что с помощью переводов он не только познакомит читателя с советской литературой военной поры, но и «напомнит безумствующим» фашистским элементам о величии и мощи советского народа. Может быть, такое напоминание пойдет им на пользу»⁶⁹. Мао Дунь остро осознавал напряженность тогдашней политической ситуации, не случайно послесловие датировано так: «Сентябрь 1946 г. Шанхай. Время, когда гражданская война в разгаре, а международная реакция ведет разнузданную пропаганду, пытаюсь разжечь третью мировую войну — войну между США и Советским Союзом — и уничтожить утвердившиеся в мире демократические государства»⁷⁰. В борьбе с реакцией китайский революционный писатель считал необходимым обратиться к идейному потенциалу советской литературы.

Китайские читатели видели, что в советских художественных произведениях о советских людях в годы войны с фашизмом главенствуют помыслы о победе добра над злом, об утверждении счастливого мира на земле. Например, роман «Непокоренные» Б. Горбатова завершает сцена возрождения жизни на освобожденной от фашистов территории. «Это гимн восстановлению и строительству»⁷¹.

Но роман в целом звучит оптимистически. Произведение убеждает, что мир, добытый дорогой ценой — кровью миллионов людей, — не так легко будет нарушить новым поджигателям войны.

⁶⁷ Пэн Хуэй. Поэма, воспевающая людей социализма. — «Вэнь бао», 1953, № 21, с. 30.

⁶⁸ Послесловие. — В сб.: Сборник рассказов периода Великой Отечественной войны. Шанхай, 1950, с. 180.

⁶⁹ Там же, с. 183.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Е. Шуйфу. «Непокоренные» Б. Горбатова, с. 189.

Проблемы национально-языкового строительства в КНР

А. А. МОСКАЛЕВ,

кандидат филологических наук

На рубеже 70—80-х годов в КНР начался процесс восстановления деятельности исследовательских учреждений, научных обществ, учебных заведений, издательств и прочих организаций, так или иначе связанных с национально-языковым строительством. Первый этап в этой работе приходился на 50-е годы, точнее, начало 50-х годов и до конца 1957 г. Недолгий период, именуемый в китайской печати последних лет «золотой эпохой» национально-языковой работы, сменился, как известно, продолжительными годами застоя и деструкции, «величайшего бедствия», как пишут китайские авторы, для национальных языков Китая. Такое положение сохранялось до конца 70-х годов, когда наметились определенные сдвиги в языковой политике. За 1980—1985 гг. произошел ряд примечательных событий в интересующей нас области.

«Нужно ли, чтобы в период социализма национальные языки расцвели и развивались!»

Именно с такой постановки вопроса начали свой совместный доклад на III Всекитайской конференции по национальным языкам (1980) известные исследователи языков Китая Ма Сюэлян и Дай Цинся. Некоторые китайские авторы считают, что такой подход равноценен обсуждению азбучных истин. Однако необходимость возвращения к ним очевидна ввиду широко распространившихся в стране левацких идей о бесполезности национальных языков и письменностей, о будто бы уже начавшемся слиянии национальных языков с китайским и т. п. Как отмечают многие китайские авторы, потребуется немало усилий, чтобы устранить из сознания людей вредное воздействие этого уклона. Ведь некоторые люди (в том числе и некоторые руководящие кадры), как свидетельствуют Ма Сюэлян и Дай Цинся, «все еще недооценивают роль национальных языков и вовсе не понимают, почему в период социализма нужно всемерно развивать национальные языки и письменности, считают, что использование национальных языков может лишь прибавить хлопот»¹.

Доказывая, что в период социализма национальные языки, как и сами неханьские национальности, отнюдь не сходят со сцены, китайские ученые ссылаются на слова В. И. Ленина об относительной устойчивости национальных различий, о равноправии наций и языков. Развитие национально-языкового строительства увязывается и с задачами «четырех модернизаций». Подчеркивая роль национальных языков в жизни неханьских народов, китайские языковеды напоминают, что в Синьцзяне или Тибете, например, «не только народные массы в большинстве не

¹ «Чжунго юйвэнь», 1980, № 2, с. 114; «Миньцзу юйвэнь», 1980, № 2, с. 1—5, № 4, с. 2.

знают китайского языка, но и низовые кадровые работники в большинстве также владеют лишь языком данной (неханьской) национальности и не говорят по-китайски»².

Сегодня позиция ученых КНР весьма отличается от их позиции времен «большого скачка» и «культурной революции», когда развитие национальных языков усматривалось единственно в их уподоблении китайскому языку. На этот счет были разработаны и специальные теории. Суть их сводилась к тому, что «одним из важнейших показателей развития языков нацменьшинств является усвоение ими элементов китайского языка, подпадение их под воздействие китайского языка». «Обогащение и изменения, вызванные воздействием китайского языка, стали основным содержанием развития языков нацменьшинств. Поэтому языки всех национальностей страны получили общее направление развития в сторону сближения с китайским языком в качестве критерия такого развития»³. Подобные теории отвергаются теперь китайскими лингвистами. Отмечается, что в национальных языках могут быть заимствования из китайского (в языке бай до 60 % слов — китайские), что под влиянием китайского языка могут произойти и изменения в синтаксисе. В том же языке бай закрепился «китайский» порядок слов (подлежащее — сказуемое — дополнение) вместо исконного порядка (подлежащее — дополнение — сказуемое). Но все это «обычно не может изменить присущих языку особенностей». «Мы полагаем, что исторический период социализма — это период расцвета и развития всех национальностей нашей страны, это касается и их языков». Необходимо правильно осознавать диалектическую связь между факторами, воздействующими на язык извне (в том числе и со стороны китайского языка), и «закономерностями его внутреннего развития», дабы «содействовать здоровому развитию национальных языков». Признавая неизбежность сближения национальностей, отражающуюся и в их языках, автор одной из статей подчеркивает, что главенствующей тенденцией в период социализма является расцвет национальных языков, а процесс сближения языков отражает тенденцию вторичную, не главную⁴.

Китайские специалисты по национальным языкам и представители неханьских национальностей выступают сегодня за создание в стране условий, которые обеспечили бы развитие и расцвет национальных языков. Эта огромная и очень важная задача связана, как подчеркивают китайские ученые, с решением ряда весьма сложных проблем: дальнейшей разработкой национальных письменностей для бесписьменных народов, ликвидацией неграмотности неханьцев, расширением сферы функционирования национальных языков и письменностей, подготовкой кадров, развитием издательского дела на национальных языках и т. д. Много пишут в КНР и о необходимости реализации языковых прав неханьцев, о планах национально-языкового строительства, но на практике дело обстоит не так гладко. Работа по восстановлению и развертыванию национально-языкового строительства наталкивается на серьезные трудности и препятствия.

«Ликвидировать явления дискриминации, безразличия и игнорирования языков и письменностей нацменьшинств»

В начале 80-х годов китайские лингвисты писали, что в некоторых районах в вопросе использования национальных языков мало что изменилось; национальные языки по-прежнему, как и в период «культурной

² «Миньцзу юйвэнь», 1980, № 3, с. 15.

³ «Чжунго юйвэнь», 1961, № 12, с. 16.

⁴ «Миньцзу яныцзю», 1983, № 6, с. 73, 76.

революции», оставались в загоне. По словам языковеда Ян Чжэнвана, хотя со времени ликвидации «банды четырех» в национально-языковой работе и наблюдаются определенные положительные сдвиги, «однако явления неуважения к языкам нацменьшинств по-прежнему существуют». Ян Чжэнван считает, ссылаясь на одно из высказываний Чжоу Эньлая, что в районах национальной автономии «письменности основных национальностей должны стать первыми письменностями», но фактическое положение далеко не отвечает этому требованию. До сих пор многие учреждения, имеющие непосредственные контакты с неханьским населением, не укомплектованы кадрами, которые владели бы национальными языками, в школах преподавание ведется на китайском языке, кое-где отсутствует радиовещание на национальных языках, деятельность издательств, выпускающих литературу на национальных языках, далеко не отвечает требованиям народных масс. По мнению Ян Чжэнвана, чтобы защитить право неханьцев на использование и развитие собственных языков и письменностей, нужны конкретно-правовая поддержка соответствующего положения конституции и пресечение незаконных действий. «Лишь таким образом станет возможно в корне ликвидировать явления дискриминации, безразличия и игнорирования языков и письменностей нацменьшинств»⁵.

Весьма конкретно высказывались по вопросу о положении национальных языков некоторые неханьские представители на сессии ВСНП 1980 г. Тибетский представитель (панчен-лама) обратил внимание на то, что в Тибетском автономном районе «при издании документации руководящими органами в подавляющем большинстве случаев используется китайский язык; низовые кадры и народные массы такие документы не понимают, но тем не менее тибетский язык не используется. При проверке уровня квалификации кадров, приеме людей на работу или в учебные заведения тибетский язык во внимание не принимается, и, как бы хорошо человек ни владел тибетским языком, его все равно считают «неграмотным». В результате многие отказываются изучать тибетский язык, и тибетский язык в Тибете прямо-таки душился». В выступлении другого представителя отмечалось, что «в центре и на местах очень много внимания уделяется вопросу употребления национальных языков и письменностей, однако в этом деле не хватает конкретных действенных мер, и использование национальных языков и письменностей никогда не проводится в жизнь»⁶.

Позже в районах национальной автономии КНР предпринимались определенные меры, направленные на преодоление подобных явлений. Как писал в конце 1983 г. языковед Сунь Хункай, «в настоящее время во всех автономных районах в соответствии с реальной обстановкой данного района разработаны те или иные установления, регламентирующие употребление в данном автономном районе двух или более языков в качестве законных рабочих языков». Эти установления, однако, в некоторых районах не проводятся в жизнь из-за отсутствия персонала, владеющего национальными языками, и переводчиков. Более того, «некоторые руководящие товарищи опасаются помех» и поэтому не уделяют должного внимания употреблению национальных языков, в результате чего деятельность учреждений становится неэффективной, так как до неханьских народных масс не доходит смысл политических установок партии. Поэтому высказывается мнение о необходимости дополнительных мер по реализации имеющихся на сей счет местных установлений. Как подчеркивает Сунь Хункай, необходимо в первую очередь создавать условия, обеспечивающие неханьцам возможность употребления родного

⁵ «Миньцзу юйвэнь», 1980, № 2, с. 2; № 4, с. 2, 3.

⁶ «Жэньминь жибао», 10 и 5.IX.1980.

языка, без этого не может быть изучения «перспективы развития национальных языков»⁷.

Нельзя сказать, что парткомы и правительства автономных районов не реагируют на все это. Решения принимаются, изыскиваются пути для выправления создавшегося положения. На созванном секретариатом ЦК КПК весной 1984 г. совещании, посвященном обстановке в Тибете, вновь подчеркивалось, что «следует относиться с должным вниманием к вопросу употребления и развития собственных языков и письменностей нацменьшинств». На совещании констатировалось наличие весьма серьезных помех «употреблению и развитию» тибетского языка, каковые (помехи) возникают вследствие неискорененных еще левацких взглядов. Проблема тибетского языка рассматривалась на расширенном пленуме парткома Тибетского автономного района. Первый секретарь тибетского парткома Инь Фатаи отметил на пленуме, что постепенно следует достичь такого положения, чтобы тибетский язык стал главным языком в автономном районе. Нетрудно видеть, таким образом, что фактически тибетский язык в Тибете еще не имеет равноправного статуса с китайским. Неудовлетворенность этим положением снова, как и в 1980 г., прозвучала в выступлениях тибетских делегатов на сессии ВСНП в мае 1984 г., в замечаниях, высказанных панчен-ламой в апреле 1985 г. В Законе о районной национальной автономии КНР, вошедшем в силу с 1 октября 1984 г., вновь провозглашается право неханьских народов КНР свободно «употреблять и развивать» свои родные языки. Но здесь, конечно, важно, как подчеркнул заместитель председателя КНР Уланьфу, чтобы новый закон на деле, «без всякой скидки», проводился в жизнь, иначе это будет «пустой клочок бумаги»⁸.

«Использование национальных письменностей постепенно восстанавливается»

Проблемы национальных письменностей остаются острейшими проблемами для многих неханьских национальностей КНР. В Китае насчитывается более 80 языков, и большая часть их бесписьменна⁹. Поэтому со стороны многих неханьских национальностей раздаются все более настоячивые требования о создании для них собственного письма. Другие требуют возвращения к употреблению исконных национальных письменностей, которые ранее без согласия на то самих неханьцев были «усовершенствованы» или принудительно заменены латинизированным письмом, унифицированным с китайским транскрипционным алфавитом «пиньинь». Неханьцы, располагающие собственными письменностями, требуют создания условий для расширения сферы их использования. Те национальности, для которых в 50-е годы были разработаны письменности, требуют скорейшего возобновления прерванной работы по их распространению. Наконец, национальности, говорящие на языках с резкими или значительными диалектными различиями, требуют создания письменностей на диалектах и т. д. и т. п. Такова ситуация в области национальных письменностей на начало 80-х годов.

Какова же позиция китайских органов, ответственных за национально-языковую работу, в деле создания новых письменностей? Вопрос этот не раз затрагивался на научных совещаниях, в статьях виднейших китайских языковедов, в китайской прессе. На III Всекитайской научной

⁷ «Миньцзю яньцзю», 1983, № 6, с. 70—71.

⁸ «Жэньминь жибао», 6, 20, 26 и 28.V.1984, 7.IV.1985; «Гуанмин жибао», 25.V.1984.

⁹ Число национальных языков в Китае значительно превышает число неханьских национальностей (по официальному списку — 55), так как некоторые этнические группы говорят на нескольких языках.

конференции по национальным языкам участниками конференции было признано, что «множество нацменьшинств выступают с требованиями о создании письменности», некоторые участники конференции поставили вопрос о создании таких письменностей. Однако каких-либо четких разъяснений в ответ на эти требования не последовало. Главное внимание было сосредоточено на «подведении итогов», «извлечении уроков» и т. п.¹⁰

По проблемам национальных письменностей высказывался тогда и известный языковед профессор Ван Цзюнь. В его статье были намечены три типа возможных национальных письменностей, отвечающих условиям языковой ситуации у неханьских народов КНР: письменность единая для всей данной национальности, письменности диалектные и письменности-транскрипции, употребляемые в пределах сравнительно небольших районов. В принципе этот подход не нов, нечто подобное намечалось и в 50-е годы. Тогда реализации этого дифференцированного подхода помешал «большой скачок» (правда, несколько проектов диалектных письменностей было разработано для мяо). Ван Цзюнь также признал, что ряд бесписьменных национальностей «выдвинул требования о создании письменности»¹¹.

В целом, однако, складывается впечатление, что эта работа неоправданно затягивается. В середине 50-х годов китайские специалисты проявляли здесь значительно большую активность, и разработка новых национальных письменностей составляла тогда одно из важнейших звеньев их теоретической и практической деятельности. Сегодня преобладают теоретические дискуссии в этой области, но явно недостает былого практического размаха. Один из ведущих работников сферы национально-языкового строительства профессор Фу Маоцзи отмечал, что «прерванное в ходе 10-летней смуты употребление национальных письменностей постепенно восстанавливается». Однако, затронув эту проблему, он опять-таки упомянул лишь, что «некоторые национальности создали проекты на латинской графике, некоторые желают воспользоваться китайской иероглификой или письменностью другой соседней национальности, другие же, согласившись прямо использовать китайскую письменность, надеются на создание для их языков транскрипции, с помощью которой можно было бы записывать народные сказки, стихи, песни и пьесы». Заметим, что упомянутые здесь проекты на латинской графике — письменности, разработанные еще в прежние годы. Таким образом, видимо, правомерен вывод о том, что создание новых национальных письменностей еще не стало и в 80-е годы центральным звеном национально-языкового строительства в КНР, хотя проблема по-прежнему сохраняет свою остроту.

В последнее время в КНР возобновилась работа лишь по экспериментальному распространению (обычно в пределах небольших территориальных единиц) проектов письменностей, разработанных в 50-е годы, причем лишь немногие из них были частично модифицированы. В 1980 г. партком Гуанси-Чжуанского автономного района вынес решение о том, чтобы возобновить распространение чжуанской письменности. При этом, как отмечал заместитель председателя комитета по языкам и письменностям Гуанси-Чжуанского автономного района Тань Яотин, восстановление в правах чжуанской письменности до сих пор наталкивается в автономном районе на оппозицию и можно понять, что в основном — со стороны ханьцев, тогда как, по словам Тань Яотина, возрождение чжуанской письменности «выразило насущные чаяния всего более чем 10-миллионного чжуанского народа». Некоторые заявляют, отметил Тань Яотин, что «большая часть чжуанцев уже знает китайский язык и китай-

¹⁰ «Миньцзу юйвэнь», 1980, № 1, с. 10—11, 21.

¹¹ «Чжунго юйвэнь», 1980, № 2, с. 113—119.

скую письменность, поэтому в распространении чжуанской письменности нет никакой надобности; другие говорят, что в чжуанском языке существуют резко отличающиеся диалекты и поэтому единая чжуанская письменность не сможет их обслуживать; третьи утверждают, что чжуанская письменность не имеет перспектив развития». В действительности же, как заметил Тань Яотин, большинство чжуанцев как раз не владеет китайским языком, и поэтому «чжуанскому народу настоятельно необходима чжуанская письменность»¹². С этим нельзя не согласиться. Автор настоящих строк, находясь в 1958—1960 гг. в научной командировке в Гуанси, мог лично убедиться, с каким энтузиазмом относились чжуанцы к своей письменности, разработанной в 50-е годы и успешно выполнявшей свои функции.

Возобновилась с 1981 г. работа по распространению проектов письменностей мяо, буи, кам, ицзу в провинции Гуйчжоу. К концу 1983 г. насчитывалось 456 пунктов, где в опытным порядке осуществлялось обучение грамоте населения четырех названных национальностей, причем использовалось семь проектов письменности. Всего в этих экспериментальных пунктах обучалось до 20 тыс. учащихся. В феврале 1985 г. число таких пунктов возросло до 1100, а число обучающихся приблизилось к 50 тыс. человек. Это, конечно, еще незначительная цифра для провинции со столь обширным неханьским населением, и впереди еще предстоит большая работа.

В последнее время наблюдается также тягаряда неханьских народов к использованию своих исконных письменностей. Так, в уезде Цзиньпин провинции Юньнань была создана вечерняя школа для местных тай, где они имеют возможность обучаться особой, происходящей от древнеиндийского алфавита, тайской письменности, отличающейся и от тайского письма, распространенного в автономном округе Сипсон паньна (Сишунан баньна), и от других тайских письменностей Юньнани. Открытие этой школы — результат настойчивых требований тайцев Цзиньпина.

Добились восстановления в правах своей исконной письменности и ляншаньские ицзу в Сычуани (письменность подверглась лишь некоторому упорядочению). Народные массы ицзу встретили это с большим удовлетворением¹³.

В Синьцзяне восстановлены в правах старые письменности уйгуров и казахов (на арабской графике), использование которых было приостановлено полностью в 1976 г., когда вместо них были введены столь непопулярные в народе латинизированные алфавиты и система орфографии, унифицированная с китайской орфографией на базе транскрипции «пиньинь». В 1982 г. постоянный комитет СНП Синьцзян-Уйгурского автономного района вынес решение, в котором говорилось, что «практика нескольких лет показала, что условия для распространения в автономном районе новых уйгурской и казахской письменностей еще не созрели».

По словам Ван Цзюня, юньнаньские тай из округа Сипсон паньна также выдвинули требование о восстановлении своей прежней письменности. Как заявляли сами тайцы, введенная у них новая письменность (то есть письменность, «усовершенствованная» в конце 50-х годов) «превратила историческую преемственность, не способствовала освоению культурного наследия, а также «пресекала связи между людьми с единым языком и письменностью в Китае и за рубежом»¹⁴.

Таким образом, сегодня в КНР прямо или косвенно признается, что прежнее реформирование национальных письменностей или их «усовершенствование» осуществлялось без учета мнения самих неханьцев, во

¹² «Мишэцзу юйвэнь», 1981, № 2, с. 56—57; 1982, № 4, с. 4.

¹³ См.: «Гуанмин жибао», 13.II.1984, 16.III.1985; «Мишэцзу юйвэнь», 1982, № 6, с. 30; «Чжунго юйвэнь», 1980, № 2, с. 118—119.

¹⁴ «Гуанмин жибао», 19.IX.1982; «Чжунго юйвэнь», 1980, № 2, с. 119.

вред их культурному развитию. В настоящее время эта ошибочная политика исправляется, что с удовлетворением встречено неханьскими национальностями.

«Обучение должно осуществляться на языке данной национальности»

В 1981 г. профессор Ван Цзюнь писал, что «за 30 лет мы не смогли ликвидировать неграмотность в районах нацменьшинств». По словам Ма Сюэляна, «среди некоторых братских национальностей неграмотность и полуграмотность все еще является весьма серьезной проблемой». Этот ученый пришел к выводу, что в таких условиях даже осуществление «четырех модернизаций» становится проблематичным.

Какие меры принимаются в КНР, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать неграмотность среди неханьцев страны? Положение здесь непростое. Оно усугубляется тем, что, как признают Цзян Пин (заместитель председателя Госкомитета по делам национальностей) и Хуан Чжу, «проблема отсталости нацменьшинств в области культуры и образования вплоть до нынешнего дня все еще не привлекает к себе достаточного внимания». Главную причину такой отсталости авторы усматривают в недостаточном финансировании дела образования неханьцев и использовании властями национальных районов средств, отпускаемых на образование, не по назначению¹⁵.

Дело, конечно, не только в этом. Известно, что до недавнего времени школьное обучение в национальных школах проводилось почти исключительно на китайском языке. А это приводило к самым плачевным результатам. Учащиеся не понимали объяснений учителей-китайцев и даже по окончании обучения оставались, как правило, полуграмотными. Между тем известно, сколь велика могла бы быть роль национальных языков в решении острой проблемы ликвидации неграмотности среди неханьского населения. Доказано, что только в случае обучения на родном языке (по крайней мере в начальной школе) можно добиться быстрого и прочного усвоения школьниками основ знаний. Сейчас эта истина начинает проникать и на страницы китайских газет и журналов.

Напомним, что средний процент неграмотности и полуграмотности по КНР, согласно данным последней переписи, равен 23,5. Среди неханьского населения этот процент значительно выше, причем в различных районах он довольно сильно колеблется, что объясняется географическим положением, наличием или отсутствием письменности и другими причинами. Приводимые в китайской печати цифры обычно характеризуют неграмотность среди неханьцев какого-либо отдельного национального района.

Провинция Юньнань — из 100 тыс. национальных кадровых работников более 50 % неграмотны и полуграмотны, среди лиц неханьских национальностей в возрасте от 12 до 40 лет, проживающих в приграничных и внутренних горных районах, неграмотность достигала примерно 90 %; весьма высок процент неграмотности среди молодежи национальности ицзу в Чусюн-Иском автономном округе провинции Юньнань (54 % и выше). Гуанси-Чжуанский автономный район, уезд Дунлань (старая революционная база) — в одной из обследованных больших бригад из 1240 человек в возрасте от 7 до 33 лет 551 человек оказался неграмотным, только 33 % детей школьного возраста ходили в школу, отмечалось дальнейшее снижение посещаемости, так как при новых формах организации труда в деревне родители просто отказываются посылать детей учиться, поскольку дома крайне нуж-

¹⁵ «Миньцзу юйвэнь», 1981, № 1, с. 1; 1982, № 5, с. 4; «Жэньминь жибао», 3 V.1982.

ны рабочие руки; все еще широко бытуют старые представления о том, что девочкам вообще незачем учиться.

По словам заместителя председателя комитета НПКСК Синьцзян-Уйгурского автономного района Анвара Ханбаба, в Синьцзяне неграмотность еще представляет собой сложную проблему. Среди лиц до сорока лет неграмотность достигает 18,5 %. При этом ощущается нехватка учителей, уровень образования очень низок¹⁶.

Необходимо отметить, что прогресс в ликвидации неграмотности наблюдался именно в тех районах, где эта работа проводилась на базе национальных языков. В уезде Сидэ Ляншань-Иского автономного округа (провинция Сычуань) 98 % неханьского населения было неграмотным. Попытки ликвидировать неграмотность прямым обучением на китайском языке к успеху не привели. Когда же эта работа стала проводиться с применением собственно иской письменности, то вскоре примерно 85 % населения ликвидировали свою неграмотность, а более 90 % низовых кадров «достигли уровня выпускников начальной школы». По-видимому, приведенные данные не вполне точны, так как в августе 1983 г. «Жэньминь жибао» писала, что 80 % иских кадровых работников научились во время собраний вести записи с помощью иской письменности, а всего в Ляншань-Иском автономном округе примерно 300 тыс. исузу (то есть, видимо, менее одной трети) уже освоили свою письменность.

В 1983 г. сообщалось о проведении в Гуанси-Чжуанском автономном районе (также в порядке эксперимента) кампании по ликвидации неграмотности на чжуанском языке с применением модифицированного проекта письменности. За последние два года в автономном районе подготовлено более 3700 человек, которые могут быть использованы как учителя чжуанского языка. В уездах Умин и Дэбао, где проводился эксперимент, неграмотные чжуанцы за 60—70 вечеров овладевали чжуанской письменностью и могли с ее помощью записывать народные песни, читать чжуанскую газету и популярные брошюры¹⁷.

В то же время проводятся эксперименты другого рода. Несмотря на неудачи прямого обучения неханьцев китайскому языку, практика эта продолжается, причем изыскиваются более эффективные методы такого обучения. Создаются, в частности, специальные курсы для «ускоренного повышения культурного уровня». В Юйшу-Тибетском автономном округе провинции Цинхай в местной партшколе применяются «ускоренные методы обучения» китайскому языку и письменности, причем занятия ведутся по 12 часов ежедневно. И хотя еще в 1981 г. на III Всекитайской конференции по вопросам образования нацменьшинств были определены «курс, политика и задачи» в этой области и, в частности, было указано, что обучение национальностей, у которых есть своя письменность, должно осуществляться на языке данной национальности, в китайской печати признается, что обучение неханьцев на родном языке все еще представляет собой редкое явление¹⁸. Таким образом, на практике этот принцип осуществляется еще далеко не в полной мере.

В национальных районах, где преподавание в школах ведется на китайском языке, кое-где вводится практика использования национальных языков как вспомогательного средства в тех случаях, когда учащиеся-неханьцы испытывают затруднения в понимании учебного материала на китайском языке или вообще не понимают того, что говорит учитель¹⁹.

¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 16.XI.1982; «Миньцзу юйвэнь», 1980, № 1, с. 1; «Гуанмин жибао», 17.III и 13.IV.1981; «Юньнань миньцзу сюэюань сюэбао», 1984, № 3, с. 8; «Жэньминь жибао», 4.IV.1985.

¹⁷ См.: «Миньцзу туаньцзе», 1981, № 2, с. 12; «Гуанмин жибао», 2.III.1981, 23.I, 3 и 12.VIII.1983.

¹⁸ «Гуанмин жибао», 29.X.1983, 13.II.1984; «Жэньминь жибао», 6.III.1981; «Миньцзу яньцзю», 1983, № 6, с. 71.

¹⁹ См.: «Миньцзу яньцзю», 1983, № 6, с. 71.

Такое использование национальных языков (исключительно в устной форме) имеет место не только при отсутствии национальной письменности, но и тогда, когда письменность имеется (как, например, у чжуанцев), но применяется еще весьма ограниченно. Все объясняется проблемой подготовки учителей из числа лиц данной национальности. В последнее время этому вопросу уделяется больше внимания.

Несколько оживилась издательская деятельность на национальных языках. В Синьцзяне местное Народное издательство выпускает литературу на четырех национальных языках: уйгурском, казахском, монгольском, сибо. На нескольких национальных языках выпускается печатная продукция в провинции Юньнань.

В Гуйчжоу восстановлено издательство, которое должно взять на себя выпуск учебников и другой печатной продукции на языках мяо, бун, кам, ицзу. По данным 1984 г., в КНР было издано 2327 наименований книг на национальных языках общим тиражом 33 580 тыс. экземпляров²⁰.

«Новая обстановка в области изучения национальных языков»

С конца 70-х годов начала восстанавливаться научно-исследовательская работа по языкам неханьских народов КНР. В мае 1979 г. было учреждено Общество национальных языков Китая. По словам его председателя профессора Фу Маоцзи, создание общества «способствовало появлению новой обстановки в области изучения национальных языков». Задача общества — содействовать развитию исследований по национальным языкам Китая, служить координирующим центром таких исследований. В том же году начал выходить в свет специальный научный журнал — «Миньцзу юйвэнь» («Национальные языки и письменности»). Заметим, что прежде в КНР не было подобного самостоятельного издания. Вклад в изучение национальных языков вносит также созданное в 1980 г. в Ухани Китайское лингвистическое общество. На страницах восстановленного периодического издания «Юйянь яньцзю» («Лингвистические исследования»), выпускаемого в Ухани Институтом китайской лингвистики при Технологическом институте Центрального Китая, отводится место исследованиям и по языкам неханьских народов Китая. В августе 1980 г. в городе Чэндэ (провинция Хэбэй) было учреждено Общество по изучению древних национальных письменностей Китая, председателем которого также стал Фу Маоцзи²¹. Наряду с всекитайскими обществами стали появляться местные общества, занимающиеся изучением проблем отдельных национальных языков или языковых групп. В Синьцзяне создано Общество сибирского языка, во Внутренней Монголии — Общество изучения монгольских языков Китая и т. д.

После длительного перерыва (более 20 лет) возобновилось проведение научных конференций по национальным языкам. Двадцать два года спустя после II Всекитайской конференции по национальным языкам состоялась III конференция по национальным языкам по инициативе Госкомитета по делам национальностей Академии наук Китая. Конференция характеризовалась прежде всего «возвращением к порядку» в работе. Важно отметить, что на конференции были приняты единообразными установками принципы по национальным языкам, оказавшие столь пагубное влияние на ход национально-языкового строительства в стране в последние десятилетия. На III конферен-

²⁰ См.: «Гуанмин жибао», 16.

²¹ См.: «Миньцзу юйвэнь», 1982, жибяо», 14.VIII.1980.

«Миньцзу юйвэнь», 21.IX.1984; 27.I.1983. «Гуанмин жибао», 29.X.1980; «Жэньминь

помех так называемого «левого уклона» в национально-языковой работе постоянно преувеличивалась «общность» национальных языков и игнорировалась их специфика, а языковедов, отмечавших сложность диалектной ситуации в данном языке, обвиняли в ереси нарочитого подчеркивания языковых различий, в стремлении к «национальному расколу». Отмечалось и то, что создание диалектных письменностей считалось вредным для дела «сплочения национальностей».

Полезной конференцией всекитайского масштаба стал организованный Обществом национальных языков Китая научный симпозиум по национальным языкам (Пекин, декабрь 1980 г.). Можно также отметить всекитайский научный симпозиум по языкам чжуан-кам, тибето-бирманским и мяо-яо. Распространенный на симпозиуме в письменной форме доклад Фу Маоцзи был посвящен трем сторонам изучения национальных языков Китая, где ощущается значительное отставание китайских языковедов или же имеются серьезные пробелы и недоработки. В 50-е годы эта работа «была осуществлена очень неравномерно». По мнению автора доклада, необходимо продолжить работу по обследованию национальных языков Китая, необходимо активизировать исследования генетических связей языков Китая и социолингвистические исследования по национальным языкам. Говоря о генетических связях языков, Фу Маоцзи отнес к числу «спорных» вопросов исключение из состава китайско-тибетской семьи языков чжуан-кам и мяо-яо. Как известно, в прошлом эта проблема считалась в КНР совершенно бесспорной. Таким образом, и здесь можно отметить некоторые сдвиги в подходе к решению отдельных важных вопросов²².

В национальных районах стали проводиться региональные научные конференции и симпозиумы по проблемам местных языков. В Хух-Хото состоялась конференция по истории, языку и литературе дауров, в Яньбянь-Корейском автономном округе — конференция по корейскому языку, в Чапчал-Сибинском автономном уезде Синьцзян-Уйгурского автономного района — первая в истории Китая научная конференция по сибинскому языку. В провинции Сычуань местным комитетом по делам национальностей и руководящим комитетом по национальным языкам и письменностям был организован симпозиум по проблемам языков и письменностей народов этой провинции²³.

Расширяется научное изучение национальных языков в различных исследовательских учреждениях КНР, в институтах национальностей, а также в учебных заведениях. Центральным научным учреждением, в котором проводятся исследования национальных языков, является Институт национальностей Академии общественных наук Китая. Появляются новые исследовательские учреждения и группы в провинциях и автономных районах страны. В провинции Хэйлуцзян, например, в 1983 г. создан Институт маньчжурского языка. Ранее был создан Хунаньский институт национальностей, в котором предусмотрено изучение и национальных языков данной провинции. В аспирантуре Института монгольского языка при Университете Внутренней Монголии ведется подготовка специалистов по монгольскому языку²⁴. Исследования по национальным языкам проводятся в Институте общественных наук в Юньнани, Цинхайском институте национальностей, в Северо-Западном институте национальностей (город Ланьчжоу) и других местных исследовательских организациях и учебных заведениях.

За последние годы в КНР было издано несколько небольших монографий, посвященных описанию отдельных национальных языков или языковых групп, большинство которых написано по материалам, соб-

²² См.: «Мишцзу юйвэнь», 1980, № 1, с. 10—11; 1982, № 4, с. 1—4.

²³ См. там же, 1982, № 1, с. 9, 18; № 4, с. 19.

²⁴ См.: «Жэньминь жибао», 22.V.1981; «Гуанмин жибао», 26.VII.1982, 15.IV.1984.

ранным и обработанным еще в 50-е годы (очерки по языкам чжуан, бун, цян, суй, кам, яо, ли и др.). Несколько кратких обзорных статей по отдельным языкам было опубликовано в журналах (статьи по языкам цзюно, цзайва, казахскому, туцзя, шэ и др.). В результате обследований, проведенных уже в последние годы, был собран любопытный материал. В уезде Тунжэнь Хуаннань-Тибетского автономного округа в Цинхэе был обнаружен интересный язык, известный в уезде как «язык пяти деревень», представляющий результат своеобразного слияния (в прошлом) «китайского с местным тибетским языком». Аналогичного рода язык обнаружен и в Синьцзяне. Выпущен в свет также ряд национальных словарей, грамматических описаний отдельных языков, а также статей по отдельным вопросам фонетики, морфологии и синтаксиса. Недавно вышла в свет «первая со времени образования КНР» «Грамматика маньчжурского языка».

В целом научная работа в области национальных языков КНР оживилась. Ставится в КНР и задача освоения полезного иностранного опыта — «независимо от того, западный это опыт или восточный, советский или американский»²⁵.

Итак, можно констатировать, что по сравнению с периодом 60—70-х годов в политике КНР по национально-языковому вопросу произошли заметные изменения. Сегодня снова провозглашаются равенство языков, право неханьцев использовать и развивать собственные языки. Начинает уделяться больше внимания использованию национальных языков местными административными органами районов национальной автономии, а также национальной школой. Восстановлена деятельность органов, ведающих вопросами языкового строительства, учреждений, занимающихся исследованием национальных языков. Все это не может не содействовать дальнейшему развитию национально-языкового строительства в стране.

Имеет место, однако, разрыв между провозглашаемыми принципами языковой политики, установками языкового строительства и их практической реализацией. Причины этого кроются и в объективных трудностях, и в действии чисто субъективных факторов. Серьезное отставание, на наш взгляд, наблюдается в деле создания письменностей для национальностей, не имеющих своей письменности. В данной связи уместно напомнить, что если VIII съезд КПК в 1956 г. высказался за активную помощь национальностям, не имеющим своей письменности, в создании для них письменностей, то XII съезд КПК этого вопроса вообще не коснулся. Но сегодня неханьские национальности КНР особенно активно выступают в защиту своих законных прав на использование и развитие собственных языков. Некоторые их требования были удовлетворены. Думается, что такая позиция неханьских национальностей и в дальнейшем будет играть немаловажную роль в налаживании и развитии национально-языкового строительства в Китае.

²⁵ «Миньцзу яньцзю», 1983, № 6, с. 75; «Миньцзу юйвэнь», 1982, № 1, с. 10—18; 1981, № 2, с. 44—45; «Гуанмин жибао», 15.IV.1984, № 1, с. 6.

Ся Янь и китайское киноискусство

С. А. ТОРОПЦЕВ,
кандидат филологических наук

Нынешний год обилён юбилеями китайского киноискусства. Из наиболее значительных — 85-летие режиссера Сунь Юя, которого советский зритель знает, к сожалению, по далеко не лучшей его работе 1957 г. «Наперекор волнам и ветру». А он вошел в кинематограф в конце 20-х годов, вооруженный спецкурсом известного американского режиссера Дэвида Беласко. Его «Дорога» (1934) навсегда вписана в историю прогрессивного китайского кино как «поэма о патриотизме рабочего класса»¹.

Актриса Юань Линъюй, родившаяся в 1910 г. и, не вынеся нападок феодальных «блюстителей морали», покончившая с собой, не дожив и до 25 лет, была «самой оригинальной актрисой китайского кино»² того периода, тонко соединявшей реалистические формы исполнения с романтической одухотворенностью. «Подобно Грете Гарбо, она имела способность преобразовывать банальный и дешевый материал... и заставляла вас верить в то, что вы являетесь свидетелем подлинной радости или страдания»³. Унижаемые, оскорбляемые, гонимые бесчеловечным обществом, ее героини (певица в «Святой» У Юнгана, цветочница в «Праздном цветке среди полевых трав» Сунь Юя, сделанном, как признавался сам постановщик, не без влияния «Дамы с камелиями», наконец, писательница Вэймин в «Новой женщине» Цай Чушэна — образ, которым актриса «бросила камень в стоячую воду мрачного феодального общества»⁴, став жертвой реакции) при всей их слабости оставались людьми, во мраке искавшими проблески света.

Весной исполнилось бы 75 лет кинокритику Цюй Байиню, умершему в 1979 г. после долгой болезни — итога «трудового перевоспитания», которому его подвергла «культурная революция». В 1962 г. на всю страну прогремел его страстный «Монолог о новаторстве в киноискусстве», в котором он обрушился на «трех идиологов» вульгаризаторства, разрушающих искусство кино. Выводы тех лет «и сегодня заставляют задуматься»⁵.

И наконец, есть две юбилейных даты, о которых трудно говорить порознь, настолько они слиты друг с другом. Обе приходится на осень и разделены всего пятилетием.

Осенью (точная дата не установлена) 1905 г. в фотоателье «Фэнтай» на пекинском базаре Люличан был снят коротенький фильм «Гора Динцзюнь». Пожалуй, даже не фильм — просто лента, без еще не открытых

¹ Чэн Цзинхуа. Чжунго дяньин фачжань ши (История развития китайского кино), т. 1. Пекин, 1963, с. 343.

² J. Leyda. Dianying. An Account of Films and the Film Audience in China. Cambridge, L., Mit Press. 1972, p. 371.

³ Ibid., p. 87.

⁴ Чжунго дяньинця лэчжуань (Биографии китайских кинематографистов), т. 1. Пекин, 1982, с. 117.

⁵ Там же, т. 2, с. 363.

монтажных ухищрений, зафиксировавшая сцены из традиционного спектакля (в исполнении большого мастера Тань Синьпэя). Это было начало китайского кино — первое отечественное кинопроизведение.

А в это время в небольшом уезде под городом Ханчжоу в небогатой семье умершего обедневшего помещика рос маленький Шэнь Найси, не предполагая, как тесно судьба свяжет его с отечественным киноискусством, старше которого он оказался ровно на 5 лет, родившись 30 октября 1900 г.

В 1930 г., отвечая на анкету, он напишет: «Моя жизнь в литературе и искусстве? Единственное, что я могу сказать, — равна нулю»⁶. Это был скромный ответ труженика — к тому времени он уже занял прочное место и в истории литературы и искусства, и в истории революционного движения Китая.

Подпольщику, члену Компартии Китая с июня 1927 г., ему приходилось скрываться от преследований, менять имена. Из всех 70 псевдонимов, которыми Шэнь Найси пришлось пользоваться, один остался навсегда, оттеснив даже подлинное имя. Этот псевдоним — Ся Янь.

Путь от Шэнь Найси к Ся Яню можно охарактеризовать его же собственными словами: «С детства хлебнул горя, на себе познав трагедию деревенского разорения, обман и кабалу со стороны имущих, вот откуда у меня недовольство старым строем, протест против него — можно сказать, сызмала угнездились в сердце»⁷; «бурный подъем эпохи, политическое движение побуждали молодых людей вступать на новый путь»⁸.

Закончив начальную школу, будущий Ся Янь отправился в Ханчжоу познать красивую ремесло, а в 1920 г. в Японию — изучать физику электрических явлений. В мировоззренческом плане это не могло пройти бесследно: естественнонаучные познания раздвигали кругозор, помогли стряхивать путы средневековой схоластики, в начале века еще прочно сохранившей свои позиции в китайском просвещении и науке. И вполне логичным выглядит тот факт, что именно в Японии китайский студент открывает для себя марксистскую литературу и сближается с коммунистами, а вернувшись на родину в 1927 г., вступает в КПК.

Жажда истины привела Ся Яня к чтению и переводам работ зарубежных авторов: трактаты А. Бебеля («Женщина и социализм») и А. Коллонтай, проза Ф. Гладкова, И. Эренбурга; он обрабатывает роман Л. Толстого «Воскресение» для сцены, а повесть Н. Гоголя «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» для экрана; пишет статью «Искусство и жизнь», пересказывая знаменитую диссертацию Н. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»; публикует «Жизнь Горького» (1930).

С творчеством М. Горького Ся Янь сталкивался неоднократно. Большой его заслугой стало то, что именно он познакомил Китай с первой книгой зародившегося социалистического реализма — романом «Мать». Из Японии Ся Янь привез с собой японский перевод романа и к 1929 г., сверяя с английской версией, закончил перевод на китайский, который затем уточнил по русскому оригиналу поэт Цзян Гуанцы. Эта книга несколько раз печаталась в разных издательствах и столько же раз запрещалась как слишком «красная». И все же она дошла до читателей, привлеченных «словом правды»⁹. «Хорошая книга, — позже вспоминал Ся Янь, — навеки поселяется в сердце народа. «Мать» как раз и принадлежит к таким книгам, она воодушевляет китайский народ, она стала плотью от его плоти, кровью от его крови»¹⁰.

И, возможно, не случайно годы борьбы за публикацию великого со-

⁶ Ся Янь. Яньцзю цзыляо (Материалы к исследованию). т. 1. Пекин, 1983, с. 31.

⁷ Там же, с. 13.

⁸ Там же, с. 32.

⁹ Там же, с. 152.

¹⁰ Там же, с. 153.

ветского романа совпали с подготовкой и проведением 2 марта 1930 г. учредительного съезда Лиги левых писателей, возглавленной Лу Синем и сыгравшей в истории китайской культуры (не только литературы, но гораздо шире) огромную стимулирующую роль. Ся Янь был одним из 12 основных организаторов и членом исполкома Лиги. Как писатель Ся Янь остался автором таких значительных пьес, как «Жизнь Сю Цзинь», «Сай Цзиньхуа» (при публикации этой пьесы в 1936 г. в журнале «Вэньсюэ» впервые появился псевдоним «Ся Янь», созвучный имени его отца — Янь), «Под крышами Шанхая», «Бациллы фашизма» и др.

В 1932 г. судьба сводит Ся Яня с кинематографом, и с тех пор он делит с ним и славу, и тернии. Правда, прикоснулся к кино он восемью годами раньше, когда Тянь Хань снимал свой замечательный фильм «В народ», из-за цензурных гонений так и не заверченный. Режиссер усадил его в плетеное кресло и сказал: «Не двигайся, снимаем!» Так на экране рядом с пролетарским поэтом Цзян Гуанцы, а также с Борисом Пильняком, тоже участником съемок, появился и Ся Янь, вскоре ставший влиятельным (хотя и стараясь оставаться в тени из-за своего полуподпольного положения) лидером киноискусства.

Кино тех лет, хотя уже и оставило позади примитивный начальный «балаганский» период, все же наиболее охотно проявляло себя в картинах либо «рыцарских», извлекающих из старой литературы, театра или самой истории сюжеты, преимущественно авантюрные, либо «морализирующих», с дидактическими интонациями иллюстрирующих нравоучительные конфуцианские каноны, либо «любовных», в чисто коммерческом стиле потакающих низменным вкусам непритязательной части публики. О художественном уровне этих лент говорит уже такой красноречивый факт: сценарий как форма выявления художественной идеи еще не прижился в китайском кино, и режиссеры снимали импровизационно, руководствуясь лишь кратким либретто.

Возглавив в 1932 г. группу коммунистов (А Ин, Ши Линхао, Ван Чэньу, Сыту Хуэйминь), направленных в киносферы для того, чтобы ввести в кинематографию серьезное, прогрессивное социальное направление, Ся Янь, как он сам в 1980 г. писал в статье «Воспоминания о работе в «левом кино», делал упор на четырех аспектах: сценарное дело, критика, новые кадры, пропаганда советского киноискусства¹¹. Иными словами, эта группа взяла под свой контроль начальную стадию оформления идейного и художественного замысла, публичную интерпретацию и оценку готового произведения, создание прогрессивной кадровой сети и выдвижение в качестве ориентира наиболее революционного искусства.

Работа была не из легких. «Профессиональному мастерству учились по чужим фильмам, сидя в кинотеатре с блокнотом, секундомером, фонариком. Отмечали, какой план — общий, средний, крупный, затем анализировали, почему именно такой, как способен воздействовать на зрителя. Засекали продолжительность кадра, считали общий метраж...»¹² Уже первый фильм «левого кино» — «Яростный поток» (1933), поставленный Чэи Бугао по сценарию Ся Яня, — ввел в киноискусство невиданную до того тему не только страдающего, но и протестующего крестьянства.

Стоит внимательно прислушаться к замечанию Ся Яня, высказанному в 1980 г. по поводу прогрессивных работ того периода: «Сейчас в подобных произведениях не видно левизны, но тогда они были левыми»¹³. Левыми в хорошем, революционном смысле. Шла острая борьба, реакция старалась всеми мерами настроить кинематограф на свой идеологический лад или по крайней мере дегидеологизировать его. С этой целью на свет появилась теория «мягкого кино», извлекавшая свое название из такого

¹¹ Там же, с. 77.

¹² Там же, с. 79.

¹³ Там же, с. 81.

тезиса: «Фильм снимается на мягкой пленке, поэтому он и должен быть мягким... сладким мороженым для глаз, мягкой софой для души».

Сторонник «сознательного» киноискусства Ся Янь отвечает резкими статьями «Жесткая теория мягкого кино», в том же духе выступают его соратники. Ся Янь публикует сборник статей В. Пудовкина «О режиссуре», переводит сценарий «Путевка в жизнь» и борется с цензурой за демонстрацию этого фильма в Китае, пишет свой сценарий «Двадцать четыре часа Шанхая», где контрастно сталкивает полярные социальные слои. О фильме Шэнь Силина, адекватно отразившем идеи Ся Яня, коллеги отзывались как о «произведении мирового уровня». И это несмотря на то что гоминьдановская цензура десять раз рассматривала готовую картину, вырезая кадр за кадром. «Боремся, стоя в грязи, продираемся вперед через терновник», — характеризовал тот период сам Ся Янь¹⁴. Даже когда угроза ареста вынудила его некоторое время скрываться на нелегальных квартирах в Шанхае, он продолжает борьбу своими публицистическими пьесами.

В 1949 г. в освобожденном Шанхае Ся Янь назначается заведующим отделом пропаганды горкома партии и начальником Управления культуры Шанхая. Становится заместителем председателя шанхайского отделения Общества китайско-советской дружбы и в октябре принимает в Шанхае делегацию советских деятелей литературы, искусства и науки во главе с А. Фадеевым. В 1954 г. Ся Яня переводят в столицу, где в министерстве культуры, возглавлявшемся писателем Мао Дунем, он в качестве заместителя министра курирует кинематографию и внешние связи. Его биографы отмечают: «Чтобы воспитать новые силы, он лично шел в институт кинематографии читать лекции; чтобы снимать хорошие фильмы, он углублялся в съемочные павильоны и ночи напролет снимал вместе с режиссерами кадр за кадром; многие киносценарии правлены им лично»¹⁵. В библиографии Ся Яня за 1954 г. значится 10 названий, в том числе 1 пьеса, за 1955 г. — 11 названий, 1956 г. — 7 статей и 1 сценарий, 1957 г. — 13, 1958 г. — 35 статей и 1 книга, 1959 г. — 20 названий, в том числе 2 сборника статей и 2 сценария, 1960 г. — 13 статей, 1961 г. — 6 статей и 1 книга («Статьи по кинематографии», в 1979 г. она будет переиздана), 1962 г. — 12 статей (причем половина под псевдонимом), 1963 г. — 7 и, наконец, 1964 г. — 2 (небольшая рецензия и речь, произнесенная в предыдущем году)¹⁶.

Небезынтересные цифры. По ним отчетливо видно, как нарастала, стабилизировалась и гасла активность Ся Яня. Он сам в 1979 г. в послесловии к сборнику своих заметок и эссе сказал: «С начала войны сопротивления (1937 г. — С. Т.) у меня не было дня, когда бы я не писал, за исключением периода с 1964 по май 1978 г., когда 15 лет не брал в руки перо. Причины, я думаю, можно не объяснять»¹⁷.

Назвать их, однако, излишне. Все становится ясно из лаконичных строк «Хронологии жизни Ся Яня»: «1964 г. В министерстве культуры и Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства началась чистка... 27 июня председатель Мао дал указание относительно литературы и искусства. 1965 г. В начале года официально снят Госсоветом с должности заместителя министра культуры. Сердечная недостаточность, лечение... Август 1966 г. Содержится под замком в министерстве культуры. «Выводится для борьбы». 4 декабря ночью уведен хунвэйбинами, до 1975 г. 8 лет и 7 месяцев «содержится под стражей»...»¹⁸

Жизнь Ся Яня теснейшим образом связана с развитием киноискусст-

¹⁴ Вопросы культурной революции в КНР. М., 1960, с. 297 (перевод исправлен по оригиналу).

¹⁵ Чжунго дяньинця лэчжуань..., т. 1, с. 272.

¹⁶ Ся Янь. Яньцзю цзыляо..., т. 1, с. 373—385.

¹⁷ Там же, с. 289.

¹⁸ Там же, с. 319—320.

ва КНР. И с его успехами, и с его поражениями. Поразительная производственная нестабильность: 1955 г. — 23 художественных фильма, 1956 г. — 42, 1959 г. — 76, 1961 г. — 26, 1963 г. — 39, 1964 г. — 29. Политические компани, лихорадившие кинематографические сферы (при переиздании в 1979 г. работ Ся Яня середины 50-х гг. пришлось делать купюры, снимая многие конъюнктурные выпады против «правых элементов», впоследствии реабилитированных и сегодня работающих рядом с Ся Янем, как, скажем, нынешний председатель Общества кинокритиков Чжун Дяньфэй)... За все это Ся Янь, как один из главных руководителей кинематографии, причастный не только к осуществлению, но и к определению политики, несет свою долю ответственности, не уменьшаемую тем прискорбным фактом, что впоследствии он сам пал жертвой левачества. Он и сам не отрицает этого. В выступлении на съезде Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства в ноябре 1979 г. Ся Янь рассказал, как открылись у него глаза, долгие годы застилавшиеся леваческим туманом, и он понял, что связь искусства с политикой не столь примитивно однобока (искусство обслуживает политику), как привычно считалось в КНР раньше¹⁹.

Но одновременно велика роль Ся Яня в общем поступательном движении кинематографии КНР в 50-х — начале 60-х гг., когда укреплялась производственная база, расширялась кинофикационная сеть, рос отряд профессионалов, когда фильмы КНР выходили на международную арену (призы Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 г. фильму «Баскетболистка № 5», Карловарского кинофестиваля 1958 г. фильму «Моление о счастье», Московских кинофестивалей 1959 и 1961 гг. фильмам «Новая история старого солдата» и «Семья революционеров», 2 кинофестиваля Азии и Африки (1960) фильму «Пять золотых цветков»...).

К части этих работ Ся Янь причастен не только как администратор, но и как автор: сценарии «Моление о счастье» (перевод на русский язык) опубликован в сборнике «Сценарии китайского кино». М., 1959), «Семья революционеров», «Лавка Линя», «Бессмертные в пламени». В этом перечне нет проходных картин — все это крупные вехи в истории китайского киноискусства.

«Моление о счастье», например, фактически ввело в кинематограф творчество Лу Синя, а прикосновение к прозе великого родоначальника современной китайской литературы, как сегодня ясно ретроспективному взгляду, всегда оказывало благотворное воздействие на искусство кино, устремляло в нем реалистические тенденции, заставляло внимательнее приглядываться к образу человека, к его психологическим глубинам²⁰.

Объемный взгляд на человека, желание передать его нестандартность, сложность не слишком часто встречались в кинематографии КНР 50—70-х гг., предпочитавшей геронко-патетическую «черно-белую» тональность и героя, приподнятого на котурнах. Тем разительней выглядит совет Ся Яня, который он сформулировал в 1958 г. в письме к актеру Се Тяню, готовившемуся сниматься в роли лавочника Линя: «В исполнении роли Линя вся проблема в оттенках. Его нельзя играть совершенным реакционером, но и нельзя рождать у зрителей только сочувствие... В его отношении к бедным вдовам Чжу Саньтай и Чжан Гуафу можно обнажить его хищный, злобный нрав, но не переусердствуя, нажимая на психологические нюансы, а не на внешние проявления»²¹. В статье следующего года сценарист уточнял: «Он — овечка перед волками, но шакал перед овечками... Я не хотел, чтобы сегодняшние зрители только сочувствовали лавочнику Линю»²². Этот уход от лозунгового рисунка, поверх-

¹⁹ «Хунци», 1979, № 12, с. 42—43.

²⁰ Подробнее об этом см. «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 4.

²¹ Ся Янь в. Яньцяо цзяляо..., т. 1, с. 262, 263.

²² Там же, с. 260.

ностного и контурного принес авторам фильма политические неприятности — в годы «культурной революции» их обвинили в «приукрашивании капиталистов»²³.

После 1976 г. больной, с резко ослабленным зрением, но духовно воспрывший, Ся Янь, несмотря на свои 76 лет, активно включается в творческую и административно-организационную деятельность по возрождению разгромленных организаций деятелей литературы и искусства. В ноябре 1979 г. на состоявшихся съездах Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства и Союза китайских кинематографистов Ся Янь избирается заместителем председателя ВАРЛИ и председателем Союза китайских кинематографистов. Ся Янь входит в правление Союза театральных деятелей, в Комитет по охране прав писателей, учрежденный Союзом китайских писателей в 1980 г., в группу наиболее уважаемых писателей, считающихся «советниками» правления Союза писателей. Библиография его работ за 1979 г. вновь выросла до 20 названий, и это не столько переиздания, сколько новые статьи и выступления, отражающие его взгляд на состояние киноискусства КНР.

Год назад, отвечая на вопросы корреспондента журнала «Дачжун дяньин», Ся Янь подчеркнул наиболее важные, по его мнению, моменты развития кинематографии КНР за период с 1949 по 1984 г.: изменения прокатной структуры («до освобождения фильмы, которые смотрел китайский народ, на 85 % были иностранными, в основном американскими... а теперь 90 % фильмов, которые мы смотрим, — отечественные») и расширение географии кинопроизводства, создание кинопромышленности, выход кино из городских пределов в деревню, что резко увеличило количество зрителей (27,2 млрд. в 1983 г. — 74 млн. 520 тыс. зрителей ежедневно), создание Пекинского института кинематографии, готовящего творческие кадры. Вместе с тем Ся Янь подчеркнул наличие «немалой дистанции до мировой кинематографии», а рывок вперед связан с «проблемами структуры производства и воспитанием творческих и административных работников», которые после «культурной революции» остреешим образом встали в повестку дня. Поэтому, настаивает Ся Янь, «необходимо до конца отвергнуть «культурную революцию», очиститься от остаточного ее влияния», и лишь тогда киноискусство КНР «поднимется еще на этаж вверх»²⁴.

Отмечая в нынешнем году 80-летие китайской кинематографии и 85-летие председателя Союза китайских кинематографистов, мы не можем не приветствовать процесс возрождения искусства в КНР. В 1983 г. впервые за всю свою историю китайское кино завоевало главный приз международного кинофестиваля — это был заслуженный успех в Манчестере фильма «Давняя история в южном предместье» режиссера У Игуна, представляющего «поколение сорокалетних» — костяк сегодняшней кинематографии. К этому же поколению относятся режиссеры Ван Хаовэй и Хуан Шуцзинь, привозившие свои картины на кинофестивали в Москву (1983) и Ташкент (1984). На глазах оттачивает профессиональное мастерство Ян Яньцзинь, вслед за «Улыбкой страдальца» (1979) поставивший проникновенную «Улочку» (1981), в которой живо и непосредственно сыграли главные роли молодые актеры Чжан Юй и Го Кайминь.

Все это — радующие факты. И хочется надеяться, что эта здоровая тенденция в итоге поднимается над негативными явлениями (обслуживание преходящей политической конъюнктуры, частая идеологическая и эстетическая, мягко говоря, нетребовательность и так далее), еще не ушедшими из кинематографии КНР.

²³ Дуцао цзи ю яньчжун цоу шиянь сыбайли (Список четырехсот фильмов «ядовитых трав» и фильмов с серьезными ошибками). Пекин, 1967, № 97.

²⁴ «Дачжун дяньин», 1984, № 10, с. 2—3.

О моей жизни

АЙ ЦИН

В этом году крупнейшему современному поэту Китая Ай Цину исполнилось 75 лет. Его творческий путь начался в 30-е годы, в период войны против японской агрессии (1937—1945). Как отмечает профессор Н. Т. Федоренко, летопись героизма народа в войне против японской интервенции стали патриотические поэмы Ай Цина¹. Тыл и фронт, вторая мировая война и битва с фашизмом нашли в его творчестве правдивое и мужественное отображение.

После победы народной революции в Китае он активно включается в новую жизнь, участвует в подготовке и проведении Всекитайского съезда работников литературы и искусства. Страстный голос Ай Цина призывает китайский народ к защите мира, дружбе с Советским Союзом.

Осенью 1950 г. Ай Цин приезжает в нашу страну. Итогом его поездки явилась книга стихов о Советском Союзе «Рубиновые звезды» (1953).

Год 1957-й оказался для поэта трагическим: Ай Цин был причислен к «правым буржуазным элементам», против которых тогда была развернута кампания. Голос Ай Цина умолк на 21 год, из которых много лет он находился в ссылке. Лишь в 1978 г. поэт возвращается к литературной деятельности, выступает с произведениями, в которых пытается понять происходившие в Китае события.

Только за последние годы стихотворения Ай Цина дважды издавались в нашей стране: это сборник «Избранная лирика», ряд стихотворений включен в сборник «Трудны сычуаньские тропы» (Из китайской поэзии 50-х и 80-х годов).

Предлагаем читателям отрывки из автобиографии поэта, которая была опубликована в журнале «Китайская литература», издающемся в КНР на английском языке.

* * *

Я родился 27 марта 1910 г. — в последний год Цинской династии, то есть за год до революции 1911 г. Когда началось «движение 4 мая»², я учился в начальной школе. Вызвав подъем патриотизма, оно переросло в движение за развитие науки и демократии. В Китай пришел марксизм.

Еще мальчиком я полюбил рисование. Находясь под влиянием демократических идей, я в средней школе участвовал в демонстрациях школьников, выкрикивал лозунги, громил магазины, продававшие японские товары, нападал на «центры по контролю за опиумом», которые открыто им торговали.

Летом 1928 г. я поступил на отделение живописи Национального института изящных искусств в городе Ханчжоу. Еще на первом семестре директор института, увидев мои рисунки, сказал: «Ты здесь ничему не научишься. Тебе лучше уехать за границу». Весной 1929 г., пренебрегая романтическими идеями, я вместе со школьным товарищем отправился в Париж.

Моя семья материально поддерживала меня некоторое время. Когда же она не могла больше помогать, я нашел работу на маленькой фабрике по производству лаковых изделий, которой управлял китаец. Работая полдня, иногда ходил в студию на Монпарнасе, где изучал рисунок. За три года, проведенных в Париже, я почувствовал свободу духа, жил по-богемному, хотя и не голодал. Читал реалистов XIX в. и книги по философии. Но больше всего увлекался поэзией. Я был как травинка, плывущая по воде. 18 сентября 1931 г. японские оккупанты захватили Северный Китай. Когда однажды я рисовал за городом, ко мне подошел подвыпивший француз и прокричал: «Китаец, твоя страна на грани развала, а ты здесь рисуешь!» Это прозвучало как пощечина. Я решил ехать домой. К тому же моя семья не могла больше оказывать мне финансовую поддержку. Я сел на пароход в Марселе 28 января 1932 г., в день, когда японцы напали на Шанхай и вызвали сопротивление нашей армии и народа. Эта борьба закончилась до моего прибытия в Шанхай. Через месяц и четыре дня гоминьдановский режим капитулировал и подписал в Шанхае соглашение о прекращении огня с японским империализмом. Я был потрясен при виде разрушений в районе Чапей.

¹ См.: Н. Т. Федоренко, Ай Цин: жизнь и время. — «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 4.

² «Движение 4 мая» — массовое антиимпериалистическое и антифеодалное движение в Китае в 1919 г.

Подавленный, я прибыл в родной город Цзиньхуа. Меньше чем через месяц поехал в Ханчжоу. Там старый учитель рассказал мне о Лиге левых художников в Шанхае. Я вернулся в Шанхай в мае и вступил в лигу. В июне мы организовали выставку в Басянцяо. Вечером 12 июля, когда общество занималось эсперанто, секретные агенты из французского полицейского участка в концессии ворвались и арестовали меня и 12 художников. Вскоре они были освобождены, а меня и моего школьного товарища бросили в тюрьму. На этом кончилась моя карьера художника. В тюрьме я начал писать стихи. Написал стихотворение «Тростниковая дудка», в котором цитировал французского поэта Аполлинера: «У меня есть тростниковая дудка, которую я не променял бы и на жезл маршала Франции». Тростниковая дудка символизировала искусство, а маршальский жезл — несправедливую власть. В этом стихотворении я указывал на Бриана и Бисмарка, говорил, что могу штурмовать Бастилию, имея в виду не только ту, что находилась во Франции. Я послал поэму в журнал «Модерн таймс», и ее опубликовали. Возможно, тюремщики не понимали в поэзии или вообще не прочли мою поэму. Чтобы избежать подозрения тюремных властей, я стал пользоваться псевдонимом. Я назвался Ай Цинном. В тюрьме я просидел три года и три месяца. В январе 1949 г. был освобожден Пекин. Меня направили в Центральную академию изящных искусств. Однако вскоре я вернулся в литературный мир.

Осенью 1950 г. я совершил четырехмесячную поездку в Советский Союз и написал цикл стихотворений «Рубиновые звезды».

В 1953 г. я провел неделю в моем родном городе. Эта была моя первая поездка туда за 16 лет. Мой дом был сожжен японцами, и на его месте стоял новый.

В апреле 1957 г. я поехал в Шанхай и собрал большой материал, намереваясь написать об экономическом проникновении в Китай империалистических держав. Но не сделал этого. Вскоре началось большое политическое движение. Мне приклеили ярлык «правого элемента», сделали мишенью нападок, подвергли «разоблачению». Меня решили направить в новое место для перевоспитания. Благодаря помощи одного генерала я на полтора года поехал в госхоз в провинции Хейлуунцзян, расположенной далеко на севере. Затем меня перевели для «перевоспитания» физическим трудом в Синьцзян, в производственно-строительную армию. Как поэт я замолчал на 21 год. Моя жизнь была достаточно спокойной до начала «культурной революции» в 1966 г. В 1967 г. у меня в доме произвели обыск. Многие рукописи забрали, включая стихотворения о Синьцзяне. Пропали важные письма и материалы. Меня подвергли публичной критике, осудили, водили по улице. И все это продолжалось до сентября 1972 г. Затем мне разрешили лечь в больницу и пройти необходимое лечение. К тому времени я ослеп на один глаз. В 1973 г. мне было разрешено поехать в Пекин лечить глаза.

В 1978 г. мои друзья призвали меня снова начать писать. Меня реабилитировали. Была восстановлена моя репутация и членство в партии...

Говоря правду, после стольких беспокойных лет чувствую наконец облегчение. Я — оптимист и смотрю на вещи философски. Всю жизнь спотыкался и падал несчетное количество раз, но каждый раз поднимался и стряхивал пыль.

Многие, кто моложе меня, уже умерли. Я выжил. Если бы я умер 7—8 лет назад, то моя смерть была бы не более значительной, чем смерть собаки. Часто моя творческая жизнь казалась мне длинным туннелем, темным и сырým. И иногда я думал, смогу ли я выжить. И я смог.

Перевел с английского В. МИХАЙЛОВ

Сока гаккай: от религиозных акций к активной международной деятельности

А. Ю. СТОЛЕТОВ

В политической жизни послевоенной Японии значительную роль играют силы, опирающиеся на религиозно-общественные организации. Одной из таких организаций является Сока гаккай (общество создания ценностей) — самая крупная в Японии буддистская организация, которая оказывает определенное влияние на политическую жизнь страны через партию Комэйто, ведет активную деятельность в области просвещения и культуры¹, высказывает свое собственное мнение по актуальным проблемам современности, прежде всего по вопросам войны и мира.

По данным информационного отдела Сока гаккай, в ноябре 1984 г. Общество насчитывало в своих рядах 7910 тыс. членов-семей². Оно имеет свои газеты, журналы, издательство, школы, университет, почти в каждом более менее крупном городе страны расположены центры или залы собраний Сока гаккай.

Одно время в зарубежной литературе Сока гаккай классифицировалось как религиозная секта. Возможно, что ранее это было во многом оправдано, так как в конце 40-х — начале 50-х годов Сока гаккай действительно были присущи некоторые характерные черты сектантских групп: незначительная численность, претензии на исключительность своей роли, доктрины, идейных принципов, тенденции к изоляции и т. п. По мнению некоторых японских исследователей³, в первые послевоенные годы Сока гаккай зарекомендовало себя как фанатическая, нетерпимая к иномыслящим организация, что во многом объяснялось доктриной «сякубуку», которая предполагает активную идеологическую обработку личности с целью обращения ее в «истинную» веру. В литературе Сока гаккай «сякубуку» определяется как умение «эффективно преодолевать необоснованные доводы оппонента».

С начала 60-х годов, с приходом к руководству в Сока гаккай третьего президента Д. Икэда, деятельность Общества по всем направлениям начинает приобретать все более широкий и активный характер. Сока гаккай начинает более чутко реагировать на изменения в социально-политической ситуации в Японии, учитывать отношение общественности к тем или иным аспектам его деятельности.

В 1972 г. Д. Икэда поставил перед Сока гаккай цель превращения из закрытой полусектантской группы в открытую религиозно-общественную организацию. В связи с этим Обществом была проведена обширная деятельность по установлению отношений активного сотрудничества с некоторыми политическими, общественными в том числе профсоюзными и культурными организациями страны, а в ряде случаев и с другими религиозными группами. «Новый курс» Сока гаккай охарактеризовался также выходом Общества на международную арену.

За последние годы в нашей стране был опубликован ряд работ⁴, в которых подробно рассматривались история создания, внутреннее положение, взаимоотношения Сока гаккай с партией Комэйто. Значительно меньше известно у нас о международной деятельности Общества, ее направлениях и формах.

Международной деятельностью Общества руководит Дайсаку Икэда. В апреле 1979 г. он заявил об уходе в отставку с поста президента и стал почетным президентом, практически сохранив в своих руках руководящую роль в Сока гаккай. Деятельность Общества за рубежом осуществляется через Совет Сока гаккай по международным связям (Soka gakkai International, сокр. SGI), во главе которого стоит

¹ См.: Кодзи Сугимори. Сока гаккай-но гэндзё (Положение в Сока гаккай). «Дзю», 1976, № 3, с. 140—150.

² См.: Сока гаккай 1984. Материалы отдела информации. Токио, 1984.

³ См.: Токоро Сигэмото. Киндай сякай то нитирэнсюги (Современное общество и нитирэннизм). Токио, 1972.

⁴ См.: С. А. Арутюнов, Г. Е. Светлов. Старые и новые боги Японии. М., 1968; К. И. Державин. Сока гаккай—Комэйто (Религиозно-политическое движение в послевоенной Японии), М., 1972; Н. Н. Тамгинский. Япония: Религиозно-политическое движение Сока гаккай—Комэйто. «Религии мира. Ежегодник 1982». М., 1982 и др.

Д. Икэда. Совет был создан в 1975 г., когда наметились основные тенденции «нового курса», и был призван объединить в своих рядах зарубежных членов Общества. До 1975 г. Сока гаккай выступало за рубежом от имени религиозной организации Нитирэн-сёсю. Именно с момента создания Совета становится возможным говорить о широком и планомерном выходе Сока гаккай на международную арену. Об этом свидетельствует и резкое увеличение численности его зарубежных членов. В 1960 г. Общество насчитывало за рубежом всего 710 членов в 15 странах, а по данным на ноябрь 1984 г.⁵ Сока гаккай имеет уже 1007 тыс. последователей в 115 странах мира. По регионам: Северная Америка — 238 тыс. членов; Центральная Америка — 9 тыс. членов; Южная Америка — 139 тыс. членов; Юго-Восточная Азия — 609 тыс. членов; Ближний Восток и Африка — 3 тыс. членов. В 30 из 115 стран, где имеются отделения Общества, издаются журналы и газеты Сока гаккай⁶, в том числе в США — «Уорлд трибюн», в Бразилии — «Бразил сэйкё», «Тэрсэра цивилэйшн», в Перу — «Перу сэйкё», в Аргентине — «Арджентина сэйкё» и пр. В самой Японии Сока гаккай, обладающее мощной полиграфической базой, также печатает ряд изданий на иностранных языках, рассчитанных на зарубежного читателя. Среди них иллюстрированные журналы «Эс-джи-ай», «Сэйкё гурафу», вестник «Сока гаккай ньос» и др.

В отличие от других японских религиозных организаций, которые ведут свою деятельность за рубежом главным образом среди членов японских колоний, Сока гаккай направляет основные усилия на вовлечение в свои ряды местного населения и создание все новых зарубежных отделений. Теоретическое обоснование «интернациональной» деятельности Сока гаккай исторически восходит еще к догматике буддийского проповедника XIII в. Нитирэна, которая в значительно модернизированном виде составляет идеологическую основу деятельности Сока гаккай. Идея Нитирэна о создании «идеального теократического государства» на основе соединения религии и политики предусматривают, что именно Япония должна стать той страной, где «истинный» буддизм (то есть учение Нитирэна) одержит победу и превратится в главенствующую идеологию государства.

Используя идеи Нитирэна, современные руководители Сока гаккай обосновывают его претензии на распространение своей идеологии в качестве религии мирового значения. Ссылки на Нитирэна, пользующегося в японском народе большой популярностью в качестве патриота и защитника интересов немущих, придают концепциям Сока гаккай большую весомость в глазах общественности. По результатам опроса общественного мнения, проведенного японской телевизионной компанией «Эн-эйч-кэй» в конце 1984 г., имя Нитирэна было названо среди 10 самых популярных исторических личностей Японии.

Именно от нитирэновской концепции теократического государства берет свое начало идея «Общества третьей цивилизации», являющаяся базисной доктриной идеологии Сока гаккай. «Общество третьей цивилизации» — это принципиально новый тип общества, который, по мнению идеологов Сока гаккай, соединит в себе лучшие черты социализма и капитализма и будет основан на «внутренней духовной революции в каждом человеческом существе». Такая революция возможна только при помощи учения буддизма «Нитирэн сёсю»⁷. В «Обществе третьей цивилизации» все области человеческой деятельности должны быть проникнуты творческим духом. Индивидуальная человеческая революция начинается с принятия «истинного» буддизма, а затем она распространяется на политику, экономику, искусство, образование, преобразуя все сферы жизни своим творческим духом. По расчетам теоретиков Сока гаккай, внутренняя революция, связанная с пропагандой вероучения, должна захватить в конце концов весь мир, так как, согласно буддизму, «мировая жизнь» проявляется в людях всех рас и национальностей.

В работе Д. Икэда «Ответственность за человечество и цивилизацию»⁸ изложены взгляды руководства Сока гаккай по вопросу о причинах возникновения войны и сохранения мира. По мнению автора, главный источник войны находится в душе человека, в желании отдельных лиц добиться достижения своих индивидуальных узкокорыстных интересов, даже если война была начата государством или группой государств. Он исходит из посылки, что буддизм, отрицающий войну во всех ее проявлениях, призван способствовать делу строительства всеобщего мира, создавая мир в душе человека.

Международная деятельность Сока гаккай во всех своих проявлениях и формах имеет в конечном итоге основной целью распространение собственной идеологии и превращение ее в религию мирового значения. Вместе с тем, следуя гуманным идеям буддизма об отказе от насилия, Общество ведет активную деятельность в области борьбы за сохранение мира и расширение культурного обмена между странами.

В практической области международная деятельность Сока гаккай осуществляется по трем основным направлениям: деятельность во имя укрепления мира; обмен в области культуры, образования и науки; распространение буддийской идеологии с целью превращения учения Нитирэна в религию мирового значения.

⁵ См.: Сока гаккай 1984..., с. 2.

⁶ См. там же.

⁷ D. Ikeda. Buddhism: the Living Philosophy. Tokyo, 1974, p. 94.

⁸ Д. Икэда. Дзинриу то буммэй э но сэкинни (Ответственность за человечество и цивилизацию). «Усё», 1974, № 10, с. 88—121.

Общество ведет активную борьбу за сохранение мира и безопасности. По мнению руководства Сока гаккай, для достижения этой цели необходимо:

Строгое соблюдение мирной Конституции Японии. Общество проводит массовые кампании во всеяпонском масштабе в рамках «движения в защиту мирной конституции». В День Конституции организуются митинги в ее защиту. Сока гаккай постоянно выступает против попыток использовать храм Ясукуни для милитаристской пропаганды.

Улучшение экономического положения и политической стабильности в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, где постоянно таится угроза возникновения войны. Для этого развитые страны должны оказать развивающимся всестороннюю материальную и техническую помощь. В период с 1973 по 1984 г. силами самого массового и влиятельного молодежного отдела Сока гаккай было проведено несколько общенациональных кампаний по сбору средств в помощь народам Азии и Африки.

Повышение компетентности ООН, расширение ее прав в области контроля над вооружениями. Почетный президент Сока гаккай Д. Икэда, ставя в один ряд империализм и силы мира и прогресса, утверждает, что успешной деятельности ООН препятствует главным образом «националистический эгоизм каждой из стран — членов ООН, прежде всего великих держав»⁹. Для преодоления этого необходимо сплотить людей доброй воли, независимо от национальной принадлежности. Следует заметить, что весьма критическое отношение к ООН все же не помешало почетному президенту Общества обратиться с мирным призывом ко II специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, проходившей с 7 июня по 9 июля 1982 г.¹⁰

Максимальное уважение самостоятельности отдельных народов в международных отношениях и внутри каждой страны. Данный лозунг выдвигается Сока гаккай довольно давно. Однако известны случаи, когда общество отстаивало националистические идеи, например, об «особой миссии» Японии в Азии, о том, что Япония должна сыграть решающую роль в помощи развивающимся странам Азии, поскольку японцы лучше, чем европейцы и американцы, могут понять характер народов этих стран.

Воспитание людей в духе миролюбия и уважения к достоинству личности на основе идей Нитирэна.

Свою деятельность в области расширения культурного и научного обмена между странами Сока гаккай осуществляет через созданную в 1963 г. на базе Общества Демократическую ассоциацию музыки («Миньон»). По линии «Миньон» в Японию приглашаются зарубежные творческие коллективы и организуются гастрольные японских деятелей искусства за границей. В сфере деятельности ассоциации вовлекается широкий круг деятелей культуры и других представителей интеллигенции, которые не являются членами Сока гаккай, но рассматриваются как резерв Общества.

«Музыка — слово души, которое связывает мир, она выше национальных и языковых различий; музыка углубляет наше взаимопонимание...»¹¹, — пишет журнал «Сэйкё гурафу». По свидетельству журнала, Демократическая ассоциация музыки поддерживает связи со многими творческими коллективами мира. Среди них: Ансамбль танца народов СССР, Новосибирская балетная группа, Бельгийский государственный балет, балет США, Парижский театр оперы и балета, Государственная танцевальная труппа Венгрии и др.

Значительное место в международной деятельности Сока гаккай занимает университет Сока. В рамках научного и культурного обмена университет Сока поддерживает связи со многими университетами мира, в том числе с МГУ. Одним из аспектов международной деятельности университета и Общества в целом является содействие развитию японцев в зарубежных странах. С 1974 по 1984 г. Сока гаккай передало в дар различным университетам мира (в том числе СССР, США, Панамы, Перу, Китая и пр.) 74 500 японских книг.

В обстановке развернутой реакционными силами Японии кампании враждебности в отношении СССР Сока гаккай ратует за развитие добрососедских отношений с СССР. Показательна в этом отношении лекция профессора университета Сока К. Сакан «От недоразумения к взаимопониманию», посвященная XXV годовщине восстановления японо-советских отношений, в которой, в частности, говорилось: «В последнее время в нашей стране муссируется тема о советской угрозе. Пресса шумит, что Советский Союз страшен, что когда-нибудь СССР нападет на Японию... Не Советский Союз страшен, а незнание страшно... многие японцы не знают СССР... до них не доносят правду об истинном облике СССР»¹².

В отличие от некоторых других зарубежных религиозных организаций Сока гаккай признает и приветствует, что в Советском Союзе гражданам гарантируется свобода совести.

Общество с интересом следит за мирными предложениями СССР. Сакан пишет по этому поводу: «Советский Союз в принципе стоит за полное уничтожение воору-

⁹ Д. Икэда, Защищать человеческую жизнь, Токио, 1975, с. 13.

¹⁰ Подробнее см.: D. Ikeda, A New Proposal for Disarmament and the Abolition of Nuclear Arms, Soka Gakkai News, July 1982, p. 22—31.

¹¹ «Сэйкё гурафу», 7.X.1981, с. 21.

¹² К. Сакан, От недоразумения к взаимопониманию. Исследования о России и Советском Союзе. Токио, 1982, с. 138.

жений... Но, к сожалению, в мире существуют империалистические силы, не желающие разрядки напряженности и раздувающие гонку вооружений... Обманывая мировое общественное мнение мифом о несуществующей «советской угрозе», они продолжают безрассудную гонку вооружений»¹³. Руководство Сока гаккай признает, что не существует внешней угрозы Японии со стороны Советского Союза. Общество видит реальную опасность для Японии в политике ЛДП, направленной на сближение с США.

В целом деятельность Сока гаккай на внешнеполитической арене трудно охарактеризовать однозначно. Многие международные организации, государства, политические и религиозные группы еще не выработали к Сока гаккай определенного отношения. Иные относятся к Обществу настороженно, принимая во внимание всю сложность и неоднозначность его деятельности, и наряду с этим вынуждены признавать, что Сока гаккай — организация мощная, способная оказывать непосредственное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Выступления в защиту мира, за разрядку международной напряженности приводят в ряды Сока гаккай представителей самых различных слоев японской и зарубежной общественности из числа тех, кто созрел для протеста против существующей капиталистической действительности, но не поднялся до ее марксистского осмысления. «Выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития»¹⁴, — писал В. И. Ленин.

Ряд идей, которыми руководствуется в своей международной деятельности Сока гаккай, нельзя не расценивать как гуманные. Конечно, они берут свое начало от буддийской «философии жизни», далекой от диалектического материализма, но их пацифистская и в определенной степени антиимпериалистическая направленность делает их последователей потенциальными союзниками левых сил в их борьбе за разрешение злободневных политических вопросов.

¹³ К. Сакаи. От недоразумения к взаимопониманию. Исследования о России и Советском Союзе. Токио, 1982, с. 138.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

Интересное исследование китайского ученого

История отношений Советского Союза и Китая неотделима от летописи национально-освободительной борьбы китайского народа. Победившая революционная Россия с самого начала безоговорочно встала на сторону прогрессивных, революционных сил Китая в их борьбе против империалистического господства, против феодального гнета за свободный, независимый, единый и демократический Китай. Особенно ярко это проявилось в период китайской революции 1925—1927 гг.

Это были бурные годы в истории Китая. Страна была охвачена мощным национально-освободительным движением под лозунгами восстановления национального суверенитета и политического объединения страны под властью демократического национального правительства. Революционный Юг противостоял реакционному Северу, получившему поддержку империалистических держав, которые всеми силами пытались подавить революционный порыв огромной страны, находившейся в полной зависимости от их воли.

Руководство революцией находилось в руках национальной буржуазии, представителем которой была национально-революционная партия гоминьдан. Молодая Коммунистическая партия Китая при поддержке Коминтерна активно включилась в борьбу в союзе с гоминьданом.

Критическим моментом революции стала весна 1927 г., когда напуганная революционным подъемом китайская буржуазия при поддержке империалистических сил предала дело народа и встала на путь контрреволюции. Империализм усилил помощь северным милитаристам. 24 марта военные корабли Англии и США подвергли варварской бомбардировке Нанкин; 11 апреля представители Англии, США, Японии, Франции и Италии предъявили ультиматум китайским властям в Ухани и Шанхае. Выступления держав поощряли реакцию, и 12 апреля 1927 г. в Шанхае Чан Кайши осуществил контрреволюционный военный переворот, за которым последовали контрреволюционные перевороты в южных провинциях Китая — Гуандун, Гуанси, Фуцзянь и др. 18 апреля в Нанкине было образовано гоминьдановское реакционное правительство во главе с Чан Кайши. Соотношение сил в Китае резко изменилось в пользу реакции.

В одном ряду с этими событиями стоит и резкое ухудшение советско-китайских отношений в этот период, кульминацией которого стал налет солдат милитариста Чжан Цзолина на советское посольство в Пекине 6 апреля 1927 г., арест находившихся там китайских коммунистов во главе с Ли Дачжао.

Именно этот эпизод в истории советско-китайских отношений 20-х гг. и лег в основу небольшого по объему, но интересного и полезного исследования китайского историка Си Уи из Пекинского института общественных наук, опубликованного в журнале «Лиши яньцзю» («Исторические исследования») № 2 за 1985 г. статью под названием «Фальсификация так называемых „указаний военному атташе в Китае“ в целях доказать наличие советского „заговора“».

Как известно, вскоре после налета и обыска в советском посольстве в китайской и западной печати началась публикация «документов», якобы найденных в канцелярии советского военного атташе и квартирах сотрудников советского посольства. К числу наиболее важных из них реакционная китайская и империалистическая пропаганда причислила некие «указания советскому военному атташе в Китае». Именно анализу этого «документа» и истории его появления на свет посвящает свою работу китайский историк.

Обращаясь в своей работе к событиям более чем полувековой давности, получившим в свое время должную оценку в исторической литературе*, автор ставит перед собой задачу путем тщательного исследования документов, новых фактов вскрыть подлинные мотивы и подоплеку этой гнусной антисоветской, антикоммунистической провокации, показать ее истинных вдохновителей и исполнителей. Си Уи

* См., например: М. С. Капца. Советско-китайские отношения. М., 1958, с. 170—176.

отмечает, что в то время официальным протестам советских представителей по поводу этой провокации для разоблачения опубликованных фальшивок «по разным причинам» не доставало аргументов. Иностранцы дипломаты и корреспонденты в Китае в большинстве своем не сомневались в подлинности «документов» (с. 190).

Более того, автор видит актуальность работы и в том, что тезис о советском «заговоре», «подрывной деятельности» Коминтерна в Китае все еще жив в работах некоторых буржуазных исследователей и подкрепляется именно ссылками на пресловутые «указания». Автор приводит в качестве примеров книгу тайваньского историка Цзян Юнцзиня «Бородни и уханьские власти», «Хронику событий Китайской Республики», составленную центром исторических материалов на Тайване, где этот «документ» фигурирует как подлинный, да еще с отдельным пояснением составителей. В этот перечень входят «История японской дипломатии» (т. 17), изданная в Японии известным исследовательским институтом, книга американского синоведа А. Янга «Финансово-экономическое положение в Китае. 1927—1937 гг.» и авторитетная в исторических кругах Запада работа О. Эдмунда Клаба «Китай XX века». Ссылки на «документ» содержатся в дипломатических архивах США, Японии и некоторых других стран (с. 181—182).

Первосточниками для Си Уи послужили фотокопии «указаний», сохранившиеся в архивах полицейского управления Пекина, их перевод на китайский язык под названием «Указания Москвы военному атташе в Китае, подготовленные на основе резолюции Пленума ЦККП по китайскому вопросу».

Си Уи прежде всего акцентирует внимание на наличии серьезных смысловых разногласий политического характера между текстом «указаний» и «Резолюции», прямых противоречий в принципиальных вопросах, касающихся характера, особенностей и перспектив китайской революции (с. 182—186). Тщательно сопоставляя содержание «указаний» с документами Коминтерна, автор аргументированно подводит читателя к выводу о «глубоком сомнении в подлинности данного „документа“» (с. 187). Китайский историк отмечает также массу других изъянов и погрешностей, доказывающих, что сей документ — фальшивка. Это и оформление «документа», орфография, машинописные опечатки. Исследователь проводит работу, сравнимую с экспертизой криминалиста, он сопоставляет различия в вариантах фотокопий, сделанных в различное время.

Однако наибольший интерес в работе представляет подробный рассказ очевидца и непосредственного участника событий, бывшего чжанцзюньского дипломата Чжан Гочэня, приведенный автором в статье. Эти записи взяты Си Уи как из личных бесед с Чжан Гочэнем, так и из неопубликованных материалов Общества изучения истории и культуры при НПКСК города Тяньцзиня (с. 188—189).

Воспоминания бывшего доверенного лица Чжан Цзюлиня, который лично поручил Чжан Гочэню возглавить работу по переводу якобы найденных в советском посольстве документов, очень оживляют работу, в значительной мере помогают в воссоздании более полной картины событий тех лет.

Справедливо отмечая, что «в воспоминаниях 80-летнего человека о событиях более чем полувекковой давности могут быть некоторые расхождения и неточности в деталях», Си Уи особо выделяет из этого материала один момент — «появление на свет имени автора и непосредственного изготовителя фальшивки» — бывшего белогвардейского журналиста Н. Митаревского (с. 189), который, используя свое положение «переводчика» «документов», издал в те годы книгу под названием «Всемирный советский заговор: разоблачение на основе еще не опубликованных документов, захваченных в советском посольстве в Пекине». Си Уи пишет, что, «хотя некоторые западные историки выражали сомнения в компетентности Митаревского и отмечали субъективизм его оценок — в частности, в книге «Документы о коммунизме и национализме и советских советниках в Китае (1918—1927)» С. Мартина, Вильтура и Дж. Ляньин Хао — но никто не предполагал, что он и является автором фальшивки».

Воссоздав полную и ясную картину событий, предшествовавших налету на советское посольство, автор четко прослеживает их причинно-следственные связи, делает обоснованный вывод о том, что данная провокация была нужна Чжан Цзюлиню, чтобы поднять свой авторитет среди империалистических держав, раздуть антикоммунистическую кампанию и заручиться поддержкой империализма в борьбе за власть.

Си Уи делает и более широкое обобщение, говоря о том, что «обыск советского посольства был важным звеном в цепи антисоветской, антикоммунистической кампании, развернутой империализмом на международной арене в 20-х годах нашего столетия. Фактически это была совместная акция империализма и фэнтяньских милитаристов, а сфабрикованные «указания» — политический результат этой совместной акции» (с. 190).

Опираясь на воспоминания бывшего начальника группы переводов полицейского управления Пекина Ван Чжисяна, опубликованным в сборнике «Материалы по истории и культуре Шэньяна», и уже упомянувшегося Чжан Гочэня, автор неопровержимо доказывает непосредственную причастность к инциденту французского и японского посланников, информировавших пекинское правительство о местопребывании Ли Дачжао и спровоцировавших налет на советское посольство. Си Уи считает не-

обходным подчеркнуть, что ему представляется не вполне правомерной и аргументированной точка зрения советских историков, которые считают главным вдохновителем провокации английского посланника, хотя, по словам автора, «в конечном итоге арест (Ли Дачжао. — С. М.) не мог быть произведен без санкции английского и американского посланников» (с. 191).

Си Уи не проходит мимо публикаций того времени в иностранной печати, мемуаров западных дипломатов, находя в них новые факты, подтверждающие причастность империалистических держав к провокации и подкрепляющие главный вывод работы: так называемые «указания военному атташе в Китае» являются плодом совместных усилий. Они появились на свет по наущению иностранных посланников, по указке Чжан Цзолия, в результате провокации фэнтяньских чиновников, усилий белогвардейского фальсификатора и американского редактора, превратившись в козырную «карту, использованную в свое время на волне антисоветской и антикоммунистической кампании». (с. 191). Автор цитирует О. Чемберлена, который обрушился с нападками на Коминтерн, прямо указывает на пекинские события с последовавшим налетом на помещение общества «Аркас» в Лондоне.

Общий вывод, факты и оценка исследуемых автором событий совпадают с теми, которые были даны и советскими историками (см., например, М. С. Капица. Указ. соч., с. 176).

Си Уи пишет, что побудительным мотивом для написания данной работы стал долг ученого, требующий восстановления исторической истины. Необходимо отметить, что поставленную перед собой работу автор выполнил добросовестно.

С. А. ЖДАНОВ

Важный фактор победы китайской революции —

О. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945—1949). 3-е изд., доп. и дораб. М., «Мысль», 1985, 252 с., 8 л. ил.

Четыре десятилетия назад на Дальнем Востоке победоносно завершилась последняя битва второй мировой войны. Решающий вклад в победу над японским милитаризмом внесли Советский Союз и народы других стран. Как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, «наша страна, до конца верная своим союзническим обязательствам во второй мировой войне, сыграла огромную роль в разгроме милитаристской Японии. Мы действовали в тесном боевом содружестве с великим китайским народом. Вместе с нами активно били общего врага войны Монгольской Народной Республики. С японскими захватчиками вели упорную борьбу патриоты Вьетнама, Кореи, других стран Азии».

К 40-летию разгрома милитаристской Японии вышло в свет третье, дополненное и доработанное издание книги известного советского китаеведа О. Борисова «Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945—1949)», посвященной истории создания и укрепления революционной базы на Северо-Востоке Китая, которая сыграла роль основного военно-стратегического плацдарма китайской революции, победоносно завершившейся образованием 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики.

В книге О. Борисова, написанной на основе многочисленных документальных советских и китайских материалов, работ советских и иностранных исследователей, личных впечатлений автора во время его пребывания в Маньчжурии, исследуется интернациональный вклад СССР в революционную борьбу китайского народа и в создание опорной базы китайской революции.

Оккупация в 1931 г. Северо-Восточного Китая и создание в 1932 г. марionеточного государства Маньчжоу-Го стали пер-

выми шагами Японии в осуществлении агрессивных планов полного закабаления Китая. С первых же дней оккупации японская военщина начала строить и укреплять военно-стратегический плацдарм в Маньчжурии для развертывания дальнейших захватов во Внутренней Монголии и в Китае и для подготовки «большой войны» против Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

В качестве одного из основных средств для достижения своих целей японские милитаристы выдвигали задачу быстрого усиления военно-экономического потенциала этого обширного района, который в границах 1945 г. занимал площадь свыше 1100 тыс. км². Причем развитие всех отраслей хозяйства Маньчжурии было подчинено основной задаче — превращению этого района в плацдарм для дальнейшего развертывания войны. Японская пресса и военная пропаганда неизменно отождествляли «прогресс Маньчжоу-Го» с постройкой сети военно-стратегических железных дорог, промышленных предприятий, работающих на войну, с увеличением добычи военного сырья и т. д. «Вся экономика Маньчжоу-Го, — подчеркивает автор, — приспособилась к мобилизации промышленности и сельского хозяйства на случай войны. Это вызывало значительную ломку сложившейся хозяйственной структуры и несло разорение массам китайского народа, усиливало социальную напряженность» (с. 33).

К 1945 г. Маньчжурия достигла высокой степени экономического развития. Здесь производилось более 60 % продукции тяжелой промышленности и около 80 % горнодобывающей (в масштабах всего Китая). Согласно подсчетам, общая сумма японских капиталовложений в этот регион в 1945 г. равнялась почти 11 млрд. иен (с. 39). «Таким образом, — делает вывод автор, — по своим природным ресурсам и уровню экономического развития Маньчжурия к концу второй мировой войны представляла собой мощный военно-промышленный комплекс, который японский милитаризм мог использовать в борьбе против СССР, революционного движения в Китае и Юго-Восточной Азии» (с. 44).

Героическое сопротивление советского народа гитлеровским захватчикам заставило Японию изменить свои планы в отношении войны с Советским Союзом. Уже в 1944 г. японские милитаристы рассчитывали затянуть войну на Тихом океане и добиться компромиссного ее завершения с сохранением за собой Маньчжурии. Вступление нашей страны в войну против Японии и молниеносный разгром Кван-

тунской армии сорвали эти замыслы и предопределили капитуляцию японского милитаризма.

Историческая победа Советского Союза на Дальнем Востоке стала поворотным пунктом в истории народов стран Азии. «В результате победы Советских Вооруженных Сил, — пишет О. Борисов, — окончательно решился исход многолетней войны между Японией и поработенными ею народами Китая и других стран Азии, началось бурное развитие национально-освободительного движения на этом континенте» (с. 68).

Советский Союз, несмотря на огромные трудности, связанные с послевоенным восстановлением, предпринял эффективные усилия для укрепления народно-демократических районов в Маньчжурии, которые возникли в итоге разгрома Квантунской армии. Народно-демократические районы с первых же дней своего существования стали получать всестороннюю помощь и поддержку Советского Союза. Это сыграло важную роль в укреплении Объединенной Демократической Армии (ОДА) — вооруженных сил КПК в Маньчжурии. ОДА была оснащена первоклассным оружием Квантунской армии, захваченным в качестве трофеев советскими войсками. Советский Союз оказывал большую помощь в подготовке китайских национальных кадров, передавал народным органам власти свой опыт государственного и экономического строительства. Пребывание советских войск в Маньчжурии имело важное значение для укрепления и развития ее экономики. С помощью советских специалистов был восстановлен и пущен в эксплуатацию ряд важных предприятий. Части Советской Армии в Маньчжурии оказывали всемерное содействие местным властям в ремонте и строительстве шоссейных дорог, в благоустройстве населенных пунктов.

Дипломатия СССР в отношении Китая в тот период состояла в том, чтобы воспрепятствовать военному вмешательству США во внутренние дела страны и оказать максимальную возможную помощь китайскому народу в завоевании демократических свобод и национальной независимости. Особое место в этой деятельности Советского Союза занимала дипломатическая борьба связанная непосредственно с Маньчжурией. Эта деятельность исходила из интересов китайских революционных сил и тесно координировалась с КПК. Тщательное исследование автором документов и материалов по внешнеполитическим проблемам убедительно показывает, что именно твердая и последовательная позиция СССР не позволила Соединенным Штатам воплотить в жизнь свои далеко идущие планы в отношении Китая.

Еще одним свидетельством учета нашей страной национальных интересов китайского народа стало решение вопроса о выводе советских войск из Маньчжурии. Окончательное решение этого вопроса было принято лишь после консультаций с китайскими коммунистами и полностью

учитывало их интересы что позволило китайским революционным войскам и народно-демократической администрации, пользовавшихся авторитетом у местного населения, взять власть в свои руки в тех районах, которые покидали советские части.

В рецензируемой монографии показаны злостные антисоветские действия чанкайшистов в Маньчжурии, их произвол в отношении работников советских учреждений, дезорганизация ими работы Китайско-Чанчуньской железной дороги, которая, согласно договору между СССР и Китаем от 14 августа 1945 г., должна была управляться совместно на паритетных началах.

В то же время в книге подвергнута критике и позиция части националистически настроенных руководителей КПК, не учитывавших реально сложившегося соотношения сил в стране, пытавшихся в невыгодных для себя условиях начать гражданскую войну в стране и провоцировавших Советский Союз на открытое столкновение с США.

О. Борисов подчеркивает, что «развитие событий в Китае являлось наглядным доказательством того, что СССР в этот период не поддавался ни провокациям американо-чанкайшистов, ни «левацким» и иным шараханьям, а занял единственно верную позицию — позицию решительной борьбы за интересы китайской революции и китайского народа, проявляя выдержку, терпение и принципиальность. Советский Союз учитывал при этом реальное соотношение сил как в Китае, так и на мировой арене и не позволил втянуть себя в политическую авантюру» (с. 100).

Последовательность позиции Советского Союза полностью проявилась и в ходе открытой интервенции США в Китае, когда американский империализм, опираясь на обученную и вооруженную им гоминьдановскую армию, пытался задушить китайскую революцию и закабалить страну. На пути этих неокOLONиалистских планов стоял Советский Союз, который поддерживал справедливую борьбу китайского народа за свою свободу и независимость.

В эти годы полностью проявилось значение революционной базы в Маньчжурии, ставшей главным оплотом китайской революции в этот трудный для нее период. «Здесь, — пишет автор, — набирала силы армия КПК, предпринявшая в 1948—1949 гг. поход на юг, который завершился полным крушением гоминьдановского режима» (с. 119).

Маньчжурия имела богатые революционные традиции. Еще с начала 30-х годов здесь началась вооруженная борьба против японских захватчиков и марionеточных властей. После капитуляции Японии китайские коммунисты использовали благоприятный момент для распространения своего влияния в Маньчжурии. С этой целью из освобожденных районов Северного Китая началась срочная переброска регулярных воинских частей и кадров партийных и административных работни-

ков. К 1946 г. в Маньчжурию из других освобожденных районов Китая были переброшены регулярные войска численностью 100 тыс. человек и около 50 тыс. партийных и административных работников. Большую помощь партийным и военным кадрам прибывшим в Маньчжурию, оказали коммунисты и другие китайские патриоты, освобожденные Советской Армией из японских тюрем.

Динамика роста революционных сил в Маньчжурии выглядела следующим образом: в конце ноября 1945 г. здесь имелось около 20 тыс. человек из состава войск КПК, к середине декабря 1945 г. — более 334 тыс., а во второй половине октября 1947 г. войска КПК в Маньчжурии насчитывали уже 465 тыс. человек. Таким образом, отмечает О. Борисов, к осени 1948 г. численность маньчжурской группировки войск КПК «почти вдвое превышала противостоящую ей группировку гоминьдановских войск, заметно возрос также ее относительный удельный вес по сравнению с другими группировками войск КПК в Северном и Центральном Китае» (с. 122—123). Данные, приведенные в книге, позволяют сделать вывод, что маньчжурская группировка фактически являлась сильнейшей в составе войск КПК в целом, особенно если учесть, что войска КПК в Северном и Центральном Китае не были единой компактной группировкой, а действовали в удаленных друг от друга районах.

Период 1946—1947 гг. был для КПК и ее вооруженных сил чрезвычайно напряженным и тяжелым в военном отношении. Войскам гоминьдана сравнительно легко удалось захватить опорную базу КПК в Яньани, определенные трудности на фронтах революционные войска испытывали и в Маньчжурии, где чанкайшисты при поддержке США сосредоточили свои главные военные силы. Однако наступление гоминьдановцев на Маньчжурию, начатое в июне—июле 1946 г. постепенно захлебывалось. Соотношение сил на фронтах менялось. Были созданы условия для решительного перелома в ходе военных действий, который и наступил к исходу первого года войны.

Летом 1947 г. маньчжурская группировка революционных сил под руководством Линь Бяо—Гао Гана перешла в наступление. В ходе этого наступления, которое осуществлялось по нескольким направлениям, менее чем за два месяца были достигнуты крупнейшие успехи. Было освобождено 42 города. Гарнизоны Чанчуня и Гириня оказались в окружении, а главные силы гоминьдановских войск были оттеснены в район Мукдена. 4 регулярные дивизии и большое число нерегулярных частей гоминьдановской армии были разбиты. (с. 125).

В осенне-зимнем наступлении 1948—1949 гг. войска КПК полностью завершили уничтожение гоминьдановской группировки в Маньчжурии. Особенно следует выделить Ляошэньскую операцию, победа в которой, по мнению китайских истори-

ков, подготовила необходимые условия для освобождения всей страны. Причем, как отмечает автор, «одним из важных факторов победы ИОАК в Ляошэньской операции была помощь СССР, в частности в восстановлении железных дорог и мостов в Маньчжурии. Это обеспечило концентрацию войск на нужных направлениях и их маневрирование» (с. 127). В ходе проведенных вслед за Ляошэньской, Хуайхайской и Пекин-Тяньцзиньской операций войска КПК одержали решающую победу в войне.

Приведенные в книге данные убедительно свидетельствуют о решающей роли маньчжурской группировки войск в генеральном наступлении Народно-освободительной армии Китая, определившем исход гражданской войны в стране.

Большой интерес представляет раздел монографии, посвященный социально-экономическим преобразованиям, проведенным в Маньчжурии органами народно-демократической власти. В управлении демократических властей перешли железные дороги, электростанции, коммунальные предприятия. Власти постепенно конфисковали промышленные предприятия, организовали управление ими. В городах была изменена налоговая система, созданы народные банки, введено льготное кредитование промышленности и торговли. В 1947—1948 гг. было проведено повышение заработной платы рабочим, сокращен рабочий день, на ряде государственных предприятий введены оплачиваемые отпуска и социальное страхование, установлена система премий. С осени 1946 г. в Маньчжурии начался переход от частичных аграрных преобразований ко всеобщей аграрной реформе, к ликвидации феодалской и полуфеодалской собственности на землю, к ликвидации помещиков как класса. «Важность демократических преобразований в освобожденных районах Маньчжурии трудно переоценить, — справедливо указывает О. Борисов. — Здесь зарождался политический и экономический аппарат будущей Китайской Народной Республики. В условиях Маньчжурской революционной базы революционные кадры проходили школу хозяйствования, демократических преобразований, опираясь на мощный государственный (общественный) сектор в виде экспроприированной крупной промышленности. Партийные организации КПК, народно-демократические власти широко использовали опыт Советского Союза в проведении социально-экономических преобразований» (с. 134).

Отдельная глава рецензируемой монографии посвящена детальному анализу различных форм и видов содействия Советского Союза укреплению революционной базы в Маньчжурии. Большое значение О. Борисов придает героической деятельности рабочего класса Маньчжурии, на плечи которого легла основная тяжесть в восстановлении предприятий, транспорта, путей сообщений, снабжении армии оружием и боеприпасами.

Значение Маньчжурской революционной

базы особенно возросло в 1946—1947 гг., когда центр революционной и политической деятельности КПК практически переместился из «Особого» района Китая в Маньчжурию. Здесь многочисленные партийные, военные и хозяйственные кадры при содействии Советского Союза учились управлять будущей республикой, накапливали опыт хозяйственной и административной работы, осуществления социальных мероприятий.

«Борьба за Маньчжурию в 1945—1949 гг., — пишет О. Борисов, — еще одно историческое свидетельство того, кто является подлинным другом китайского народа, а кто был и остается его непримиримым врагом» (с. 209). Изучая историю китайской революции, невозможно не найти многочисленные доказательства классового, интернационалистского подхода Советского Союза к освободительной борьбе китайского народа. Это особенно важно подчеркнуть именно сейчас, когда не только западная, но и китайская историография пытается фальсифицировать историю второй мировой войны, всячески принизить роль СССР в разгроме фашистско-милитаристского блока, исказить значение и цели помощи Советского Союза Китаю. Отпавши этим псевдонаучным вымыслом и посвящена новая по сравнению с предыдущими изданиями пятая глава монографии.

Тщательно проанализировав ряд работ западных авторов, О. Борисов приходит к выводу, что «при всем многообразии подходов буржуазных авторов к освещению проблем дальневосточной политики США их работы объединяет стремление защитить и оправдать агрессивную политику американского империализма, приспособить выводы к потребностям сегодняшнего дня» (с. 184). Вместе с тем «освободительная миссия Советского Союза в годы второй мировой войны, помощь и содействие социалистического государства китайскому народу в строительстве социализма квалифицируются на Западе либо как нежелательные с точки зрения национальных интересов Китая явления, либо значение этих факторов игнорируется» (с. 173).

Подобные тенденции характерны и для современной китайской историографии. Как известно в свое время китайские ученые, официальные лица однозначно оце-

нивали роль Советского Союза в борьбе против вмешательства США во внутренние дела Китая, в победе китайской революции. Однако в последние годы в китайских исторических публикациях предпринимаются попытки переоценки истории китайской революции, истории внешней политики Советского Союза в различные периоды, в частности в 40-х годах. Причем зачастую вопросы, касающиеся советско-китайских отношений освещаются с явной антисоветской направленностью, фальсифицируется роль Советского Союза в освобождении Северо-Востока Китая и создании Маньчжурской революционной базы.

«Но факты — упрямая вещь, ими нельзя манипулировать в конъюнктурных целях, — справедливо отмечает О. Борисов. — История доказала, что Советский Союз был всегда на стороне революционных сил китайского народа, помогая ему в борьбе за свое национальное и социальное освобождение» (с. 193). С этим нельзя не согласиться. Весь материал, приведенный в книге, свидетельствует о том, что роль Маньчжурской революционной базы в национально-освободительной борьбе китайского народа нельзя анализировать без учета политической борьбы, гражданской войны и хода социально-экономических преобразований, проводившихся в Маньчжурии в 1945—1949 гг. с помощью Советского Союза.

Победа революции в Китае в 1949 г. еще раз подтвердила правоту ленинского положения о том, что «революционное движение народов Востока может... получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма»¹.

На примере исследуемой в монографии О. Борисова Маньчжурской революционной базы, ее развития при содействии СССР, виден подлинный интернационализм Советского Союза, его неоценимая бескорыстная помощь китайской революции.

В. В. СЕМЕНОВ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 318.

Преобразования в хозяйственном механизме КНР

Дандай Чжунго ды цзинцизи тичжи гайгэ (Реформа хозяйственной системы в современном Китае). Пекин, «Чжунго шэжуэй кэсюэ чубаньшэ», 1984, \$25 с.

Проблемы экономической реформы занимают с конца 70-х годов одно из ведущих мест в общественно-политической жизни Китайской Народной Республики. При этом, вполне естественно, в центре внимания китайских ученых — экономистов и хозяйственников — находится достаточно широко освещаемая в научной литературе и периодической печати страны теория и практика современного этапа реформы, начало которому, как единодушно считается в КНР, положили решения III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978). Вместе с тем до недавнего времени история формирования и эволюции хозяйственного механизма в КНР в предшествовавший период оставалась как бы в тени и отражалась в китайских публикациях весьма скупо¹. И хотя в критике изъянов сложившейся в Китае к середине 70-х годов системы организации и управления народным хозяйством не было недостатка, однако она, как правило, носила стереотипный характер констатации «негибкости» и «чрезмерной централизации» хозяйственного механизма, господства административных и неразвитости экономических методов управления. Такой подход, по-видимому, в значительной мере объяснялся укоренившимся в стране мнением, что предпринимавшиеся ранее в Китае попытки совершенствования управления народным хозяйством, в частности по линии перераспределения экономических полномочий центра и мест, регионов и ведомств, были разрозненными и в целом, «строго говоря, не дотягивали до уровня реформы хозяйственной системы», а настоящая реформа началась только с конца 1978 г.² Между тем подробный показ фо-

¹ Среди немногочисленных исключений здесь можно выделить: серию статей Сии Хуа об эволюции финансовой системы в КНР («Цайчжэн», Пекин, 1983, № 2, 4—6, 8, 9, 11, 12); главу об истории плановой работы в стране в книге «Проблемы планового управления в Китае» (Пекин, 1984, с. 638—676, на кит. яз.); статью Жэнь Тао и др. «История системы хозяйственного управления в нашей стране» («Цзинцзисюэ дунтай», Пекин, 1979, № 6, с. 27—31).

² См.: Сяо Лян. Ретроспектива и перспектива исследования проблем реформы хозяйственной системы. — «Цзинцзисюэ вэньчжай», Пекин, 1985, № 1, с. 4.

на, «предыстории» сегодняшней реформы позволяет и лучше понять ее причины, и точнее выявить генезис многих современных хозяйственных мероприятий в Китае, и даже в какой-то мере прогнозировать их возможные последствия. В этом плане несомненный интерес представляет работа «Реформа хозяйственной системы в современном Китае», явившаяся первой книгой, опубликованной в новой, ориентировочно 200-томной серии «Современный Китай».

Работа написана большим коллективом авторов, в составе которого немало известных ученых-экономистов — Гао Шанцюань, Сунь Сюэвэнь, Сюй Цзиньгань, Лю Жисинь, Цзо Чуньтай, Линь Сюань и других. Представительную редакционную коллегию возглавил заместитель председателя Государственного комитета по делам реформы хозяйственной системы КНР Чжоу Тайхэ. При подготовке книги были учтены указания члена секретариата ЦК КПК Дэн Лицуня, а также замечания и предложения таких авторитетных специалистов, как Люй Дун, Юань Баохуа, Ма Хун, Ю Линь и т. д. Предисловие к книге написал член Госсовета КНР Бо Ибо. Сразу же после выхода в свет работа получила высокую оценку и широкую рекламу в центральной китайской печати³.

Призванная прежде всего дать китайским и зарубежным читателям возможность «уяснить исторический процесс формирования и эволюции социалистической хозяйственной системы в Китае за 30 с лишним лет» и тем самым помочь понять, «сколь важную роль играет проводимая ныне в стране реформа... в осуществлении величественной цели четырех модернизаций» (предисловие авторов, с. 1), книга одновременно рисует общую панораму хозяйственной жизни КНР с ее сложными перипетиями, нередко предавая при этом гласности не публиковавшиеся ранее открыто сведения и фактические данные. По нашему мнению, целый ряд «сюжетов» работы выходит за «управленческие рамки» и представляет самостоятельный интерес. Это, например, история формирования «третьей линии» обороны, то есть района «стратегического тыла» в провинции Сычуань (с. 586—592), рассказ о предпринимавшихся Чжоу Эньлаем попытках упорядочения хозяйственного механизма в 1971—1973 гг., проливающий дополнительный свет на особенности фракционной борьбы в высшем эшелоне китайского руководства в тот период (с. 147—151). В целом богатая фактура, систематизированный показ особенностей и характерных черт хозяйственного механизма КНР на различных этапах его функционирования делают работу «Реформа хозяйственной системы в современном Китае» весьма ценным, а по ряду проблем и абсолютно необходимым источником для исследования вопросов истории развития народного хозяйства КНР и нынешней экономической реформы в стране. Следует отметить хороший

³ См. рецензии Сюэ Муцяо в «Жэньминь жибао», 8.X.1984 и Су Сипа в «Гуанмин жибао», 7.X.1984.

язык работы, сравнительную немногочисленность повторов, в принципе неизбежных при столь большом объеме (606 тыс. нероглифов).

Вместе с тем книга не лишена недостатков. Стремление авторов представить весь ход эволюции хозяйственного механизма в стране как процесс пусть не всегда плодотворного, но непрерывного поиска «пути строительства социализма, соответствующего условиям Китая», делает неизбежным опосредствование оценок событий прошлых лет задачами и концепциями сегодняшнего дня, что подчас ведет к односторонности трактовок, неоправданному смещению акцентов, расхождению между излагаемым материалом и выводами. Так, в книге непомерно выпячивается значимость ряда «теоретических высказываний и курсовых политических установок» Мао Цзэдуна периода конца 1958 — первой половины 1959 г. для выправления левых перегибов «большого скачка» и движения за создание сельских народных коммун (с. 80—88), на деле, как это показано далее (с. 88—89), сведенная на нет уже итогами Лушаньского совещания (2 июля — 16 августа 1959). Трудно согласиться и с утверждением, будто неудачи «большого скачка» были «в конечном счете ошибками в ходе поиска Китаем нового пути социалистического строительства» (с. 91). Не вполне корректна, на наш взгляд, и попытка противопоставить опыт строительства «третьей линии» оборону во внутренних районах страны и крупномасштабного сооружения новых предприятий в годы первой пятилетки, ведущая фактически к возвеличиванию первого как осуществлявшегося в «опоре на собственные силы» и принижению второго, проходившего при зарубежном содействии (с. 588—589). При таком подходе недостатки, сопровождавшие строительство «третьей линии», как бы отходят на второй план, хотя еще недавно в китайской печати отмечалась крайне низкая эффективность капиталовложений в данной сфере⁴.

Структурно книга состоит из трех основных разделов — исторического, отраслевого и регионального, — заключения, призванного теоретически обобщить уроки и опыт эволюции хозяйственного механизма в КНР, и приложения, дающего перечень основных событий, связанных с формированием и изменениями хозяйственной системы страны в 1949—1983 (июнь) гг. Работа снабжена переводом «Оглавления» на английский язык.

Наибольший интерес представляет первый раздел работы, характеризующий формирование хозяйственного механизма в КНР в периоды восстановления народного хозяйства и первой пятилетки (1949—1957) и его эволюцию в годы «большого скачка» (1958—1960), экономического урегулирования 1961—1965 гг., «десятилетнего хаоса», как теперь называют в Китае период 1966—1976 гг., и на этапе 1977—1983 гг.

В особенностях освещения хорошо известных событий 1949—1957 гг. явно ощущаются современные веяния: ускоренный переход к кооперативам высшего типа в сельском хозяйстве, указывается в работе, «сегодня выглядит как крупная ошибка» (с. 20); в речи Чэнь Юня на VIII съезде КПК (1956), как считают авторы, впервые была намечена «основная структура социалистической хозяйственной системы Китая, имеющая долговременное руководящее значение» (с. 31—32). Отмечая важную роль, которую сыграло в деле всестороннего социально-экономического развития страны становление в годы первой пятилетки единого централизованного хозяйственного механизма, авторы в то же время называют этот механизм «имевшим и свою историческую ограниченность» (с. 51—52). В книге отражена все шире распространяющаяся в Китае точка зрения, согласно которой хозяйственный механизм КНР тех лет нельзя считать «целиком механически заимствованным у Советского Союза», что на его формирование существенное влияние оказал также опыт старых освобожденных районов, революционных баз и т. п. (с. 61). При этом авторы даже пытаются выделить сферы, где преваляло изучение советского опыта (промышленность, транспорт, планирование, система труда и заработной платы), а где в большей мере отражалось «своеобразие Китая» (политика выкупа в отношении национальной буржуазии, использование регулирующих роли налогов, цен в производстве и обращении, плановое управление сельским хозяйством, финансами) (с. 61—62, 216—217). Представляется, что данная проблема, как и современная оценка в Китае периода первой пятилетки в целом, заслуживает специального исследования советскими Китаеведами.

Немало красноречивых деталей приведено в работе при характеристике «неудачной попытки» реформы хозяйственной системы в период «большого скачка». В частности, расширение финансовых прав предприятий в условиях «хаоса в народном хозяйстве» привело к тому, что государственные предприятия за три года получили в свое распоряжение 15,3 млрд. юаней прибыли, использованной в основном на капитальное строительство, вместо первоначально планировавшихся 3—3,6 млрд. юаней (с. 78)⁵.

В то же время эффективность работы предприятий резко ухудшилась: производительность труда в государственной промышленности в 1958 г. была на 8,5%, а в 1959 г. — на 15% ниже, чем в 1957 г., ее убытки в 1961 г. составили 4,65 млрд. юаней, что соответствует трети всех налогов и прибыли, полученных от промышленности (с. 79).

Вероятно, характерные для второй половины 1984 г. чрезмерная денежная эмиссия

⁴ См.: «Отказаться от неправильных руководящих идей в экономической работе». — «Жэньминь жибао», 9.IV. 1981.

⁵ С данным примером связано одно из немногих фактических расхождений в тексте работы: на с. 449 говорится, что предприятия получили в свое распоряжение за 1958—1961 гг. 14,67 млрд. юаней прибыли.

и инфляционный рост банковского кредитования вызвали столь серьезную тревогу у нынешнего китайского руководства, ученых-экономистов не в последнюю очередь и потому, что эти явления, как видно из рецензируемой работы, были в полной мере присущи периоду «большого скачка», а это, естественно, не могло не приводить к вполне определенным параллелям.

Период «урегулирования, укрепления, пополнения, повышения» (1961—1965) прошел под знаком усиления на первых порах централизованного начала в управлении народным хозяйством, а затем (с 1964 г.) и очередного поиска «надлежащей меры» разграничения хозяйственных прав центра и мест. Число предприятий и организаций центрального подчинения с 2400 в 1959 г. возросло до 10 533 в 1965 г. (с. 100), а количество централизованно распределяемых видов материальных ресурсов — с 87 в 1961 г. до 370 в 1965 г. (с. 102). С сентября 1964 г. стал проводиться курс на расширение прав мест в капитальном строительстве, упрощение системы планирования: так, количество видов промышленной продукции, находящихся в управлении государственного планового комитета, сократилось с 340 до 63 (с. 121). В целом, считают авторы, в эти годы был получен полезный, хотя и несовершенный опыт по созданию трестов, управлению экономикой экономическими методами. В то же время «несправедливой критике» подверглось возникшее в ряде сельских районов страны закрепление производственных заданий по дворам (с. 124—125).

Левацкая линия, курс и политика периода «культурной революции» нанесли, как правильно подчеркивают авторы, прямой ущерб «экономическому строю социализма» в Китае, направили сдвиги в хозяйственном механизме страны на ложный путь (с. 127). Конкретными его проявлениями явились, в частности, ориентация на «поголовное» самообеспечение мест, подмена административными приказами экономических рычагов управления. Авторы приходят к вполне оправданному выводу, что в политической и экономической ситуации того периода «любая реформа хозяйственного механизма неизбежно должна была потерпеть поражение» (с. 158).

В работе систематизировано изложены основные вехи и направления современного этапа экономической реформы в КНР (1977—1983). Использованный при этом фактический материал, как правило, достаточно хорошо известен специалистам. Авторы приходят к выводу, что хотя нынешняя реформа «по сознательности, широте и глубине» не имеет аналогов в прошлом, однако она все еще носит начальный, поисковый характер (с. 206—207).

Отраслевой раздел работы подробно знакомит читателей с изменениями в системе планирования, финансов, эволюцией управления и организации сельского хозяйства, черной металлургии, машиностроения, текстильной, легкой промышленности, а также внутренней торговли и материально-технического снабжения. К сожалению, отсутствует явно напрашивающийся в дополнение

к этому перечню анализ изменений в управлении внешнеэкономическими связями КНР, хотя фрагментарная информация по данной проблеме в книге имеется.

В региональном разделе отражены история, особенности и опыт реформ в городах Шанхае, Чунцине, Чанчжоу (провинция Цзянсу) и Шаши (провинция Хубэй), провинциях Ляонин и Сычуань. Раздел не является просто дополнительной иллюстрацией к общей эволюции хозяйственного механизма Китая, а содержит немало значимых деталей и выводов, важных для более правильного понимания экономических процессов в стране в целом. Характерен такой пример. Общеизвестно, что город Чунцин первым начал проведение эксперимента по выявлению роли городов как экономических центров, получив в связи с этим право выступать в качестве единого объекта планирования («плановой единицы»). Однако, видимо, мало кто знает, что он уже обладал таким правом в 1954—1958 и 1964—1967 гг. Вероятно, это сыграло свою роль в выборе Чунцина для нынешнего эксперимента.

Самостоятельный интерес представляют некоторые теоретические выводы работы, как собранные в «Заключении», так и разбросанные по основному тексту. Они отражают ту концепцию реформы хозяйственной системы, которая была сформулирована в документах XII съезда КПК (сентябрь 1982). В частности, авторы делают акцент на «невозможность правильного осуществления реформы в отрыве от комплексной сбалансированности народного хозяйства» (с. 754), на необходимость укрепления и совершенствования макроэкономического контроля, выступающих в качестве важного составного элемента реформы в целом (с. 755). Можно согласиться с положением работы о том, что «в известном смысле права и интересы предприятий — это необходимые средства реализации их экономической ответственности» (с. 744).

Вместе с тем ряд «затвержденных» в книге теоретических принципов фактически подвергнут сомнению после принятия в октябре 1984 г. «Постановления ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы». Это касается, например, вывода о том, что «рыночное регулирование может занимать лишь вспомогательное место, играть роль дополнения плановой экономики» (с. 607). Ныне акценты уже существенно смещены: разданы требования «восстановить... незаменимые функции рыночного механизма — автоматизм регулирования, конкуренцию, новаторство»⁶, а что до планового регулирования, то оно, как утверждается в некоторых публикациях, «не может абстрагироваться... от рыночного механизма»⁷.

Как бы то ни было, экономической реформе в КНР предстоит пройти еще долгий и сложный путь. Думается, что в деле

⁶ «Цзинцзисюэ чжоубао», Пекин, 10.XII. 1984.

⁷ «Цзинцзи яньцзю», Пекин, 1984, № 11, с. 13.

ее всестороннего анализа работа «Реформа хозяйственной системы в современном Китае» — несмотря на спорный характер мно-

гих ее положений — может оказаться весьма полезной.

В. Я. ПОРТЯКОВ

* * *

Разоблачение мифа о «советской угрозе» Японии

Ивасита Такэо. «Сорэн кёрон»-но кё-ко (Миф о «советской угрозе»). Токио, «Сякай цусинся», 1983, 196 с.

Книга прогрессивного японского публициста Такэо Ивасита — одна из немногих, изданных в последнее время в Японии работ, в которой вскрываются истинные мотивы инспирированной правящими кругами страны антисоветской кампании. Автор анализирует взаимоотношения СССР и Японии с периода гражданской войны в России по настоящее время, подробно и аргументированно, с привлечением большого количества исторических фактов дает объективную оценку корням антисоветизма в Японии, разоблачает действия военных кругов, пытающихся раздуванием мифа о «советской угрозе» прикрыть собственные планы усиления милитаризации страны. В книге также дается отпор действиям Соединенных Штатов Америки, которые, пытаясь добиться военного превосходства над СССР и его союзниками, безудержно возбуждают гонку вооружений, подключают к «крестовому походу» против социализма своих партнеров по военным блокам, в том числе и Японию.

В предисловии к рассматриваемой работе Т. Ивасита подчеркивает, что «в последние несколько лет в Японии не было проблемы, которая бы столь быстро и с такой помпой была подхвачена средствами массовой информации, как это произошло с вымыслами о „советской угрозе“». Хотя они возникли в результате предвзятых и вздорных предположений о якобы возможном „вторжении советских войск“, тем не менее вполне определенным образом влияют на сознание людей» (с. 2). Инициаторы этой антисоветской шумихи, пишет далее автор, особенно активизировались после прихода к власти рейгановской администрации, которая умышленно манипулирует информацией, чтобы оправдать в глазах народов своей cure на форсирование гонки вооружений. «Все это ведет к принятию самого крупного военного бюджета со времени образования США, ускоренной разработке нейтронного и другого оружия, к навязыванию странам-союзникам курса на гонку вооружений, созданию препятствий на путях всех переговоров по

разоружению, усилению военного вмешательства в дела Ближнего Востока и Центральной Америки и, наконец, к попыткам вселить чувство тревоги в умы здравомыслящих людей» (с. 2).

Итак, в самом деле существует ли в военном отношении угроза, исходящая от Советского Союза? — задается вопросом Т. Ивасита. СССР — действительно мощное в военном плане государство, однако многочисленные факты, справедливо подчеркивает японский публицист, не дают права говорить о том, что для других стран он представляет угрозу. В пользу этого утверждения, по его мнению, свидетельствуют следующие обстоятельства.

Во-первых, за рубежом в отличие от США Советский Союз не имеет военных баз. Многочисленные спекуляции на этот счет средств массовой информации ряда западных стран не выдерживают критики. Так, в частности, сообщалось о том, что СССР якобы создал военно-морскую базу в бухте Камрань во Вьетнаме, что такой же базой стал порт Аден в Южном Пемене и т. д. Однако сами японские журналисты, побывавшие в этих местах, свидетельствовали о беспочвенности подобных утверждений.

Пребывание советских войск в ряде стран Восточной Европы, говорится в книге, это всего лишь ответная мера на присутствие в Западной Европе крупных американских воинских контингентов. Нельзя забывать, вполне обоснованно напоминает Т. Ивасита, что Советский Союз предлагал осуществить одновременный вывод всех войск еще в 50-х годах, но это предложение было отвергнуто Западом. «США же, основываясь на „стратегии многостороннего театра военных действий“, заключили военные соглашения со многими государствами и создали в первую очередь блок НАТО. Американцы имеют в 30 странах мира свыше 2,5 тыс. военных баз, на которых размещено более 500 тыс. человек. Соединенные Штаты полностью окружили Советский Союз. В частности, размещенные всюду на стратегических базах атомные подводные лодки с ядерными ракетами, стратегические бомбардировщики, „силы быстрого развертывания“ находятся в постоянной боевой готовности для нанесения удара по территории СССР» (с. 4).

Во-вторых, справедливо считает японский публицист, инициатором гонки вооружений являются Соединенные Штаты Америки. Они всегда были застрельщиками в создании смертоносных видов новейших вооружений. «Уже один тот факт, — подчеркивает Т. Ивасита, — что Советский Союз первым не разрабатывал и не размещал на боевых позициях ни одного из этих видов вооружений, представляющих угрозу всему человечеству, а, наоборот, вел их разработку лишь в качестве ответных мер на шаги

Запада, исходя из задач своей обороны, в корне опровергает все вымыслы о „советской угрозе“» (с. 5).

В-третьих, японский публицист вполне правомерно обращает внимание читателей на то обстоятельство, что в Советском Союзе нет людей, которые бы наживались на гонке вооружений.

За годы иностранной военной интервенции и в ходе второй мировой войны СССР понес огромный материальный ущерб и самые большие по сравнению с какой-либо другой страной человеческие жертвы. Отсюда вполне понятны, отмечает автор, причины настоячивых усилий Советской страны, направленных на укрепление мира и обуздание гонки вооружений. Людские потери США за две мировые войны были неизмеримо меньше, причем американская территория не была местом боевых действий. Более того, подчеркивает автор книги, за этот период Соединенные Штаты сильно выросли в экономическом отношении, в стране был развернут мощный военно-промышленный комплекс, который с успехом использует домыслы о «советской угрозе» для расширения заказов Пентагона и увеличения прибылей военного бизнеса. «США, заметно усилившие свое влияние в годы второй мировой войны, стали главным оплотом в борьбе против развернувшегося после войны быстрого роста мирового социализма и национально-освободительного движения» (с. 167).

В-четвертых, анализируя многочисленные факты, Т. Ивасита приходит к важному выводу о том, что антисоветская истерия нагнетается вполне сознательно.

Основное место здесь совершенно правильно отводится им Центральному разведывательному управлению США, «грязная деятельность которого хорошо известна» (с. 114). В Японии главная роль в проведении «психологических» операций против СССР принадлежит Управлению национальной обороны. Ведением антисоветской пропаганды стал заниматься и созданный в 1973 г. при УНО комитет по вопросам информации. «И когда в июне 1978 г., — указывает автор, — УНО официально заявило, что „вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке потенциально угрожают Японии“, мгновенно была поднята шумиха о „советской угрозе“».

Примерно в то же время внимание средств массовой информации страны было привлечено к якобы имевшему место «укреплению советских баз на Южных Курилах». Хотя Управление национальной обороны по существу не располагает фактами, подтверждающими наращивание СССР своих вооруженных сил на так называемых «северных территориях», оно сознательно шло на искажение различных данных, чтобы создать в стране антисоветскую истерию, убедить общественность в правильности и необходимости курса на форсирование милитаризации. Сведения о мощи советских вооруженных сил, которые были опубликованы в «Белой книге по вопросам обороны» за 1981 г., отмечает Т. Ивасита, были настолько завышены, что это привело в изумление даже выдавших виды военных специалистов

и работников средств массовой информации. Они намного превысили даже данные министерства обороны США.

Целую главу книги автор отводит истории возникновения и развития антисоветизма в Японии, последовательно раскрывая сущность агрессивной политики правящих кругов страны в отношении Советского Союза.

Основой антисоветизма в Японии, как и в других капиталистических странах, служат классовая ненависть монополистической буржуазии к первой в мире стране победившего социализма, боязнь нарастания классовой борьбы грядущих, демократического движения, укрепления левых сил под влиянием марксистско-ленинских идей.

Сразу после образования молодого Советского государства Япония первой среди капиталистических стран попыталась задуть Советскую власть вооруженным путем. Под надуманным предлогом в апреле 1918 г. во Владивостоке был высажен японский десант. Расширяя интервенцию, японские правящие круги ставили своей целью прямое уничтожение новой власти и создание послушного марионеточного правительства в Сибири. «Если говорить о масштабах этого процесса, — справедливо замечает японский публицист, — то это не было простой „отправкой войск в Сибирь“, это была „война в Сибири“» (с. 13), принесшая огромный ущерб и неисчислимые бедствия нашей стране. Япония последней из 14-ти иностранных держав-интервентов вывела свои войска с территории молодой республики. Только в октябре 1922 г. японские оккупанты оставили советский Дальний Восток, а на Северном Сахалине они оставались до середины 1925 г. и были выведены лишь после подписания Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией.

Для японского антисоветизма характерна безудержная демагогическая спекуляция на некоторых событиях из истории отношений наших двух стран в период второй мировой войны. Советский Союз, например, обвиняется в «вероломном» нарушении Пакта о нейтралитете с Японией от 1941 г. При этом умышленно замалчивается заявление японской стороны, сделанное в 1941 г. сразу после нападения фашистской Германии на Советский Союз. В нем говорилось, что, поскольку союзники Японии по антикоминтерновскому пакту находятся в состоянии войны с СССР, Пакт о нейтралитете теряет свой смысл. Сосредоточив огромную армию в Маньчжурии и сковав в этом районе крупную группировку советских войск, вынужденных обеспечивать безопасность дальневосточных рубежей Советского Союза, Япония стала совместно с Германией разрабатывать планы раздела Восточной Сибири и советского Дальнего Востока. Она постоянно устраивала вооруженные провокации на границе, задерживала и топила советские суда и, таким образом, фактически сама нарушила этот договор.

Эти события нашли правильное отражение в книге Т. Ивасита. Он, в частности, отмечает, что, хотя в 1941 г. между СССР и

Японией был подписан Пакт о нейтралитете, «однако Япония, согласно „основным принципам имперской политики“ от июня 1942 г., приняла курс, который предусматривал „решение проблемы Севера посредством применения вооруженной силы при условии благоприятного (для Японии) хода военных действий в войне Германии с СССР“» (с. 17). Планировалось прямое нападение на СССР под предлогом проведения особых маневров Квантунской армии.

Подготовка к войне с СССР шла полным ходом, ждали лишь благоприятного развития событий, что позволило бы напасть на Советский Союз. Однако советские войска оказывали ожесточенное сопротивление агрессору, что побудило правительство Японии и военное руководство уже 1 августа 1941 г. принять решение об отсрочке начала военных действий против СССР. Однако одновременно были утверждены «пункты требований к Советскому Союзу (в случае его поражения) в зависимости от развития обстановки». «Эти наглые требования агрессоров, — объясняет Т. Ивасита, — включали аренду, сдачу или демилитаризацию советских территорий — Северного Сахалина, полуострова Камчатка, районов восточнее реки Амур, и удовлетворение всех требований по рыболовным соглашениям. В 1943 г. эти требования были вновь включены в „Основные направления директив по разработке стратегии великой восточноазиатской сферы сотрудничества“. В них в качестве неприкосновенных границ „великой восточноазиатской сферы сотрудничества“ были названы все восточные районы СССР вплоть до озера Байкал и вся территория Внешней Монголии» (с. 23—24).

В целях скорейшего завершения второй мировой войны Советский Союз согласился с просьбой союзников начать военные действия против Японии. «Сама Япония, нарушив Пакт о нейтралитете, встала на путь самоуничтожения», — приходит к заключению Т. Ивасита (с. 24).

Стремясь дискредитировать миролюбивую внешнюю политику Советского Союза в глазах японского народа, послевоенные руководители Японии в союзе с военной верхушкой используют любую возможность для развертывания в стране антисоветской пропаганды. Вместе с тем в антисоветской кампании, принявшей в Японии в последнее время небывало широкие масштабы, имеются свои специфические черты. Это прежде всего ее националистическая, шовинистическая и ренаншистская окраска, вызванная неправомерными территориальными притязаниями правящих кругов Японии к СССР. Особое значение придается движению «за возвращение северных территорий» (к последним относят принадлежащие СССР Южно-Курильские острова).

Как известно, в результате разгрома японского милитаризма Советский Союз восстановил свои исторические права на Южный Сахалин и Курильские острова. Это полностью соответствует духу целого ряда международных соглашений, подписанных в ходе второй мировой войны и после нее. В частности, Ялтинским соглашением

трех великих держав — СССР, США и Великобритании, — подписанном в феврале 1945 г., напоминает автор, предусматривалось «возвращение Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов... передача Советскому Союзу Курильских островов» (с. 26). Подписав акт о безоговорочной капитуляции, Япония приняла эти условия, а также все условия Потсдамской декларации. В них отмечалось, напоминает Т. Ивасита, что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю. Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы (союзные державы. — И. Р.) укажем» (с. 26). Автор книги обращает внимание, что в специальной директиве штаба американских оккупационных войск японскому правительству от 29 января 1946 г. говорилось об изъятии из-под юрисдикции японских властей Курильских островов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г. объявил Курилы собственностью СССР. Т. Ивасита напоминает, что «тогда ни штаб главнокомандующего союзных держав, ни США, ни Япония нисколько не протестовали против этой публикации» (с. 26).

Все изменилось с началом «холодной войны», небезосновательно указывает автор. Эта политика встретила полное одобрение японских правящих кругов, надевшихся воспользоваться возникшими между СССР и США противоречиями по вопросу о путях дальнейшего развития Японии и стремившихся к одностороннему мирному урегулированию с США. В марте 1947 г., выступая в поддержку антикоммунистической доктрины Трумэна, тогдашний премьер-министр Японии С. Есида заявил: «Мы также присоединимся к борьбе с коммунизмом, на севере находится наш самый опасный враг» (с. 26).

Послевоенная история советско-японских отношений убедительно доказывает бесперспективность предъявления к СССР каких-либо территориальных притязаний. Однако правящие круги Японии ныне пытаются превратить надуманный «территориальный вопрос» в своеобразный регулятор отношений с СССР, поставив в зависимость от его разрешения развитие всего комплекса двусторонних отношений с нашей страной. Однако такая позиция невыгодна прежде всего Японии, так как в решении многих проблем она заинтересована часто в большей степени, чем Советский Союз. Т. Ивасита делает вполне закономерный вывод о том, что политика антисоветизма нереалистична и по существу заводит в тупик.

Стараясь подтвердить существование угрозы, которая якобы исходит от СССР, пропагандистские ведомства западных стран, в том числе и Японии, искаженно интерпретируют некоторые факты из истории отношений Советского государства со своими соседями. Поэтому вполне целесообразным кажется включение в книгу, например, целой главы (с. 41—81), посвященной правильному освещению отдельных этапов развития советско-польских отношений и возникновению кризисной ситуации в Польше.

Автор подвергает критике средства массовой информации Японии, предвзято освещающих события в Афганистане. Причем, они это делают часто со слов информационных служб Запада и окопавшихся за рубежом афганских контрреволюционных элементов. Японский публицист еще раз заостряет внимание читателей на том, что «само афганское правительство, обеспокоенное резко усилившимся сопротивлением контрреволюционных банд, попросило СССР в соответствии с положением „Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве“ от декабря 1978 г. о вводе на территорию страны ограниченного воинского контингента» (с. 175).

Автор также осуждает позицию Токио за безоговорочную поддержку США в проведении дискриминационной экономической политики в отношении Советского Союза. «Экономические санкции бессильны в отношении Советского Союза» (с. 145). — подчеркивает Т. Ивасита. Автор отмечает, что «несмотря на их введение, с 1980 по 1981 г. внешняя торговля СССР выросла на 18 %, в том числе с развитыми капиталистическими странами на 23 %» (с. 142).

В книге японского публициста Т. Ивасита «Миф о „советской угрозе“» затрагивается и ряд других вопросов. Однако в данной рецензии, учитывая специфику журнала «Проблемы Дальнего Востока», представляется целесообразным ограничиться разбором только тех, которые в той или иной степени касаются Дальневосточного региона.

Рассматриваемая работа не лишена отдельных недостатков структурного и методологического порядка. Ей свойственна некоторая тематическая разбросанность, а иногда и слабость аргументации, что, безусловно, снижает ее ценность. Наиболее удачны те разделы, где автор анализирует негативное влияние антисоветизма правящих кругов страны на развитие советско-японских отношений. Книга, однако, подкупает искренней личной позицией автора, стремящегося разоблачить домыслы о «советской угрозе», которые используются Вашингтоном и Токио для оправдания наращивания собственных военных усилий.

И. В. РОМАНЕНКО

* * *

В плену противоречий

Кэйтаро Хасэгава. Кэйдзай кокуборон (Экономика национальной обороны). Токио, изд-во TBS, 1984, 254 с.

В последние годы в Японии все активнее обсуждаются военные проблемы, на прилавках магазинов чаще появляются книги, посвященные рассмотрению различных вопросов, связанных с «обороной» страны. Это одно из следствий политики правящих кругов Японии, которые уже давно предпринимают усилия по наращиванию военной мощи. В целях создания благоприятной политико-идеологической обстановки для осуществления своих милитаристских планов они стремятся развернуть во всех кругах японского общества широкое обсуждение военных проблем. Выпущенная в 1984 г. издательством TBS монография Кэйтаро Хасэгава «Экономика национальной обороны» представляет собой очередное звено ведущейся пропагандистской кампании.

До сравнительно недавнего времени среди японцев господствовало негативное отношение к вопросу о перевооружении страны. Это было связано в первую очередь с печальным опытом второй мировой войны. Однако примерно с середины 70-х годов в связи с вступлением Японии в круг ведущих экономических держав капиталистического мира часть населения Японии попала под влияние шовинистических настроений,

которые подогревались лозунгом правящих кругов страны «привести политическое влияние Японии в соответствие с экономической мощью». Поскольку в силу специфических особенностей истории Японии значительная часть населения находится под влиянием мелкобуржуазной идеологии, подобные настроения получили определенное распространение. Свою роль сыграли и активизировавшаяся в последние годы антисоветская кампания, ведущаяся с целью запугать обывателя «советской угрозой», и приход на смену старому поколению молодого, не знавшего ужасов войны. В книге Кэйтаро Хасэгава приводятся данные, согласно которым в настоящее время свыше 80 % японцев признают необходимость существования «сил самообороны» (с. 82). В то же время страх за собственное благополучие и осознание катастрофических последствий, к которым может привести участие в широкомасштабной гонке вооружений, проявляются, в большей или меньшей степени, иногда лишь по тактическим соображениям, в подходе к военным проблемам и у тех, кто выступает за усиление военной мощи Японии.

В книге Кэйтаро Хасэгава «Экономика национальной обороны» хорошо видны именно такие противоречивые тенденции. Книга представляет интерес прежде всего с точки зрения понимания взглядов на проблемы «обороны» значительной части населения Японии.

Безусловно, в книге содержится ряд позитивных идей. Автор выступает против гонки вооружений, которая ведет к постоянному дефициту государственных бюджетов, вызывает инфляцию и в конечном счете — кризисные явления (с. 27), тем более что в связи с той же инфляцией и техническим

усложнением современных вооружений цены на них стремительно растут (с. 31—34). Особенно тяжелое влияние это оказывает на экономику развивающихся стран. Хасэгава указывает также, что в нынешних условиях, когда главную ударную мощь составляет ядерное оружие, необходимы огромные средства на поддержание его в состоянии постоянной боевой готовности (с. 116—119). Гонка вооружений вовсе не гарантирует стабильности и безопасности. В итоге К. Хасэгава приходит к выводу, что «у мира нет иной дороги, кроме сокращения ядерных вооружений» (с. 39—40).

На основании некоторых частных примеров К. Хасэгава полагает, что в развитии военной техники ныне наблюдается застой и что образцы бытовой электроники, например, по качеству превосходят их аналоги, созданные для применения в военных целях. Причину этого автор видит в том, что в отличие от гражданского в военном производстве затруднен обмен идеями (с. 22—23). Он пишет, что в то время как в США на разработку военной техники тратится 22,7 % средств, выделяемых на технические исследования, в Японии эта цифра составляет 0,7 %, а между тем японская техника по качеству и возможностям превосходит американскую (с. 94—96). На этом основании автор делает вывод о том, что «обращение США к Японии за технической помощью свидетельствует о несостоятельности их претензий на статус «крупной военной державы» (с. 192—193).

Однако из своих рассуждений о тяжести больших военных расходов для экономики Хасэгава делает довольно-таки неожиданный вывод. Он считает, что необходимо сократить военные расходы, освободившиеся средства вложить в развитие экономики, а уже потом, когда она достаточно окрепнет, развивать на ее основе военное производство (с. 120—122). В этом состоит одно из противоречий концепции книги «Экономика национальной обороны». Приведенное выше умозаключение бросает тень на искренности автора, рекламирующего себя как сторонника обуздания гонки вооружений.

Какой же путь К. Хасэгава предлагает для Японии? Свою концепцию он называет концепцией «малой военной державы». Конечно, автору книги хорошо известно, что японская конституция отрицает обладание вооруженными силами, с учетом этого важного обстоятельства Хасэгава апеллирует к национальным чувствам и аргументирует необходимость содержания вооруженных сил тем, что «страна, перепоручающая свою оборону другой стране, не может считаться независимой» (с. 49). Этот довод в пользу вооружения Японии взят непосредственно из пропагандистского арсенала идеологов милитаризации Японии. Тот факт, что в отличие от их требований восстанавить в полном объеме былое могущество японской военици Хасэгава ратует всего лишь за статус «малой военной державы», не играет существенной роли, поскольку, как известно, именно с «малых шагов» в области военного строительства и начался тот процесс, который уже сейчас вывел вооружен-

ные силы Японии на седьмое место в мире. Тем более что уровень военных расходов, допустимых с экономической точки зрения, автор определяет в 5—8 % ВВП, то есть во много раз больше, чем в настоящее время (с. 123). Сознательно или нет, Кэйтаро Хасэгава играет на руку тем, кто стремится видеть Японию не «малой», а крупной военной державой.

«Патриотический подход» не вяжется с анализом Хасэгава — экономиста, несколько дальше он признает, что именно отсутствие в послевоенное время значительных расходов на вооружения способствовало экономическому подъему Японии, и высказывает за то, чтобы такое положение сохранялось и впредь (с. 191).

Есть и еще один аспект, где Хасэгава вступает в противоречие с самим собой. Это аспект классовый. Он видит аргумент в пользу вооружения Японии в том, что «армия представляет собой опору государственной власти» (с. 42). На страницах книги содержится и прямое указание на то, что в случае войны для победы необходима диктатура (с. 113). Здесь автор явно выступает с позиций мелкого буржуа, который видит в военной силе надежную гарантию своих классовых интересов. Не лишне в связи с этим вспомнить, что фашизм в большинстве случаев приходил к власти, привлекая к себе мелкую буржуазию.

Поясняя, зачем, собственно, Японии нужны вооруженные силы, Хасэгава указывает, что они необходимы для обеспечения ее «безопасности» (с. 154). На протяжении всей книги автор дает понять, что угрозу для безопасности Японии представляет Советский Союз, хотя вполне естественно, что найти сколь-либо серьезных фактов для подтверждения этой мысли ему не удается. Зато на страницах этой же книги можно видеть данные, свидетельствующие об отсутствии такой угрозы (с. 164—167). В этом состоит одно из самых явных противоречий книги «Экономика национальной обороны», не вдумываясь в реальное содержание понятия «советская угроза», Хасэгава просто использует его как готовый пропагандистский стереотип.

Утверждая, что соотношение сил в настоящее время будто бы изменяется в пользу Запада, автор делает вывод о приближении эры разрядки международной напряженности (с. 199). При этом он исходит из заведомо ложной посылки, согласно которой СССР представляет «угрозу миру». Между прочим, обращаясь к позиции СССР и США по вопросу о сокращении ядерных вооружений, он излагает их относительно объективно. Хасэгава пишет, что США, втягивая СССР в гонку вооружений, стремятся экономически измотать противника, поэтому они не идут на предлагаемое СССР сокращение вооружений на основе равенства (с. 119). Казалось бы, это ясно свидетельствует о намерении США добиться военного превосходства и о том, что именно от США исходит угроза миру. Однако в силу непоследовательности своей позиции Хасэгава не осмеливается сделать

такой вывод и вопреки фактам возлагает на СССР и США равную ответственность за гонку вооружений.

Видное место в рецензируемой книге отводится военному союзу США и Японии как «основе безопасности» Японии (с. 199). Автор дает понять, что союз с США призван оградить Японию от «советской угрозы». Говоря о распределении ролей в японо-американском союзе, Хасэгава пишет: «Америка обеспечивает стратегическую наступательную мощь, а Япония — оборону своей территории» (с. 196) и тут же указывает, что «договор безопасности» призван превратить Японию в звено военной стратегии США (с. 196). Ясно, что при таком положении и речи не может быть об «укреплении безопасности» Японии, однако автор будто не замечает этого. В оправдание своей позиции он указывает, что в настоящее время якобы весь мир существует только в рамках двух военных союзов (с. 108), игнорируя при этом существование широкого движения неприсоединения.

Касаясь международного значения «договора безопасности», автор утверждает, будто он составляет «гарантию мира и стабильности на Тихом океане» (с. 197). Известно, однако, что во многом именно благодаря существованию этого договора стали возможны агрессивные войны США в Корее и во Вьетнаме. По этому поводу Хасэгава пишет, что когда «части американской армии, размещенные на территории Японии в соответствии с договором безопасности использовались в военных действиях во Вьетнаме», то Япония не могла этому воспрепятствовать (с. 182). Тем самым автор хочет сказать, что Япония не несет ответственности за действия своего заокеанского покровителя. Суть японо-американского военного союза, однако, не становится от этого менее агрессивной.

Мимоходом К. Хасэгава затрагивает и вопрос о размещении на территории Японии ядерного оружия. Выступая в защиту «безъядерных принципов», он в то же время пишет: «Такие страны, как ФРГ или Япония, сознательно отказываются от производства ядерного оружия по политическим соображениям. Так или иначе, неядерные страны должны иметь право не подвергаться ядерным ударам. Проблему составляет случай, когда на их территории размещается ядерное оружие других стран... Аналогичное сомнение может быть у СССР и в отношении Японии...» (с. 17). Но какая разница в том, будет ли принадлежать США или Японии ядерное оружие, запускаемое с территории последней, для тех, против кого оно будет пущено в ход?

Положительный эффект «договора безопасности» Хасэгава видит в том, что он позволил Японии сохранить статью 9 конституции, провозглашающую отказ от войны и армии, позволил ей сохранить низкий уровень военных расходов, поскольку обязательство по «обороне» Японии взяла на себя США (с. 183, 197). При этом игнорируется тот факт, что именно в обход конституции Япония уже создала свои вооруженные силы. Вместе с тем Хасэгава

не может игнорировать тот факт, что, используя союзническое отношение, США подталкивает Японию к непрерывному увеличению военных расходов. Понимание этого вполне уживается в сознании автора с приведенной выше точкой зрения. «Курс Японии на статус «малой военной державы» положителен, однако придерживаться его нелегко из-за трений с Западом. США требуют от Японии наращивания военных расходов...» (с. 163), — свидетельствует он. Хасэгава считает, что Япония не может выполнять требования США в полном объеме (с. 192), поскольку это подрвет экономическую мощь Японии. Он предлагает, не отказываясь от союза с США, предпринимать «допустимые» усилия по наращиванию военной мощи и «добиваться понимания своей позиции» (с. 163). Навязность точки зрения Хасэгава по этому вопросу очевидна с первого взгляда. Тем более что ни для кого не секрет: цель давления США на Японию для повышения ею военных расходов состоит и в ослаблении сильного экономического конкурента. Хотя бы поэтому у Японии не существует перспективы добиться «понимания» своей позиции.

Касаясь роли Японии в союзе с США, автор указывает на ее возрастание, обусловленное, в частности, техническими достижениями страны (с. 199). Хасэгава признает, что наращивание военной мощи Японии составляет резерв военной мощи США (с. 221). Однако он не затрагивает вопроса о том, насколько и в каких целях США могут использовать этот резерв. Ведь при последовательном рассмотрении этого вопроса еще более очевидной станет беспочвенность надежд на «понимание позиции Японии». История японо-американских отношений показала, что при оказании нажима на Японию с целью повышения ею военных расходов американская администрация меньше всего руководствуется соображениями ее национальных интересов.

Какими же Хасэгава видит японские вооруженные силы? Он считает, что определяющее значение здесь имеет островное положение Японии. Ей необходимо иметь флот и авиацию, способные обеспечить контроль за окружающим пространством, а также сухопутные силы, способные отразить высадку десанта (с. 106—107). Эта концепция явно перекликается с программой «патрулирования в радиусе 1000 миль от берегов Японии». Если к тому же вспомнить высказывание автора о «блокаде проливов», станет понятно, что он солидарен с военными программами правящих кругов страны.

По мнению Хасэгава, японская армия в мирное время должна строиться на принципе добровольности, причем особое внимание следует уделять подготовке командного состава, что позволит при возникновении «чрезвычайных обстоятельств» резко увеличить численность вооруженных сил. Необходимо также больше внимания уделять качеству вооружений (с. 221—222).

Гарантию от ошибок на пути военного строительства автор видит в установлении

над армией гражданского контроля (с. 86—89). При этом он не замечает, что безответственные политические деятели могут направить страну по пути милитаризации ничуть не менее эффективно, чем сами военные. Общественный строй, в условиях которого живет автор, не дает никаких оснований полагать, что этого не случится. А между тем именно такие явления мы можем наблюдать сейчас в некоторых странах.

На страницах книги «Экономика национальной обороны» К. Хасэгава ставит перед политическими деятелями Японии задачу разработки самостоятельной оборонной политики. Однако разве не известно, что Управление национальной обороны Японии такую политику уже разработало и зафиксировало в специальных документах, причем они предусматривают превращение Японии в «крупную военную державу» вопреки как «гражданскому контролю», так и статье 9 конституции.

На страницах книги автор подвергает критике тех, кто последовательно выступает за мирную Японию. В частности, «нереалистичной» называет он доктрину «невооруженного нейтралитета», с которой выступил лидер СПЯ М. Исибаси (с. 82).

Подводя итог, позицию К. Хасэгава, изложенную на страницах книги «Экономика национальной обороны», можно охарактеризовать как весьма противоречивую и непоследовательную, характерную для людей, не имеющих четко оформленных мировоззренческих принципов.

Книга Кэйтаро Хасэгава являет собой пример того, как неспособность носителей мелкобуржуазной идеологии (каких в Японии немало) прямо взглянуть в лицо фактам и трезво оценить политическую ситуацию, страх перед утратой своих классовых привилегий превращают их в прямых пособников сил империализма и реакции.

Д. Ю. БАНДУРА

ЧИТАЙТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЖУРНАЛ

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА»

Основная задача журнала — освещать политику Советского Союза на Дальнем Востоке, направленную на укрепление мира и безопасности в этом районе.

На страницах журнала находят отражение вопросы экономики, политики, идеологии, истории, культуры стран и народов Дальнего Востока.

Значительное место в журнале отводится социалистическим странам Дальнего Востока, их экономическим достижениям и росту их международного авторитета, борьбе СССР и этих стран против политики империалистических государств в данном районе.

Широко освещаются в журнале проблемы Китая.

Издание журнала, который выходит на русском, английском, японском и испанском языках, вызвано растущим интересом советской и зарубежной общественности к проблемам Дальнего Востока.

Вы можете подписаться на журнал в любое время и получать его с очередного номера.

Периодичность журнала — 4 номера в год.

Подписная цена на год — 2 руб. 80 коп.

Индекс 70758

КОРОТКО О КНИГАХ

Китайская Народная Республика в 1980 году. Политика, экономика, идеология. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы издательства, 1984, 256 с. — 1 р. 60 к. 8700 экз.

В очередном, восьмом выпуске ежегодника, систематизируются основные сведения о социально-экономическом устройстве, политике, идеологии и культуре КНР за 1980 г. Подробно анализируются основные процессы и важнейшие изменения в государственной и общественной жизни страны.

Крутских А. В. Политика США в Индийском океане. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984, 256 с. — 1 р. 90 к. 3.400 экз.

Монография представляет собой комплексное исследование политики США в зоне Индийского океана. На обширном фактическом материале в ней показывается становление экспансии США в этом регионе, анализируются цели, мотивы и методы современной политики США относительно индоокеанских государств

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII—XIII вв.) М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984, 335 с. ил. — 3 р. 10 к. 4.300 экз.

Книга представляет собой четвертый том серии, начатой книгой «Древние китайцы: проблемы этногенеза», посвящена этнической истории китайцев в VII—XIII вв. Книга сопровождается большим научным аппаратом, который представляет самостоятельную ценность.

Богословский В. А., Москалев А. А. Национальный вопрос в Китае. 1911—1949. М., Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984. — 262 с. 1 р. 90 к. 3.000 экз.

Авторы дают характеристику национальной ситуации в Китае в 1911—1949 гг. и подробно анализируют взгляды Сунь Ятсена и Чан Кайши по национальному вопросу.

Горегляд В. Н. Ки-но Цураюки. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. — 143 с. 80 к. 5.000 экз.

Книга посвящена творчеству одного из наиболее известных японских поэтов и теоретиков поэзии Ки-но Цураюки (X в.), автору первого в истории японской литературы путевого дневника. Многие годы он посвятил утверждению в японской литературе самобытного начала, разработке японского стихосложения на основе изучения законов китайской поэтики и стилистики.

Китайские документы из Дуньхуана: Вып. 1. Факсимиле. Изд. текстов, пер. с кит., исследования и приложения Л. Н. Чугуевского. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. — 560 с. — 6 р. 60 к. 1.900 экз.

Предлагаемая работа является продолжением серии исследований, посвященных описанию и изучению дуньхуанских рукописей. Это первый опыт публикации документов социально-экономического характера. Публикация сопровождается обзором литературы, в приложении приводится большой справочный материал (печати, таблица особых написаний иероглифов, библиография и пр.).

Трудны сычуаньские тропы. Из китайской поэзии 50-х и 80-х годов: Сборник. Пер. с китайск.; М.: Радуга, 1983. — 200 с. 1 р. 10.000 экз.

Сборник отражает трудный процесс развития современной китайской поэзии. В его первом разделе — стихи 50-х годов, проникнутые пафосом интернационализма и социалистических преобразований. Во втором — произведения конца 70-х — начала 80-х годов; «обличительная» поэзия последних лет — попытка нравственного преодоления последних «культурной революции».

Авторов стихотворений второй части книги объединяет боль невосполнимых утрат, общая тревога о будущем родины.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1985, № 3, 208 с.

Технический редактор *Сологубова Т.*

Сдано в набор 05. 07.85. Подписано в печать 21.08.85. А-05726 Формат 70×108^{1/16}
Бумага тип. № 1 Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 18,2
Уч.-изд. л. 19,53 Усл. кр.-отт. 18,2 Изд. № 40539 Тираж 10 663 Заказ 1908

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области